
Россия, Русь! Храни себя, храни!

10
2015

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Игорь БРАТИЩЕВ. Славянский экспресс направляют в тупик	3
Лев КРИШТАПОВИЧ. Исторические традиции в судьбе наших народов	114
Борис АГЕЕВ. В тени крыла чёрного ангела	172
Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Они строят электронный мир	189

ПОЭЗИЯ

Валерий ХАТЮШИН. Спелая рябина. Стихи	28
Юрий ДЕНИСОВ. Радуница. Стихи	133
Алла ЛИНЁВА. По небесным протокам. Стихи	195
Николай КОНОВСКОЙ. Под перекрёстным огнём. Стихи	200

ПРОЗА

Иван УХАНОВ. Окалина. Повесть	34
Александр АЗ. Человек с горы. Повесть	140
Александр ЛОМТЕВ. Короткие рассказы	203

РУССКИЙ ВОПРОС

- Сергей ПОПОВ. **Русских — в правовое поле России** 214
Алексей АНПИЛОГОВ. **Сомоса придёт,
порядок наведёт** 220

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Александр КАРЕВИН. **Проект против России** 225

ДОСЬЕ «МГ»

- Владимир СМЫК. **Терроризм как отношение Запада
к России** 236

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

- Иван ЛЕОНОВ. **Сеятельница русофобии** 246
Михаил ДЕЛЯГИН. **Маньяк либерализма** 257

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

- Тамара ПАНКОВА. **Служил Гаврила финансистом...** 268

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

- Владимир МЕЛЬНИК. **О русском** 272

КРУГ ЧТЕНИЯ

- Нина ЧЕРЕПЕННИКОВА. **Книга непридуманной
жизни** 281
Владимир ЛИЧУТИН. **Душа неизъяснимая** 284

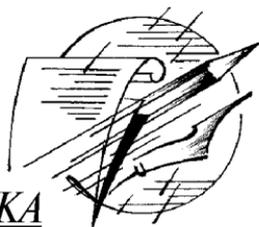

Игорь БРАТИЩЕВ,
доктор экономических наук, профессор

СЛАВЯНСКИЙ ЭКСПРЕСС НАПРАВЛЯЮТ В ТУПИК

На рубеже веков — двадцатого и двадцать первого — в жизни самой большой в Европе группы родственных по языку и происхождению народов, именуемой славянами, произошли кардинальные изменения. Новая реальность возникла в связи с разрушением Советского Союза, расчленением Федеративной Республики Югославии, разделением Чехословакии на Чехию и Словакию, отделением Черногории от Сербии. Положение почти 300-миллионного славянства резко ухудшается в результате рыночных реформаций и украинского разлома, приведшего к возникновению в центре Европы неонацистских, откровенно фашистских настроений и действий.

Россия, которую называют «праматерью всех славянских держав», оказалась в эпицентре этих событий. И совсем не случайно. «Только в русском государстве имеет славянская жизнь основание и опору для своего дальнейшего развития». Так утверждал выдающийся словацкий просветитель XIX века Любовит Штур. Вот почему, борясь с Россией, ее недоброжелатели

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

всегда прибегали к самому надежному, с их точки зрения, оружию — разьединению славян и натравливанию их друг на друга.

Страны Запада всегда считали Россию помехой на пути к мировому господству. Да и сейчас другого сильного противника для мирового Капитала нет. Именно Россия в лице первых русских панславистов — В.Ф. Малиновского, А. Полева, Ю.И. Венелина и др. выдвинула идею славянской федерации. Так, доказывая, что каждый славянский народ имеет право на политическое самоопределение, дипломат и философ, первый директор Царкосельского лицея В.Ф. Малиновский в 1803 году достаточно четко определил основные черты славянской общности, в которой великодержавность сочеталась бы с оборонительными задачами, а значительную часть Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы занял бы союз (федерация) славянских народов, освобожденных от власти Османской империи и Австрии. С этим союзом славянских государств станут соседствовать греческая федерация, объединенная Германия, Венгрия, Дунайские княжества как самостоятельные державы.

Идеи славянского федерализма получили дальнейшее развитие в трудах великорусского наследователя славянства В.И. Ламанского, а также в воззрениях русских мыслителей середины и последней четверти XIX века славянофилов М.А. Бакунина, И.С. Аксакова и многих других. Все они были убеждены, **что ориентация на Запад не соответствует интересам славянских стран**, и протестовали против тех внешнеполитических акций Российской империи, которые препятствовали славянскому единению.

В наше время события в «славянском треугольнике» (Белоруссия — Россия — Украина) на многое открывают глаза и ставят немало вопросов. Что, к примеру, происходит в современном славянском мире? Чем вызван славянский раскол, и можно ли говорить если не о единстве, то, по меньшей мере, о солидарности славян?

Пороги на пути всеславянства

Впервые суть славянской цивилизации как особом культурно-историческом типе раскрыл русский публицист и социолог Николай Яковлевич Данилевский (1822—1885) в своем широко известном труде «Россия и Европа». Он намного опередил других теоретиков концепции локальных цивилизаций — немца О. Шпенглера («Закат Европы», 1918), англичанина А. Тойнби («Исследование истории», 1934).

Современные славяне, как уже подчеркивалось, — это группа из 16 народов, объединенных общностью происхождения, языков, культуры, исторического развития. За свою многовековую историю все славянские народы без исключения постоянно испытывали натиск иноземных захватчиков. Западные славяне веками боролись против германского и австрийского нашествия, восточные — против татаро-монгольского, южные — против турецкого ига, а все вместе сравнительно недавно против гитлеровского порабощения. Как говорится, из песни слов не выкинешь, хотя кое-кто сегодня и старается это сделать.

Следует учитывать, что «включенность» народов в современный славянский мир неодинакова. Здесь оказывается влияние прежде всего западного фактора. В данной связи один из авторов сетевого проекта «Русский мир» С. Хатунцев выдвинул гипотезу о том, что современных славян можно классифицировать не на три традиционные группы (южные, восточные и западные), а на четыре. Первая группа, в которую вошли чехи, лужичане и словенцы, подвержена сильному влиянию немецкой культуры. Во вторую группу — переходную между славянами и Западом, — попали поляки, словаки, кашубы и хорваты. В третью — юго-западные славяне: сербы, болгары, македонцы и черногорцы. Несмотря на иноземный культурный натиск и влияние ислама, эти народы сохранили специфику духовного строя, особенности семейной и общественной жизни, самобытные культурные формы. Они остались носителями традиционной славянской цивилизации, как и восточные славяне — русские, украинцы и белорусы.

Процессы, подмеченные С. Хатунцевым, имеют место в реальной жизни. Однако их глубину и скорость развития, а главное, необратимость еще нужно подтвердить солидными эмпирическими исследованиями. Действительно, славянский мир подвергается эрозии, но это еще не значит, что славянская цивилизация, очень молодая по историческим меркам, безвозвратно утрачивает свой потенциал в мировом развитии.

Трудная историческая судьба сформировала в славянах неистребимую тягу к свободе и независимости, любовь к своей Отчизне (в противоположность западному космополитизму), умение преодолевать трудности, рассчитывать на собственные силы и помощь соотечественников и выживать в критических ситуациях. Все эти качества славяне продемонстрировали и в конце прошлого века. Но, к сожалению, между славянскими государствами так и не установилась общ-

---

ность, присущая родственным народам. Не все политические силы славянских стран понимают диалектическую взаимосвязь между независимостью и славянским единством. О характере этой связи хорошо писал еще Н.Я. Данилевский: «Независимость без единства, — отмечал он, — ослабит Славянство, сделает его игралищем посторонних интересов и интриг, вооружит части его друг против друга; единство без независимости лишит его свободы, широты и разнообразия внутренней жизни». В своем широко известном труде «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому» (1869) он рассматривал славянскую цивилизацию как особый культурно-исторический тип.

Данилевский выделил в истории человечества десять типов цивилизаций, расположив их в хронологическом порядке следующим образом: египетская, китайская, ассирийско-вавилонско-финикийская, индийская, иранская, еврейская, греческая, римская, аравийская, европейская. К этому списку он причислял и еще две цивилизации — мексиканскую и перуанскую, «погибшие насильственной смертью». Как писал ученый: «Только народы, составлявшие эти культурно-исторические типы, были положительными деятелями в истории человечества; каждый развивал самостоятельным путем начало, заключавшееся как в особенностях их духовной культуры, так и в особенных внешних условиях, в которые они были поставлены, и этим вносили свой вклад в общую сокровищницу». Таким образом, Данилевский ввел несколько методологических оснований и положил их в основу анализа славянской, а также других цивилизаций.

Главное, что он выделял их по этногеографическому признаку, в отличие, скажем, от А. Дж. Тойнби и последовавшему за ним С. Хантингтону, которые использовали в большинстве случаев только религиозный принцип (исламская или христианская цивилизации). Слов нет, религия составляет важный компонент любой цивилизации, но сводить ее сущность только к религиозному аспекту, безусловно, неправомерно.

Анализ свидетельствует, что вполне определенно можно выделить, как минимум, восемь основных составляющих любой цивилизации, в том числе и славянской. Среди них — этно-демографическая основа, язык, природная среда, религия, государственные и общественные структуры, взаимодействие с другими локальными и общечеловеческими цивилизациями.

Славянская цивилизация, имеющая многовековую историю, имеет, как показывает анализ, достаточный резерв жизнеспособности, который необходимо поддерживать, исходя из сложившихся исторических условий. Например, по крайней мере, несколькими факторами, способными за сравнительно короткий срок вывести ее в число ведущих стран мира в области производства и высоких технологий, которыми располагает Россия. Первый фактор — наши природные ресурсы и территория, второй — интеллектуальные резервы. Их рациональное соединение способно породить русское экономическое чудо.

Именно сейчас, когда славянские страны, как представляется их элитам, добились наконец-то независимости, уместным было бы укреплять их единство, прежде всего в сфере культуры и экономики. Это важно не только для самих славянских стран, но и для всего мирового развития. Один из основателей славянофильства замечательный русский мыслитель Алексей Степанович Хомяков (1804—1860) во введении к «Сборнику исторических и статистических сведений о России и народах, ей единовременных и единоплеменных», показал источники и значение «славянского мира», который, по его словам, «хранит для человечества если не зародыш, то возможность обновления».

«Славянская взаимность», провозглашенная еще в XIX веке славянскими идеологами, «дружба и сотрудничество братских стран», о которых говорили в XX веке коммунисты, должны были бы в новой форме и на иной основе возродиться в XXI веке. Кстати, этому мог бы способствовать и Европейский Союз, провозгласивший своей целью «равенство в разнообразии». В этом случае сотрудничество славянских стран в общеевропейском масштабе закономерно привело бы к формированию общеславянского культурного, образовательного и языкового пространства, укрепив на новой основе их экономическое и гуманитарное взаимодействие, прежде всего с Россией с учетом ее бесспорных возможностей.

Однако жизнь распоряжается иначе. Вместо возрождения традиций «славянской взаимности», о которой, по крайней мере, два последних столетия мечтали многие наши соотечественники и их славянские братья, мир становится свидетелем очередного раскола, славянский экспресс всеми силами пытаются направить в исторический тупик. Возникает вопрос: почему и как это происходит? Попробуем разобраться.

В 80—90-х годах прошлого века во всех без исключения славянских государствах произошли кардинальные социально-экономические трансформации. Их сутью стала ато-

---

мизация, в основе которой лежало утверждение частной собственности как якобы наиболее эффективной формы владения, пользования и распоряжения создаваемыми в обществе материальными благами. Привлекательным образцом «мировой цивилизации», ее фетишем и «скрытой тропой» к процветанию славянских народов был объявлен рынок. При этом намеренно скрывалось, что ни одна экономика не функционирует в полном соответствии со своей чисто теоретической моделью.

К славянским странам был использован единый алгоритм их разъединения: **либерализм** как общественно-политическое течение, провозглашающее незыблемость прав и индивидуальных свобод человека и минимизацию вмешательства государств в жизнь людей; *рыночный фундаментализм* с активной мифологизацией регулирующей способности рынка и, наконец, *буржуазность* как свойство человеческого духа, выражаемое в том, что на первое место ставятся потребительские радости и удобства жизни.

При этом от прав человека были «оторваны его обязанности (к примеру, трудиться), свобода стала пониматься не иначе как ничем не сдерживаемое своеволие, а буржуазность воспринимается не как материальный и социальный феномен и даже не как образ мышления, а как особое чувство жизни, ее сведение к безбрежному потребительству, комфорту, обладанию «вещью».

Именно на фоне указанных процессов в славянском мире стала нарастать *экономическая стратификация* (расчленение, разделение славянства), образующая основу нового жизнеустройства. Одновременно с этим стали происходить быстрые и целенаправленные изменения, которые, несмотря на вроде бы их сложность, свелись к следующему:

- в политике снизилась роль суверенных государств;
- в экономике «первую скрипку» стали играть ТНК;
- национальные культуры подменяются универсальной масскультурой;
- в духовной области нарастает отказ от христианства, и оно заменяется «новым» язычеством;
- в отношении между людьми внедряется эгоизм, безнравственность, пренебрежение к семейному укладу.

Под аккомпанемент разговоров о свободе, гуманизме и безопасности стал усиливаться контроль над личностью, отношения между людьми обезчеловечиваются, растет преступность и терроризм. С каждым днем жить становится не лучше и не уютней. Обо всем этом много сказано и написано, поэтому повторять нет смысла.

Считается, что современным миром управляют руководители девяти мировых банков: Goldman, Sachs, UBS, Bank of America, Deutsche Bank и др., а главные акционеры Федерального Резервного банка Нью-Йорка — Ротшильды и Рокфеллеры — образуют своего рода «малое Политбюро», принимающее судьбоносные решения в области мировой политики, экономики, финансов. По другим оценкам, в тупик мир завела «кучка глобальных ростовщиков, примерно 30—50 тысяч человек. И именно она устами своих сторонников предлагает выход: создать мировое правительство, которое будет полностью контролировать сокращенное на 90% человечество: все ресурсы, всю информацию и т.д.».

Причем, прямо по Оруэллу, каждый землянин будет иметь идентификационный номер, утвердится единая валюта и система налогообложения, единая судебная система и даже религия. Удивительно, но славянские приверженцы западной демократии никакой опасности в подобном рода всеобъемлющей унификации в новом мировом порядке и западной архитектуре глобального управления не видят. Некоторые же из них не без удовольствия и добровольно обслуживают чуждые славянской общности интересы.

Алгоритм разъединения славян

Всячески поощряя и подталкивая раскол в славянском мире, Запад, в первую очередь США, не считаясь ни с какими расходами (в расчете, разумеется, на колоссальные дивиденды в будущем), действует изошренно, коварно и нахраписто. Основой их политики в XXI веке стало не выступление против славянства как единого целого, а выявление различий и специфики отдельных государств и определение дифференцированного подхода к каждому из славянских народов. При этом решаются следующие задачи:

— изучение и оценка ситуации в отдельных славянских странах;

— исследование общих основ (социально-экономических и культурологических) единения славянства и использование лозунгов, способствующих их разъединению;

— отбор и воспитание в среде славян носителей западных ценностей и славянофобства, способных к действиям антигосударственной направленности;

— согласование внешней политики западных стран и направление ее на развитие дезинтеграционных процессов в славянских государствах посредством фальсификации ис-

---

тории, подмены исторических фактов различного рода мифологемами и откровенной ложью;

— удар по языку, в частности, замена кириллицы латиницей;

— выработка у граждан славянских стран двуполярного мышления (к примеру Россия — это плохо, Европа (США) — хорошо), направленного на стремление к постоянному реформированию, внутренним преобразованиям.

К этому следует добавить, что основное «внимание» противники славянства уделяли и уделяют странам «славянско-го треугольника» (Белоруссии — России — Украине) и прежде всего России. Свое деструктивное воздействие они усиливают в XXI веке на всех фронтах: экономическом и политическом, психологическом и информационном, культурном и историческом.

Возникает вопрос: является ли этот процесс управляемым? Безусловно. Им управляют силы, которые принято условно называть «мировым правительством». Силы эти стремятся реализовать следующие задачи:

— во-первых, достичь открытого, юридически закрепленного выстраивания мира «по ранжиру подчинения» посредством различного рода идеологических и дипломатических манипуляций, шантажа и угроз, а то и путем прямой военной агрессии. Излишне говорить, что славянские и все другие страны, не входящие в когорту «золотого миллиарда», призваны замыкать эту шеренгу;

— во-вторых, установить контроль над мировыми источниками энергоресурсов, подчинить себе всю экономику планеты;

— в-третьих, выйти из тени и создать открытую структуру наднационального диктата власти;

— в-четвертых, осуществлять жесткий контроль над информационными потоками, навязать миру свою систему социокультурных ценностей и под предлогом борьбы с терроризмом подавлять инакомыслие;

— в-пятых, полностью и окончательно заблокировать Россию и другие славянские страны, не поддающиеся «мировому правительству», как силу, пока еще способную противостоять этим планам, и как стержень, базу единения славянских и других независимых государств;

— в-шестых, воспрепятствовать геополитическому и национальному возрождению постсоветского региона путем постоянной дестабилизации обстановки в нем.

Примеров, подтверждающих сказанное, более чем достаточно. Позволю себе привести высказывание на этот счет небезызвестного З. Бжезинского: «Америка стоит в

центре взаимозависимой вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит в конце концов из единого источника, а именно: Вашингтон, округ Колумбия».

Стимулируемый Западом раскол славянского мира сопровождается попытками укрепления единства самих западных стран. «Процесс интеграции стран Запада — подчеркивал выдающийся русский мыслитель А.А. Зиновьев, — происходит одновременно с процессом, получившим название глобализации».

Считается, что в результате глобализации образуется глобальное общество. Последнее понимается как объединение всего человечества в единое целое, подобное привычным обществам (национальным государствам), с единым мировым правительством и прочими учреждениями современных стран, только большего (планетарного!) размера. И образуется оно якобы на благо всего человечества, как бы само собой, в силу мирового прогресса в науке, технике, культуре, экономике и т.д. Такое понимание есть не просто теоретический идиотизм. Это — преднамеренная идеологическая ложь, идеологическая апологетика мировой западнистской (прежде всего американской) агрессии.

На самом деле современное человечество явным образом разделяется на западный и прочий мир. Отношения между этими частями человечества являются совсем не братскими. Ни о каком равенстве тут и речи быть не может. В ходе «холодной войны» это сверхобщество выработало стратегию покорения человечества. Сущность западнизации состоит в навязывании *незападным* народам и странам социального строя, экономики, политической системы, идеологии, культуры и образа жизни, подобных таковым (или имитирующих таковые) в западных странах. Идеологически и в пропаганде это изображается как гуманная, бескорыстная и освободительная миссия Запада, который при этом изображается средоточием всех мыслимых добродетелей. Мы свободны, богаты и счастливы — так или иначе внушает западная идеология и пропаганда западнизиремым народам, — мы хотим помочь вам стать такими же свободными, богатыми и счастливыми, как мы. Но для этого вы должны сделать у себя, в своих странах, то, что мы вам советуем. Это — на словах. А на деле западнизация имеет реальной целью довести намеченные жертвы до такого состояния, чтобы они потеряли способ-

---

ность к самостоятельному существованию и развитию, включить их в сферу влияния и эксплуатации западных стран, присоединить к западному миру не в роли равноправных и равномогущих партнеров, но в роли зоны колонизации.

Аналитики связывают начало психологической войны США и глобального капитала с Советским Союзом (Большой Россией) и славянской цивилизацией с принятием директивы СНБ от 18 августа 1948 года № 20/1. В этот период на Западе считали, что наша страна не справится с экономическими и научно-техническими проблемами. Однако к началу пятидесятых годов Советы выжили, вышли из войны истерзанными, но окрепшими и непобедимыми. Это напугало Запад, и бывшие участники антигитлеровской коалиции стали искать способы «сокрушения коммунизма». Вторая мировая война продолжилась, приняв форму очень затратной «холодной» войны в виде гонки вооружений и психологической борьбы «за мозги» людей.

В 1950 году психологи Гарвардского университета разработали и предложили президенту США проект использования против славян «нового оружия», более страшного, чем ядерное, получившего название Гарвардского проекта. Основной удар «таинственным» оружием предлагалось наносить по сознанию и психике людей, воздействуя на все сферы их жизнедеятельности: уровень жизни населения и возможности эмиграции из Советского Союза, обработка сознания через СМИ и демонстрация лучших сторон жизни в буржуазных странах, работа с экскурсантами и подготовка «агентов влияния», вербовка изменников и перебежчиков и т.п.

Цель проекта: вытравить из людей национальное самосознание, патриотизм, трудовую этику. К 80-м годам Гарвардский проект приобрел более конкретное содержание и был разбит на три этапа: 1) «Перестройка» (1985—1990); 2) «Реформа» (1990—1995); 3) Завершение (1996—2000).

На третьем этапе планировалось решить следующие задачи:

- 1) ликвидация Советской Армии;
- 2) ликвидация России как государства;
- 3) вытравление атрибутов социализма из образа жизни бывших советских людей, вроде бесплатного образования, медицинского обслуживания, жилищно-коммунальных услуг и т.д. и внедрение жестоких атрибутов капитализма: **за все надо платить**, обеспечивая прирост глобального капитала на всем мировом пространстве;

---

4) ликвидация общественной и государственно собственности и повсеместное распространение частной и частно-капиталистической собственности.

Надо ли говорить, что многое из намеченного противникам славянского мира удалось реализовать. В результате динамичных и часто разнонаправленных процессов, происходящих в славянских странах под видом «реформ», во многом приобрели иллюзорность солидарность, братство, общая неделимая этничность. Тем более, что пространство, на котором расположен славянский мир, очень разнообразно. Есть территории с благоприятным климатом, но на них отсутствуют природные ресурсы, или наоборот. Существует и множество других различий между нашими странами, но как бы то ни было мы переживаем время, когда три независимых государства, имеющих один русский корень — Белоруссия, Россия и Украина, во многом разошлись и, по всей вероятности, надолго.

Вряд ли в этом стоит видеть только внешние факторы и преувеличивать роль «заокеанских обкомов». К большому сожалению, внутри трех наших стран сложилась объективная экономическая и политическая реальность, подталкивающая к расколу. Сформировалась категория «либералов — всеевропейцев», публично отказывающихся от традиционных ценностей и патриотизма главным образом ради удобного места у кормушки «общества глобального потребления». Другой вопрос, нужно ли соглашаться с этой реальностью?

Без своей интеграционной политики Россия вряд ли сможет считаться великой державой. Поэтому нельзя упускать из виду две глобальные задачи: во-первых, продолжать действовать согласованно с Белоруссией по всем принципиальным позициям, определяемым функциями Союзного государства и принципами ЕврАзЭЗ; во-вторых, не прерывать системные усилия по преодолению разрыва в эволюции украинского государства: в среднесрочной перспективе Украина должна стать государством хотя бы терпимым, федеральным и блоково-нейтральным, а в долгосрочной — близким к России, суверенным, находящимся с нами в союзных отношениях. Сложнее с перспективой краткосрочной. Стараниями извне и при поддержке внутренних сил на Украине совершается попытка построить новую, этнически чистую страну. Все проживающие там народы должны стать только украинцами. И там этого настойчиво добиваются, формируя государственную идеологию на основе этнического национализма.

Одним из догматов, лежащих в основе национальной стратегии США и их западных партнеров, является неприемлемость потери мирового лидерства. При этом следует учитывать, что для слабеющего мирового гегемона лидерство как таковое имеет чисто прагматический смысл, и оно необходимо для обеспечения потребительских интересов «золотого миллиарда»: США производит сейчас около пятой части мирового ВВП, а потребляет его все 40%. То есть глобальное лидерство превращено в своеобразный и довольно надежный сертификат на право владения, пользования и распоряжения ресурсами планеты. Оно конвертируется в собственность ТНК, т.е. в корпоративную собственность.

Как и в прошлом веке, важнейшим инструментом глобального западного доминирования был и остается «обыкновенный фашизм» в его разнообразных формах: нацизма, ультранационализма, бандеровщины, воинствующего исламизма — фундаментализма, сионизма и др. Фашизм всегда был и остается той резервной силой, которую Запад использует в том случае, когда другие инструменты разрешения внутренних противоречий и поддержания гегемонистских устремлений не дают желаемого результата.

Зодчие «нового мирового порядка» планируют в XXI веке укрепить «Большой Запад», куда уже входят США и государства Евросоюза, а также создать «Большой Восток» с Японией, Турцией и Саудовской Аравией во главе. Как видим, в этом новом мире странам «славянского треугольника» места не предусмотрено.

Реализации этого плана мешают такие сильные субъекты мировой политики, как Россия и социалистический Китай, на глазах превратившийся в экономического гиганта, и стойкий Иран, а также самоотверженные и отважные страны латиноамериканского альянса. С учетом этого Запад и пытается в очередной раз разыграть фашистскую карту. И как всегда, игра затеяна в центре Европы.

В эпоху империализма конкурентная борьба, как имманентное свойство монополии, выросшей из самой конкуренции, приобретает особо острый характер и проявляется в многообразных агрессивно-кровавых формах. В этих условиях обязательной становится милитаризация, т.е. использование правящими кругами государств системы политических, экономических и идеологических средств с целью наращивания военной мощи. Милитаризму свойственна гонка вооружений, рост военных бюджетов, экспансия военного присут-

---

ствия за рубежом, сколачивание агрессивных военно-политических блоков, усиление влияния ВПК в экономике страны и её внешней и внутренней политике. Все эти признаки милитаризма так или иначе были присущи гитлеровской Германии накануне Второй мировой войны.

История свидетельствует, что гитлеровская Германия была не только фашистским государством, сформировавшим особый общественно-политический строй. Многие элементы, характерные для Германии 30-х годов XX века, присутствовали тогда во всех государствах мира: и в Италии (родине фашизма), и в Великобритании, и в США. Именно поэтому говорить о Второй мировой войне как о столкновении различных форм политического устройства с научной точки зрения было бы не совсем корректно.

Главным атрибутом, сущностью гитлеровской Германии был нацизм, определяемый самими нацистами как «прикладная биология» (Рудольф Гесс — один из ближайших в то время соратников Гитлера). Эта «прикладная биология», густо замешанная на расовой идее, подтверждала, что есть полноценная арийская раса и есть другие, неполноценные расы.

Полноценность расы определяется самим её происхождением, т.е. природой. Отсюда вывод: представители неполноценных рас — это носители «жизни, недостойной существования», и никакие их старания не смогут превратить их в настоящих людей.

В соответствии с доктриной нацизма арийская раса должна была отвоевать у других, низших народов «жизненное пространство» и в конечном итоге добиться мирового и даже вселенского господства. Отнюдь не случайно гитлеровские альпинисты из так называемого «Чёрного ордена» СС после специального ритуала в Пятигорске успели водрузить на Эльбрусе эсесовские знамёна. Эльбрус был объявлен арийцами священной горой, магической вершиной секты «Друзей Люцифера». По планам высших жрецов нацизма, следующим и последним местом для водружения таких знамён должен был стать Тибет. (Согласно изысканиям самых засекреченных эсесовских учёных именно здесь, на Тибете, спят и ждут своего часа люди-боги, великаны, которых разбудит сам Гитлер и которые, объединившись, должны были создать глобальное нацистское государство «сверхчистой расы».)

Как видим, нацизм претендовал не только на покорение всей Земли, т.е. не только всего человечества, но и всей Вселенной, которой должны были править уже даже не арийцы, а «герои-полубоги», выведение которых в соответствии с оккультной доктриной «Вель» предполагалось осуществить

посредством целенаправленной биологической мутации. Для её осуществления нацисты проводили опыты в концлагерях и специальных лабораториях на «человеческом материале», состоявшем по большей части из числа «неполноценных народов», к числу которых они относили славян, евреев, цыган и др.

Следовательно, фашизм и нацизм были и в наши дни остаются радикально антихристианским мировоззрением, утверждающим фундаментальное неравенство между людьми, их разделение на полноценных и неполноценных. И если для Христа всякий человек, включая язычника, является образом и подобием Божиим, то для нациста любой человек, от рождения не принадлежащий к «высшей расе», является «недочеловеком», который никогда не сможет стать человеком, а неполноценный народ заведомо не имеет права на достойную жизнь со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Великая Победа, одержанная советскими народами над фашизмом и нацизмом, стала без преувеличения спасением всего мира от страшной участи, уготованной ему гитлеровцами. По существу, она спасла и всё прошлое человечества и его будущее, сказала народам и людям всего мира, что они равны как уникальные, неповторимые личности и что каждый из них может трудиться и бороться за лучшую долю, за достойную жизнь. Это была Победа народов всего мира над вселенским злом. А вклад, который внесли в неё отдельные народы, особенно русский, на все времена должен быть оценен по достоинству.

И ещё. Главная ложь всех наших либеральных историков заключается в утверждении, что Советский Союз воевал в годы Второй мировой войны только с немецко-фашистской Германией. По существу же, мы воевали, т.е. глобально конкурировали военными средствами, со всей Европой и её объединенным военно-экономическим потенциалом. Достаточно сказать, что, к примеру, румыны вместе с немцами «допёрли» до Сталинграда, венгров только в плену у нас оказалось почти 514 тыс. человек, австрийцев — 157 тысяч, чехов и словаков — около 49 тыс., французов больше 23 тысяч и т.д. К этому списку следует добавить «Голубую дивизию», в составе которой против нас воевало около 50 тыс. голландцев, финнов, норвежцев, датчан, бельгийцев (и валлонов, и фламандцев), и это далеко не всё. Как видим, Германия собрала в 30-е годы против СССР всю Европу, а теперь Соединенные Штаты собирают всю Европу в НАТО и пытаются в очередной раз организовать нашествие против России.

Вторая мировая война привела к гибели 55 млн. человек, 35,3 млн. погибших были славянами. История, как и подobaет ей, повторяется, поэтому надо знать о ней правду. Правда же состоит в том, что **советский народ одержал в этой войне неопровержимую экономическую и идеологическую победу.**

Война стала следствием того, что сильнейшее неприятие у приверженцев классической (читай, англосаксонской) демократии, у бенефициаров беспощадной эксплуатации народов мира, как и у ревнителей сословной либо имущественной иерархии вызвал советский эксперимент. Он растормошил планету, разрушил обывательский идеал, требующий определенности, порядка, налаженности, умеренности и аккуратности как в чисто житейском, так и в политическом смысле. Нельзя не отметить, что нашу страну невзлюбили за способность каждый раз возникать «как Феникс из пепла», несмотря на, казалось бы, безвыходное положение. Откровенную враждебность у наших «визави» вызывает самодостаточность России, возможность ее устойчивого развития, неприятие у подавляющего числа не только социальной несправедливости, а, прежде всего, всевластия денег.

Короткая история первого в мировой человеческой практике советского социализма складывалась под воздействием множества факторов, объективных и субъективных, внутренних и внешних, часто суровых и жестоких, безысходных обстоятельств, а нередко под влиянием серьезных ошибок, просчетов власти. Но советский социализм смог воплотить многие сущностные черты именно социалистического мироустройства: новый характер производительных сил, производственных и других отношений, на основе которых рождался иной характер труда, превращавшегося в ведущую естественно-историческую и социальную ценность; социально-классовое, национальное и культурное равенство...

В прошлом веке народы мира сумели объединиться и раздавить фашистскую нечисть, а затем осудить нацизм в Нюрнберге. Сегодня наблюдается другая картина. Руководители США, ЕС и некоторых других стран открыто встали на сторону киевской хунты, которая осуществляет неприкрытый геноцид собственного народа, восставшего против захвата власти «майdanом», против власти олигархов, против проведения искусственной и насильственной «украинизации».

Бандерофашистская карта

События на Украине подтверждают подлинную природу фашизма: он является порождением высшей фазы развития

капитализма — империализма, при котором происходят схватки за передел мира. Особенность фашизма нового, как и прошлого века, это война, которая имеет тенденцию приобретать глобальные, мировые масштабы.

Пожар на Украине, что очевидно, Соединённые Штаты и их союзники разожгли и продолжают разжигать для достижения экономического, финансового и военно-политического господства в мире, для подавления воли других народов и их порабощения.

Факты свидетельствуют, что фашизм вовсе не сводится к вскидыванию рук в «римском» приветствии, и антисемитизм, который отличал германских нацистов, для нового фашизма оказывается совсем не обязателен (кстати, собственно фашисты, т.е. итальянское «Движение», не ставили своей целью борьбу с евреями). Омерзительнее всего в современном фашизме является его отношение к части человечества как к недочеловекам, которых можно без зазрения совести мучить, терроризировать, убивать.

Ещё в конце 80-х годов прошлого века вышла книга Жака Аттали (тогда важной персоны в финансовом мире) под названием «Новые кочевники». В ней «простым гражданам мира» предлагалось превратиться в биомассу, кочующую по Земле в поисках, где посытнее. Тогда же впервые прозвучали слова о «золотом миллиарде», противопоставленном остальному населению планеты, не достойному приличных условий жизни. При этом для начала была выделена страна (и это, разумеется, США), которая по своему усмотрению наделялась естественным правом «качать и миловать» жителей планеты и навязывать им свой образ жизни. Затем последовательно были отброшены за ненадобностью основы международного права, а двойные стандарты, как и откровенная ложь с самых высоких трибун, стали нормой.

Пользуясь разработанными в США технологиями манипуляции массовым сознанием, украинские бандеронацисты объявили недочеловеками жителей Новороссии, донбасцев и других русскоговорящих и стали действовать против них откровенно фашистскими методами. Поэтому, когда противники нынешнего киевского режима объявляют себя антифашистами, они имеют для этого достаточно оснований.

То, что среди сторонников «европейского выбора» оказалось так много поклонников Бандеры и Шухевича, устраивающих кровавые погромы и дающих клятву на верность Гитлеру, совсем не случайно. Украина, унаследовавшая от СССР семисоттысячную армию, 6 тысяч танков, 1,4 тысячи боевых самолётов и третий по величине ядерный потенциал в

мире, всегда была под прицелом США и всегда планировалась к использованию в антироссийских целях. Мало кто помнит, что еще в сентябре 1996 года Конгрессом США была принята резолюция № 120, в которой было сказано: «Правительству Украины следует продолжить действия в защиту своего суверенитета и суверенитета других независимых государств бывшего Советского Союза посредством противодействия любой политической или военной организации, которая могла бы обладать способностью реинтегрировать республики бывшего Советского Союза».

Именно для реализации означенных установок и создания геополитического плацдарма вблизи России Вашингтон инициировал два майдана, поддержал государственный переворот на Украине в феврале 2014 года и развязал братоубийственную войну на Донбассе, предварительно втянув в состав агрессивного блока НАТО Чехию, Польшу, Болгарию, Словакию, Словению, (т.е. пять славянских государств), а также Эстонию, Литву, Латвию (бывшие Советские республики), Венгрию, Румынию и Албанию (в прошлом народно-демократические государства). По признанию западных аналитиков, после включения в НАТО этих новых ландскнехтов **антикоммунистический Североатлантический альянс трансформировался в альянс откровенно антироссийский**, мало что давший самим этим странам и их народам.

Следует отметить, что политические амбиции проамериканского руководства указанных выше славянских стран мешают осуществлению сложившейся в прошлом производственной кооперации с Россией, а неспособность их правящих элит справиться с экономическими проблемами хотя бы столь же плохо, как это делают их братья по «классу» в России, подогревает русофобию. Для этого на обывательском уровне разжигаются настроения банальной зависти к соседу, «успех» которого определяется, главным образом, обладанием природными ресурсами.

При этом вряд ли следует недооценивать тот очевидный факт, что правящие круги Запада старательно поддерживают националистические движения на всем постсоветском пространстве — за исключением России. Причина этого проста: Россия по своим ресурсным и военным возможностям представляет собой потенциальный региональный центр влияния и в какой-то мере обладает возможностями конкурентного экономического противостояния. Запад же не желает ни на пядь отступить от своих претензий на глобальное лидерство и не хочет превращения потенциального Российско-

---

го вызова в реальный. Поэтому антирусские националистические движения поддерживаются, а русские — клеймятся позором.

К примеру, слабость украинской экономики и как следствие — слабость украинского частного капитала делают правящую мафию Украины весьма уязвимой для манипуляции из-за рубежа, со стороны экономически более сильных партнеров. Поначалу украинская правящая мафия балансировала между Западом и Россией, пытаясь извлекать преференции с обеих сторон. Но с течением времени Украина все заметнее склонялась в сторону Запада как более, по ее мнению, сильного. При этом украинская правящая мафия сделала заложницей собственного радикального национализма. Запад же начал всячески поддерживать «политику» Киева, неблагоприятную для экономических взаимоотношений с Россией, и усилил политическое давление на нашу страну, связанное с воссоединением с ней Крыма. В этих условиях и происходило обострение противоречий в российско-украинско-европейских отношениях, определяемое тем, что предпочтет Украина: развитие экономических связей на постсоветском пространстве через Таможенный союз или подписание договора об ассоциации с ЕС?

Колебания в этом вопросе президента Януковича, стремившегося выторговать для Украины более выгодные условия ассоциации с ЕС, и в то же время оставлявшие возможность развития экономического сотрудничества и в рамках Таможенного союза, вызвали резкое неприятие в руководящих кругах объединенной Европы. Перспектива сближения Украины с Россией не устраивала и правящие круги США. Эта позиция Запада наложила на желание ряда оппозиционных украинских политиков воспользоваться данным конфликтом для прихода к власти. Подогреваемая идеологической и материальной помощью Запада разношерстная оппозиция — от правых либералов до крайних националистов — пошла на открытое противостояние с властью. Так в ноябре 2013 года начался второй майдан.

Целью ЕС и США в этом конфликте было поставить ресурсы Украины и ее рынок под свой контроль, обеспечить себе дополнительные военные преимущества путем приближения баз НАТО к границам России, сорвать попытки экономической реинтеграции на постсоветском пространстве. Однако примененные в ходе захвата власти средства — мобилизация праворадикальных националистических организаций и политиков — сделали сомнительным достижение, по меньшей мере, первых двух целей. А ведь уже первый майдан

2004 года поставил Украину на грань раскола, и все трезво-мыслящие аналитики стали рассматривать такую опасность как вполне реальную.

Евромайдан-2 превратил внутриукраинский распад в свершившийся факт. Воинствующая русофобия пришедших к власти в Киеве политиков, открыто вышедшие на улицы банды с нацистскими лозунгами, насилие по отношению к негодным политикам, журналистам и просто гражданам вызвали резкое неприятие на Юго-Востоке и создали у границ с Россией очаг напряжённости, способствующий возникновению под её боком откровенно враждебного государства.

Мы видим, таким образом, что украинские события являются продолжением политики глобализации по-американски, направленной на поддержание однополярного мира и дальнейшего славянского раскола. Это хорошо понимают многие западные эксперты, как левые, выступающие за возрождение сотрудничества славянских народов, так и правые антиглобалисты, придерживающиеся консервативно-националистических позиций. И те и другие в украинском вопросе настроены против интересов Соединённых Штатов и евроинтеграторов.

В этих условиях Россией должна быть чётко заявлена позиция противостояния глобальной гегемонии транснационального капитала под эгидой США и радикальному украинскому шовинизму, заразившему значительную часть населения этой страны. Экзамен на национальную зрелость Украина не выдержала. Здесь была выпестована и укреплена межнациональная рознь, принявшая форму оголтелой вражды и кровопролития. В ходе военных действий на Юго-Востоке и развязанных в Киеве бесчинств последователей Бандеры и Шухевича, возведших идеологию нацизма в ранг государственной политики, в Донецкой и Луганской республиках было убито свыше семи тысяч человек, в подавляющем большинстве мирных жителей, а украинские каратели, по данным германских спецслужб, потеряли уже более 50 тысяч своих людей.

Именно нежелание и неумение уважать национальное многообразие близких, родственных славянских народов поставило Украину как государство на грань развала. И хотя неприятие в основном касается всего русского, а национальной идеей украинской державы стали русофобия и русоненавистничество, Киев конфликтует не только с Россией, но и с другими славянскими государствами.

К примеру, принятие закона о героизации Украинской повстанческой армии расценили в Польше как пощёчину

польскому (славянскому, между прочим) народу. Стало понятным, что Польша желает иметь дело с какой-то другой Украиной. А Украина — с другой Польшей, в которой бы не помнили Вольнскую резню как один из самых печальных эпизодов в истории этих двух славянских народов. Польская сторона до сих пор ожидает признания той резни геноцидом, ждёт покаяния рвущейся в Европейский Союз непутёвой «незалежности». Однако вряд ли кто-нибудь из украинских националистов будет посыпать голову пеплом. Для них Польша остаётся опасным и неприятным партнёром, а в планах нынешней Варшавы — реституция отнятой у поляков на Украине собственности.

Помимо нешуточной имущественной составляющей реституция имеет чётко выраженное политико-идеологическое содержание: хотите в Европу, восстановите польские права на Украине. «Незалежная», возможно, и готова была бы стать общеевропейской колонией, но никак не польской. Любят ли где бы то ни было бывших колонизаторов? Для Польши, стремящейся стать креативным специалистом по Украине на Западе, «самостийная» Украина была и остаётся лишь функцией в борьбе с Россией. А в этой священной борьбе любое оружие подойдет, даже фашизм в форме украинского национализма и бандеровщины. Такое вот всеславянство и такая «дружба» соседей-славян.

Славянские противоречия

Анализируя современные мировые события, приходишь к выводу, что, казалось бы, далёкие друг от друга события, будь то война в Сирии или Йемене, события на Донбассе, «революция зонтиков» в Гонконге, бесчинства ИГИЛ на Ближнем Востоке и т.д. являются тесно взаимоувязанными процессами и явлениями. Они управляются мировым олигархатом с целью изменить в свою пользу складывающуюся в XXI веке расстановку сил.

Сегодня всё более очевидно, что разрушение СССР, где производительные силы были освобождены от пут частной собственности, не знаменовало «конец истории», который провозгласил Ф.Фукуяма, и не привело к «столкновению цивилизаций», которое пророчил С.Хантингтон. Названные концепции не выдержали испытания временем и разоблачили их авторов как идеологических оруженосцев неокolonизма, взятого в наши дни на вооружение правящими кругами «золотого миллиарда». Лишившись главного конкурента в глобальном противостоянии, капитализм в лице наиболее

развитых стран Запада, в первую очередь США, утратил стимул к преобразованию и скатился к жесткому неолиберализму и агрессивному неофашизму в борьбе за продление американского мирового господства в XXI веке. Дальнейшее следование этим опасным путем чревато развязыванием третьей мировой войны с применением ядерного оружия и экологической катастрофой.

Следовательно, само продолжение существования человечества требует перехода к более справедливой социально-экономической системе с действенными механизмами перераспределения произведенного общественного продукта в интересах большинства населения. Несправедливая, по своей сути, капиталистическая система привела человечество к невиданному неравенству и породила массу проблем социально-экономического характера (как на глобальном уровне, так и в отдельных странах), требующих немедленного решения. Так, специалисты ООН справедливо отмечают, что, несмотря на рост с 1990 года валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения более чем вдвое в странах с низким и средним уровнем доходов, сегодня более 1,2 миллиарда людей по-прежнему живут в крайней бедности. Самый богатый 1% населения планеты владеет 40% мировых активов, в то время как нижняя половина человечества владеет не более чем 1% мирового богатства.

Глобалисты страшно боятся системных политических и социально-экономических преобразований в славянских странах и особенно в России, возрождения способности наших стран к самостоятельным действиям и к самоорганизации. Раскалывая славянские страны и искусно играя на возникающих между ними противоречиях, многие из которых таятся в глубинах истории, Вашингтон за последние 6 лет увеличил федеральный долг почти на 8 трлн. долларов. Только для того, чтобы запустить на Украине фашистско-бандеровский проект, американцы, по их же признанию, затратили к концу 2013 года 5 млрд. долларов.

Сейчас они всё активнее втягиваются в украинский конфликт. И делается это не в интересах самих Соединённых Штатов, а в интересах той части крупных ТНК, которая является бенефициаром этого конфликта, что очередной раз свидетельствует о растущей политической деградации США. Развязав против России гибридную войну, которая состоит в намеренной дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в нашей стране, и втягивая в неё другие славянские страны (Польшу, Чехию, Болгарию...), американские ястребы и их приспешники создают объективные условия для её пере-

---

растания в полномасштабную войну в Европе. И сейчас, как это было в 30-е годы прошлого века, с помощью развязанной далеко от своих границ войны американские стратеги рассчитывают разрешить весь комплекс накопившихся за последние десятилетия внутренних системных проблем.

Но времена и мир меняются и далеко не в пользу глобализаторов по-американски. Пытаясь раскалывать славянство, Запад упускает из виду свои внутренние противоречия, а они в XXI веке активно вытесняются в сферу мировой политики.

Всячески приспособляясь к современным мирохозяйственным процессам и мимикрируя, капитализм не может изменить своей сути. Капиталистические отношения и все сопровождающие их противоречия изменили лишь форму, т.е. перешли в иную плоскость, оказались вытесненными в мировую политику и теперь разделяют мир по оси «богатый Север — нищий Юг» не менее радикально, чем прежде разделяли пролетария и его эксплуататора в масштабах отдельно взятой страны. **Происходит не сглаживание и тем более не устранение противоречий монополистического капитализма, а их глобализация.**

Совсем не случайно в серии документов, подготовленных ООН под рубрикой «Повестка для XXI века» и получивших всеобщее признание на международных встречах высшего уровня, содержится мысль о том, что современный мир со всеми его социально-хозяйственными системами и укладами находится в глубоком общецивилизационном кризисе, чреватом эколого-экономической и социальной катастрофой. Это мир промышленно-финансовой элиты, управляющей сегодня глобальным экономическим порядком, мир, который нельзя назвать иначе как западнёй глобализации. В результате внутренние антагонистические противоречия, сотрясающие капиталистическое общество, оказались как бы «перемещенными» вовне, приняв форму межгосударственных, межнациональных или даже межрелигиозных противоречий.

На империалистической стадии развития все более глубокими и неразрешимыми становятся, по крайней мере, три группы противоречий капитализма; первая группа — противоречия самой глобализации как сложного многомерно-го процесса, имеющего социально-экономическую, политическую, социокультурную и другие составляющие; вторая группа — противоречия между «центром глобализирующегося мира» в лице «золотого миллиарда» и «периферией», к которой условно относятся страны «с догоняющей экономикой», страны «с отстающей экономикой» и, наконец,

---

страны, которые по тем или иным причинам не попали в новую систему разделения труда и попросту оказались вне мирового развития, до которых никому нет дела (иногда их называют странами даже не «третьего», а «четвертого мира» — мира разложения и постепенного умирания; третья группа противоречий — это противоречия внутри «золотого миллиарда» (между империалистическими державами). Сложилось несколько центров экономического господства, конкуренция между которыми приобрела форму ожесточенной борьбы, «войны всех против всех». Это, как уже подчеркивалось, Северная Америка, Европейский союз и ряд стран Юго-Восточной Азии. Этому географическому треугольнику соответствует и треугольник финансовый: «доллар—евро—иена». В этих регионах объем мировой торговли увеличился с 2,5 трлн. долларов в 1990 году до 7,5 трлн. в нулевые годы XXI века.

Следовательно мировые трансформационные процессы специфически интегрируют мир. В одном случае они приводят к искомому объединительному результату, а в другом — обнажают непримиримые противоречия между странами. Славянские страны оказались втянутыми в эти процессы.

По словам известного политолога Т. Фрайдмана, «страна, выбирающая свободный рынок, решающая следовать по его правилам, надевает на себя своего рода «золотой корсет», определяющий политико-экономические принципы эры глобализма. «Холодная война» знала френч Мао, китель Неру, русские меха. Глобализация знает лишь «золотой корсет».

Меткость этого высказывания подтверждается печальным опытом России и постсоциалистических стран, проводивших либеральные рыночные реформы шоковым методом, соответствующим условиям «Вашингтонского консенсуса», и несомненными успехами КНР, Вьетнама, других стран, совершавших реформирование не по чужой подсказке, а основываясь на национальной специфике и критическом осмыслении мирового опыта.

Условия мировых трансформационных процессов все в большей степени вступают в противоречие с интересами развивающегося постсоциалистического мира, и даже интересами части «золотого миллиарда», разделившего успех с США на путях неэквивалентных отношений с другими странами. Свидетельство тому — участвовавшие финансовые кризисы, рост задолженности и бедственное положение многих стран, повсеместные бунты против глобализации, в том числе и в ее альма-матер, не отвечающей интересам широких слоев трудящихся и предпринимателей.

Сильнейшим ударом по Западу явился мировой финансовый кризис нулевых годов, зародившийся в Азии и превратившийся во всемирное бедствие, представляющее, пожалуй самое тяжелое мировое геоэкономическое потрясение последних десятилетий. Массовый трансграничный перелив капиталов и, особенно, «горячих» денег спекулятивного характера высветил всю ненадежность и хрупкость постбреттонвудской системы мировых финансовых отношений, наиболее сильно ударив по уязвимым звеньям, прежде всего «нового нарождающегося рынка». Неудивительно, что последствия Азиатского финансового кризиса наиболее сильно отразились на России, находящейся вдали от его эпицентра, но обремененной собственными внутренними бедами, развалом экономики, стагнацией производства, несбалансированностью бюджета, критически возросшей внутренней и внешней задолженностью.

В целом современные трансформационные процессы требуют от человеческого общества, включая и его славянскую составляющую, конкретного ответа, основанного на заботе о сохранении мирной и достойной жизни для всех людей в сочетании с их духовным совершенством. Необходимо такое мироустройство, которое строилось бы на началах справедливости и равенства людей, исключило бы подавление их воли национальными или глобальными центрами политического, экономического и информационного влияния.

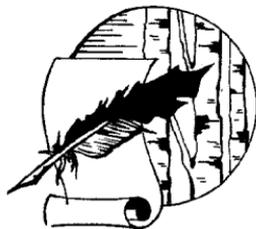
Отсюда понятно, что в интересах России — максимально ослабить накопившиеся в славянском мире противоречия и не допустить углубления славянского раскола и, главным образом, возникновения новых очагов военного противостояния, воспрепятствовать очередному разгулу нового фашизма, именуемого «глобофашизмом». Однако эти цели не могут и не должны достигаться путём ослабления нашего национального потенциала, посредством односторонних уступок и сдачи своих геостратегических позиций.

Логичным для российской судьбы был бы окончательный отказ от оглядки на западных «коллег» и «партнёров», которая порождается руководящим недомыслием либерально-рыночных правителей России. « С роста национального и славянского самосознания, — недавно заявил председатель Национального совета Польского славянского комитета Болеслав Тейковский, — а также духовного возрождения поляков и других порабощённых Западом славян начнётся великое действие, возвращающее Польше и другим славянским странам все то, что отобрал у нас западный враг. Тогда уже не будет препятствий к тому, чтобы богатая Польша и

другие славянские страны возродились цивилизационно и расцвели духовным и материальным развитием, приносящим благо своим сыновьям и дочерям, всем своим гражданам».

В заключение отметим, что все попытки разыграть славянскую карту, безусловно, вызваны нежеланием коллективного Запада смириться с объединением огромного евразийского пространства в условиях губительных для Капитала трансформационных процессов. И поэтому основной удар направлен на Россию — без неё объединение славян невозможно. Если удастся ввергнуть в хаос, такой же, как на Украине, Россию и Белоруссию, то другие страны СНГ, как и Балканские славянские страны, станут легкой добычей империалистических хищников. Вот почему усиление борьбы против «глобофашизма» — это общее дело. Тут должны объединиться не только русские с украинцами, поляками, чехами, сербами и словаками, не только народы Европы, но и жители США — где также очевидны разрушительные действия властимущего олигархата. В этом объединении могут сыграть и играют свою роль все государства, не желающие повального превращения в биомассу и корм для немногих избранных.

Валерий ХАТЮШИН

СПЕЛАЯ РЯБИНА

* * *

Скоро листья начнут опадать —
неизбежной досады примета.
И в последнем дыхании лето
нам подарит тепла благодать.
Скоро листья начнут опадать.

Не спеши, летний день, не спеши.
До заката немного осталось.
Посидим предосеннюю малость
в истончённой зелёной тиши.
Не спеши, летний день, не спеши.

Вспомним, как угасала сирень,
как жасмин опьянял ароматом,
как над полем, цветеньем объятom,
жаворонок звенел целый день.
Вспомним, как угасала сирень...

Так с тобою угаснем и мы —
чтоб вернуться живительным светом
долгожданным улыбчивым летом
после хмурой мертвящей зимы...
Так вернёмся, угаснув, и мы.

* * *

Вечер дождливый, холодный, немой,
вечер последний минувшего лета.
Сколько уже их прошло надо мной!
Сколько осталось в неведомом где-то?..

Чья-то душа отлетит без следа,
кто-то вздохнёт, не дождавшись ответа,
и незаметно уйдёт в никуда
вечер последний угасшего лета...

* * *

Нас тоже на свете любили...
Два царских подарка мне были.

Два имени связаны с ними,
душою навечно хранимы.

Два самых заветных подарка,
под солнцем сияющих ярко.

Две шумно зовущих стихии
в сердечной моей ностальгии.

Как два неизбывных свиданья,
как два неразрывных названья...

Балтийское море — Татьяна
и Чёрное море — Оксана.

* * *

Под окном больничным — красная рябина.
За окном казённым сеет дождь грибной...
Сношенное сердце — нудная кручина.
Тихие деревья. Сумрачный покой.

А ведь как гулялось, пелось, пировалось!
И казалось сердцу — воле нет конца.
Отразит, быть может, нервную усталость
заостренный профиль бледного лица...

Жизнь была — крутые горные дороги.
Города и лица. Столько рук и глаз!..
Жизнь — река шальная: камни да пороги.
Помню, как взглянула мать в последний раз...

За окном палаты скрылось всё живое.
Дождь шуршит чуть слышно, уплотняя хмарь.
Тихие деревья — в сумрачном покое.
Спелую рябину золотит фонарь...

ПОБЕДИТЕЛЬ

...Дрожали языки огня,
и ночь застыла глухо.
«...Один из вас предаст Меня,
но вы крепитесь духом».

И было ждать совсем чуть-чуть
Земле, чтоб стать иною...
«...Я истина, и жизнь, и путь,
идите вслед за Мною».

Свет на лице. Чело в венце.
Веков минувших стержень.
«...Отец во Мне и Я в Отце,
и Мною мир повержен».

Была святая ночь тиха.
Предатель время выждал.
Еще до крика петуха
Пётр отречётся трижды.

Нет больше в мире ничего
до крайнего предела,
весь этот мир — лишь Крест Его,
лишь Кровь Его и Тело.

ЗЕМНОЙ АД

Мрази в Киеве, трусы в Кремле.
Стынет кровь на разбитом стекле.
Нет воды, и еды, и тепла.
Днём на улицах страшная мгла.

Ночью нет ни покоя, ни сна.
Здесь уже не живёт тишина.
Стон от боли, проклятий и ран.
А по городу бьёт «Ураган».

Голова, улетевшая с плеч,
знает жовто-блакитную речь.
И хохлятско-нацистский урок
знают дети без рук и без ног.

Здесь разорвана в клочья любовь.
В детских душах — кричащая кровь.

Мрази Киева, трусы Кремля.
Как их только выносит земля?

УКРАИНСКАЯ НОЧЬ

Темна украинская ночь.
Страшна украинская тьма.
Бежит, разбегается прочь
народ, не сошедший с ума.

Земля, полюбившая тьму,
страна, потерявшая свет...
Чужие добру и уму, —
лелеют убийственный бред.

Черна сумасбродная власть.
Безумен хохлятский нацист.
Сладка живодёрская страсть
под «Смерчей» и мин пересвист.

Во мгле украинских ночей
летает обугленный гроб.
Под снегом в кровавой моче —
каратель с нашивкой «Укроп».

В ДЕНЬ АНГЕЛА-ХРАНИТЕЛЯ

Мороз пришёл и снег
в день Ангела-хранителя.
Холодный падал свет
с небес родной обители.

Мне было в нём тепло,
как под ладонью матери.
А время истекло
вином по белой скатерти...

Иссякли, пролились
деньки мои бедовые...
Душа взирает ввысь,
предвидя сны суровые.

И вот — холодный свет,
как шёпот Утешителя,
и этот поздний снег
в день Ангела-хранителя...

* * *

Каждый вечер яркая звезда
беспокойно светит мне в окно...
Лет моих минувших череда
предо мной промчалась, как в кино.

Я увидел всё, что позабыл,
не мечтая больше ни о чём.
Безвозвратно парус мой уплыл
за вечерний смутный окоём.

Вслед за ним уплыть я не смогу.
Здесь мой взгляд остался навсегда.
И на тёмном этом берегу
ярко светит мне в окно звезда...

* * *

То, что искал я везде безнадёжно
с горечью наедине,
мне оказалось найти невозможно
в этой людской беготне.

Где-то бесстрастно, беззвучно осталось,
с кем-то сошлось и срослось
то, что мне снилось, о чём так мечталось,
то, что, увы, не сбылось.

Верен своей нерастраченной лире,
смертью печать разомкну.
То, что всю жизнь я искал в этом мире,
там ли найду?.. Тишину.

* * *

Да, уже случилось это —
как в капкан, попались в сети
в лабиринтах Интернета
потерявшиеся дети.
Жалко их, в экран глядящих,
отшвырнувших все препоны,

по мобильнику галдящих
и уткнувшихся в айфоны,
их, из жизни многоцветной
в виртуальный мир ушедших,
под рекламой несусветной
в гости к дьяволу забредших.
Там их главные заботы,
там их чувства и признанья,
и соблазны, и полёты
в звездный хаос мироздания.
Этот век огнём окрашен,
век злословный, лжеобманный.
И уходят дети наши
в сон бездонно-заэкранный...

* * *

Сидим, как на диванчике,
с дружкой на бережку.
В гранёные стаканчики
плеснули коньячку.

Не пьём давно, а хочется
по малому глотку..
И вот душа-пророчица
развеела тоску.

И вот в кустах извивистых
защёлкал соловей.
И просит друг порывисто:
чуть-чуть еще налей...

В глазах играют зайчики
у нас от коньяка.
Слепя, блестит мозаично
вечерняя река.

Не всё, мой друг, потеряно,
не всё у нас прошло..
Он смотрит неуверенно,
вздыхает тяжело...

Гранёные стаканчики.
Последний майский день.
Опали одуванчики,
осыпалась сирень...

ОКАЛИНА

ПОВЕСТЬ

1

В начале марта влажно-тёплым ветреным днём сорок четвёртого года возвратился с войны Устин Дедушев. От железнодорожной станции до родной Ключевки он подъехал на попутной пароконной телеге-горючезовке, слез у околицы и по разрыхлённой оттепелью дороге, поскальзываясь, зашагал к избам.

Ещё издали его, человека в шинели, заметили бабы и ребятишки — несмело потянулись навстречу.

Устин, прямой и высокий, шёл посередине улицы и слабо, как-то виновато улыбался людям. Возле него скоро подсобралась жидкая толпа, бабы смеялись, плакали, сморкаясь в платки, нарасхват расспрашивали... Потом сбоку налетела и обморочно повисла у него на плечах простоволосая баба, его жена Фрося, и Устин стал утешающе поглаживать её широкие тощие лопатки. Фрося радостно всхлипывала и как-то мученически тёрлась щекою о жёсткую, как наждак, щетину мужниного подбородка.

ПРОЗА

— Да погодите вы, сороки! Дайте человеку дух перевести, слово сказать! — К Устину подошёл широкоскулый, с прямым энергичным взглядом молодой мужик. Это был Степан Васенин. «В сорок первом на одной телеге до райвоенкомата везли нас. Курсы артиллеристов вместе кончали... Чтой-то Степан поране моего отвоевался, руку вон левую потерял», — горестно подумал Устин, когда увидел заправленный под ремень пустой рукав пиджака.

Васенин жёстко сдвинул ему пальцы и негромко, с горячим придыхом сказал:

— Здорово, Устин!.. А ты ничего, цельный, только вот нос некрасиво заштопан. Это пустяки, главное — живой!

— Устинушка, а Павла моего не встречал где? — тянула за рукав шинели баба с младенцем на закорках.

— Ох, счастье-то какое тебе, Фросенька! — не то плача, не то смеясь до слёз, тыкалась промеж Устина и Фроси другая баба.

— Да тише вы, угомонитесь же! — Васенин командирски взмахнул рукой, толпа потеснилась, раздвигая перед Устином как бы для пляски круг пошире. — Не дадут слово сказать... Ты дальше-то как, Устин, — на побывку аль совсем?

Устин смущённо смотрел на всех и каменно молчал.

— Ну вот. С радости и слова растерял, — сочувствуя, Васенин с добрым укором погладил Устина по плечу. — Да ничего... Вечером, коль не устал, посидим побалакаем.

— Да-да. Ужотко приходите к нам, бабоньки. И ты, Степан Егорыч. Повечеряем. Радость-то какая, господи! — Фрося снова прильнула к мужу, потрянула его плечи: — Ты поразговаривай с людьми-то, Устинушка.

Устин доверчиво-грустно смотрел в глаза жены, напрягаясь в молчании.

Вдруг рот его, кривясь, страдальчески приоткрылся, и из него покатались, давя друг друга, как при рвоте, невнятные звуки:

— Гы-и-гы-у-ы...

Люди разом смолкли, оторопело глядели на Устина.

— И-ы-гу-ы-у-у-у... — давил из горла дикие звуки Устин и, словно норовя разъяснить их смысл, резко замахал руками, расписывая перед собой воздух всякими рисунками.

— Господи, да он же рехнутый! — разорённо, с жутью вскрикнула одна баба.

— Спортили мужика, сволочи... стервяки фашистские! — глухо запричитала другая.

Фрося вздрогнула, будто кнутом её стегнули, с испуганно-вопросительным лицом смотрела на людей, не веря их словам.

— Как же... Да что вы, бабоньки, говорите такое? Типун вам на язык, — растерянно заговорила она и со смятением на вмиг осунувшемся лице стала медленно, словно робея, поворачиваться к мужу. Устин потянулся к ней и застегнул на её груди распахнутую сырым ветром старую кофтёнку.

— Гы-уы, — опять начал давиться он, и тёмные его глаза завлажнели, блеснуло в них что-то.

— Ну, давай... скажи им, Устинушка, — дрожащим, чу-жим каким-то голосом призывала Фрося, сглатывая подступающие слёзы.

— Вот он тебе и сказывает: чего душу-то оголила? Не лето поди! — крикнула баба с мальцом на закорках.

— Жалеет. А ты застегни кофту, успеешь простудиться...

— И никакой он не рехнутый. По взгляду видно: глазами говорит, глазами слушает.

— Ага. Всё понимает, только сказать не может...

Бабы дружно утешали Фросю. По выражению их лиц Устин догадался, что люди всё поняли и жалеют его.

— Контузия?.. Ты контужен, да? — подтянувшись к его уху, закричал Васенин.

Устин никак не ответил ему, пощупал у Васенина пустой рукав пиджака и вопросительно кивнул на запад, в ту сторону, откуда сам только что вошёл в деревню.

— Ага, там. И меня там кромсали, — тусклым голосом и мрачным кивком ответил Васенин и, обращаясь к Устину и ко всем людям, добавил бодро: — Ничего. Голова, руки, ноги при тебе, а язык что? Языком и лапти не сплетёшь.

— Это так. Язык... он человеку первый супостат: меньше говоришь — меньше грешишь.

— Вот-вот. Кого язык до беды не доводит?

Летели отовсюду сочувствия и утешения.

— Слышь, Устин, что люди говорят? Вот и не тужи. Будем жить и работать. Не языком, а руками люди работают. Скоро сказано, да кабы сделано. А руки мы твои знаем... Отдыхай. Как оклемаешься, заходи в правление, — больше для Фроси и толпы, нежели для Устина, говорил Васенин, ободряюще глядя солдату в глаза.

Он тут же ушёл, а бабы продолжали разяснять на пальцах Устину, что бывший колхозный бригадир Степан Васенин теперь в председателях... Прежде чем разойтись по домам, они ещё по разочку громко, наперебой подбодрили Фросю — кто по искреннему сочувствию, кто с целью попасть в гости, на вечернее застолье. Фрося слушала всех, вытирала слёзы и всё крепче верила в своё бабье счастье: да, ей взаправду повезло, и теперь не кручиниться надо, а

судьбу благодарить: муж хоть и поранен, покалечен, но ранение-то таково, что и здоровье, видать, не шибко разорило, и навсегда теперь отгородило его от войны. Ей говорили, и она радостно соглашалась, что с глухонемым мужем жить ей будет легко: немые покладисты, смирны, ни вздора, ни матюка никогда от них не услышишь... Вон, на третьей ферме, увещевали её, возвратился к одной солдатке муж-фронтвик. Поджарен в танке, без обеих ног, а нутром весь здоров, целодневно водку хлещет, плачет, матерится, белый свет клянёт, с дракой лезет, а ей, сердешной, надо жить с ним, приноравливаться, жалеть его, калеку беспроглядного. Вот наказание, вот беда-то навек!.. А Устин — что? На своих ногах он, при своих руках.

Вечером в тесной избёнке Дедушевых скрипели половицы, дребезжала посуда на столе. Бабы кричали частушки, топали, бросаясь в пляску, как в спасительный припадок. Устин немного выпил водки, посмелел, рассказывал что-то руками и благодарил глазами всякого, кто понимал его. Васёк и Павлик, детишки его, сидели рядом, поглядывали на отца с весёлым любопытством и опаской, не зная, как с ним общаться. В переднем углу, слева от Устина, сидел хилый, но строгого вида старик. Он мелкими глотками, страдательно, как лекарство, отхлёбывал из рюмки единожды налитую ему в начале застолья водку и задумчиво-горестно почёсывал свою редкую бородку. Он хмуро взглядывал на Устина и раза два по просьбе гостей привставал для тоста, но ничего толком высказать не мог, лишь длинно жаловался.

— У нас, Дедушевых, спокон века так. Все камушки нам на голову. Такая наша планида. Вот и сынок... Ушёл здоровым, а возвратился безгласным. Рядышком сидим, да немая беседушка. И куды деться? Беда... И не по лесу она ходит, а по людям. У каждого она тут, на закорках сидит...

Не слыша заунывной речи отца, Устин с энергичной улыбкой кивал ему, как бы поддакивал, и старик от этого пуше скорбел и горбился. С тихой досадой глядел из-под обвислых рыжеватых бровей на гомонящих в застолье баб, словно окоротить их хотел, урезонить. Бабы же громким, вперемежку со слезами весельем утешали и словно бы негласно попрекали старика: «С жиру нахохлился, Данилыч. Тебе ли горевать?! Вон сынок каким краснощёким с фронта явился! А ну-кось, пойди по дворам: кому ещё так повезло?»

К старику подседа, обмахиваясь платком, молодая вдова Нюра Корюшина.

— Хватит рохлиться, Данилыч! Давай споем. За себя и за Устина. Ох, и любил он спевать.

— Не поётся мне чтой-то, Настя, и не пьётся, — отмахнулся старик.

— А я пою с чего? Да чтоб не плакать. А кончу петь, так и завою! — резко-весело выкрикнула Настя и запела что-то без слов. И вправду, как завyla.

Попели, поплясали, поплакали и, притихшие, разошлись по домам.

Утром Устин проснулся, когда в избе уже никого не было: Фрося чуть свет ушла в коровник, детишки — в школу. Он накинул шинель, вышел на крыльцо, шурясь на солнце, и стал не спеша, узнавая и радуясь, разглядывать деревенскую улицу. Вдали, возле колодца, шумно переговаривались, судя по жестикуляции, две бабы. На плетень вскочил петух, хлопнул крыльями и закукарекал. Устин не услышал его и резко отвернулся, чтобы не видеть этого немо поющего петуха... Тихая радость в сердце погасла. Вдруг испугался: выйдет сейчас из-за угла добрый человек, спросит его, безгласного, о чём-либо, и он, объясняясь, отвечая, станет таким же с виду смешным и страшным, как этот немой петух.

Устин попятился с крыльца, вышел в небольшой, отгороженный плетнём дворик и с каким-то тоскливо-ищущим взглядом промерил его бесцельными шагами.словно не доверяя глазам, стал неторопливо, изучающе ошупывать рукой то валявшуюся колоду, то старую пустую бочку, то висевший на стене сарая кое-какой плотницкий инструмент и огородный инвентарь...

Он узнавал всю эту давнюю, в большинстве сделанную им сами домашнюю утварь, но она словно бы не признавала его, не отзываясь на его прикосновения никаким звуком: щипцы привычно не лязгнули, сыромятные вожжи ремённо не заскрипели в руках... Устин подобрал в углу двора смятое по верхнему ободку ведро, взял со стеллажа молоток и на чурбане стал выпрямлять жестяную посудину. Сначала ударял ровно, прицельно, потом вдруг завзмахивал зло и безрассудно — колотил, уже не ремонтируя, а сплющивая ведро, как бы желая вызволить всё же, выколотить из железки положенный звук... Но звука не было. Побагровев и запыхавшись, Устин отбросил молоток и вконец погубленное ведёрко и, сбывчив голову, долго стоял посреди двора в оцепенелой задумчивости... Затем снова поднялся на крыльцо и оглядел улицу. Она была немая, как и всё кругом. Устину захотелось к людям, к Фросе... Спустился по ступенькам и зашагал по улице. На столбе, врытом напротив здания колхозного правления, угрюмо молчал чёрный раструб громкоговорителя.

Немоту, беззвучие его подтверждал, как догадался Устин, беспечно-сонно сидевший на нём воробей.

Из проулка вырулила старенькая машинешка-полупортка и, скрипя рассохшим кузовом, помчалась по улице, догоняя солдата. Единственному пешеходу следовало бы свернуть с узкой дороги, уступить ей место, на что обычно и рассчитывает в такой момент шофёр. Но солдат продолжал идти, не оглядываясь, словно игнорируя мчавшуюся и непрерывно сигналившую машину. Она почти настигла его, чуть не сбила и, крича тормозами, вильнула в сторону, влетела в канаву. Устин запоздало шарахнулся на обочину, споткнулся и упал.

— Эй, ты что, чокнутый? Сигнала не слышишь?! — гневно закричал выскочивший из кабины молодой, крепкого сложения шофёр, в котором Устин сразу же признал Федора Бредихина.

— Глухой он, глухой. Контуженый! — поясняя Бредихину, кричали и замахали руками бабы у колодца.

Устин меж тем встал с обочины и, отряхивая шапку, с виноватым видом подошёл к шофёру, на лице которого вместо гнева затеплилась растерянная улыбка.

— Устин?.. Здорово! — Мужчины крепко пожали друг другу руки. — Фрицы не убили, зато я чуть не задавил. Топает как глухой.

Бредихин смолк и каким-то новым, уже неулыбчивым взглядом ощупал Устина. Потом оглянулся на тарахтящую на обочине машину и, как бы не желая углубляться в человеческую беду, так внезапно встретившуюся ему, торопливо и неестественно бодро забасил:

— А, пустяки... Главное — живой! У меня тоже, вот погляди. — Бредихин показал изуродованную кисть левой руки. — Считай, одной рукой кручу баранку... Ей и баб обнимаю. А коли есть, чем обнимать, значит, у мужика всё в порядке!

Бредихин громко захохотал и, блестя огнисто-чёрными глазами, побежал к машине.

2

Хотел Устин вернуться на прежнюю свою работу в ремонтные мастерские, но глухота не пустила. Все тракторы и машины для него теперь стали неслышными, бегали, как в немом кино, беззвучно, и лишь по запахам и вздрагивающей под ногами земле Устин догадывался, судил о работе их моторов. Он не мог, как прежде, с завидной точностью по звукам определять болезни чугунных сердец машин. До войны же он слыл в Ключевке механиком-самоучкой, всегда умел

подстегнуть работу простейших механизмов: то ременный привод к веялке от трактора подведёт, то самодельный вентилятор к зерносушилке приладит... Теперь из всей движущейся техники в колхозе остались два трактора-колесника да полуторка, остальные машины ещё в начале войны забрали для фронта. На исправных тракторах и комбайнах девчата и бабы работать могли, но, случись поломка, — слёзы женские лились ручьями. И как сгодился бы теперь колхозу такой специалист по технике, как Устин Дедушев, воротись он с войны не инвалидом первой группы, а прежним — самим собой! А теперь как ему ладить с моторами? Да и для людей тяжёл в общении: кричи ему, хоть раскричись на ухо, а он знай себе поглядывает да улыбается, будто всегда приятное и ласковое ему говорят. Конюх, тракторист, бригадир, сторож... Васенин перебрал все посты, где сподручнее служилось бы глухонемому Устину, но для исполнения всякого дела человеку полагалось иметь если не голос, то хотя бы слух. Вот разве что почтальоном? Татьяна Васенина, дочка, хоть и аккуратно возит почту, но в последнее время стала побаиваться. Кабы одни письма возила, а то и посылки и деньги. А дорога через Кульганский лес лежит, всякое может случиться: война — задичал лес-то. К тому же Татьяна — девушка сердобольная, чувствительная. Когда привозит похоронную, то страдает, убивается наравне с каждой новой вдовой, и от этого горе шумнее, крикливее входит во двory ключевских солдаток. Пубавилось бы, может, слёз и крику, возьми Устин почту в свои руки. Кричи ему, жалься — какой толк? Молчит как могила.

Однако, зная о серьёзных пристрастиях Устина к железкам, Васенин не желал заталкивать его в дальние закоулки артельного хозяйства, изнемогающего от нехватки мужских рук.

Вскоре Устин был назначен в кузницу молотобойцем взамен ушедшего на фронт паренька. Ковал в ней Панкрат Семёнович Афонин, а проще сказать — дед Панкрат, так его все называли. Был он невысок, сухотел, широк в кости, с рыже-русой, цвета старой соломы, бородой. По возрасту он давно находился на пенсии, но война вернула его к горну. Устина он встретил как давнего знакомого и верного помощника.

— Ты, Панкрат Семёныч, на молотках ему растолкуй всё, покажи, — приведя Устина в кузницу, наказывал Васенин.

— А чего у наковальни языком чесать? На молотках и поговорим. — Панкрат снизу вверх тепло взглянул на Устина блекло-голубыми, точно выцветшими от постоянного горнового огня глазами, потом лукаво подмигнул: — А ну, попробуем?!

Он подал Устину кувалду, сам шагнул к пышашему жаром горну. Клещами выхватил из углей добела раскалённую заготовку, положил её на двурогую наковальню. Перекинув клещи в левую руку, правой выдернул из-за голенища сапога лёгкий, на длинном черенке, молоток и простучал брус-заготовку, сбивая пепельно-бурый налёт окалины. Поковка стала изжелта-белой, как кусок полуденного солнца. Панкрат, придерживая её клещами, несильно тюкнул по её утолщённому концу.

«Так», — пригласил молоток. «Бам!» — отвечая ему, тяжело и тупо ударила кувалда. «Так», — нацелил молоток. «Бам!» — опустилась в указанное место кувалда.

— Стоп, стоп! — чуть погодя вскрикнул Панкрат и молотком погрозил Устину. — Ишь, раскувалдился... А ну, ежели полегче.

Устин виновато и услужливо закивал.

Весна того года сулила хлебородье. Зоревыми утрами, шагая к кузнице, Устин с отрадой ловил всюду приметы урожайного лета: сугробы стояли вровень с заборами и сараями, но не вплотную привалясь к строениям, а имея промежки; деревья по ночам укрывались пышным инеем; проруби на речке были всклень полны воды — предвестие большого разлива. А много воды — много травы. Уверовав в хороший хлебный год, люди щедрее кормили ослабевшую за зиму скотину, смело вытряхивали запасы сена и фуража, везде — на колхозной ферме и в избах — телились коровы, в мягком сыром воздухе плавали запахи парного молока и ещё какие-то неуловимые, тревожащие сердце запахи весны. Фросья целыми днями пропадала на ферме, иногда бурёнки телились по ночам, и она являлась домой лишь к утру. Однажды в полночь Устин принял теленочка от собственной коровы, завернул в мешковину мокрого белолобого бычка и перенёс его из сарая в избу, к тёплой печке. Теленочек скоро обсох, поднялся на слабые ноги и стал радостным приобретением Павлика и Василька. Но пуще радовались ребятишки новому, обильному, весенне-густому и сладкому молозиву.

Ещё белели кое-где по северным склонам увалов лепёшки снега, по утрам ещё случались холодные густые туманы, однако земля поворачивала к теплу, дни солнечно удлинялись, небо высилось и голубело — природа торопилась жить радостями и заботами весеннего благоденства. В один из майских вечеров с речки и полноводной запруды донеслись вожделенные стоны лягушек, а это значило: земля прогрелась — пора сеять.

В эти дни кузница стала самым людным и важным местом в деревне. Дел скапливалось невпроворот. Однако весенняя непогода будила в деде Панкрате все его застарелые хвори, и Устин нередко оставался у наковальни один. Колхозный полевой инвентарь поизносился, обветшал, ремонтировать его было нечем: на складах МТС ни запчастей, ни металла. Школьники уже не счесть который раз все задворки обшарили, все ржавые железки к кузнице сволокли. Сам Васенин частенько сиротски пасса на станции, кое-что выцыганивал у железнодорожников, у строгих проводников эшелонов, что везли с фронта в глубь Урала искорёженные самолёты, пушки, танки, тягачи... Доставленный в кузницу разный металлический лом трудно было пустить в дело. Но голь на выдумку хитра. Как бабы, приноровившиеся кроить из всяких обносков ребятишкам одежду, так и кузнец латал маломальски пригодное дляковки железа, обновляя и закаляя его в огне и воде. Нехватка поковочного материала вынуждала Устину и Панкрата часто прибегать к сложной операции — кузнечной сварке. Для сварки требовались отборный мелкий уголь — «орешек» — и чёрный речной песок, так называемый флюс. Премного надобно было знать и уметь кузнецу, но раньше всего ему следовало иметь ровную терпеливую силу, выносливость: целодневно бухали у горна кувалды, лёгкий кузнечный перезвон неумолчно носился над крышами домов, чем-то веселя и подбадривая людей. Только Устин не слышал этих звуков, хотя создавал их своими неусыпными руками.

3

Жил он в глубокой, нерушимой тишине. Таким себя он чувствовал, бывало, в детстве, когда, купаясь в пруду, набирал в лёгкие побольше воздуха, погружался далеко под воду и плыл с раскрытыми глазами в зеленоватой немой глубине. Вот и теперь привычный шумный мир ему словно бы заслонила непроницаемая, мёртвая толща воды. Однако он не был глухонемым с рождения, он имел большой опыт нормальной звуковой жизни и теперь часто полагался на память слуха. Она теперь озвучивала ему пение петуха, мычание коровы, шум дождя, скрип снега — всю ту жизнь, которую он созерцал вокруг, но не слышал. Окружающее он воспринимал лишь глазами да по запахам, и, где бы ни находился, его обступала гробовая тишина. Он не слышал даже собственного кашля. Но в этой тишине зорко и строго жили его мысли — невысказанные слова, которые слышал только он один. Иногда во время бритья он пристально и глубоко вглядывал-

---

ся в своё лицо в зеркале; оно казалось ему нисколько не изменившимся, привычным, прежним, как и полгода или пять лет тому назад, когда он был здоров. И он робко начинал верить, что эта дурная поломка в его натуре, никак и ничем не отразившаяся на его внешности, временная несуразица, как всякая проходящая людская хворь. Ему верилось в это ещё и потому, что в снах к нему возвращались звуки, он пел, смеялся, разговаривал с Фросей и детишками... Но пробуждение отключало звук, и, проснувшись, он снова ощущал себя словно бы запечатанным наглухо со всех сторон.

Умаяя Устинову порчу, Фрося делилась с товарками:

— Он и в ребятах, сами знаете, хоть и пел, на гармонии играл, да был не шибкий говорун. Иные, слушаешь, языком кружева плетут, а Устя мой больше молчит да поглядывает ласково. Так и уговорил, увёл меня глазами...

Теперь она жалела и любила его, калеку, ещё нежнее, чем прежде, любила с благодарностью за его прошлое и нынешнее ласковое внимание к ней, за то, что душу в ней разглядел, а не что-либо другое. В девках Фрося высокой, сухопарой была, все юбки и платья шила ей тётка, потому как из привозных в сельмаг женских нарядов ей редко что подходило. Из-за своего высокого роста терпела она и другие неудобства: в школе сидела на последней парте, в клубе — в задних рядах. Вечеринки и хороводы тоже мало давали радости: кому из парней сподручно было идти в круг с дивчиной выше себя ростом? Устину она в самый раз подошла. И ростом и душою. А когда родила одного за другим двух сыновей, он ещё больше её зауважал. А тут война — беда всесветная... Устин трудно привыкал к своему новому положению. Надеясь на выздоровление, на поправку, он, однако, страшился, что глухая немота, как смертельная болезнь, разрастётся по всему телу, поглотит его целиком, потушит свет в глазах, задавит дыхание. И он торопился любить Фросю, жалел и ласкал её с какой-то горячей прощальной неистовостью и был несказанно обрадован, когда она затяжелела...

— Слышишь? — шёпотом сказала она ему однажды в кровати, прижимая его голову к своему животу. — Ах да ничего-то ты не слышишь.

Фрося нашла ладонь мужа и положила её поверх сорочки себе на живот, хотя в нём не было заметных признаков беременности. Но Устин понял её, догадался обо всём и бережно провёл ладонью по-девичьи плоскому пока, но сулящему счастье тёплому животу Фроси.

— Давно не рожали здесь наши бабы. Я буду первой!.. Слышишь?!

Радовался и Кузьма Данилович, который непрестанно оплакивал в душе горькую долю Устина. Ан, глядь, и Устин богом не забыт. Расшиблен контузией, однако нутром исправный мужик. Значит, дедушевский род продолжаться годится. А там внуки подрастут, сохранят честь фамилии. Они да Устин — вся надежда Кузьмы Даниловича, довериться ему больше некому. Старший сын убит под Москвой, старуху свою он недавно схоронил, а теперь и сам одной ногой стоял в могиле...

Жалеючи беременную жену, Устин взял на себя многие её заботы по дому: таскал на коромысле воду из колодца, по утрам топил печь. Случалось, Фрося задерживалась на колхозной ферме, тогда он сам доил корову, готовил ужин и, вконец усталый, ласково встречал жену, нежняя от мысли, что он как может помогает ей лучшим образом исполнить главное своё женское дело. И хоть дело ожидалось привычное, однако Устин переживал, как никогда прежде, и ребёнка ждал, словно некое чудо, веря и не веря, что оно свершится. Сыном ли, дочкой одарит Фрося — ему было всё равно. Крепенького, здоровенького младенца-крикуна — вот что он желал для дома, особенно для Фроси. Побольше голосистых детишек в семью, думалось ему, тогда и его немота проклятая не так заметна будет, намного посветлеет жизнь.

Не успели передохнуть после посевной, навалилась сенокосная страда, увела в луга всю деревню. Устин на целую неделю отложил кувалду, чтобы пойти и поддержать слабый отряд косарей, состоящий в основном из баб да девок, если не считать Фёдора Бредихина, одного, на деревянном протезе Семёна Грулёва да Степана Васенина, ремнём приладившего черенок косы к левой руке-культишке. По нездоровью не смогший встать в строй косцов Кузьма Данилович старался оказать им посильную помощь. Он правил, точил косы, лёгкими граблями наравне с ребятишками ворошил в валках сено, давал девчатам советы, как вершить стога. Устин, в потемневшей на груди и лопатках ситцевой рубашке, двигался правофланговым в коленчатом ряду косарей, приветственно иногда взглядывал на отца издали, вспоминая, как в довоенную пору выходили Дедушевы на эту луговину всей семьёй. Даже в часы перекура Кузьма Данилович, тогда ещё сильный, кряжистый, мастера козью ножку, продолжал натаскивать Андрея и Устина, своих сыновей, взращивая в них землелюбцев. Много толковых подсказок услышал от отца Устин, запомнил, к примеру, что самое лучшее сено то, которое с краин хлебных полос да с высоких мест снято. Беречь его

надо для молодого скота либор для отнятых от матери телят и ягнят. А вот с мокрых низин по пустошам сено идёт грубое, кислое — годится для баранов, лошадей и возового рабочего скота...

«Как просто и ладно шла у нас жизнь. Мать и Андрюша живы-здравы были. И отец на немочи не жаловался, хоть на тракторе, хоть на комбайне, хоть плотничать — всегда готов. А теперь, гляди-кось, что тебе подрубленное дерево — не валится, но и стоять прямо уже не в силах. Сгорбился, поседел батя, и среди мужиков ключевских уже ни дела, ни места ему не находится, только и осталось вот прибаутками ребятишек тешить да амбары колхозные стеречь», — устало размышлял Устин, помахивая литовкой, прорубаясь сквозь зелёную стену житняка и пырея к стоявшему на взгорке отцу.

Конец сенокоса был отмечен редким для Ключевки мероприятием — показом кинофильма. Председатель загодя послал в район Фёдора Бредихина на полторке, тот привёз девушку-киномеханика и всю её нехитрую с виду, но диковинную аппаратуру — несколько жестяных ящиков и старенький движок. Кино у ключевцев бывало так редко, что всякий раз вызывало неопишное ликование у ребятни. Мигом разносили они по дворам весёлую весть и уже задолго до начала сеанса толклись, вертелись возле маленького клуба, напрашиваясь на какие-либо поручения киномеханика — человека редчайшей, чудотворной профессии.

В час заката, встретив стадо и подоив коров, хозяйки, наспех принарядившись, несмело потянулись от дворов к клубу. Почти каждая несла табуретку или скамейку, а в карманах — семечки. Устин и Фрося пришли с сыновьями, которые прихватили с собой длинную скамью и поставили её в наилучшем месте. Поскольку клуб был мал, кино решили показывать прямо на улице, под тёплым звёздным небом. На торцевой части клубного зданьяца вывесили сшитый из трёх простыней желтоватый экран, движок оттащили подальше, за угол, чтобы своим тарактением тот не мешал смотреть и слушать кино. Когда все расселись по местам, девушка-киномеханик развернула большой лист бумаги, на котором крупными красивыми буквами было написано название фильма. Встав затем на подмосток из ящиков, где громоздилась киноаппаратура, девушка вдобавок к афише пояснила, что в этой картине показывается, как советские войска расколошматили фашистов под Сталинградом. Девушка попросила всех быть внимательными, ведь фильм документальный, всё в нём такая чистая правда, что среди бойцов на экра-

---

не каждый зритель может своих родных и близких признать, увидеть. После этих её слов все замерли, девчата даже семечки перестали лузгать и заворожённо уставились на экран.

Девушка-киномеханик пошла заводить движок. Но тот лишь фыркал, чихал, не слушался её. Меж тем сумерки сгущались, люди тихо и доверчиво сидели в темноте. Из рядков поднялись Фёдор Бредихин, затем Устин, пошли к киномеханику на выручку. Спустя минут пять движок затарахтел, над киноаппаратурой вспыхнула лампочка, девушка быстро взошла на подмосток, заправила ленту, но движок снова заглох. Бредихин и Дедушев опять присели и впотьмах стали ковыряться в нём. «Карбюратор барахлит, дроссельная заслонка разболтана... Видишь, эта штуковина не держит, сползает от тряски!..» — кричал в ухо Устину Бредихин. Наконец движок заработал, из выхлопной трубки вылетели дымок и искры. Кино началось. Бредихин побежал к своей табуретке, но вернулся к сидевшему на корточках возле движка Устину, дёрнул его за локоть. Устин отмахнулся: дескать, смотрите кино, а я движок покараулю. Он неотрывно держал какой-то рычажок на моторе, Бредихин понимающе кивнул и вернулся на место.

Сквозь открытые окна и пустое нутро клуба Устин видел лишь уголок обратной стороны экрана, который то освещался какими-то вспышками, то чернел от дыма немых взрывов, то проглаживался гусеницами танков... Над головой Устина висели крупные звёзды, из поля наплывали пресные запахи созревающей ржи. И он стал с тихой отрадой смотреть в тёмную даль, откуда слышались эти запахи тучных в нынешнем году хлебов. К фосфорически вспыхивающему уголку экрана Устин повернулся спиной, так как был совершенно убеждён, что никакое, даже самое мудрёное, кино никогда не сможет воссоздать, показать и крохотной доли того неслышанно кровавого побоища, в котором он, Устин, поучаствовал рядовым номером противотанкового орудийного расчёта.

Наутро в кузне он работал один. Дед Панкрат опять прихворнул на бог знает какой срок. В таких случаях Устин просил себе помощника. В молотобойцы ему обычно выделяли расторопного смышлёного паренька Колю Осенкова. Подойдя к правлению колхоза с этой своей просьбой, Устин увидел толпу: шло утреннее распределение людей по работам. На крыльце стоял Васенин и, взмахивая единственной рукой, отдавал распоряжения, суть которых Устин пытался уловить по выражению лица председателя.

— Нынче будем так: кого покрепче — сено возить, кого послабее — картошку полоть. А главную силёнку для жатвы копите, бабоньки. Хлеба эвон какие подходят! — негромко, но твёрдо говорил Васенин.

Женщины выкрикивали свои встречные заботы, вопросы:

— Мыло сулил добыть, председатель. Где же оно, мыльце?

— А соль когда привезут?

— Так-так, бабоньки, — тянул Васенин. — А что Корюшина тёсу не просит?

— Ты же скажешь, тёс на коровник нужен, — усмехнулась Нюра.

— Вот, бабоньки, — подхватил Васенин. — Берите пример сознательности с трактористки Корюшиной.

Женщины не успели отреагировать на эти слова председателя, как Нюра снова подала голос:

— Ты мне не доски, а мужика подай... Будет ненаглядный рядом, будут и доски, и всё другое...

Одна из женщин не больно шлёпнула по затылку вертевшуюся возле неё девочку, прикрикнув: «Марш домой... чего уши развесила?!»

— Да-а, что так, то так, — почёсывая висок, сказал Васенин. — Вдов, солдаток у нас полсела, а тут вот ещё девки подрастают. — Он чиркнул глазами по стоявшей у завалинки стайке пятнадцати-шестнадцатилетних девчонок с граблями в руках. — Им тоже ненаглядных подавай. А где их взять-то?.. Подождём до победы...

В эту минуту что-то зашуршало в чёрном раструбе репродуктора на столбе, потом прорвался, сурово-торжественно зазвучал голос Левитана:

— ...Советского Информбюро

— Тихо... — начал было Васенин и замер на полуслове, люди тоже разом смолкли: муха пролетит — услышишь.

— ...Вчера, третьего июля, преследуя отступающего противника, охватывая фланги его группировки, танкисты 3-го Белорусского фронта с северо-востока, 1-го Белорусского фронта с юга ворвались в город Минск! К исходу дня столица Советской Белоруссии была полностью освобождена от немецко-фашистских захватчиков!..

Дальнейшие слова диктора, сообщавшие о количестве окружённых под Минском гитлеровских войск, потонули в разноголосых криках «ура!».

Устин стоял недвижно, не находя повода вписаться в общее ликование небольшой толпы пёстро и бедно одетых людей.

— Слышь, Устин? Наши Минск взяли! — подбежав к нему, закричал Васенин и обнял его. Устин улыбнулся растерянно, не понимая всё же истинной причины торжества земляков.

Тогда Васенин схватил какой-то прутик и, приговаривая: «Отойдите, бабы, отойдите-ка», вывел на песчаной земле неровными буквами слово «Минск».

Устин закивал, взялся за воротник гимнастёрки и распахнул его, словно ему стало жарко.

Чуть погодя, когда люди разошлись, он подошёл к Васенину и жестами пояснил, что Панкрат занемог и в кузню на пока послать бы Кольку Осенкова.

— Николаю вчера повестка пришла, — сказал Васенин и помахал рукой, растолковывая. Помолчав, тихо добавил: — А моя Танька прямо-таки присохла к парню... И не дай бог, если чего такое с ним... Пропадёт с тоски девка...

Этой глубокой тайной тревогой Васенин мог смело поделиться сейчас лишь с Устином, мудро глядящим, но безответным, как икона.

4

Как-то в погожий осенний полдень Устин, не дождавшись Панкрата, стал готовить оснастку к сварке. Насеял «орешка», песку, зубилом нарубил из прутка заготовок, посовал их в огнедышащий жар очага и пошёл на солнышко покурить. На дороге он скоро увидел Павлика с узелком в руках. «Вот уж и завтрак идёт», — Устин заулыбался подошедшему сынишке. Пока закусьвал, Павлик взял фанеру и мел, писал ему слова и цифры, сообщал домашние новости: помог мамке подмести двор, рубить капусту..

Устин грубовато прижал Павлика к груди, словно давая послушать в своём немом теле биение ласкового сердца.

Тут в дверном проёме показали конюх дед Гаврила, а за ним — две лошадиные морды. Конюх жестами пояснил цель своего прихода, оставил лошадей у коновязи и, войдя в кузницу, сел на скамейку рядом с Устином. Устин не спеша докурил самокрутку, шагнул к стеллажу, достал ящик с набором подков и ухналей и, взяв с наковальни молоток, вышел на волю, к лошадям.

Старая рыжая кобыла с потёртыми боками и провисшим брюхом сонно стояла на разъехавшихся в стороны коротких ногах, словно бы обутых в изношенные башмаки. Копыта бугрились кольцевыми наростами, загнутые края были исчерблены и потрескались. Устин жалостливо погладил кобылу по загривку, затем поднял и осмотрел правое копыто с остатками старой стёртой подковы. Не работа, а нака-

---

зание — чинить такие копыта. Панкрат тут не смолчал бы, и для кобылы и для конюха нашёл бы ядрёное словцо. Устин же молча и скоро подковал конягу, обрезал и напильником зачистил щербатые края копыт. Кобыла будто новую обувку приобрела — крепко стояла на песочке и казалась помолодевшей.

Другую кобылицу, тёмно-каурюю, совсем юную, с гладкими, блестящими роговицами копыт, Устин мыслил подковать ещё быстрее, но каурка была беспокойна, косила глазом, прядала ушами и вздрагивала от малейшего прикосновения.

— Тпру, стоять! Ну, чего ты?.. Сколько кобылке ни прыгать, а быть в хомуте. А ты потерпи, но, но... — с грубой лаской басил Гаврила, и всё круче наматывал на локоть поводок уздечки. Однако удержать кобылицу в смирении он не мог.

— Уйди, а то зашибёт! — крикнул он Павлику, стоящему у коновязи.

Устин перехватил из рук конюха ременный поводок и привязал к бревну-перекладине. Кобылица покорно опустила голову, но стоило Устину взять её за переднюю ногу, чтобы поставить копыто в станок, как она пугливо шархнула от него. В тот же миг Гаврила вскрикнул и запрыгал на одной ноге, подпрыгивая другой, отдавленной. С искривлённым от боли лицом он вдруг кинулся к лошади и со всего маху ударил её кулаком по морде. Каурка метнулась в сторону, натянувшийся поводок круто и больно свернул ей голову, удила врезались в губы. Захрапев, кобылица прыгнула назад, к коновязи, встала на дыбы и, оборвав поводок, помчалась в степь. Устин не углядел, как она задела и сшибла Павлика. Мальчик валялся в пыли, из носа лилась кровь. Устин подбежал к нему, подхватил на руки и заглянул в лицо. Павлик был без чувств.

— Гы-ы-у-ы-ы! — дико заорал Устин, вглядываясь в полузакрытые глаза сына.

Отчаяние и ужас потрясли его, и он чуть не уронил Павлика. Подошёл Гаврила и стал прикладываться ухом к груди мальчика, марая себе щёку в кровь.

— Дышит маненько. К фельдшернице его скорей, — сказал он, обмирая от беспомощности и страха.

Павлик очнулся лишь в медпункте, куда его принёс Устин. Как только ему смыли пыль и кровь с распухшего лица, забинтовали ссадины, он виновато улыбнулся отцу и из медпункта пошёл домой сам. Устин же не мог никак отойти от пережитого, оцепенел весь, машинально шагал рядом с Пав-

---

ликом и, не доверяя глазам, держал его за руку, живого, родного, едва так бестолково не погубленного...

Проводив сына до дома, вернулся в кухню, повыбрасывал из углей пережжённые железки и присел у окна. Потрясение сменила вдруг внезапная, неестественная какая-то усталость и даже сонливость. Перед окном тихо, как во сне, паслись на выцветшей луговине телята, попыхивал дымком трактор, таща за собой прицеп, доверху нагруженный сеном... Всё передвигалось беззвучно и как-то замедленно. В запылённое стекло бился шмель, желая вырваться на волю. Устин долго и бездумно смотрел на него.

Вдруг он почувствовал угрозу, которая рождалась небом. Там, в вышине, в голубых проёмах, что-то тревожно переменялось, издалека тоненько, невнятно стало жужжать... Устин огляделся вокруг, тряхнул головой и напрягся весь, даже на миг зажмурил глаза, норовя уловить, ощутить то, что показалось ему тихим, отдалённым звоном комарья — рождением звука. Так сидел он минуты две, как бы проникая, жадно углубляясь в себя, в это своё непонятное ощущение, принимая странный шум в ушах за очередную новую каверзу контузии. Но вдруг по-солдатски сообразил, что это вовсе не комариный зуд, а тот, схваченный памятью навек, леденящий душу рокот нацеленной в тебя с неба крылатой смерти...

«Ага... летят, сволочи! Ишь, как тихохонько подкрадываются. А что бомбить-то целитесь — теляток тех, меня или кого?.. У, подлые!» — вскипел от старой ненависти Устин, ощущая гибельную беззащитность родной деревеньки и собственную беспомощность заслонить её от надвигающегося урчания вражеских бомбардировщиков. Внутренне сжимаясь, Устин цепко вглядывался в небо, ища знакомые грязно-зелёные самолёты, чёрные кресты на крыльях, но ничего не увидел. Однако угрожающее жужжание не стихало, а нарастало. Устин тряхнул головой: что это в нём — сон, навяждение?

«Жжу-жж-жжу-у», — всё явственнее слышалось ему, и он стал ловить шмеля. Он прижал его к стеклу ладонью — звук сразу прекратился. Устин освободил шмеля, тот густо зажужжал, шаря по стеклу, и опять весь мир наполнился угрозой бомбёжки. Но Устин уже понял, в чём дело. Лицо его исказила страдальческая улыбка.

В страхе и радости замер он трепетно перед воскресающей в нём звуковой жизнью, от которой отвык, был надёжно спрятан, защищён непроницаемым панцирем. Теперь панцирь разваливался, обнажая Устина для озвученного бытия, которое с каждой минутой всё явственнее объявлялось скрипом

неприкрытой двери, гомоном орущих на крыше воробьёв, потрескиванием в очаге горящего угля... Звуки доходили до него ещё не совсем внятно, а как бы сквозь вату, и потому казались ненастоящими, и он не верил им, не верил своему возвращению из плены глухой немоты, куда был ввергнут много месяцев назад мощным взрывом снаряда, а после долгих мытарств по госпиталям комиссован из действующей армии как инвалид и отправлен домой.

В дверь кузницы воровато прошмыгнула собака-шатоха и, не заметив у окна Устина, зашарила в углу. Устин замахнулся на неё и крикнул:

— Гы-й ты!

Собака с визгом метнулась к двери, а Устин, услышав её слабый визг и свой голос, замер от радости и испуга. Потом стал тихо ходить взад-вперёд по земляному полу кузницы, бережно нося в себе драгоценную новость, радуясь ей и не веря. Чтобы не спугнуть, а утвердить эту радость, он взял молоток и слегка ударил по наковальне. Звон металла мягко толкнулся в уши, и Устин с наслаждением поймал момент ударного прикосновения молота к наковальне. Раньше этот момент подтверждался лишь рукой и глазом. Теперь он слышал. И какое это, оказывается, добро для кузнеца — слышать удар молотка!

Устин, поработав мехами, побросал в угли железки, а когда они покраснели, взял клещи, выхватил из белого жара раскалённый прут и положил его на наковальню. Вдоль стены в пирамиде рядком, по росту стояли кувалды. Он выбрал средний молот и, придерживая поковку клещами, взмахнул озвученным и оттого сделавшимся очень лёгким молотом. С обновлённой силой и весёлым азартом он более часа ковал зубья для борон, а в минуты перекура садился лицом к двери и, вытирая пот со лба, с тревожным нетерпением ожидал людей. Переживал он примерно то чувство, с каким человек после долгой разлуки с трепетом приближается к родному дому и думает, как его встретят, какой от этого случится переполох. С каждым часом в нём росло нетерпение поделиться с кем-либо из людей радостью, и ему более не хотелось находиться одному. Он вымыл руки и засобирался домой.

Выйдя из кузницы, Устин свернул с дороги, и напрямик через желтеющую пажить крупно зашагал вниз, ко дворам. На могучих осинах у пруда с весёлой деловитостью орали грачи, сбиваясь в отлётные стаи, с крыш сараев воинственно-радостно вскрикивали разномастные красивые петухи, над головой лёгкими стрелами проносились ласточки-касатки, на маленьких лужайках перед окнами дворов важно пас-

---

лись дородные гусыни, ревностно, со злой бдительностью стерегущие свои повзрослевшие выводки.

Когда Устин поравнялся с одной такой гусиной семейкой, на него в тот же миг, хищно изогнув шею и по-змеиному шипя, кинулась молодая гусыня. Он остановился, с приятной покорностью ожидая её приближения, и мирно протянул навстречу руку, чтобы потрогать, погладить её серую продолговатую головку и красный, яростно расшиперенный клюв.

И это угрожающее шипение птицы, и кагаканье грачей, и донёсшийся откуда-то грубый скрип тяжёлых ворот, и занудливое поскуливание поросёнка в чьём-то хлеву, и даже шарканье собственных старых сапог по шершавой дороге — все эти звуки, привычные и прежде почти не замечаемые, как воздух, теперь несказанно радовали его. Новыми глазами смотрел он на деревья и заборы, на птиц и животных, на дома и небо — всё было прежним, и всё было совсем иным: щебетало, чирикало, шуришало, пело... Кончилась немая пуста, и от благодарности к совершившемуся в нём, с ним и в окружающем его звенящем мире, от растущей в душе отрады, счастья Устину вдруг захотелось сейчас же, не теряя ни минуты, подключиться к этой жизни... Он остро чувствовал, что хлынувшие отовсюду звуки заполнили всё его трепещущее, ликующее тело, оно стало певучим.

Он гмыкнул, воскликнул что-то и резко, неуклюже запел: — Э-эх, встре-иы-чала м-мать сы-ыночка...

Язык оказался неповоротливый, слова складывались трудно, непослушно, и Устин понял, что говорить ему придётся учиться заново. Проходя мимо отцова дома, он свернул к знакомой калитке.

Отец копошился в опустевших огородных грядках, сгребая в кучи картофельную ботву. Устин подошёл к нему сзади, схватил в охапку и, покружившись с ним, посадил на ворошок ботвы.

— Э-ей, ты что, Устин, аль спятил совсем? Пусти. Будет дурить-то. Дурачился бы кто другой, а не ты, горе наше горькое, — отбиваясь от сильных и весёлых рук сына, вскрикивал Кузьма Данилович. — Ну, как там у Павлика, полегче?

Устин стоял перед отцом и какими-то ошалелыми глазами смотрел ему в лицо, не замечая его машущих, что-то спрашивающих рук. Жесты теперь были лишними. Он слышал родной, глуховатый, с дрожащей старческой хрипотцой голос отца и, счастливый, вдруг с горечью подумал о тех многих немых беседах, когда отец вот так же взмахивал руками, шевелил губами. «Каждый раз балакал со мной, как с рав-

---

ным, хотя и знал, что я не слышу его. Много же слов отцовских в меня, как в камень, ушло безответно...»

— Ну, коль ощеряешься, значит, отлегла беда... — Кузьма Данилович встал, отряхнулся и, подойдя к сениям, крикнул в открытую дверь: — Эй, Варвара, накрой на стол. Устин к нам пожаловал!.. Да, сынок... Живём мы близко, а ходим редко. А что бы тебе прийти да повидаться. Оно мне, старому, всё легче бы... Один я, что ни говори. Варвара живёт тут для женского пригляда. Ну, пошли, отведай наших щец.

— Не... я ды-ымой, — заикаясь, сказал Устин.

Кузьма Данилович вздрогнул, смятенно уставился на сына.

— Господи, аль я ослышался?.. Вроде ктой-то говорил сейчас...

— Я г-говорил, б-батя, — громче сказал Устин и шагнул к отцу.

Испуганно моргая, Кузьма Данилович попятился и, точно оглушённый, сел на старую колоду у плетня.

— Сынок, как же... Неужто слышишь меня, а? Устинушка, вот дожили! Ах ты господи... Нет, не пропали мои молитвы. Ну, садись, поговорим, сынок. Скажи мне... Давай обо всём. Отчего голос-то возвернулся? — От волнения у Кузьмы Даниловича случилась одышка, мутновато-серые глаза застлали слёзы. — Ну-ка, скажи ещё словцо какое, сынок... Не молчи ты, говори со мной, разговаривай... Значит, отошла, выветрилась контузия? Я слышал, такое бывает. Ну, пойдём в избу, пошто уселся-то я? По такому случаю мы сейчас...

Кузьма Данилович поднялся с колоды, припал обнажённой седой головой к груди сына и умиротворённо замер. Устин слегка прижимал отца и чувствовал, что только теперь он вернулся с фронта по-настоящему, весь, целиком, только с этого дня для него распахнётся новая, полноценная жизнь.

— Здравствуй, Данилыч! Газетку вам положила, — послышался деланно-весёлый девичий голос, над заборчиком мелькнула и поплыла красная косынка почтальонши Татьяны Васениной.

Кузьма Данилович внимательно и хмуро поглядел в её сторону:

— Горе по дворам таскает, боюсь я её. Как принесла на Андрея похоронную, стал я пужаться одного вида её. Идёт Танька встречь, а я за угол. — Он отстранился от Устина и опасливо огляделся по сторонам. — Она не подслушала нас, Устин? Давно она у калитки-то? — вдруг встревожился он.

— Н-не знаю, — ответил Устин, не понимая, с чего бы это в отце такая перемена.

Кузьма Данилович, озираясь, прошёлся по двору, словно придумывая, куда бы спрятаться. Постоял немного в раздумье, затем подошёл к почтовому ящику, что висел на внутренней стороне ворот, вынул районную газету и вернулся к Устину.

— Не вижу без очков. А ты не разучился? На-ка почитай. Как оно там?.. — Кузьма Данилович подал газету Устину. Тот минуты две вертел её в руках, обыскивая глазами.

— К з-зимовке г-готовятся, — ответил Устин.

— Нет, нет. Ты мне фронтовые новости найди. Что там?

— А н-ничего. Вот н-написано... «На ф-фронтах с-существенных перемен не п-произошло, идут бои м-м-местного з-значения».

— Где сейчас немцы, а где наши? — нетерпеливо перебил его Кузьма Данилович.

— Об этом т-тут не п-писано.

— Зато я знаю. Глазами слаб, но, слава богу, радио в доме есть. И вот что я тебе скажу, сынок... Воевать нам с немцем недолго...

Кузьма Данилович воровато покосился на избяную дверь, взял сына за локоть и повёл в дальний угол двора, где под навесом хранились штабеля кизяка. Не сговариваясь, сели на чурбан-плаху.

— Я так рад за тебя, сынок, аж дрожу весь. Ты теперь как заново на свет родился, — горячо продолжил Кузьма Данилович. — Один ты у меня. Один. Во-от... И я не хочу тебя потерять, никого у меня тогда не останется... А на войну людей не напасёшься. Деревню-то, гляди, подчистую вымела, все ребята ключевские тама. А многих уже оплакали, схоронили заглазно. И я не дам! Не хочу... Хватит ей, прорве ненасытной, Андреевой гибели. Лежит Андрюша в земле. И ты, сынок, ляжешь. Вот и... прикусим до пока радость-то. Да. Нельзя тебе сейчас здоровым объвиться, сразу упекут туда, откель пришёл. Калякать, рассуждать ноне недосуг. Проверят: здоров — и всё, суши сухари в дорогу... Не хочу, не дам!

Кузьма Данилович всхлипнул, приложил лацкан пиджака к мокрым глазам. Устин не совсем ещё, видно, понял отца, остолбенело сидел, глядя перед собой в никуда.

— Ну вот. З-зашёл п-п-порадовать, а тут... — только и сказал, вздохнув.

— Ты отдал своё, сынок, отвоевал. Я с гражданской с двумя ранениями вернулся. Андрей под Москвой костями лёг. Шабаш! Мы, Дедушевы, отдали войне оброк. Пушай другие так-то... — перестав всхлипывать, вдруг горько-ожесточённо закричал Кузьма Данилович.

— Я дом-мой пойду. Фросю х-хоть п-порадую, — сказал Устин и встал.

— Ты сдурел?! — Кузьма Данилович рванул его за штанину. — Аль опять оглох, не слышишь меня?.. «Фросю порадовать!» Ты ей живой нужен! А потому прикуси язык. Ради Христа, Устин, прошу тебя: ни единого словца никому. Только дурак сам на себя доносит.

— Так неужель Ф-фросе не сказать, ж-жене?!

— Скажи курице — она всей улице. Ноне узнает семья, завтра вся деревня... А ты погоди с месячишко... Заика ведь! Кому ты на фронте такой пригоден?!

— З-зя ты, батя, т-трухаешь. Н-ничего со м-мною не будет.

Кузьма Данилович вскочил с чурбака, встал перед Устином, положил ему на плечи руки, как бы умиряя и удерживая его.

— Ты сейчас колхозу нужнее. Вся кузня тобой держится. Ты тут войу кувалдами... И пока подержи язык на привязи.

— Я Ф-фросе... одно с-словцо х-хочу, — запротестовал Устин.

— На хотенье есть терпенье! — жёстко, с прежней отцовской строгостью оборвал сына Кузьма Данилович. — Главное — погодить малость, обсудить... Ты же не какой-то дезертир, бегляк, ушкуйник. Не из тех, кои в лесах шаньжничают да по чердакам и погребам прячутся. Ты у людей на виду, красна твоя работа. Васенин не нарадуется, слышь, на тебя. Вот и живи. И не гляди на меня так. Добра желаю! Да!

Слова отца выстуживали из души Устина горячую радость, он сопротивлялся этой неожиданной злой перемене, не успевал осмысливать, а лишь возмущённо-растерянно чувствовал вероломный какой-то оборот дела: торопился в родительский дом, чтобы отца осчастливить, но лишь огорчил, озаботил; хотел семью порадовать, но, оказывается, делать этого никак нельзя — опасно. Да что это за радость-счастье, коль его запретно даже с самыми близкими людьми поделить?!

— Е-ерунду ты г-городишь, батя. Я там не из п-пужливых был, в-воевал п-по совести, две м-медали имею... А теперь мне в-вроде бы от р-родных детей т-таиться, в м-молчанку с людьми играть, д-да? Такою-то к-к-кабалу на с-себя в-взвалить! Ну, нет!.. Этого я к-как р-раз и не с-с-смогу, — полуотвернувшись от отца, с досадой, сбивчиво и трудно говорил Устин.

Он уже жалел, что по пути из кузницы завернул к родительскому дому. Минуй он этот разговор с отцом, всё дальнейшее обошлось бы, пожалуй, легко, просто, радостно. Те-

---

перь же радость была скомкана, смята на корню, душу обволакивала тягостная сумятица, и Устин с укором взглянул на сникшего от его последних слов отца. Стало ему вдруг жаль старика.

— Чего загодя г-гомриться? — помягче сказал он. — З-зачем бы м-меня на фронт? Я к-комиссованный.

Эти слова несли Кузьме Даниловичу некое утешение, сулили надежду: не такой уж Устин твердолобый неслух, чтобы отцовский совет лягнуть.

— Мне — что? Мне жить с локоть. Я за тебя, сынок, радею. А ты послухал бы меня, не то навсегда опоздаем, — моля и грозя, заговорил он и с тоскливым отчаянием посмотрел Устину в глаза. — Он, недуг твой, мог не сей день, а в другой раз, скажем, отступить. Для тебя и меня глухонемость твоя проклятая, слава богу, ноне кончилась, а для людей пусть когда-нибудь попозже... Кому про то знать, окромя нас с тобой? Побереги себя, Устинушка. Ради меня и деток своих. И Фрося, сам знаешь, третьим дохаживает. Ты уж дождись ребёночка, погляди...

Устин угрюмо, в вялом отупении стоял перед отцом, пытаясь собраться с мыслями и решить что-то, а для этого, как ему казалось, надо было остаться одному, поскорее уйти от отца. Словно разгадав намерение сына, Кузьма Данилович жалостливо-ласково заулыбался и потянул его за рукав:

— Пошли, Устин. Сейчас мы щец горяченьких...

Перед тем как войти в сени, Кузьма Данилович приложил крючковатый палец к своим губам и болезненно-просяще, но с каким-то жёстким предостерегающим огоньком в глазах вскрикнул шёпотом:

— Помни, Устин: ни слова! Не губи себя, сынок.

5

Отобедали молча. Устин без аппетита почерпал из чашки тёплых шей и встал из-за стола с прежним мрачным желанием идти куда-то и остаться наедине с собой. В груди было такое ощущение, будто его втискивают в помещение высотой ниже его роста, где распрямиться нельзя, просто смертельно опасно. И особенно тяжело было сознавать, что это слёзно-ласковое насилие и принуждение шли от родного отца, желавшего ему, сыну, добра и благополучия. Зломудрая и хитрая, как капкан, эта доброта. Непригодна, неприемлема она для него, хотя и проглядывает в ней отдалённый зыбкий резон...

С этими мыслями Устин вышел в прихожку и жестами объяснился с тёткой Варварой, громоздкой пятидесятилетней старой девой, для которой судьба так и не подыскала

желанного супруга. К тётке Устин всегда относился с печальным уважением и каждый раз при встрече, бывало, подбадривал её: «А ты, тётъ Варь, всё молодеешь!» На этот его постоянный комплимент тётка смешливо-грустно отвечала: «Куды! Вот уж и размоложиваюсь».

Устин задержал на смуглом, с жирными оплывами, постаревшем, но всё же приятном родном лице Варвары тёплый взгляд, легонько хлопнул её по круглому плечу, и едва не сорвалось привычно с его губ озорное, бодрое словцо.

— Да, да, Устин. Молодела я, молодела, да вот и размолодилась вконец, — будто прочтя по глазам его мысли, сказала Варвара и этими негромкими словами усмирила в Устине острое желание заговорить, порадовать тётку воскресшим голосом.

Заметив, как Устин нерешительно мнётся возле Варвары, Кузьма Данилович поспешно подхватил его за локоть:

— Отцепись ты, Варвара, не задерживай. У него кузня стоит открытая.

Когда вышли за калитку, он приглушённо сказал:

— Ну, ступай, сынок. И помни уговор: помалкивай. А дальше само собой всё наладится... А затоскуешь по разговору, пожелаешь язык порезвить, заходи ко мне. Дом наш, глянь, крепость. Двери, ставни — на запор, и, хоть песни кричи, кто услышит?.. Однако Варвары стерегись! Скрытная, ушлая бабёнка... Как-то летось стояли тут шофера военные. Проездом были. Так она с одним кучерявым с первого часу заигралась. Потом с мельницы один мужичок к ней наезжал. Ну, дело, знамо, житейское: и старая корова быка любит. Но не о том я... Она ведь что, Варвара-то? Она ждёт, когда я помру, и чтоб в доме хозяйкой осесть. Вскорости после гибели Андрея она и говорит мне: пока, дескать, ты в здравии, подпиши мне дом, чтобы в случае чего честь по чести законно я в нём проживать могла. Ишь куда?! Не строила, не потела, голодраной бобылкой прикатила сюда от своей арзамасской картошки в наши хлебные места, и мало ей, что живёт в тёплом углу при всём готовом хозяйстве. Мало! Теперь ей, толстобрюхой, весь дом отпиши, дворец этот рубленый... Я ей тогда мирно, как сестре, всё разьяснил. У меня ж, говорю, окромя убиенного Андрея, ещё сынок родной есть. Жив-здрав, только на фронте он сейчас, наш Устин Кузьмич. Вздохнула она с неудовольствием, да и говорит: ох, мало теперь оттуда живыми возвращаются. Это верно, соглашаюсь, и всё ж надо подождать, авось Устинушке нашему повезёт. А вскоре вот он и ты, лёгок на помине, появился. С того дня Варвара, прямо скажу, ленивее за домом стала следить, слабже мне помогать. Всё ей

в доме опречь души. Понял? И только открой ты сейчас рот, словцо одно скажи, Варвара-то первая на тебя и донесёт. Люди мы хоть и свои, родные, но лучше... подальше от греха. А мы давай вот как сообразим... — Кузьма Данилович оглянулся на окна дома и заговорщически-возбуждённо продолжал: — Мы наоборот всё повернём. Перевози семейку свою ко мне. Чего вам в саманушке ютиться, когда ишь какая хоромина пустует. Сладимся, постараюсь не в тягость вам быть... А Варваре, поскольку она баба одинока, вашу хату отдадим. Ей там просторно будет. А не понравится — пусть едет в Арзамас... Давай, Устин, так и порешим, а? И я покой обрету, и тебе тута легче... Будем бок о бок жить, друг за дружку стоять.

В тени, у ворот, с подсолнечной стороны, было ветрено и прохладно.

— Иди, батя, а то п-просквозит, — устало сказал Устин.

— Ты обо мне брось! Ты слухай, что те говорят! — У Кузьмы Даниловича опять взвился голос до былой отцовской строгости, но, заметив на задумчивом лице сына отчуждение и растерянность, спросил учтиво, с робкой надеждой на сыновнее послушание:

— Ты куды сейчас, не домой ли?

Устин, понуриив голову, промолчал. Как хотел, как рвался он сейчас домой, к жене и ребятишкам. Как очнулась бы, возликовала озвученная его голосом старая избёнка, давно уже немая для него, словно бы оглошшая! С замиранием сердца он час тому назад шёл, почти бежал из кузницы к домам, к семье, к людям, нёс им такое диво! И споткнулся у ворот родительского дома...

— В к-кузню я с-сейчас... д-докую зубья к б-боронам, — жалеючи отца, сказал он и, возмущаясь собственной слабостью, добавил: — Ладно уж... Коль п-перекусил, н-незачем д-домой. Теперь до вечера...

— Да, да, тебе сейчас в кузню надо. Покуй да хорошенько обмозгуй всё. Не горячи себя, сынок. Фросю ты завсегда успеешь порадовать. Ты живой ей больше нужен... — убажачуще заговорил Кузьма Данилович.

Не дослушав отца, Устин повернулся и зашагал прочь. Чтобы ни с кем не встречаться, свернул на задворки и пажитью пошёл на взгорок к кузнице.

6

На фронте бывали у него минуты: окатит сердце шальная радость, когда удавалось целёхоньким из тяжелейшего боя выйти. Тогда он ликовал, мысленно восхищался тем, как

лихо, геройски, удачно воевал и что ещё вот столько-то таких угробительных для врага боёв — и дело к концу пойдёт, к победе, значит, и тогда всех солдат отпустят по домам. Он так и настраивал себя. Воевал усердно, со всех сил норовя сократить войну.

Теперь, уже несколько месяцев находясь дома, он так же усердно, на износ, по меркам военного времени трудился в колхозе, но о войне думал как-то отстранённо, без тех чувств и мыслей, которые полнили каждый день его окопной жизни. Теперь у него было всё, что могла в лучшем случае принести ему победа: вернулся домой, работает, растит ребятишек, рядом ласковая жена... Война для него, как ни говори, была кончена... Он закончил её калекой. И эта глухая немота, насильно прервавшая его нормальную связь с миром, дала ему скорбное право на какое-то особое, выстраданно-уравновешенное отношение ко всему окружающему, даже вести с фронта он встречал, как дети и немощные старики, с обречённой надеждой на шадящий, благополучный исход военной грозы. То есть в случае какого-либо осложнения не он, а его должны бы спасать, защищать как пострадавшего, отринутого от многих земных радостей и уже неспособного защищать себя человека.

Но теперь снова, особенно после разговора с отцом, он обнаружил свою законную принадлежность к войне, солдатскую причастность к тому тяжкому и опасному делу, каким где-то далеко были заняты все здоровые ключевские парни и мужики. Нет, он не боялся возврата на войну. Мобилизованный в самом её начале, он и мысли не держал, что война может угробить его, тридцатилетнего. В самый-то расцвет мужской поры?! Нет. Это было бы непостижимой, жестокой бесхозностью судьбы. Нет, он должен быть сбережённым по самой простой её хозяйской осмотрительности. Он верил в её чуть ли не сверхъестественную справедливость и милость по отношению лично к себе, без зла живущему на земле простому, приохоченному ко многим трудам, смирному человеку, верил до того убойного взрыва, что сделал его глухим и немым. Но даже теперь его страшила не сама война с её боями и походами, а слепая лютость её, жестокая нелепость, всякий солдат в любую минуту мог быть вероломно и беспричинно уничтожен, раздавлен.

«Ты более колхозу сейчас нужен. Вся кузня тобой держится!» — вспомнились ему слова отца, и теперь с ними нельзя было не согласиться. Да, Панкрат Семёнович совсем поослаб. Старость не радость, да и харчишки нынешние для кузнеца ли? И загаси сейчас Устин горн — занищенствует без

своего кузнеца Ключевка, с протянутой рукой к соседям поедет председатель. Оно, конечно, незаменимых нет. Панкрату Семёновичу могут бабу или мальчика какого в молотобойцы подослать, но это значит — всю кузницу взгромоздить на плечи хворого старика. А он, Устин, с зари до зари кувалдит без продыха! До окончания войны всего себя на пользу дела готов употребить. Да ведь и не все сейчас на фронтах, кто-то и бронь имеет, и в тылу, при своём деле такой ещё грознее для врага. И большое ли он нарушение допустит, если распорядится собой без поблажки и корысти, туда себя поставит, где людям с него наибольшая польза... И опять же не дезертир, не бегляк он, от людей ему прятаться незачем и некогда. Работы-то вон невпроворот.

С этими смутными, какими-то коварно-утешающими мыслями Устин вошёл в кузницу, подбросил уголька, живо покачал мехами, раздувая жар. Чуть погода высыпал в огнедышащее пекло прутки-заготовки и, когда они зазали, стал ковать зубья для борон. От ударов с поковок слетала серая окалина, вспыхивали мелкие искорки. Часа полтора без перекура Устин бухал и бухал молотком, пот капал с кончика носа, едкой солью просачивался в глаза. Пошатываясь, отшагнул к скамейке и полез в карман штанов за махоркой.

— Ну?.. — хриловато, с вызовом сказал он, будто спрашивая о себе у кого-то, и сам с некоторым удовлетворением мысленно ответил себе: — Могут! Даже на фронте не всякому доводится попотеть так-то...

Закурив самокрутку, он вышел из кузницы на ветерок, сел на бревно коновязи, и как-то само собой лицо его повернулось к деревне, а глаза начали искать и сразу нашли дом отца. Дом-пятистенник был главным капиталом, который Кузьма Данилович нажил за весь свой долгий век крестьянского труда. Построен он был из сосны, закупленной в Башкирии, а крыт новой жостью, приобретённой хотя и по ходатайству колхоза, но по дорогой цене. Сыновья, Андрей и Устин, помогали отцу, хотя толком не могли уразуметь, зачем бы ему такая хоромина. В день новоселья, топая по свежевыкрашенному полу и благодаря всех за помощь, Кузьма Данилович разговорился, разгордился, и стало ясно всем, что никаких умыслов на дом он не держал, жил простым желанием оставить после себя этот дом в качестве оправдания: хоть и руки имел мастеровые, а почти всю жизнь ютился по разным баракам да саманушкам. Так ведь это не от лени и безалаберности, а нужда с нищетой хомутом на шее сидели. И вот чуть раздышался колхоз, чуть только хлебушек и деньжата замелись, так он, Кузьма Данилович, хоть и стар, а ишь как

развернулся! Саморучно, у всей деревни на виду такой сруб возвёл, что жить в нём людям сто годов!.. Кому жить? А всем — и детям и внукам. Однако лет пять, то есть до самой войны, Кузьма Данилович обживал дом только со старухой вдвоём. И был в нём словно бы не хозяином, а сторожем и неуёмным работником — вот и постругивает да подлаживает, вот и ухорашивает да принаряживает жилище. Даже редко в горницу заходил, жил в просторной и тёплой прихожке, где делил со старухой и кров и пищу. Наведывались в гости сыновья, без утайки любовались домом, выстроенным не без доли их труда. Но даже в минуты хмельного откровения не выказывали отцу каких-либо претензий: во-первых, каждый сын — богато ли, бедно — жил в своей избе; а во-вторых, сыновья не сомневались, что рано или поздно дом, само собой, достанется им. Кому же ещё? И если бы отец вздумал тогда позвать их к себе для совместного проживания, то ещё не вдруг бы они разбежались к нему — свобода и самостоятельность для них слаще всего.

Война многое переменяла в жизни Кузьмы Даниловича, отняв старшего сына и его смертью окончательно разрушив хилое здоровье старой супруги. Схоронив жену, он сразу состарился и стал тяготиться и новым домом, и хозяйством, и самой жизнью. Не получая никаких вестей от второго сына, Устина, он позвал в опустевший дом младшую сестру свою Варвару. Вдовы снохи всё же были дальше от сердца, нежели она, родная сестра. Ей бы, пожалуй, и отписал весь дом, не завяись с фронта Устин...

Устин глядел на родительский дом-красавец и думал о нём и о себе как бы со стороны — не своими, а отцовскими мыслями. Мысли эти были удобнее его собственных. С отцовским же опасением и подозрительностью вспомнил о тётке Варваре, хотя никогда она ему не делала ничего плохого. Но теперь она невольно угрожала ему соперничеством на выживание, имела больше шансов выиграть дело и осесть в доме хозяйкой, если Устин вернётся на фронт.

«Не строила, не потела, голодранкой прикатила сюда... — вспомнились Устину слова отца и показались ему вполне справедливыми. — А сколько тут батя попотел, а Андрей-покойник, а я?!» — Устин впервые как-то въедливо посмотрел на отцовский дом, словно прицеливаясь. Он не заметил, как к кузнице подошла Нюра Корюшина, вдовая соседка. Коромысло принесла наладить — левый крюк стёрся, отпал.

— Давай, Устин, выручай! Без коромысла и мужа я как без рук! — улыбаясь, очень громко, будто через речку, крикнула она ему, взмахивая руками.

И Устин в который раз за нынешний день удостоверился, что люди не только через жесты и мимику общались с ним при встречах, но и разговаривали, хотя и знали, что он не слышит. Но словно бы не верили этому и вот так громко кричали ему в надежде пробиться через его глухоту, прокричать её, проклятую. Сколько же слов не дошло до него, не огорчило, не порадовало!

Устин выбрал в мизинец толщиной обрезок прутка, сунул его в жар и, пока тот накаливался, взял кувалду и стал выправлять погнутой лемешок.

— Да погоди гвоздакать-то. Если твои уши зачерепели, то мои пожалей! — Нюрка шагнула к нему, как-то дерзковато уцепилась за руку и с укорной улыбкой заглянула ему в глаза: — Сосед тоже мне, мужик! Хоть бы заглянул когда к соседке, подсобил чем... Матица в баньке провисла, рухнет — ты в свою мытьёшь непустишь... Ох, Устин, хоть на одну бы ночью тебя у Фроси спросить. Как погрелась бы с тобой, Устинушка... Ну что так глядишь? Не слышишь меня?.. Вот и хорошо, что не слышишь. Не то по-другому бы глядел, поди... А чтой-то кровь у тебя на шее, вон, за ухом? Железкой оцарапал. А ну-ка, сядь на скамейку, я тебя платочком...

Нюрка достала носовой платок, послонявила и стала нежно водить по шее Устина. Она стояла между его колен, легонько надавливая на них своими тёплыми, упругими икрами. Ощущая это прикосновение, Устин конфузился и робел. Так близко он никогда не ощущал Нюрку. Он каждый день виделся, накоротке встречался с ней, соседкой, по привычке, казалось, к её голубым глазам, только вот на фигуру её частенько поглядывал с каким-то тайным, виноватым восхищением. Дворы их разделял колодец с журавлём, и, будь солнце ли, дождь ли, колючий ли северяк, Нюрка выбегала за водой простоволосой, в одной лёгком платьице, наполняла ведра и, пружинясь под коромыслом, словно пританцовывая, семенила по тропинке — вся этакая ладная, шустрая в походке, круглая, белая, как мытая репка.

Нюрка несмело-ласково обняла его голову. Устин слабо отшатнулся, прикосновение неровно дышащей Нюркиной груди будто ожгло.

— Во сне тебя вижу, целую, Устинушка. И ты ласкаешь меня. Да сладко-то! Лучше не просыпаться бы... Очнусь — и любви конец. Лежу, распалённая, среди высоких подушек на пуховой перине. А зачем... зачем мягко стлать, коли не с кем спать? — жарким шёпотом, будто для себя, говорила Нюрка. — Вот я вся тут перед тобой, в двадцать шесть лет — вдо-

---

ва. Вася мой третий год в земле лежит, царство ему небесное... Не особо, скажу, ласков со мной был, а всё ж свой мужичок. Раза два снился: хмурый, задумчивый. А теперь и не снится... Ну что не люблю глядишь, Устин? Постарела я, да? Что ж, горе не молодит. Ржа вот железо ест, а печаль сердце... Ты не гляди на меня так. И мне, Устинушка, стыдно... Ох, глазам-то стыдно, а душа бы рада...

Устину взаправду было неловко сидеть в обнимку с Нюроккой в сумеречной мгле открытой кузницы. Но тягостнее всего было ощущать вынужденную фальшь собственного поведения: Нюрка всю душу перед ним оголяла, надеясь, что он не слышит её, а он сидит да во все уши слушает, и Нюрка перед ним вся как обнажённая. На озере он из-за кустов однажды нечаянно увидел её голую, она купалась и не замечала его. И теперь он словно невольно подглядывал за ней, подслушивал её, и было ему от этого нехорошо. И жалко было Нюрку. Но он нашёл её руки, отцепил, отнял от себя и, ощущая охмеляющие, притягательные запахи её рук и волос, резко встал со скамьи и шагнул к горну. Лежащая в жару углей заготовка раскалилась добела. Утин подцепил её щипцами и положил на наковальню.

Когда коромысло было налажено, Нюрка взяла его и, поблагодарив Устину глазами, молча и нехотя пошла к выходу. Возле двери обернулась и с лёгким поклоном сказала:

— Прости меня, Устин, разговорилась... Только сердце себе растравила. А ты не серчай на меня — голодная курица и во сне просо видит. Куда ж нас таких теперь, а?

Нюрка сказала всё это без каких-либо сопроводительных жестов, будто зная, что Устин слышит её. Это насторожило его. По всему нутру, точно холодный сквозняк, пронеслась струя страха и подозрительности. И он впервые в жизни вопреки прямодушной и доверчивой своей натуре вдруг взглянул на простую и добрую Нюрку недоверчиво, с досадой, с резким каким-то спасительным желанием скорее отдалить её от себя. Не глядя в ждущее, нежно-грустное её лицо (а так хотелось!), он вдруг со вздорным, непонятым озлоблением, как это бывает лишь у разгневанных немых, грубо и дико замахал на неё руками. И жесты эти кричали: «А ну проваливай, сгинь отсюда!»

Нюрка смятенно взглянула на него, румянец спал с её щёк. Она сникла, будто подшибленная, и шагнула за порог.

Устин посмотрел на её удаляющуюся согбенную спину, тяжело сел на скамейку, огорчённо дивясь своему злему чувству против безвинной Нюрки, непонятной перемене к нехорошему, к чему-то небывало нечестивому в самом себе.

Вечерами Устин возвращался домой изнурённый, почти до бесчувствия усталый, лицо его резко осунулось, посерело, словно покрылось пепельно-мёртвым цветом окалины. «Ну, кто же так гробит себя?! — жалеючи мужа, возмущалась Фрося. Сам же Устин не особо тяготился таким своим положением: работа всосала его целиком, мало оставляла времени для скребущих душу раздумий о своей жизни, состоящей теперь в основном из угробительного труда в кузнице и короткого, как беспамятный перекур, сна. Физическое изнеможение для Устина было легче бессонниц, одолевавших его в долгие ночи. Чем немилосерднее изнурял он себя работой, тем легче, просторнее становилось на душе, тем охотнее общался он с заходившим в кузницу народом.

Одну и ту же новость люди передавали ему и словами и жестами одновременно: жесты — для него, слова — для себя; люди словно не желали целиком променять диковатые и непривычные для нормального общения эти самые жесты на простые и удобные слова, не позволяли себе снизойти до него, неприступного для звуков «немного тетери». И, понимая это, Устин всё острее и мучительнее ощущал незаменимость речи — самого чудного чуда в человеке. Постоянно борясь с неумолимым внутренним своим врагом — желанием говорить, он приучал себя жить совсем молча, но это желание порой было так неодолимо, что он уезжал куда-нибудь подальше в лес и, безобразно заикаясь, громко разговаривал там с самим собой или с лошадьёю, кричал любимые довоенные песни. Однако пел он не для себя или людей, а наоборот, чтобы его никто не слышал. Сознание этой несурзаицы обычно довольно скоро заставляло его смолкать, обнажало то тяжёлое и безвыходное его уединение, в которое он опрометчиво заключил себя. Возвращение дара речи явилось для него тяжёлым крестом, и он нёс его молча и безнадёжно, с возмущённой злой покорностью, с зыбкой верой в благополучный исход событий запутанной, текущей в обход совести, какой-то временной и как бы неправдашной своей жизни.

Покой и отдушину он находил в молчаливом общении с дедом Панкратом. Правда, Панкрат иногда и пускался в разговоры, но словно бы не с ним, Устином, говорил, а с наковальней, железками, со всем немым кузнечным инвентарём, хотя, по странному убеждению, и допускал, что копь Устин рядом, лоб в лоб, работает, кряхтит, чихает, улыбается, значит, должен всем своим живым телом воспринимать его речи. Тем более что слова Панкрата как для него самого, так и для Устина всегда были ободряющими:

— Ничего, Устин. Главное — не поддаваться. Ослабнет человек — и тогда он мягче воды, укрепится — твёрже камня. Ага. На свете даже металла в готовом виде нет. Взять сталь... Это ж заматерелое железо — закалку прошло и кое-какие сплавы-добавки получило... Вот и люди. Все вроде из одного теста мы, да не все по крепости равны: у каждого своя закалка...

В этот день вели они сварку, норовили пустить в дело весь лом, каким разжился на станции председатель. С самого утра Панкрат был строг, молчалив, озабоченно рылся в куче привезённых железок, выискивая годное для сварки сырьё. Потом попросил Устина загородить изнутри окно кузницы листом фанеры и в темноте пробой на искру начал определять сорта и марки металла. Делал он это просто: брал болванку, приставлял к вращающемуся наждачному кругу. В тот же момент в пол ударял пучок звездистых искр, и по их цвету, длине и форме Панкрат узнавал многое о повадках того или иного металла.

— Кремнистая... Для рессор сойдёт. Твердовата малость, но что делать? — словно успокоил себя вслух Панкрат и отложил в сторонку опробованную болванку, от которой наждак только что отрывал ярко-жёлтые снопики искр. Искры были то тёмно-красные, то фиолетовые, то белые — игра цветов казалась бесконечной, но старый кузнец, помня каждый, живо распределил железки сообразно их ковочным свойствам и подошёл к горну.

Уголь хорошо прогорел, Панкрат кивнул Устину, и тот быстро посовал в огонь увесистые заготовки, присыпав их угольком. Потом Панкрат выжидательно ходил туда-сюда вдоль горна, а Устин покуривал в сторонке и ждал команды. Вскоре Панкрат улыбочиво подморгнул ему и сделал понятный жест: поди взгляни и сам узнай, хорош ли сварочный жар, не пора ли вынимать поковки.

Устин шагнул к горну, с прищуром уставился на раскалённые, будто кругляши алого жара, заготовки, по которым пробегали голубовато-белые искры и почти бесцветные язычки огня. Они указывали, что сварочный жар достиг предела, но вынимать металл из огня рановато. Важно было, сохраняя температуру нагрева, приостановить горение самого металла, избежать пережога. Тут и стодился мелкий песок, который Устин загодя привёз с речки. Он осыпал искрящиеся поковки ровным слоем флюса, который тут же превратился в стекловидный шлак, спасая поковки от окисления. Чуть погодя Устин клещами выхватил из очага обломок тележной оси, положил на двурогую

наковальню, взял на стеллаже крупное зубило и подал его Панкрату, тем самым как бы говоря: ось будем сваривать вразруб.

— Молодец, Устин! Теперь ты, погляжу, и без меня тутладишь, пожалуй, — громко сказал Панкрат себе в бороду, а Устину показал чёрный от угля здоровенный кулак с радостно оттопыренным вверх большим пальцем.

До самого обеда они сваривали втулки, оси, лемеха, набивали на деревянные колёса и дышла разогретые ободья и бандажи — в кузнице плавал, не поспевая выветриваться, пресный запах калёного железа и угарный чадок дымящейся окалины. Устин, оберегая Панкрата, все тяжести таскал на своём животе, взмок, блестел от пота и походил скорее на заправского кочегара, нежели на кузнеца.

В час обеда, когда Панкрат и Устин разложили на дощатом столе свои домашние припасы, к кузнице подрулила захлёстанная грязью полуторка, и в ту же минуту солнечный квадрат дверного проёма заслонила огромная фигура Фёдора Бредихина. Следом за шофёром проковылял маленький колченогий Костюшка-счетовод.

— Здорово живём, кузнецы! — зычно поприветствовал Бредихин и прошёлся по земляному полу кузницы с видом человека, приехавшего дать распоряжения.

Панкрат, очищая картошку в мундире, слабо кивнул ему, и отвернулся к столу.

— Хреновый, погляжу, у вас харч, братцы-молотобойцы. И куда председатель наш смотрит? Ты, Костюшка, нынче же передай Васенину, пусть выделит кузнецам добавочный паёк! — озабоченно гремел Бредихин, но во взгляде и движениях его была та весёлая наглость и привычная игривая самоуверенность, с какой он, водитель единственного в колхозе автомобиля, всякий раз заходил к кузнецам. Имел он к тому же дурную манеру заглядывать во все углы, без спроса цапать кузнечный инструмент, лезть с советами, что крайне сердило Панкрата. От грохочущего бредихинского голоса и хохота, от громоздкого и суетливого его тела в кузнице создавался какой-то шумный беспорядок.

— Короче, с чем пожаловал? — останавливая громкоречистого Бредихина, строго спросил Панкрат.

— Рессоры к прицепу сварганить бы. И поживей! Погодить никак не могу. В субботу в рейс на станцию за углём. — С этими словами Бредихин выхватил из кармана штанов кисет и почти половину махорки высыпал на стол перед Панкратом. Сделал это жестом купца, вовсе не из желания ублажить кузнецов, а скорее из жалости к ним: харч слабоват, так хоть курите вдоволь!

— Больно к спеху так-то. Не смогём. У нас посевной инвентарь сейчас на переднем месте, — тихо и не спеша объяснял дед Панкрат, не глядя на махорку. — Сам председатель говорил, наказывал...

— Все мы говорим, да не всё по-говорённому выходит. — На черномбровом, скуластом, с горячими огнисто-карими глазами лице Бредихина не было и тени досады. Наоборот, заслышав об отказе, он ещё больше повеселел, сбросил с плеч пиджак, изготоясь к работе. — Язык говорит, а руки делают. Мы быстренько вчетвером... Мы не только рессоры — чёрта выкуем. Лично мне в охотку кувалдочкой помахать... Эх, где она, та самая, по моему плечу?! Дядь Панкрат, а ну встань, поруководи...

— Ты голову-то нам не морочь. Есть у тебя полуторка, ей и командуй, а нам чехарду тут не городи. — Панкрат, стряхивая с фартука крошки, вышел из-за стола, взял из рук Бредихина кувалду.

— Поехали, — глуховатым голосом обидчиво сказал Костюшка-счетовод, до этой поры притихшие слушавший разговор, и обречённо махнул рукой.

— Поедем. Вот сделаем рессоры... — Бредихин подошёл к вороху железок, выдернул два ржавых отрезка листовой стали.

— Во, две рессоры уже можно выкроить.

— Ты знаешь чего... не больно тут хозяйствуй, ага! Гляди глазами, да не тронь руками. Мало ли кому тут припасено у нас! — сердито выкрикнул Панкрат, и седобородое лицо его побледнело. — И за что только тебе, нахрапистому горлопану, медаль дали?

— Так за глотку и награждён! — с ветреной радостью сказал Бредихин и рукавом подраил сиротливо болтающуюся на замасленной гимнастёрке медаль.

Оставаясь непоколебимо самоуверенным, он, однако, решил не торопить события: нахрапом деда Панкрата не возьмёшь. Бредихин бросил железку, сел на скамейку рядом с Устином, протянул ему газетку и кiset с махоркой.

— Вот, вот. Командир-то небось оглох от тебя и, чтобы отвязаться... — Панкрат поднял с пола металл и отнёс его на прежнее место.

— А ты сядь покури, дядь Панкрат, аль брезгуешь со мной, покалеченным фронтовичком, а? — Бредихин протянул ему свёрнутую козью ножку. Панкрат взглянул на медаль, потом на левую руку Бредихина: глянцевито розовела бляшками ожогов тыльная сторона ладони, а большой и указательный пальцы сплелись будто «дулю» показать, да так и застыли

скрюченно. Он знал: больше на могучем теле Бредихина ни одной царапины. Но держать в строю такого солдата не стали, отпустили домой. Пораненная рука не мешала Бредихину крутить баранку, быть безгранично весёлым, везучим и нахальным.

— Ох, без мыла в душу влезет, — укоризненно сказал Панкрат, принимая самокрутку. — Так за глотку, говоришь, наградили? В концертах либо крепко певал?

— Нет, пою я плохо, слуха бог не дал. Тут совсем другое. — Бредихин сощурил свои огненно-карие глаза, на красивом лице его появилась улыбка бывалого человека, живущего удачливо, наверняка, как бы заговорённого от суммы, тюрьмы и пули. — Так вот... дежурил я одна по дивизиону. Тут заходит в казарму майор Чекасов. Я перед ним, знамо дело, в струнку да как рявкну: «Дивизио-он, смир-на!»

Панкрат отшатнулся от Бредихина, закрыл ладонью ухо.

— И к майору с докладом, — хохотнув, продолжил Бредихин. — Так, мол, и так: за время дежурства происшествий нет. Личный состав готовится к обеду. Майор скомандовал «вольно» и ушёл. А голос у него мягкий, невоенный, с девушками при луне его голосом говорить... А нас в дивизионе больше сотни таких вот молодых не обломанных жеребцов, как я. Новобранцы. Каждый день занятия на плацу и полигоне по десять часов. Так наматывают, что утром от подушек не оторвёшь. Сержанты бегают, покрикивают, а всё одно — раскачка при подъёме... Тут майор и вспомнил про меня. А дальше так: утром раньше всех дежурный будит меня. Я одеваюсь, выхожу на середину казармы и по команде как трахну: «Дивиз-зи-о-он!» Стёкла в окнах дребезжат, форточки открываются. Будто ветром сбрасывало хлопцев с постелей. Ворчали-шутили: не голос у тебя, Федя, а гром небесный, артналёт гаубичный. Шути, не шути, а дисциплина в дивизионе поокрепла. А тут на фронт... Долго ехали, эшелон наш к какому-то полустанку подкатил, только бы разгрузаться, а вот они — самолёты ихние. Идут низом, прямо по крышам из пулемётов секут, бомбы кидают! Э! Что началось!.. Ребятки порошу ещё не нюхали, кто под пушки, кто под вагоны шныряет. Гляжу: Чекасов вдоль насыпи бежит, шинель на нём дымится, сам кричит, а что кричит — не понять. Слаб голосок. Подбегает ко мне: «Рядовой Бредихин, передайте: всем в лес, подальше от вагонов, чёрт возьми!» Тут я и отличился. Хватанул воздуха да как гаркнул: «Дивиз-зи-о-он!» Команду услышали. Сообща начали аккуратный отход в лес. А меня возле вагона взрывом опрокинуло, руку кромсануло. Медаль «За боевые заслуги» в госпитале догнала...

— Какие ж тут заслуги? Ты из госпиталя сразу домой насовсем пришёл. До фронта так и не доехал, — заворчал Панкрат.

— Так я же говорю: не за бои-сражения, а за глотку награда. Людей в смертной заварухе ободрил, панику пресёк, — словно подшучивая над самим собой, сказал Бредихин.

— А что? Достают хлеб горбом, достают и горлом, — с мирной насмешкой пробурчал Панкрат и, бросив окурок в огонь, сказал: — Ладно... Скуём тебе рессоры, коль время останется. А сейчас давай срочные заказы поспешим кончать. Хочешь — подсобляй.

— Эх, где наша не пропадала! — азартно воскликнул Бредихин и, готовый ко всякой работе, шагнул к горну.

Устину понравилось, как Бредихин просто, без хвастовства рассказал о медали: послушать — легко она, прямо-таки даром ему досталась. А на самом деле её, конечно же, не только за глотку получил. Однако вот не приврал, ничего не разукрасил, хотя мог бы, хотя частенько так именно и делал без какого-либо стеснения: всякая побаска, мол, хороша с прикраской. Да, мог такое наvertеть языком-то, имея солидный повод — медаль, такого героя из себя сотворить! Ан нет, не стал, наоборот, упростил всю эту историю с ранением и наградой. И это было не похоже на Бредихина и непонятно Устину.

Меж тем Бредихин, не дожидаясь, пока Панкрат положит перед ним поковку, нетерпеливо ударил по наковальне, как бы подгоняя кузнецов. И опять в его взгляде и движениях выказалась настырная самонадеянность, и Устин вдруг понял, что, упрощённо рассказывая о своей награде, Бредихин словно давал понять им, несговорчивым кузнецам, что в этой награде лично его заслуга очень мала, вовсе нет никакой заслуги, а дело тут в том, что он, Фёдор Бредихин, везде и во всём безотказно везучий и удачливый человек. Даже вот из войны он, как гусь из воды, вышел. И что бесполезно ему перечить: как бы Панкрат, к примеру, ни артачился, всё кончится по его, по-бредихински.

Не прошло и получаса, как Бредихин вспотел, выдохся и, откинув кувалду, сел на скамейку курить.

— Э, велика фигура, да толк какой? — подзадоривая его, сказал Панкрат. — Устин по десять часов в день кувалдит. Ага.

— Костя, а ну, замени! — приказно крикнул Бредихин.

Костюшка вихлясто шагнул к наковальне, смело ухватил кувалду, но в его тощих бледных руках она сразу же сделалась непомерно огромной и неподъёмной. Костюшка, одна-

---

ко, поднатужился и, едва не улетая за молотом, стал взмахивать им. Удары были слабы и неточны, а главное — опасны для самого Костюшки; остроскулое птичье лицо его синюшню побагровело, весь лоб ошнуровали страшно вздувшиеся жилы. Устин, недолго думая, отнял у него кувалду и к наковальне встал сам.

— Эх, пошла работа. Одно слово — Устин! — отрадно крикнул в сторону Бредихина Панкрат и подсунил клещами под точный и строгий молот Устина алюю поковку.

— Хороший ты мужик, Устин, — хмыкнув, сказал Бредихин, когда уселись на очередной перекур.

Устин улыбочиво-вопросительно кивнул.

— Говорю, хороший ты мужик, посколь баба у тебя первый сорт, — с непонятным намёком сказал Бредихин.

— Чего подкальываешь глухого? Ты со мной, коль захотелось, язык чеши... Чем тебе Фрося плоха? — буркнул Панкрат.

— Я и говорю: редкостной породы баба. Не чета моей Дусеньке.

— Ага. В чужую жену чёрт ложку мёда кладёт, — укорно пошутил Панкрат и жестом попросил Устина намерить для прицепа стальных заготовок. Устин бросил окурок в очаг и отошёл в тёмный угол, где лежали обрезки стальных листов.

— Во. Что так, то так. Однава было у меня с ней, с Фросенькой, схваточка, так сказать, разведка боем. Да, — продолжал Бредихин, и лицо его опять приняло выражение бывшего и безгранично удачливого человека. — Ох и схваточка, не приведи бог... Вот слышал бы мои слова сейчас Устин — отвёдал бы я его кувалдочки... законно.

— Ты об Устиновых ушах не тужи. Он глухой, зато я остроухий. И коль накобелил, то лучше не трепись тут, прикуси язык. Хорошего чего послушать, а пакости-то... — сказал Панкрат угрожающе и вместе с тем просительно. И, чтобы осадить Бредихина, добавил: — Ты прежде, коль на то пошло, обскажи, как Дусю свою кулаками ласкаешь.

— В бане веничком, — с улыбкой уточнил Бредихин. — Да. А кулакам мне волю как дать? Вон они какие! Зашибу до смерти в момент. Нет. Я к бабочкам, дядь Панкрат, к нежным нашим женщинам, ленточкой льну. Ага. Что на свете ни творись — война ли, мир, — женщины у меня при первом внимании. Я даже на фронте...

— Будто на фронте бывал...

— Был не был, а порох нюхал... И не думай, что война помеха мужику, коль судьба ему улыбнётся. Не теряйся, когда бог поживку даст. Вот у меня случай был... Позапрошлой осенью из-под той бомбёжки попал я с поджаренной рукой в

госпиталь. А рядом, через заборчик, — городская баня. Каждую субботу раненые, кто на ногах держался, мыться ходили. А я вовсе здоров, как телеграфный столб. Только левая лапа в бинтах. Натяну резиновую рукавицу — и в баньку. Суставы пальцев, по совету хирурга, распаривал. Выдастся часок свободный — я шнырь в баню. А банщицы там!.. Бабочки на загляденье. Присмотрелся к одной. Любой звали. Кругленькая, жирненькая, как сентябрьская утка. Мужа её на первом месяце войны ухлопали. Осталась с шестилетней дочкой да хворой золовкой. Сама работяща, покладиста, терпелива. Покорись, говорит, беде, и беда покорится. С бедою не судись, терпи. Авось и образуется всё помаленьку. Вот такая. Значит, с толком баба, ласковая, опрятная... И зачистил я в ту баню. Целодневно готов был в ней сидеть.

— А Дуся-то, бедная, расшибалась тут, от своего рта кусок отрывала, посылочки в госпиталь слала. Раненого муженька норовила скорее выходить. А он, ишь... баньку нашёл! — с брезгливостью усмехнулся Панкрат.

— И такая у нас любовь закрутилась! — продолжал Бредихин, изображая лицом сладкую муку. — Люба пожелала навсегда меня заиметь. Ребёночка зачала. Буду, говорит, тебя с фронта ждать... И сейчас ждёт небось, голубушка. Вот... Оно и само не знаешь, где любовь-Любаньку встретишь!

— Да какая тут любовь?! Насулил женщине всяко, пользовался, да и дёру. Как кот мартовский, тьфу! — Панкрат встал, надел кузнечные рукавицы, шагнул к горну, потрогал клещами красноватые железки в очаге. Они ещё не достигли ковочного нагрева. Панкрат покачал мехами, надавал жару и снова вернулся на скамейку: минут десять надо было подождать.

— Ничего я не сулил. Всё в кубе-Любе, — подмигнув кому-то, сказал Бредихин. — Обогрел, пожалел бабочку.

— Ох, как пожалел! Было у неё на иждивении два рта, а ты третьим одарил. И смотался. — Панкрат угрюмо взглянул на Бредихина. — Пожалел... Целовал ястреб курочку до последнего пёрышка.

— Н-да... Не прав медведь, что корову съел; не права и корова, что в лес зашла, — примиряюще сказал Бредихин и положил руку на плечо Панкрата. — Надобно жить, как набегит. Зацепил — поволок, сорвалось — не ко двору пришлось.

— А Фрося-то, по моим подсчётам, сорвалась. Как же ты? — тонким, гнусаво-вкрадчивым голосом заговорил молчаливый Костюшка-счетовод, но, наскочив взглядом на взметнувшиеся из темноты угла глаза Устина, смолк и даже

испугался. Бредихин тоже что-то вроде заметил в поведении Устина, цепко и пытливо поглядел ему в лицо, будто проверяя, надёжно ли он глух.

— Что было, то было, — помолчав, вздохнул он.

— Значит, ко двору?.. Хе-хе-хе, — тонко, бабьим голосом загнусавил и удовлетворённо захехекал Костюшка и вмиг стал для Устина непрощаемо поган и подл.

Ком тяжёлого жара ударил Устину в голову, в глазах замельтешили серые мушки, и всё его тело будто прострелила горячая боль. Слишком чудовищно и грубо было откровение простых, но страшных этих Костюшкиных слов. Такое примерно ощущение Устин однажды пережил, когда в медсанбате ему шивали разорванную переносицу, спешно и грубо, без замораживающего укола: игла показалась огненным штыком, с хрустом пронзившим голову.

— Ты свои загадки брось! Говори всё как есть. Начал, так уж договаривай. Сплетни-то недосказками своими не взращивай... Вот он, колчонная бухгалтерия уже хихикает, ощеряется. — Панкрат грозно взглянул на Костюшку. — Ты доощеряешься. Набьёт ухмылка оскомину.

— Так о чём говорить-то, дядь Панкрат? — наивно-добродушно отозвался Бредихин, не пряча, однако, лукавой улыбки. — Оставила она меня с носом, Фрося-то. Как говорится, пошёл по шерсть, а воротился стриженный.

— Куда пошёл? — с досадой налегал Панкрат: лукавая игривость Бредихина начинала раздражать его.

— Не пошёл, а поехал. Ну, помнишь, по весне мы с Фросей ездили за картошкой? — закуривая, начал Бредихин.

— Так, так... — вспоминая, хмурил брови Панкрат.

Устин согнулся, съёжился весь, чтобы не выдать себя, не сорваться, не пустить в Бредихина лежащий под ногами молоток. Немой и безответный, он едва не задыхался сейчас от давящего, ранее никогда не испытанного им чувства какой-то губельной беззащитности, от позорнейшего бессилия постоять за себя, пресечь напраслину и злословие.

Бредихин, будто не замечая его, с рассказом обращался к Панкрату и Костюшке. Говорил, вспоминал о трудной весне сорок второго года.

— В колхозе ещё не отсеялись, а тут подпёрло картошку в частных огородах сажать. А кому сажать? Бабы в поле, ребяташки в школе, по домам старики да старухи с мальцами на руках. Дальше — хуже: заглянули в погреба — картошки-то кот наплакал. Зимой съели, одной картошкой стол держался. Даже на семена мало что осталось. Тут прослышали, что в северном крыле области с картошкой повольнее. Собрали

деньги вскладчину — и к председателю: решай, кого в дорогу снарядить. Тот и распорядился: с коровника взять Ефросинью Дедушеву, её подменит бабка Зацепиха. А чтобы дело скорее обернулось, председатель вместо гужевого транспорта отдал Дедушевой полуторку.

Устин слушал и припоминал: что-то такое ему Фрося писала однажды. Да, да, об этой самой поездке за картошкой. Фрося не желала отлучаться от детей, одних в избе оставлять. Однако председатель посулил наладить за детишками добрый пригляд, той же бабке Зацепихе сподручнее это: соседка. Только не уберегла бабка Василька, застудился он, чуть было не помер. Об этой болезни Фрося в письме сообщала Устину на фронт, и он, читая его в окопе, молча материл всю ту поездку за картошкой как прошумевшую над самой головой смертную беду. Да вот, оказывается, не совсем прошумела беда-то, возвращается...

— Эх, Фросенька, говорю. Приударим-ка с голодным брюхом да по добрым людям? — с щегольской улыбкой рассказывал Бредихин. — Кинули в кузов полуторки связку пустых мешков да тулупчик и поехали. А кругом весна, дорогу развезло, буксуем. Каждому бугорку, каждой колдобине старушка наша кланяется. То и дело выскакиваю из кабины, чтоб подтолкнуть машину, выволить из грязи. Сам как чёрт вымок, изгваздался в глине, а душа весёлая: молоденькая баба рядом. Глядит-поглядывает на тебя, а ты и рад стараться. Не будь Фроси, я скоро бы иссяк, изматюкался бы весь при такой хлябной дороге, а тут ничего. Едем, шутим, анекдотики ей подливаю и всё такое прочее, настроение её прощупываю насчёт любви — клонет аль нет? Издали захожу, чтобы не спугнуть. Истосковалась, говорю, по мужниной ласке-то, а? А она: «По голосу Устина соскучилась, хоть словечко бы услышать». Да, говорю, певун он у тебя голосистый был. Если б не его припевки да гармошка, то не знаю, чьей бы женой ты стала. «Не за гармошку ли я замуж вышла?» — это Фрося мне. «А что, — говорю. — Сладкая она приманка для девок». — «Э, у моего Устина, знаешь, сколько приманок?! Он тебе и плотник, и механик, и валенки свалает, и шубу сошьёт, и сыграет, и споёт... А какие сейчас письма пишет! Будто не с войны. Такие ласковые слова находит. Чую, скучает крепко. Хоть он там с боевыми товарищами, а сердцем всё же один, а значит, дома, со мной, с детишками». Пробую Фросю на другой лад настроить. А там скучать некогда, говорю. Не дадут. Война. Там, скажу тебе, Фрось, всё бывает... Окромя товарищей, есть и товарки. Да какие! А на войне так: сегодня ты жив, завтра — мокрое от тебя место. И не

теряйся, коль бог удачу пошлёт. Рассказывать ей стал кой-чего из своих походов. Так она попросила машину остановиться и из кабины в кузов пересела. Больше смрадню, говорит, в кабине-то, чад, угар бензиновый... Картошку мы нашли в Буяновке. У кого мешок, у кого два скупали. Мало-помалу наскребли тонны полторы. В ночь ехать обратно — сто двадцать километров — побоялись. Заночевали у какой-то тётки, Фрося с хозяйкой в горнице, а я у печки, на полатах переспал. Утром выехали. Часа через два на полдороге сломались: в двух цилиндрах прокладки полетели. Протащились немного до Курганского перевала и стали. Как говорится, ни туда и ни сюда. Что делать? Огляделся я и говорю Фросе: «Тут за перевалом должна деревня быть. Я пойду, а ты картошку постереги». Зарядил я ей двустволку. В тот год, помнится, по этим местам всякие бандюги бродили, милиция облавы устраивала. Гляди, говорю, в оба и, если чего, — пали... Три часа меня не было, натерпелась Фрося страху, с радостью меня встретила. Вернулся я, мотор наладил — и надо бы ехать. Да решили перекусить. Набрали сушняку для костерка, чайку вскипятили. Сидим рядышком, из одной банки чаёк прихлёбываем. А кругом такая весенняя благодать. Небо голубое, земля первой травкой щетинится, а запахи, запахи!.. Не зря говорят: весной не то что живое — щепка на щепу в ручьях лезет. Вот и я... всё кобелиное засвербило, взьерошилось у меня. Да и Фрося сама, гляжу, как-то негрубо, хорошо на меня смотрит. В ручье умылась, волосы гребёнкой зачесала — свежа, румяна. Тут-то я её и заломал.

— Хе-хе-хе-хе, — покатился, заскрипел жиденький смех Костюшки-счетовода, гневом отозвавшийся в донельзя на пряжённой в крайней какой-то надежде душе Устина. Взметнулась в нём злая, мстительная сила, но в тот же миг он почувствовал себя смятым, раздавленным, навек опозоренным. Секунду назад ему ещё хотелось крикнуть, рвануть Бредихина за грудки, но теперь понял, что в таком деле ни криком, ни кулаком поправить ничего нельзя. Только вот сморчок этот хихикает с какой-то радости, а? Он-то чему веселится, колченогий? Не от него ли вторая жена ушла?

Устин оторвался от железок, поднял голову из темноты, взглянул на Костюшку. Тот, встретив блестящие глаза Устина, тихо встал со скамейки, и с суеверным страхом на птичьем лице попятился к двери.

— Не встречал прежде такой стойкой бабы, — посмотрев на угрюмо набычившегося Панкрата, продолжал Бредихин. — Уж так горячо зажал — каменная бы сдалась, ответила. А эта... горсть пыли мне в харю, да и вывернулась. Дальше —

ружьё в кабине схватила. «Уложу, — кричит, — как медведя, только тронь!» — «О, Фросенька, смилуйся, — говорю. — Зачем же в меня, слепого, стрелять? Все глаза мне засыпала, кто картошку-то повезёт?..» Воды из ручья принесла, промыл я зенки, и поехали... На душе кошки скребут. Толкую ей, мол, время такое трудное, Фрося, война, ныне жив, завтра — сгинул. Опять же, говорю, работаем с зари до зари, без продыха. И велик ли грех — малость повеселиться, тело молодое понежить? Эх, как взъярилась! Как понесла... Будто политрук, отчитала меня. Я даже зауважал с той поездки Ефросинью, а через неё и Устина.

Бредихин кончил говорить, и некоторое время в кузнице было тихо. Панкрат сидел задумчивый, но уже без угрожающей угрюмости, которая сошла с его лица с последними словами Бредихина.

— Зауважал, говоришь, Устина? Ну-ну. Только как это говорится?.. Ты не жалуй меня капралом да не тронь моей жены, — помолчав, сказал он, и кивнул в угол, где тихонько возился с железками Устин. — Не слышит человек, а то эдакое же сказал бы тебе.

— Да слышит он всё! По лицу видать, — вдруг с въедливой и жёсткой ухмылкой выкрикнул Костюшка, робко возвращаясь от двери, куда его оттеснил взгляд Устина.

— Зато на твоём лице ничего не разглядеть, — не придав никакого значения злой настроженности Костюшки, спокойно сказал Панкрат. — Зарос, поглядь, как разбойник. А в конторе сидишь, на людях при такой щетине. Бритвы нет? Приди — свою отдам, она бороде моей не нужна теперь. А тебе и сорока годов нет. Чего ж опустился-то? Теперь понятно, отчего Настя Коврова от тебя ушла, к отцу в лесничество съехала. С умом рассудила баба: чем с такой заросшей образиной жить, лучше уж в лесу подле настоящих медведей.

Костюшка вздрогнул, будто на что-то горячее наступил, вертнулся на месте и, мстительно блестя маленькими зелёными глазами, начал давать круги возле сидящих на скамье. Прихрамывая, он с минуту носился так, пока не нашёл подходящих слов для оправдания.

— Я с дурами не живу! — нервно крикнул он в потолок.

— У плохого мужа жена всегда дура, — негромко сказал Панкрат, поглаживая свою короткую бороду.

— А что во мне плохого? — Костюшка вплотную подскочил к старику, распахнул на груди потёртый пиджачок. — Иль я дурной, иль пьяница? А? Ишь, не нравится ей, противно, что я потею. Мокренький всегда. Вот и исподница на мне, нате пощупайте, она и сейчас сырая, как искупался ровно.

Где ж напасть на тебя, грит, сухой одёжи?.. А кто виноват тут, коль у меня это нервное? Врачи сказали: нервы зашиблены, оттого и потею. На фронт уходил сухим, а воротился мокреньким. Мокну вот, мокрою, хоть зимой, хоть летом. А ей, лесной ведьме, здорового мужика подай... У меня тоже, коли так, свой запрос: а ну подайте, верните мне мою здоровую ногу! На кой она, эта кочерыжка, мне? Подайте!.. А, не можете? Тогда на чёрта вы мне сдались, чтобы кланяться вам?! Чистеньким да выбритым перед вами ходить. Я здоровье за вас положил, руки-ноги мне покалечило, переломало. Это пусть мне кланяются, а не я...

— Стоп, Костюшка, притормози! — Бредихин поймал счетовода за локоть. — погоди, растолкуй. Это кто должен кланяться в твои колченоженьки, а? Я или вот Устин?

— Глупой досадой ты, Костя, напичкан. Хочешь, чтобы тебя за одни твои увечья уважали. Этого не жди, — без назидания и осуждения заговорил участливо Панкрат. — И зря не злостью на людей. Руку-ногу переломишь — сживётся, а душу себе надсадишь, сломаешь — не сживётся. Ага.

С побелевшими крыльями носа Костюшка, ковьяля, обежал вокруг скамейки и, встретив укрощающий взгляд Бредихина, встал подле подошедшего Устина, смолк. Устин сразу же отшагнул от него к наковальне.

— Э, с такими говорунами и у горна замёрзнешь, — спохватился Панкрат и последовал за Устином.

Вчетвером они много и споро работали до позднего вечера, более не отвлекая себя затяжными перекурами. Всё успели сделать, и были довольны. Кроме Устина, пожалуй. Впервые он возвращался домой сверх меры измождённым, усталым и сам понимал, отчего так. Если раньше, ну, ещё вчера, усталость была сносна, порой даже приятна, поскольку давала какой-то отдых душе, то нынешняя усталость скопилась как раз от чрезмерного напряжения души, от изнурительной работы мысли. Всю вторую половину дня в его ушах неотвязно звенел крик Костюшки: «Да слышит он всё!» Устин возненавидел Костюшку за эту пронизательную дотошность и за его зло, которое он, словно в отместку за свою мужскую нескладность, несостоятельность и невезучесть в личной жизни, норовил выместить на людях. «Он слабее, хуже меня, но почему я боюсь и ненавижу его, когда должен бы жалеть и прощать? Почему он имеет право подозревать меня, а мне надо лишь опасаться его? — спрашивал себя Устин. — Или вот Бредихин... От войны легко увернулся, и в тылу не больно охоч до работы, и третьей доли не делает того, что моему горбу достаётся. А погляди-ка: ходит по земле петухом, всё у него

складно и гладко, хохочет, сладко спит и ест, живёт вольно и открыто, как праведник. А я не могу, как он. Мне этак нельзя, запретно! И хоть внутри, в самом себе, я не хуже Бредихина и Костюшки, ни пакости, ни лени, ни корысти во мне нет, и стыда и совести поболее ихнего, а вот таись, каждый свой шаг, каждый взгляд конвоируй. Неужто это в наказание за то, что собою по-хозяйски распорядился?..»

Устин шагал тёмной улицей, поскальзываясь в дождевых лужицах, и с губ его слетали задушенные на полуслове злые матерки. Напротив своего дома он впотьмах столкнулся с соседкой Нюркой Корюшиной, возвращавшейся, видно, из коровника. Хотелось остановиться, сказать женщине ласковое слово, повиниться за давнюю грубость. Но лишь мельком взглянул в её круглое, с едва различимыми в темноте грустными чертами милое лицо и прошагал мимо.

С досадой на себя он тут же подумал, что и Нюрка, и Костюшка, и Бредихин, и вообще все живущие рядом с ним люди вызывают в нём досаду не оттого, что поступают плохо, дурно, а оттого, насколько ненароком, по наитию приближаются к тайне его греха. «Да, зло для меня не в людях, а во мне самом. Работаю до полусмерти, для всех стараюсь, а живу как вор, шпион какой. Даже в кровати, рядом с женой, стерегу себя — как бы во сне не бормотнуть. Слышу голоса детишек, а ответить им не могу. Обрадовать их боюсь. Страх всю радость съел... Да неужель во мне столь много страху-то!»

8

В прихожей Устин разулся и, развешивая над полатами влажный от пота пиджак, задел плечом подвешенную в углу, рядом с лукошком семечек, свою старую тульскую гармошку. Без футляра, обвязанная бечёвкой, она сиротливо, как ненужная, вышедшая из употребления утварь висела на гвозде, словно дожидаясь, когда о ней вспомнят и выкинут. Последний раз Устин брал её в руки в один из дней после возвращения с фронта. Хотел повеселить Фросю и детишек, да не смог. Не сумел он ничего сыграть, не слыша звуков. Побежали пальцы привычно по пуговкам, но как бы вслепую, и вместо ладной музыки гармоника изрыгнула какой-то несусветный музыкальный ералаш. Фрося сперва даже рассмеялась, а потом заплакала. Отняла гармошку и убрала её. До лучших, бог даст, времён.

И сейчас Устин печально-виновато глядел на инструмент, будто на развесёлый некогда, для всех радостный домишко, ставший теперь по его вине нежилым и заброшенным.

Он снял с гвоздя запылённую гармонь и, улыбаясь, погладил её по белым пуговкам-ладам. «Совсем отвык... Да и руки у меня теперь что кувалды. До игры ли? Авось смогу, звук-то я теперь чувствую...»

Хлопнула дверь, в избу вошла Фрося, озабоченно-скорбное лицо её насторожило Устина. «Опять, небось, в коровнике наплакалась с бабами — похоронная кому-нибудь пришла», — подумал он.

— Отцу плохо. За фельдшером я бегала... Ты бы ходил туда, пока я ужин готовлю, — сказала Фрося, сопроводив слова жестами, видеть которые Устину было совестно и тяжело.

Он отложил гармонь, живо собрался и вышел. Из окон маленького клуба, мимо которого он торопливо шагал, летели девичьи припевки, слабо трывкала балалайка. «Под гармонь у них ловчее пошло бы, — подумал Устин. — Эх, что тут прежде было! А теперь и себе рот завязал, и своей гармонии...»

Кузьму Даниловича свалил очередной приступ. Лежал он в светлом углу горницы на высокой чистой кровати. Приход фельдшерицы, должно быть, прогнал его с привычных полатей на эту никем не занимаемую, точно в музее стоящую кровать. Запахи лекарств, оставленные фельдшерицей, обострили в Устине чувство скорби и жалости к отцу. Он подошёл к кровати и сел на табурет. Из кухни доносился шум маленького жернова, на котором Варвара молола пшеницу.

— Закрой дверь, Устин. Шумит-то, окаянная! Вот приспичило ей тарыхтеть! — визгливо-раздражённо, слабым голосом закричал старик. Варвара вперёд Устина подошла к двери и, прежде чем закрыть её, вскинулась сердито:

— Ну, чего ты, Кузя, лаешься? Чего не хватает?

— Ты не нукай. Не запрягла, а нукаешь, — устало огрызнулся Кузьма Данилович и обратил к Устину измученное бескровное лицо за помощью и сочувствием. Болеть старик не хотел, не любил, не умел и теперь видел себя перед всеми виноватым и всех виноватыми перед собой. — Так оно, сынок. Жизнь не в жизнь, а пришибить некому, — сумрачно помолчав, начал он жаловаться и жалеть себя. — Что болит, говоришь? Да всё то же... жаба грудная, слышь. От неё и помру скоро, пожалуй. Ещё разок эдак надавит... Я тут надысь вымок под дождём, застудился. Склады и коровник по ночам стеречь каково?

Дальше Кузьма Данилович стал спрашивать о детишках, о работе, о всём том, что и без ответов было ему ясно.

— Что молчишь? Иль понову онемел?.. Ты уж не страшай. Тут жаба душит, и то говорю. — Кузьма Данилович сощурил мутноватые глаза, что-то выискивая на строгом лице сына.

— У меня, б-батьа, с-своя ж-жаба... гирей д-давит, — нервно зашептал Устин, стукнул себя в грудь кулаком: — Вот т-тут она у меня... К-кровь сосёт. Каждый м-момент жизни о ней думаю.

Кузьма Данилович хмуро посмотрел на сына, в лице его что-то переменялось, болезненную расслабленность сместила тягостная тревога.

— А ты не думай, — с холодной заботливостью сказал он. — Забудь, отрежь. Вон Агапов Михаил без ноги пришёл. Погоревал, покуролесил, да и свыкся. Горюй, не горюй, а новая нога не вырастет.

— Т-так ему б-без ноги л-легче, ч-чем мне с н-ногами. П-попробовал бы при з-здоровых с-ступнях х-хромать! Это т-тяжелыше — себя и л-людей м-морочить...

— Мишка теперь навеки калека, а ты... тебе... Ишь ты, в тягость ему два-три месячишка погодить, обождать!.. Радио-то слушаешь? Хорошо да ладно дела на фронтах пошли. Повсюду немца гонют. Уж на границу наши войска вышли. К зиме, можа, и войне конец. И чегой-то ты, как голый в баню, туда норовишь, где и без тебя управляются?

— Я п-по-людски хочу. Как все... п-по совести ч-чтобы...

— А неужель ты без совести?.. Вон Фрося намедни тут плакала из-за тебя. Изломал, грит, совсем угробил себя работой. Иль награду, грит, ему особую какую посулили, аль подряд взял сильно денежный? И не помнит, и не знает ничего, окромя кузницы своей закоптелой! В нём, мол, и прежде была чересчурная охота к работе, но так ухайдакивать себя в казённом дворе только рехнутый может. А он, кажись, в своём уме.

— Д вот, д-думал в р-работе, с-спастись... д-да не в-выходит... Это другому к-кому такое по н-нутру, а не мне... Сам ты, б-батьа, з-завсегда говорил: в неправде мы, Д-дедушевы, сроду не жили...

— Наладил: правда, кривда, совесть! Да ты на руки свои погляди! — Кузьма Данилович приподнялся на локтях, бородастая голова его слабо затряслась над подушкой. Взглянув на дверь, за которой громыхала ручная мельница, он приглушённо вскрикнул:

— Погляди! Вот она, твоя совесть, вся тута, на ладонях. И пусть кто другой совестится, а твоей совести на пятерых хватит. Да!

Кузьма Данилович откинулся на подушку, чуть погодя устало продолжил:

— Натура у тебя, погляжу, как у моего двоюродного брата. Помнишь Гриньку?.. Дюже переживательный был. Оттого и погорел. А чем виноват, кому не угодил Гриня? Только и делов, что поварёнком у беляков сглупа, от голодухи, три недели парнишкой-несмышлёнышем прослужил. Ещё фотокарточка у него в сундуке валялась, на ней он рядом с казаками случайно заснят. Слух об этом был после гражданской, да всё уж улеглось. Но Гринька захотел всё по правде и совести разьяснить, оскорбление с себя снять. Какой-де он беляк и подкулачник? Да сквозной бедняк он из крестьян, и жил-то так богато, что в одном кармане завсегда пусто, а в другом нет ничего... Однако угодил под горячую руку. Вот и загремел... Сам объяснился-повинился, сам на себя и петлю надел. Оно так: стань овцою — волки сразу найдутся. — В голосе Кузьмы Даниловича заворчала старая обида. Он поморщился от каких-то тяжёлых воспоминаний и досадливо-озабоченно взглянул на Устина. — Да, только дурак сам на себя наговаривает, — жёстко сказал он, но тут же лицо его расслабилось, в мертвецки запавших глазах блеснули слёзы. Старчески подрагивающим голосом он продолжил: — И прошу тебя, сынок, послухай ты меня. Ради Христа, дай помереть спокойно, не рви душу, а послая как хочешь... Но сейчас выкинь из головы дурь, не колупай ты свою совесть, не горячи себя. В душу-то к тебе пока никто ведь не лезет, не заглядывает с проверкой. Мы с тобой только и знаем... Ты да я. Вот живи, благодари бога и не устраивай своей душе смотрины. Кому это надо?.. Давай-ка перевози семейку сюда, занимай всю горницу, и живите. А мне печки да полатей хватит вдосыта... Заходи завтра, документ составим, отпишу я тебе весь дом, и береги его, он детям и внукам твоим ещё послужит.

— Спасибо, батя. Здоровья тебе... — благодарно сказал Устин. — Только... Мне всё ж лучше с-сказать... Хотя бы Панкрату, поймёт он...

— Не смей! — прошипел Кузьма Данилович, и глаза его вновь сделались сухими, жёсткими. — Не пытай судьбу, сынок. Послухай меня, не то всё прахом пойдёт. Хоть до комиссии погоди. Пусть врачи решат... А сам не лезь. Хочешь жить — и живи.

— Да этакая-то жизнь и смерти не с-стоит... В к-капкан сунул себя. А кого боюсь?.. Зазря страху н-нагнали! — Устин встал и в заплатанных вязаных носках прошёлся по дерюжному коврику, будто изготовляясь к какому-то действию.

— Ну-ну, давай... Погуби себя и меня добей, сынок, — с подстрекающим укором заговорил Кузьма Данилович. — Да

я сам погнал бы тебя со двора, коль уличил бы в дезертирстве или в безделье. Я первый показал бы тебе порог.

— Р-работа тут не в-выручит...

— Герой ты у нас, Устин... Недовоевал, значит? Опять туда рвёшься. Ну-ну, — закрыв глаза, обессиленным голосом сказал Кузьма Данилович. — Думаешь, тебя, такого заику, опять орудием командовать поставят? Нет, милоч. В хоззввод тебя, понял? Картошку чистить, обувку, одежду солдатскую чинить. Вот и рассуди, где ты полезнее — тут или там.

— Не мне п-про то с-судить, батя. И не т-тебе... Я — солдат...

— Был солдат, да сплыл... — уныло заметил Кузьма Данилович. Вдруг он резко приподнялся на локтях и закричал: — Ты ещё и муж! Ты ещё и отец!.. Двое их у тебя. Ты о них подумал? Сиротами хочешь оставить? И Фросе прикажешь ещё одну сироту рожать?!

— Ну, это, батя, не п-причина...

Шум за дверью стих, и Устин, застигнутый тишиной, замер с открытым ртом. И так нехороша, постыдна была ему эта его поза, такое тоскливое отвращение к себе шло от боязни собственного голоса, что он в сердцах махнул рукой, и пошёл к двери.

На дворе было хорошо, тихо. Беззвёздное небо недвижно висело над головой, будто вслушивалось в звуки засыпающей деревни. Устин стоял на крыльце и ногами и всем телом ощущал добротность отцовского крова. Мысленно оглядывал, ощупывал бревенчатые стены, дубовую матицу, широкие подоконники, сосновые стропила — новое, крепкое тело молодого дома с завтрашнего дня будет законно принадлежать ему, Устину. Но радости не было, вместо неё вялая, холодная пустота. Ночь казалась не к месту хорошей, благополучной, не вязалась с настроением души.

Он пошёл домой, зная, что там его ждут ужинать, Фрося прислушивается к каждому шагу у ворот. А он войдёт и в ответ на весёлые голоса и улыбки начнёт косоротиться, рожицы строить, вертеть пальцами, чмокать губами — «говорить» с родными, видеть, как они тужатся, приноравливаются, желая на пальцах обсказать ему все свои новости и заботы. А заговори, скажи он ответное словцо, объяви голос, — как сказку бы небось приняли, как радостное диво.

«Эх, батя. Жаль мне тебя. Однако выздоравливай скорее, и плюну-ка я на весь наш горемычный цирк», — подумал Устин, слыша, как в другом конце деревни из чьей-то избы вырвалась на волю поздняя гулянка: частушки, женский смех и плач...

«Вот завтра ещё повезут... Едва успевают хлопцы для войны подрастать... — Устин вспомнил лица хорошо знакомых ему парней, которым утром в сельсовете вручили повестки. — Взвоют завтра бабы. Вот уж чего не слышать бы — жуткого воя матерей».

Как опытный фронтовик, он знал роковую, но всё же объяснимую привычку войны быть падкой на самых молодых её участников, горячих и неосмотрительных, отважных, но беспечных. Он наглядился, знает: иному молодцу лучше вздремнуть лишний часок, чем глубже окопаться, легче под пулями форсисто пробежать, нежели терпеливо проползти. Даже при всей слепой жестокости войны старый солдат в сравнении с молодым умеет дольше сохранным оставаться.

«Ничего. Авось повезёт. Вернутся. — Устин, сопереживая матерям, старался заодно успокоить и себя, погасить в душе отдалённые вспышки вины перед уходящими на фронт безумными односельчанами. — А как же? Каждому свой черёд. Иначе кому ж быть там? Если не мне, значит, им...»

Когда он уходил от дома отца, ему показалось, что у ворот кто-то притаился и следит за ним. Устин замер, потом резко пошёл вперёд. В сторону метнулись тени, шаркнули по земле лёгкие подошвы, и всё стихло в темноте.

«Значит, подслушивали, подглядывали! — опасливо и в то же время с возмущением подумал он. — А что подглядывать-то?! Плохих, поганеньких дел за мной нет и не было. Ну, а коль душу себе поранил, болячку нажил, так она моя, мне ж от неё и больнее всех. И не найти её, пока сам не выкажу. Только посла — что?.. Сызнова туда, вот с этими сопляками заодно?.. Но я-то там побывал!.. Пока они тут с рогатками бегали да с девками женихались... Пусть тоже испробуют!..» — спотыкаясь о засохшие комья грязи, шагал Устин посреди улицы и с вспыхнувшей неприязнью думал о новобранцах, которых только что жалел, ощущал смутную вину перед ними.

Но тут же прогнал эти злые мысли и чувства, которые рождались не в нём самом, а шли как бы из подозрительно обступившей его темноты, подслушивающей его и стерегущей.

«Что им, сердечным, там пробовать, — жалел он опять мобилизованных парней. — Не дай бог им повидать с моё...»

Из толчеи воспоминаний с какой-то особой мрачной ясностью выдвинулось одно. Под Наро-Фоминском это было. Батарея должна была выйти на высоту и занять рубеж на танкоопасном направлении. Однако немцы опередили. Столкнуть врага с высоты приказано было роте курсантов, прибывших в расположение батареи на грузовиках прямо из

Москвы. Молоденькие, аккуратно подстриженные, в новых, с иголки, шинелях и в таких же новых, точно для танцев начищенных сапогах. На дворе стоял октябрь, моросил дождь, везде грязь, мокреть. Курсанты устраивались возле деревьев, садясь и ложась прямо на землю. Устин озабоченно глядел на них: к утру новенькие шинели станут мокрыми и грязными, и ему было жаль шинелей.

Чуть свет батарея открыла огонь по высоте, но из-за нехватки снарядов минут через десять смолкла. Залпы лишь подбодрили курсантов, но мало им помогли. Высоту они взяли штурмовым броском, юношеской отвагой и большой кровью. Артиллеристы перевезли на новый рубеж пушки и затем помогли курсантам собрать по склону холма раненых и убитых товарищей. Неподалёку от позиции вырыли неглубокую прямоугольную яму, уложили убитых рядами, прикрыли плащ-палатками их бескровно-белые, с голубоватым отливом юные, почти мальчишеские лица и завалили спешно землёй. Мгновенность совершившейся на глазах Устина ужасной потери ошеломила его, тогда только начавшего воевать в должности наводчика орудия. С чувством несогласия и горестного возмущения смотрел он, как торопливо закапывают братскую могилу, видя в этой торопливости что-то опрометчиво жестокое, но необходимое: враг стоял рядом и в любой момент мог помешать отдать последний долг павшим.

И точно, едва закончили скороспешные похороны, как над высотой взвыли немецкие самолёты. Бомбили метко, зло, безнаказанно. Высота колыхающе содрогалась, всплескивалась фонтами земли и казалась густо-вязкой и подвижной массой. Одна бомба угодила в свежую могилу и страшным взрывом вытолкнула и далеко разбросала всё, что в ней было. В сумерках, после бомбёжки и отбитых атак немецкой пехоты, изорванные тела курсантов повторно схоронили в той же исковерканной могиле, с той же оскорбляющей душу живых поспешностью.

Кончив дело, Устин откинул измазанную в глине и крови лопату, отошёл к кустам, и его стошнило. Он весь трясся и чувствовал себя так, будто за день переболел десятью болезнями сразу.

Он подошёл к орудью, сел на пустой ящик из-под снарядов и беззвучно заплакал в темноте. Перед закрытыми его глазами стояли курсанты, розовоухие, аккуратно подстриженные, в новеньких шинелях и празднично начищенных сапогах. Он пытался вспоминать лица, голоса павших, осознать всю их такую чудовищно короткую жизнь в батарее и

на белом свете, сберечь их всех для кого-то в своей памяти — и сразу мысленно встретился с матерями убитых, представил каждую в отдельности.

«Но ничего... ступайте, дай бог вам час добрый, — напутствовал Устин односельчан. — Главное: оставайтесь живы, остальное поправимо...»

Вдоль забора прошмыгнули фигуры и, выхваченные из тьмы лучами оконного света, оказались парнем и девушкой. «Последний вечерок целуются. А я спугиваю их ненароком, вот они и порхают со скамейки на скамейку. И себя страшаю... Скоро от своей тени буду шараться», — угрюмо подумал Устин, и в груди защемило от сознания своего странного одиночества среди людей.

Он вошёл в избу, показавшуюся при слабом свете керосиновой лампы низкой и тесной в сравнении с отцовской хороминой. Но в комнате было обжито, уютно. Дети спали. Фрося в исподнице подошла к столу, скоренько собрала ужин, посидела напротив молчаливо-сосредоточенного мужа, сонно улыбнулась ему и вернулась в кровать.

Устин ел вяло, прислушиваясь к чему-то дальнему, что было вне избы, вне умиротворённой домашней тишины, и ему уже слышался завтрашний бабий вой, что жутче волчьего: прощание матерей с сыновьями-новобранцами будет сердцеиздирающим...

Он потушил лампу, впотьмах нашёл кровать и тихонько прилёг к тёплой, расслабленной Фросе. Она провела ладонью по его наждачно-жёсткой щеке и зашептала, как молитва: «Вот доработался, одни скуля торчат, о господи...»

Устин взял её тёплую руку, положил себе на грудь, прикрыл своей тяжёлой ладонью и облегчённо зажмурился.

«Шепнуть ей разок... Отцу доверился, а тут — жена! Поделили бы грех, авось полегчало б... — разумно подумал Устин и вспомнил тяжёлый, неприятный рассказ Бредихина о Фросе, после которого, однако, жена стала для него дороже, ценнее и даже как-то возвысилась над ним в своей обострившейся в дни войны женской самостоятельности и строгости. — Одно словцо бы шепнуть... Не можешь? Присосался к этой житухе, а оторваться — духа не хватает. Это как заново в атаку себя на пули кинуть...»

...Резко высветилось вдруг густобородое лицо наводчика орудия Камилля Мергалиева... Лихой и ловкий во время боя, Камиль становился рассеянным, не воспринимал ничего вокруг, когда, притулясь к стенке траншеи или блиндажа, писал письмо своей невесте Нурии. Сидит однажды и сочиняет, а из-под самого дымок вьётся. «Не ты ли го-

---

ришь, Камиль? — толкают его. — Кажется, твоя шинель дымится?» — «Зачем шинель? Душа горит», — не отрываясь от письма, буркнул Камиль. Вздрогнул от хохота батарейцев: из вывернутого кем-то дымящегося кармана его шинели выпал на землю тлеющий окурочок. В карман себе Камиль сунул его по рассеянности... А когда утром на батарею навалились танки, Мergалиев опять вмиг сделался ловким, прытким и точным, как боксёрская перчатка. Дрался смело, лихо, и всё как будто для того, чтобы вырвать у войны часок тишины, продыха для написания улыбочивого письма своей далёкой Нурии. Творя письмо, Камиль обычно чуть шевелил губами, нежно улыбался, словно перед ним был не клочок бумаги, а цветочек диковинный... Где он теперь, Камиль? Жив ли?.. А комбат Асташков, сорокалетний «батя» батарейной семейки?.. Всё норовил переладить в себе повадки бывшего музейного работника. Тихину любил. Не командовал артиллеристами, а просил их... Однако человек твёрдый, господин своего слова. Прикажет без нажима, но так, что нельзя не выполнить — совесть заест. И в тот раз, под Ольховаткой, когда немецкие танки были уже в двухстах шагах от батареи, Асташков не засуетился. Слегка пригнувшись, ходил от орудия к орудию, подбадривал всех спокойным строгим лицом, повторяя сказанные перед боем слова: «Прошу, ребята, держаться. Прошу... А понадобится, прошу, пожалуйста, умереть, но держаться!»

Где сейчас Асташков? Знает, помнит ли обо мне?.. А батарея наша? Взглянуть бы, как она там?.. Через гнилые болота шли, сквозь выюги... Чёрные от злости и пороховой копоти, угорелые от смрада пожарищ, шли и зимой, и летом, и в осеннюю непогоду, и в коварно-весёлую распутицу весны... При солнце затылком и глазами с привычным страхом стерегли небо, а при луне, едва заснув, на дне окопа примерзали к голый земле... Томились без воды в жару и радостно балдели от запаха высыхающих возле костра мокрых шинелей и портянок, от родного духа мёрзлого, оживающего на зубах хлеба, от вкуса противной, железисто-ледяной водки... Каждый миг могли пулю схлопотать, могли сгореть, разорваться на куски — а ничего, здорово было!.. Дружно ломали врага, знали свой путь. А теперь?.. Одна у меня война — тягаться с самим собой...

Устин прижал к себе руку жены и, отталкивая колющие душу мысли, стал расплываться во сне. Его зазнобило, по спине пробегали сырые сквозняки. Он во что-то кутался и, не останавливаясь, тяжело и подневольно шагал вперёд к

выступившей из холодного тумана двугорбой Верблюжьей горе. Коченеющей спиной и затылком ощущал холод взглядов толпы, что шла за ним, конвоируя его. В толпе было много знакомых лиц, но все они выражали глухую суровость и осуждение. Шли медленно, но твёрдо, простоволосые, в расстёгнутых шинелях — комбат Асташков, наводчик Мергалиев, курсанты, в белых халатах шли госпитальные врачи, няни, вперемежку с ними шагали ключевцы Степан Васенин, Фёдор Бредихин, Нюра Корюшина, Кузьма Данилович, Костюшка-счетовод, Михаил Агапов на костылях и все живые и мёртвые, кого он, Устин, знал, видел, встречал когда-либо в своей жизни. Все они тут собрались для него, из-за него, и на их лицах — роковая предреши́нность его судьбы. Тяжелы, непроницаемы лица, ни жалости в них, ни прощения. И чем выше в гору, тем неприступнее, несговорчивее взгляды. Люди идут губить его, и у них есть право на это. В небе, смятый ветром, плывёт приглушённый перезвон церковных колоколов. Звуки рождаются в кузнице, которая вся просматривается насквозь, точно стеклянная. У наковальни стоит в чистой белой рубахе Панкрат и ровно, мерно, как часовой маятник, машет, бьёт молотом, ведя какой-то зловещий отсчёт надвигающейся развязке. На самой вершине горы Устин остановился, дальше идти было некуда: северный склон обрывался отвесной, бездонной, как опрокинутое серое небо, пропастью. Из неё несло земляной сыростью, и Устин опять стал кутаться во что-то. Но тут к нему подошли два курсанта и, повернув его лицом к людям, начали срывать с него одежду. Одежды было много, и они срывали её, как листья с капустного вилка. «Ишь, как упрятался, но ничего...» — буркнул один курсант. «Всё равно доберёмся», — твёрдо сказал другой. И добрались, сбросили с него всю верхнюю одежду. Устин стоял перед людьми в нижнем белье, и чувствовал себя беззащитным младенцем, которого вынули из тёплой зыбки и распеленали на студёном ветру.

Из толпы вышел Степан Васенин, вынул из кармана бумагу и стал читать. Устин не слышал ни одного слова, но точно знал, что зачитывают ему приговор. Хотел крикнуть, объяснить всем — зачем же так?! И почему все молчат, ни словечка ни от кого?! Стойте, люди! Погодите!

Васенин меж тем кончил читать, командирски взмахнул единственной своей рукой. К Устину шагнули два незнакомых солдата, вскинули винтовки. Не дожидаясь выстрела, Устин спиной повалился в ледяную бездну. Падая, он не то подумал, не то закричал: «Ма-а-ма!» — и тут же оказался подхваченным чьими-то руками.

— Устин, Устин! Что с тобой?.. Это ты звал меня? Ты? — трясла его и кричала Фрося.

Он молчал, и она впотьмах, не видя его лица, не знала, что с ним. Опять стала тормошить его.

— Устин, ты сейчас бормотал, слова кричал, а? Иль приснилось мне?

Фрося перемахнула через Устина, соскочила с кровати, нашла лампу и подрагивающей рукой зажгла её. Опасливо оглядела притемнённые углы горницы, словно отыскивая привидение, которое только что было где-то здесь, слышалось, ощущалось, но вот исчезло, растворилось в сонном полумраке избы.

Фрося взяла лампу, подошла к кровати и, осветив лицо Устина, с озадаченным видом не спеша прошла с лампой по избе, косясь на стены, окна, потолок.

— Фу ты, окаянная. Дверь приоткрылась, вот и сквозит понизу, — тихо сказала она, не обращая ни к кому, собственным голосом отгоняя от себя суеверный страх.

Она плотно притворила дверь, загасила лампу и вернулась в постель, вина себя, что устроила переполох. «Как ему говорить, коли язык отнялся? А нам только и грезится и снится... Нет уж... Коль бог речь убил...»

Однажды председатель послал Устина поправить покосившийся навес в коровнике.

В полдень туда пришли доярки. Возле Фроси вертелись знакомые Устину девочки. Настя Агапова и огненно-рыжие, как два подсолнушка, восьми- и девятилетняя Женья и Оля — эвакуированные из Пскова дети. Их родители пока ещё не объявились, как у некоторых живущих в Ключевке маленьких беженцев.

— Ого, Фрося замену себе нашла? — ободряюще крикнула одна из доярок.

— Да... Ведь недельки две проканителюсь с этим самым... — как-то извинительно-весело ответила Фрося, неловко и ревниво загораживая подойником крутой, до предела натянувшийся платье живот. — Вот и хочу Настеньку к нашим бурёнкам приохотить. Доить она уже умеет. Совсем большая, в шестой класс перешла.

Когда началась дойка, Устин перестал стучать молотком, слез с навеса и подошёл к Фросе, стоявшей с девочками возле крупной, с влажными, зеркально-чёрными глазами пёстрой коровы. Фрося улыбнулась ему, не прерывая беседы с Настей:

— ...Лизунья у нас смиренная, добрая. Доить её — одно удовольствие... А там у плетня — Чародейка. Бойка, хитра, на-

---

стырна. Любит разевать рот на чужой каравай, сперва у соседки слизнёт корм, потом свой. Ты, Настенька, к ней поначалу с пустыми руками не ходи — не подоишь. Меня мама в молодости так учила: скотину гладь не рукой, а мукой... А вон, глядите, пьёт из колоды — Звёздочка. Первотёлка, ей особо нежное обхождение надо. Во, увидела меня и мычит, родненькая. Слышь, как мычит? И зовёт, а жалуется. Давайте-ка, девочки, мы её, голубушку, первую и подоим...

Ромашка, Зорянка, Рогуля, Красуля... Слыша, как ласково Фрося называет бурёнок, Устин неожиданно почувствовал мирную зависть к животным и какую-то смутную ревность к жене. «Как сама-то она небось соскучилась по ласковому моему слову!»

Да и он теперь всё реже слышал от Фроси своё имя, всё скупее, экономнее тратила она слова на общение с ним, пользуясь, как и он, жестами. Она как бы не желала досаждать ему своим превосходством, всячески подстраивалась под него и рядом с ним из-за жалости к нему тоже постепенно словно бы глохла и немела. Лишь в минуты ночной близости иногда называла его, как раньше, Устюшей и впотьмах шептала то ли ему, то ли себе какие-то бессвязные слова нежной жалости. Но они лишь тяготили его.

Привычно и ловко, но уже с той милой неуклюжестью, какая отличает беременных, Фрося подседа к корове, вытерла лоскутом круглое вымя. Устин погладил жену по плечу и хотел идти, но его остановил разговор девочек.

— Да вы не бойтесь, — утешала Настя огневолосых Женю и Олю, оробело замерших в окружении разномастных, глыбами возвышающихся над ними животных. — Коровы, как люди, всё понимают. Одна разница: у коров нет второй сигнальной системы. Но это не страшно... У дяди Устина сейчас тоже нет этой системы — и ничего.

— Ему хорошо: хоть как дразни его, обзывай — не услышит, — позавидовала Устину одна из рыженьких, чья яркая внешность, видно, обсуждалась ключевской ребятнёй.

— Нет, ему плохо, — не согласилась другая рыженькая. — Он не знает, как мычит Звёздочка, как смеётся тётя Фрося.

Девочки пристально, с печальным каким-то любопытством смотрели снизу в лицо Устина, а он зачем-то стоял перед ними с покорно опущенными плечами, словно давая наглядеться на себя, как на чудо какое-то. Однако разговор девочек дальше слушать не стал, резко повернулся и, веляя между коровами, пошёл продолжать работу.

В начале ноября Устину пришло предписание явиться в военкомат. В тот же день он выехал в район. Вызов насторожил его своей неурочностью: перекомиссия по инвалидности ему полагалась в феврале. Тогда по какому такому делу его срочно вызывают в район, да ещё не куда-нибудь, а в военкомат?

В мыслях вдруг схватился с Костюшкой-счетоводом: «Ты небось трепанул? Хочешь обмарать меня, ославить? На, выкуси! Не будет по-твоему. Я сам — понял? — сам, а не по доносу повинюсь. Сам! А так хоть ты огнём жги меня, не скажу, не выдам свой срам, не порадую тебя, губошлёп колченогий...»

— Э, па-ашла, р-родная! — ободряя себя, вскрикнул он на лошадь, и никто не мешал ему здесь, в безлюдной степи, горько радоваться своему голосу и слуху.

В военкомате он показал дежурному лейтенанту бумагу-предписание. Лейтенант, сильно прихрамывающий смуглолицый узбек, повёл его по узкому коридору в глубь здания. Вдруг сверху, звеня и гремя, посыпались какие-то тазы и ведра. Лейтенант отскочил и быстро взглянул на Устину, который продолжал идти невозмутимо.

— Вечно эта тётя Клава, уборщица, наставит тут свои кастрюли! — чертыхнулся лейтенант, поднимая с пола какую-то посуду.

Устин дошёл до конца коридора и оттуда цепко наблюдал за лейтенантом. «Хреновую ловушку ты, хроменький, смастерил. Аж сам испугался, а я, гляди, даже глазом не моргнул. Я же глухой и немой, понял? Я же ничего не слышу, хоть бомбу бросай! И кончай ты эти проверочки. Раз так, то ничего вы от меня не добьётесь». — В Устине распалась всегда бодрствующая, но пораненная им же самим честь. Он преувеличенно остро, как это у него нередко бывало в последнее время, почувствовал близящуюся опасность и приготовился стойко защищаться.

В комнате, куда они зашли, никого не было, а за следующей дверью слышались голоса. Лейтенант ушёл, показав Устину на скамейку возле окна: сиди и жди, мол, тебя вызовут.

Вышел седой, со строгим взглядом военный, в португее и при оружии. Он сдержанно и, как показалось Устину, зловеще улыбнулся, здороваясь с ним за руку, и попросил следовать за собой. «Ну, началось! — ёкнуло в груди Устину, но он живо задавил страх, и неробко шагнул за военным. — А, ничего! Страшнее того, что испробовал, не бу-

---

дет. Страшнее не найти... Я Москву, Сталинград, Курск загорал собою, товарищ майор...»

Через полчаса Устин снова трясся на телеге, возвращаясь из райцентра домой. Притуманенными от тяжелой, слёзной радости глазами он смотрел на плоско и печально лежащие осенние окрестности, на стога новой соломы и сиротливое жнивье, над которым ветер вскидывал и разбрасывал, точно клочья чёрной бумаги, молчаливых, сытых ворон, и чувствовал себя виноватым, посрамлённым, донельзя пристыженным.

В военкомате ему вручили медаль. «За отвагу». К награде Устин был представлен ещё в июле сорок третьего и уже позабыл об этом. И вот более чем через год она нашла его, обрадовала и растревожила до слёз. «Сподручнее бы тогда на фронте получить её, а не сегодня. Другая у меня грудь была — не заячья».

Встречь изредка попадались обозы из телег, нагруженных мешками зерна. Лица женщин и подростков, сидевших на повозках, были усталые, но важные. И важность эту им придавали мешки, которые они везли, и тяжко-приятный скрип как бы стонущих под дорогим грузом тележных колёс. Вокруг в природе была спокойная торжественность: наградив людей за их труд и радение, поля и небо просили тишины и покоя, вселяя осеннюю несуетность в движения, чувства и мысли людей. Ощущение этого продыха в круговерти непрелазных забот крестьянского лета было хорошо знакомо Устину, принималось им всегда как нечто отрадное и заслуженное. И теперь он имел право на такую вот осеннюю отдушину в работе, потому как не жалел себя в дни сенокоса и жатвы, безоглядно латал собой бесконечные прорехи в поредевшем людьми колхозе, был и косцом, и жнецом, и кузнецом — люди считали его двужильным. Работа глушила все вопросы души, которые, как неизлечимая болезнь, обострялись именно в пору досуга. И это двухчасовое молчаливое одиночество в дороге, бегущей вдоль пустынных полей осени, в которых будто специально притушены все краски и звуки, чтобы не отвлекать человека от дум, вконец отяготило Устину. Радость от награды в нём всё более угасала, поскольку медаль не освобождала его от главной душевной маеты.

Замученный самоедством, он встряхивался и словно кому-то начинал вдруг безгласно кричать, доказывать: «Ты её не трожь, медаль-то! Она кровью моей оплачена, в бою смертно добыта. А такая награда навек...»

Он накрутил поводья на кулак, прилёг на соломенную подстилку, пытаясь забыться, подремать. Но глаза немигающе

смотрели на дорогу, которую устало мерили лошадиные копыта. Долго ехал так в оцепенении какого-то больного покая. Потом вдруг привстал на колени, ударил вожжей по крупу лошади и закричал, испугав её и себя:

— Эх, па-ашла, рыжая! Нечего д-дремать-то нам да г-гориться. У нас праздник нынче!.. На б-батарее давно бы котелок спиртика опростали. А тут... хоть в петлю... Чёрт бы меня побрал!

Лошадь перешла на крупную рысь, а Устин запел — диковато, во всю силу своей затомлённой и ссохшейся от молчания груди:

*Окрасился м-месяц багрянцем...
Я волны морские в-видал...*

Подъезжая к Ключевке, он остановил повозку, закурил, обдумывая что-то. Затем отцепил от лацкана пиджака ярко сверкавшую на закатном солнце медаль и положил её в футляр-коробочку.

Возле дома Устина поджидал Кузьма Данилович, кинулся навстречу.

— Все глаза проглядел, Устин. С самого обеда здесь стою и караюлю... О, господи! Ну что тебя там, как? — дрожащим шёпотом зашепелявил Кузьма Данилович, цепляясь за телегу.

— М-медалью наградили, — спокойно и не без гордости ответил Устин, остановив телегу.

— Ты без озорства давай... я сурьёзно спрашиваю. Сердце кровью обливается, а ты — шутковать.

— Не шучу я. В-вот она, м-медаль. — Устин вынул из кармана коробочку и раскрыл её. — Г-гляди, какая. На ф-фронте не успели вручить, так здесь д-догнала меня...

Старик, испуганно-радостно взглянул на медаль, погладил её шершавыми пальцами и зашептал:

— Во как воевал, ажник до сих пор тебя награды находят!

— Вечерком п-приходи, бать. Кое-кого ещё п-пригласу. Посидим пок-к-калякаем, м-медаль обмоем. Всё ж х-хлеб хороший ныне уб-бра-ли, и награда вот... П-погуляем, споем. Молчком-то позарез н-надоело жить, душа р-роздыху просит..

Кузьма Данилович тяжело посмотрел на сына, как на больного, у которого, если не помочь, может начаться приступ. Кузьма Данилович оглянулся по сторонам.

— Порадоваться ты всегда успеешь. И не в этой медальке вся радость... Вот у Сёмки Грулёва их, медалек, поболее твоего. А прок какой? В пяти местах, слышь, грудь его насквозь

прошита, осколками, не залаたешь теперь, не отремонтируешь. Чахнет Сёмка, как в подполе трава. Год-два, боле не протянет...

Помолчали.

— Ты вот что, Устин, лошадь-то не распрягай, а поезжай-ка за вещичками. До вечера всё и перевезём.

Устин взглянул исподлобья на бледное, с прозрачной кожей, болезненное лицо отца и задумчиво отвернулся.

— Что? Аль дом мой негож, аль скорой смерти моей ты хочешь?... Говори, сынок. Чо молчать? Дом-то теперь по документам твой. Ты можешь меня пустить к себе, волен прогнать.

Ещё помолчали.

— В субботу председатель всех в клуб созывает. Хлеба много сдали, кое-кого подарками наградят. И тебя, слышал, тоже... — сказал Кузьма Данилович, ёжась от ветра.

«Дышать батьке недолго осталось. Хочет, чтобы схоронил я его... как сын, по-родственному», — взглянув на старика, подумал Устин.

— Митинг Васенин в клубе затевает. О хлебе, о фронте, о всех международных делах разговор будет. Лектора с района дали. Войне-то, слышь, конец. Опоздал ты фронту подсоблять. — В голосе Кузьмы Даниловича послышалась хозяйская уверенность. — Ну, долго на ветру-то будем зябнуть? Давай поворачивай... Первый возок — что потяжелше: сундуки, кровати... А постель и посуду можно посла на руках перетаскать. Поехали, Устюша, хватит думать. Вон солнышко уж заходит, давай поспешать. — Кузьма Данилович влез на телегу и, дёргая за вожжи, гикнул на лошадь.

Вроде бы шутя, играючи нагрузили одну повозку, затем ещё одну отвезли — и опустела саманушка, покинуто заскорбела тёмными, одичало-пустыми окнами. Зато словно бы раздался, поширел, приняв звонкоголосую семейку сына, дом отца Дедушева. Допоздна таскали, волочили, расставляя скарб. Устин хотел было в просторной прихожке разместить семью, но отец по-своему повелел:

— Вы тут не квартиранты, а хозяева. В передний угол, в горницу ступайте.

Когда всё расставили, развесили, Фрося вымыла пол, посреди постлала самотканый коврик, на котором ребятишки сейчас же устроили кучу малу. Их смех и визг быстро отравили тихое одиночество бобылки Варвары. Утром она, собрав узлы, ушла в опустевшую избу Устина. Провожая её, Устин вышел на высокое крыльцо, взглянул на утреннюю улицу, и она показалась ему узенькой, с низкими, обшарпанными,

---

давно не белёнными избами, с кривыми плетнёвыми заборами и соломенными крышами. «Таких-то, как наш дом, в деревне раз-два и обчёлся». Гордость толкалась в грудь Устина свежим утренним ветерком, но не входила в него, не принималась им. Он привык гордиться лишь делами своих рук, а тут было вроде бы дармовое. И хотя он помогал отцу строить дом, но получил его как подарок. Однако не отказался от него ради детей, у которых впереди было много жизни. За себя Устин не болел, на дом не рассчитывал, так как не знал, где он будет завтра, как повернётся к нему следующий день судьбы.

10

В послеобеденный час, выйдя из кухни на воздух покурить, Устин увидел на полевой дороге две пары быков, тянувших на буксире большегрузную машину ЗИС-5. Быки и автомобиль приближались. Устин заметил, что на крыле машины, помахивая кнутиком, полулежал Степан Васенин, а в кабине за рулём сидела Нюра Корюшина.

Посреди улицы, развернувшись в сторону кузницы, процессия остановилась. Из-за плетней и калиток то тут, то там повыскакивали мальчишки, облепили борта, полезли в кузов иссечённого осколками, со смятыми надколёсными жестяными крыльями и пулевыми пробоинами в лобовом стекле кабины автомобиля.

С любопытством разглядывая ЗИС, подходили женщины. Остановился возле толпы идущий с ружьём за спиной сторож Кузьма Данилович, от избы правления приковывлял секретаря сельсовета Семён Грулёв...

— Что за така машина: сама себя не тянет? — подслеповато осматривая автомобиль, сказала одна старушка.

— Потянет, бабушка. Ещё как потянет! — громко и энергично ответил Васенин, соскочил с подножки, со скрипом открыл дверцу обгорелой кабины и торжественно представил вылезавшую из неё Нюру Корюшину: — А вот будущая хозяйка этого красавца! Только внешность ему в боях подпортили — ничего, пустяки. Кузов заменим, капот подлатаем, коробку передач и мотор кузницы нам поправят...

Васенин взглянул на кузницу, заметил там сидящего Устина и замахал ему рукой. Устин встал с бревна, отбросил окурок и пошёл на зов председателя.

Мимо протарахтела гружённая соломой полуторка, из окна кабины высунулся Бредихин, притормозил и, не вылезая из машины, брезгливо-насмешливым взглядом окинул ЗИС.

— Неужто надеетесь оживить этот разгромленный драндулет? — Он хохотнул, включил скорость и поехал дальше.

— Где ж нашли такой? — спросил Кузьма Данилович, оглядывая разбитый в щепки борт кузова.

— У армейских тыловиков на станции выпросил, — со счастливой улыбкой пояснил Васенин. — Говорю: что вам стоит колхозу гостинец сделать, автомобиль-калеку подарить? Всё равно ж на металлолом его сплавите...

— Ничего себе калека! — погордился Семён Грулёв, машина ему, видать, сразу приглянулась. — Да один этот «зисок» при своей исправности половину гужевого транспорта в колхозе заменит!

— ...Ну а капитан-снабженец мне и подмаргивает: дескать, магарыч-то будет? — продолжал Васенин. — А как же, говорю? Чего изволите — водки, сала, масла? А он мне: «Ужель так богат ваш колхоз?» Богаты, говорю: в семи дворах один топор... Ну, капитан тот сразу понял, какие мы богатеи, и про магарыч забыл. Зыркнул на Ньюшу: «Чья такая?» Наша, говорю, колхозная. Трактористка. «Ну вот, а приbedняешься, председатель. Да с такими, говорит, красавицами... Я бы!..» Короче, отписал он мне ЗИСа, везите, говорит, а коль в дороге развалится — не поминайте лихом...

Председатель радовался приобретению, как мальчишка, и спешил пустить автомобиль в дело.

— Даже кое-какие запчасти удалось в районе раздобыть... Теперь дело... вот за Устином! — Васенин обернулся к кузнецу, замахал рукой: — Знаю, без напарника ты сейчас. Панкрат хворает опять. Но я дам тебе помощника. И сам буду забегать...

— Да и я теперь не шибко занята, — несмело предложила свои услуги Корюшина.

— Большегрузный автомобиль нам сейчас во как нужен! — Васенин чиркнул ладонью себе по горлу. — И надо сделать, чтобы он у нас бегал. Кровь из носу...

— Да сделает он... Ты его, Степан, работой поболее загрузи, чтобы дурью меньше маялся, — резковато сказал Кузьма Данилович.

Устин даже вздрогнул от этих слов отца и настороженно-вопросительно посмотрел ему в глаза. Кузьма Данилович подошёл к быкам, взял переднюю пару за веревочную налыгу и повёл за собой к кузне. Председатель шёл рядом, а Устин, встав на дощатую подножку машины и, всунув руку в кабину, подруливал быкам.

— Что-то, Устин, замечаю, с опущенной головой последнее время ходит, — закуривая, сказал Васенин.

— А он всё мается, Степан Егорович... Терзается, полезный ли для колхоза он человек, — взглянув на Устина, с жёсткой усмешкой громко заговорил Кузьма Данилович. — А что? Может, он и прав?.. Как, председатель, обошёлся бы ты без такого кузнеца, если б у него, скажем, контузия отошла и его опять на фронт позвали?

Васенин растерянно-удивлённо взглянул на Устина, помолчал и, усмехнувшись, ответил:

— А я бы бронь ему дал!

— Тоже мне генерал! — засмеялся Кузьма Данилович.

— А что... колхозный генерал и есть, — шутиливо сказал Васенин и, сделав несколько шагов, добавил: — Без Устина мы теперь — ни тпру, ни ну... Да-а. Ты, Данилыч, помоги ему дотащить это добро до кузни, а быков потом — на конюшню. Ну, бывайте, мужики! А я на гумно побежал...

— С-стыдно. П-противно! В глаза взглянуть не мог, — посмотрев на удалявшегося Васенина, резким шёпотом заговорил Устин.

— Чего стыдишься-то? Ты слышал, что он сказал: отойди у тебя контузия, бронь даст. Не отпустит тебя председатель, потому как позарез ты нужный ему человек! — начиная сердиться, выкрикивал Кузьма Данилович.

— Зачем она мне, бронь? Я к-комиссованный.

— Ну а чего ж тебе тогда надо?! Вот и живи, коль от войны освобождён...

— Живи и п-помалкивай, значит? — с злой усмешкой добавил Устин.

— Ну, иди, иди, иди! Растрезвонь всем, доложи! — оглядываясь, закричал Кузьма Данилович.

— А-а! — уличая себя и отца в каком-то новом вдруг обьявившемся грехе, воскликнул Устин. — Д-доложить?! Сказать?! Это после того, к-как целый месяц м-молчал перед людьми?.. Что они п-подумают? Скажут: «В-всегда он с-слышал да п-прикидывался, ч-чтоб в тылу п-посидеть!» Нет, батя, сразу н-надо было доложить, к-когда з-заговорил! Упустил я тот м-момент...

— Ну, вот видишь, — примирительно сказал Кузьма Данилович. — А я тебе что говорю?.. Упустил...

Устин промолчал, отцепил от автомобиля дышло с быками и, передавая отцу верёвочную налыгу, впервые гневно, даже с угрозой посмотрел ему в глаза. Кузьма Данилович схватил верёвку, засуетился у быков, поспешая поскорее удалиться от кузни, от Устина...

Собрание в клубе лишь разбередило нарыв в душе Устина, хотя внешне всё шло хорошо, только бы радоваться. В числе немногих передовиков он получил премию — пуд муки, пять литров керосина и полведра дегтярного мыла. Это была солидная награда: мыло и керосин в деревню привозили редко, продавали в крохотных дозах, и ключевцы иногда ездили на станцию менять на мыло мёд и сметану.

Но самой веской и терзающей наградой для Устина прозвучали слова Степана Васенина:

— Как работает Устин Кузьмич, мы видим, знаем. А вот о фронтовых делах своих он рассказать нам никак не мог. Зато медаль рассказала. Только что Устин Дедушев получил медаль «За отвагу». Таков наш Устин, товарищи! Инвалид, а хоть один день, один час просидел, пробаклушничал?.. Спасибо тебе, Устин, от всего колхоза земной поклон!

Устин видел, как улыбались ему люди, с жалостью и уважением глядя на него. И он не мог притвориться, сделать вид, что не слышит. Он искренне сконфузился и покраснел от председательских слов и общего внимания, чувствуя себя здесь каким-то подложным, недостойным. Люди были открыты с ним, а он держал душу под замком.

Слово сказать дали Семёну Грулёву. Тот встал со скамьи, шагнул к фанерной трибуне, приволакивая левую ногу, слабый, иссохший, больной. Перемогая одышку, он заговорил о близкой победе над фрицами, с болью выкрикивал имена павших ключевцев.

— ...И не давайте в обиду землю нашу. В ней крови и слёз наших премного будет. Я ить всех помню товарищей моих, кто в ней зарыт. Все они у меня тут!.. — стукнул себя в грудь Семён.

«Вот кого б жалеть и славить, а не меня... Вот кто угроблен под корень», — подумал Устин и шагнул навстречу Грулёву, дрожащему, совсем ослабшему от своей взрывчатой речи, поддержал его, как раненого, и усадил рядом с собой.

Васенин предоставил слово ещё одному фронтовику. К трибуне тяжёлым шагом пошёл Фёдор Бредихин. Он постоял немного, сгоняя с загорелого, лоснящегося лица улыбку деловой самоуверенности, затем окинул людей скорбно-торжественным взглядом и заговорил громко, зычно митинговым своим голосом:

— Фашист нас захотел нахрапом взять, но мы все как один грудью встали. И наша кровь, и эти ранения, — Бредихин встряхнул над трибуной подпорченной рукой, — не пропали заря. И совсем близок день...

Он говорил долго и складно, а Устин сидел и думал о Семёне Грулёве, о его изрешечённой осколками груди, о том, как

сразу Семён вспотел и израсходовал себя на трибуне, оттого, что каждое слово из души доставал.

«А этот, ишь, каков! Рожа красная, хоть онучи суши. Такого ещё на десять речей хватит. За всех фронтовиков, живых и мёртвых, скажет, отбалабонит. И голосу и здоровья хоть отбавляй».

В Устине опять заворочалась тяжёлая неприязнь и какая-то оскорбительная зависть к Бредихину: при всём словоблудии и легкомудности своего житья Бредихин в сравнении с Устином находился всё же в лучшем положении, жил среди людей открыто, и путёвые и непутёвые его дела были на виду. Он не желал бы видеть Бредихина в своём доме, но, насилуя себя, пригласил его пожаловать после собрания вместе с Грулёвым и Васениным в гости. И всё, что делалось им в этот вечер, было не в ладу с позывами души: хотелось на радостях выпить наравне со всеми, но ограничился одной рюмкой, хотелось гармонью, песнями повеселить искалеченных товарищей-фронтовиков... Однако сидел молчком, а мужики пили за его награду и здоровье, за совет да любовь в новом доме.

— А ты, Устин, вроде бы и не рад, а? — пьяно заглянул ему в глаза Семён Грулёв.

— Радоваться он, конечно, радуется, — ответил за Устина председатель, — но, сами понимаете... Мы вот и балакаем, и смеёмся, что хошь друг другу сказать можем, а он? Вроде бы с нами сидит, а всё равно как бы один, в глухой немоте — один, как в пустыне. А это, братцы, тоже надо выдюжить. Не сломаться.

— Э, у меня похуже дела, да ведь живу. Хоть не сегодня — завтра, можа, помру. Это вон у Федьки сто лет ещё впереди, — покашливая, сказал Грулёв.

— Сухое дерево дольше скрипит, — подбодрил Семёна Бредихин.

Кузьма Данилович покосился на Бредихина и, не давая разговору завертеться около здоровья Устина, обратился к председателю:

— Что это смолишь и смолишь её, проклятую? Ты вроде бы не курил, Егорыч?

— Верно, не курил. А принял колхоз — задымил. Бывало, лежу ночью и думаю: с чего начать? Не замесишь густо, коль в амбарах пусто...

— Устин! Да чегой-то всё горешься ты? — шальным вскриком Семён перебил председателя, ссохшееся лицо его покрыли красные пятна. — Нет, ты давай выпей по правде, геройски улыбнись нам!

— Не приставай, Семён, уймись. Иль не знаешь, каким Устин до войны был?.. А сейчас не может, оттого и тоска... Ну, товарищи-фронтовики, пора и честь знать. Дома теперь каждого ждут... Спасибо, Фрося. Спасибо, Устин, — встав из-за стола, благодарно заговорил Степан Васенин.

— Хочешь, я поклонюсь тебе, на колени встану?! — Семён Грулёв, болезненно раскрасневшийся, лез обнимать Устина. Бредихин подхватил его, сухого и лёгкого, как подростка, и повёл, почти понёс из дома...

— Устин! После войны, когда кузня твоя железом разбогатеет... Скажи ему, Фрося, на пальцах про меня растолкуй! — выскользнув из объятий Бредихина, пьяно-громко кричал с порога Семён. — Если наша кузня разбогатеет, скуй оградку для моего бугорка, чтобы козы окаянные по мне не гуляли. Запомни, Устин! Оградку бы... гвардии сержанту, командиру зенитной установки. Чтобы козы не топтали!

После этого вечера в Устине что-то окончательно надломилось. Жизнь, о спасении которой он невольно заботился, всё более становилась ему в тягость. Желал он теперь лишь одного: каким-либо делом, поступком приблизить себя к людям, уравниваться с ними, смыть грех, о котором они не знали, но который от этого не переставал быть грехом.

Помимо поубавившихся к осени кузнечных дел, Устин ходил по дворам вдов и солдаток, поправлял заборы, крыши...

Сыпал первый снежок, когда он перекрывал баньку Нюрки Корюшиной. Она хорошо помогала ему, но уже не улыбалась, помня, видно, про встречу в кузне, где он грубо оттолкнул её.

За работу вознаградила деньгами, будто чужого нанятого человека. В груди Устина тоскливо защемило. Он вернул Нюрке деньги и, оскорбившись, пошёл с её двора. «В тот раз со страху всю нежность распугал у бабы. И теперь, гляди-ка... Ни слова тебе, ни тёплого взгляда, как немая».

У ворот Нюрка догнала его, взяла за руку и прижала её к своему лицу. Тут же повернулась и побежала назад, к крыльцу. «Ишь какая!» — изумился Устин, глядя ей вслед, постоял у ворот, извинительно развёл руками и вышел на улицу. Совсем, кажись, некстати припомнились Нюркины давние слова: «Зачем мягко стлать, коли не с кем спать... Во сне вижу тебя, целую, Устинушка...»

Шёл и думал: «Во сне и мне кое-что снится, Нюра. Но вот... чем мог, помог».

По пути к дому он заглянул в старую свою избу, немного посидел с Варварой, справляясь, хорошо ли она приготовила жильё к зиме, надобна ли его помощь. «Спасибо, Устин, из-

---

бёнка тёплая. А много ль мне надо? Пришла с пекарни, голландку истопила, да и на бок», — словами и жестами рассказывала ему Варвара, и он остался доволен, что у родственницы нет на него обиды.

В последнее время Варвара повеселела, распрямилась как-то. Устин догадывался, с чего это. До войны Варвара на всю деревню одна была женщиной-одиночкой, люди жалели и язвили её, горемычную, богом обиженную бобылку. Теперь овдовевших, одиноких — полдеревни, теперь в горе своём, в неустройстве бабьего счастья Варвара как бы сравнилась с ними, и жить ей стало легче.

«Моей погибели ждала, желала, — уходя от Варвары, Устин нехотя вспомнил рассказ отца. — Лютует женское сердце без материнства. Не вернись я с войны, вряд ли Варвара пожалела бы Фросю и моих ребятишек. Всю хоромину заняла бы, как купчиха... Однако — шиш, руки теперь коротки. Если даже меня не будет, дом всё равно детям останется».

Подумав так, Устин вдруг с просветлением ухватился за эту последнюю мысль, которая сулила, предрекала ему разлуку с семьёй. Мысль о прощании с родными несла горькое удовлетворение, облегчение. Фрося перечить ему не станет, она всё поймёт. Между ним и ею никогда не было и теперь не может быть тайн. А эта, нынешняя, — особая, вредная и коварная, но временная, и незачем было втягивать в её омут Фросю. Жена ничем не помогла бы ему, зато в доме стало бы две бессонницы, два казнящихся сердца. Зачем?

Иногда Устину казалось, что Фрося, как колдунья, читает в его глазах злую тайну, его затаившееся страдание и хочет помочь. Едва сдерживая рвущиеся из груди слова, он суеверно прижимался к ней, точно заболевший ребёнок к матери, и на глаза его навёртывались слёзы. Иногда он как истукан замирал за какой-либо работой, сидел оцепенелый и неприкаянный, не помня себя и не замечая ничего вокруг. Фрося, чтобы вернуть его к яви, вырвать из пугающего её забытья, встряхивала его за плечи и с предвидением чего-то рокового, подползающей невесть откуда беды начинала разорённо прочитать:

— Господи, да что с тобой, Устинушка? Какая тоска гложет — и день, и ночь, поглядь, мучит проклятая? На глазах сохнешь, бату скоро по худобе догонишь. Ну, обскажи, Устюша. Может, сглаз это? Так давай к бабке Овсянихе дойдём, авось полегчает, снимет она с тебя чёрный наговор, коль он есть. А нет, тогда бы чего тужить да убиваться? И дом у нас новый, и дети здоровы, и стол есть, чем накрыть, и сами пока не стары, работаем, и война вот к концу пошла. Только и

жить... Ну скажи, Устинушка, что у тебя, где болит? Давай поглядим, какая такая пиявка душу твою сосёт, кто наказанье тебе такое приискал...

«Сам я себя наказал, сам и расхлебаю», — угрюмо думал Устин и рассеянно улыбался Фросе, а она ловила в его беспокойных глазах отблеск какой-то зреющей тревожной затеи.

Как-то он припозднился на работе и домой добирался впотьмах. На дворе затевался первый слабый буранчик. Снежинки вихрились, собираясь в белесые текучие ручейки позёмки, и, змеясь, струились через уже заледенелую, но ещё бесснежную дорогу. Откуда-то из проулка донёлся приглушённый женский плач. Почти в ту же минуту из-за угла избы вырвалась навстречу знакомая девичья фигура — полоска света из окна пробежала по лицу почтальонши Тани Васениной. Всхлипывая и зажимая рот ладонью, она, простоволодая, в пуховом, съехавшем на плечи полушалке, торопливо прошла мимо Устина, даже не заметив его.

Устин остановился, вслушиваясь, плач и говор доносились из темноты проулка, он шагнул, завернул за угол и увидел: возле избы Клавдии Осенковой на слегка заснеженном придворье небольшой стайкой чернели фигуры баб. Из глубины избы через полусосвещённые сенцы вырывались с некоторыми перерывами душераздирающие вскрики женщины.

Бабы скорбно переговаривались:

— Полгода не прошло...

— Да, отец-то ещё цел, воюет, а сынок... О-ох.

Устин невольно приблизился к слабо освещённой оконным светом толпе. Одна старушка шагнула к нему и, махая руками, стала объяснять:

— Похоронка... на Коленьку Осенкова пришла... Танюша Васенина сама её ноне принесла. Каково ей, невесте, — на своего любимого, суженого-то?! Ох, не приведи господь.

Вздохнув, старушка перекрестилась.

Горе, словно током, пронзило Устину. Коля Осенков?... Готов, убит, значит... А только вчера, кажись, приходил в кухню прощаться... Наголо остриженный, длинношейей, Колька по очереди подал крепкую ладонь сперва деду Панкрату, затем ему, Устину. А из-за косяка двери стыдливо выглядывала Татьяна.

Убит...

Устин немом и бесцельно постоял возле людей, насквозь продуваемый страшными рыданиями Клавдии, и зашагал куда-то, пустой и убитый, не слыша и не ощущая себя.

Он кружил, бродил, метался по метельной улице, а когда

пришёл домой, уют и тепло родного очага, улыбка Фроси и весёлые голоса ребятишек никак не подействовали на него, не вызвали в нём никаких чувств. Не снимая шапки и пиджака, он сел на табурет в прихожке и, глядя перед собой в половицы, закурил. Фрося сняла с него шапку, положила ему на плечи руки, приглашая раздеться. Он отрешённо, будто не узнавая, взглянул на неё и отвернулся.

За ужином перекинулись деревенскими новостями, затем Кузьма Данилович забеспокоился о том, как съездить бы, пока мало снега, в осиновик за сушиняком, как утеплить новый погреб... Устин слушал, но мало слышал.

После ужина он, накинув полушубок, вышел на запорошённое снегом крыльцо и долго стоял в темноте, курил. Потом без охоты шагнул в избу, в дверях столкнулся с Кузьмой Даниловичем и почтительно уступил дорогу старику.

«Нет, батя тут ни при чём. Не его советам я поддался, а себе... Всё трухлявое, дрянное во мне затопорщилось — и командует...»

С порога он тоскливым взглядом осмотрел всю избу, потом попросил у Павлика бумагу, ручку, прошёл в передний угол горницы и сел за стол. Отвыкший от писания рукой неуклюже и медленно водил по листку. Потом зачеркнул написанное, разорвал бумагу и, зажав клочки в кулаке, долго сидел недвижно, будто решая какую-то неподъёмную задачу.

Через некоторое время рука его нерешительно потянулась к чернильнице, опять усердно-неуклюже заскрипело по тетрадке стёртое перо...

Кузьма Данилович хорошенько прикрыл за собой дверь, вошёл в горницу и, шагнув к столу, заглянул через плечо сына в тетрадку. Устин холодно и продолжительно посмотрел на отца, потом встал, сунул за пазуху тетрадку и вышел из горницы. На ходу надел полушубок, шапку и, сопровождаемый вопросительными глазами жены и ребятишек, шагнул за порог.

Метель усиливалась, поскуливала, грозясь привести ночью настоящую зимнюю стужу. Устин взад-вперёд прошёлся вдоль дворов. «Завтра отдам письмо Татьяне и скажу ей... Панкрату скажу, всем...»

Домой идти не хотелось, и он свернул к кузне. Войдя, нашёл фонарь, зажёл огонь, сбросил с себя полушубок и, подкинув в тлеющий очаг уголька, стал мехами раздувать жар...

11

Морозы на дворе стояли окаянные. Запруда, подковой огибавшая деревню, ещё в ноябре остеклилась крепким льдом,

---

приняла конькобежную детвору и лёгкие санные повозки. А в декабре по заснеженному льду с разведывательной осторожностью прошли первые гружёные машины, которые преобрегали летней дорогой, что шла через хилый деревянный мост за деревней, затем круто взбиралась на глинистые угоры, ныряла в них... Замёрзшая запруда спрямляла дорогу до райцентра, укорачивала её километров на пять.

В тот день Фёдор Бредихин на полуторке, Нюра Корюшина на ЗИСе (автомобиль председатель доверил ей, лучшей трактористке, оставшейся без трактора) поехали за сеном, прихватив девчат-грузниц. Машины неторопко шли по снежному полю вслед за трактором, толкавшим впереди себя стальной квадрат снегоочистителя. До стогов добрались благополучно, нагрузили и увязали верёвками плотно слежавшееся тяжеловатое сено и, сытно урча моторами, тронулись в обратный путь.

В полдень подъехали к запруде. Первой на лёд вкатилась полуторка, следом, покачивая широким возом, вполз ЗИС. Бредихин высунулся из кабины, с улыбочкой оглянулся назад и кивнул Корюшиной: не робей, дескать, так держать!

Садясь на место, он задел головой за крышу кабины, и шапка его полетела в снег. Бредихин тормознул, выскочил из кабины, подцепил шапку и вернулся к рулю. В этот момент раздался страшный, коленцами расходящийся треск, и слева, как бы обгоняя полуторку, высунулось зелёное рыло ЗИСа. Полуторку вдруг словно бы мягко дёрнули сзади и потянули вниз. Бредихин молниеносно всё сообразил, мигом включил передачу, дал полный газ. Полуторка раздирающе взревела и выскочила на берег.

Бредихин остановил машину, выпрыгнул из кабины, оглядываясь на ЗИС, но уже не увидел его. Метрах в сорока от берега в большой проломине торчал, крепко увязанный верёвками, стог сена, от которого вкруговую всё дальше расходилась вода, и расползались на четвереньках в разные стороны люди. Нагруженное с навесом на открытые борта сено не дало машине камнем уйти в воду. Однако с каждой секундой стог оседал, погружался в проломину и наконец замер, чуть выглядывая из воды: грузовик колесами достиг дна запруды.

Происшествие заняло всего минуту, никто не успел что-либо сказать, девчата, ошарашенные и испуганные, как за спасением, кинулись к Бредихину. Лишь Нюра сидела неподальёку от проломины и плакала навзрыд. Юбки на девках, что ехали с ней в кабине, были мокры и сейчас же схватились на морозе ледяными коробами.

— Как же теперь... с сеном-то, Федь? — слёзно беспокоилась одна из них.

— Машину утопили, а ты: сено, сено!.. Давайте живо в деревню, нечего тут кудахтать, — жёстко распорядился Бредихин и, чувствуя свою вину за случившееся, зашагал к Нюре.

Малоопытная в шофёрском деле Нюра не сумела вовремя затормозить и, чтобы не удариться в резко остановившуюся полуторку Бредихина, неуклюже вырулила на обгон. И стоило двум грузовикам оказаться тесно рядом, лёд не выдержал...

— На что тебе глаза и тормоза даны? Автомобиль не трактор: села за руль — в оба гляди... Говорил же, не послушалась: поучись на моей старушке, а там ЗИС бери, — присев на корточке возле Нюры, с улыбочкой, сочувственно зудел Бредихин.

— Иди ты... — огрызнулась та, вытирая слёзы.

— Ладно. Сама хоть жива... А машину по весне и вытащим...

— Чего? — Нюра вскочила, с треском оторвалась от наледди примёрзшая юбка. — Да к весне её илом затаянет, ракушками обрастёт. Айда к председателю. Всю деревню поднимем, я трактор подгоню...

Зайдя в кузницу, Степан Васенин как о большом личном горе рассказал Устину об утонувшем автомобиле, всего три дня послужившем колхозу. Устин осуждающе, с досадой смотрел на председателя, словно говоря: как же это вы сумели? Я неделю безвылазно торчал в кузнице, всё нутро машины перебрал, перемыл, смазал, борта новые возвёл...

— Тебе сейчас подвезут из мехмастерской два буксирных троса, ты привари к ним петли и сам... дуй к запруде — помогать... — громко говорил Васенин, суетливо сопровождая слова жестами единственной руки.

Когда Устин прибыл к берегу запруды, там всю кипела работа по спасению автомобиля. Бабы, ребяташки, старики граблями и вилами доставали из воды сено и таскали на берег. Васенин, Бредихин, Костюшка-счетовод, одноногий Агапов и несколько баб ломали лёд, продельвая от промоины ход к берегу. Отколотые глыбы льда сразу же вынимали из воды и разбрасывали по сторонам. От воды и от людей шёл, клубился на фоне закатного неба пар — работали споро, с муравьиным усердием, с тревожным и жадным любопытством к себе, к собственным силам, к немислимо трудной затее — вызволить из-под льда тяжёлый грузовик.

На берегу вытянувшись караваном, стояли наизготове трактор, полуторка и четыре пары быков — вся эта сила, со-единённая тросами и дышлом, ждала срока, чтобы дружным рывком выдернуть грузовик на берег.

Когда обширная, в три метра ширины и метров в тридцать длины, прорубь была готова и очищена ото льда, Васенин объявил перекур. Важно было сообща подумать, как прицепить под водой буксирный трос к машине. Мужики — были они все инвалиды, отпущенные войной по причине ранений и увечий, — кружком обступили председателя и, покуривая, перебрасывались советами:

— До дна тут метра четыре, не более. Значит, конец троса привязать к шесту и...

— Вслепую, на ощупь вряд ли смогём.

— Фёдор, живо в конюшню! Выбери там из слег что-либо подходящее. Две-три длинные оглобли прихвати! — скомандовал Васенин Бредихину.

Отбросив лом и вытирая шапкой потный лоб, к мужикам подошёл Устин.

— Вот даже Устин подсказать не может: не гыгыкает и не мымыкает... Но ничего, сейчас спробуем, — сказал Васенин и подошёл к самому краю проломины, пронизывающе вглядываясь в тёмную воду.

Привезённый Бредихиным шест оказался коротким. Тогда связали две оглобли и, приладив трос, долго шарили в воде, натываясь на машину. Каждый из мужиков попеременно испробовал своё счастье. Но зацепить трос никому не удалось. Разгорячённые работой, люди остановились, не зная, что делать дальше. Потные спины начал охватывать озноб, намокшие валенки, рукавицы, варежки, обледенев, скрипели, как жестяные.

Поглядывая на спешно уходящее за дымно-багровый горизонт мёртвое декабрьское солнце, тоскливо поругивались от лютого холода, а главное — от собственного бессилия довести до конца так горячо и дружно начатое дело. Кое-какие ребятишки, потеряв интерес к зашедшей в тупик работе и предостаточно наморозившись, подались по домам. Начала редеть и толпа глазевших на берегу старух и стариков, содействующих, как им казалось, своим присутствием общей пользе дела.

Вода в проломине слабо дышала испариной и была смутно-чёрной, с тяжело-красными отблесками заката.

«Через полчаса совсем стемнеет, и тогда будет поздно. А до утра льду три вершка наморозит», — подумал Устин и шагнул к председателю.

Угрюмо-растерянный Васенин почти не обратил внимания на то, что ему объяснял на пальцах Устин.

— Он показывает, — толкнув Васенина, догадался хромой Костюшка, — что надо нырнуть и прицепить трос.

— Так это и дураку ясно, — хмыкнул Бредихин. — Только где найти такого...

— Дядя Федя пусть... — вдруг твёрдо подсказал один из вертевшихся возле мужиков ребяташек. — Он жирный, как морж, не замёрзнет, не утонет — ему эта вода хоть бы хны...

— А что? Резон, — подхватил Костюшка. — Федька всех здоровше...

— Так большое здоровье надо пуше беречь, моя бабушка говаривала, — отшутился Бредихин и, чувствуя, что от него ждут ещё чего-то, добавил: — Ты, председатель, командируй-ка меня завтра в город. Знакомый у меня там есть — во-долаз...

— Ты ещё сапёрный взвод сюда привези, — устало отмахнулся Васенин.

— В прорубь я, может, и нырну.. когда жизнь надоест, — Бредихин басисто захохотал, но его шутку мужики не приняли. — Ты, Егорыч, пожадничал ЗИСа мне отдать, вот бог-то тебя и наказал...

— Всех наказал. Машина обчая, колхозная. А коль для тебя она более всех любя, то вот и позаботься. Председатель тебя и наградит: ты сядешь на ЗИС, Нюра — на полуторку, — подкалывал и как бы вдохновлял Бредихина одноногий Агапов.

— Ты к чему клонишь, протеза? Чтобы я из-за этого ржавого примуса в прорубь сиганул, а? — Бредихин впервые, кажется, заговорил без шуток и ухмылочек, тёмные глаза его недобро блеснули: — Поищи дураков в другом месте. И вообще, хватит, мужики, лясы точить. По домам пора. Утро вечера мудренее.

Будто хоронясь от колючего северяка, Устин отступил за кучу смёрзшегося сена. Там он подобрал на снегу длинный обрывок верёвки, которой связывалось сено, обмерил его шагами и стал раздеваться. Обжигающий мороз торопил его.

Он вышел к мужикам в нательном белье и шерстяных носках, весь белый, как привидение. Все замерли от удивления и сочувствия: так жутко-непривычно было видеть на снегу, в косых струйках поднимающейся к вечеру метели раздетого человека. На ходу Устин опоясал себя одним концом верёвки, другой конец сунул Васенину, трусцой подбежал к проломине и, опершись о кромку льда, съехал в воду. Это произошло в секунды, все стояли точно примёрзшие к месту и, только когда Устин скрылся под водой, зашумели, засуетились.

— Трос, скорее подай ему трос! — подбегая к проруби, вскрикнул Васенин.

— Так его ж нет, Устина-то. Смотрите, утоп! — заорал Костюшка, заглядывая в проломину.

Вытянув шеи, все наклонились над водой и несколько секунд цепко вглядывались в её немую аспидную глыбь.

Устин вынырнул чуть левее прильнувших к проруби мужиков, лицо его было красно, точно ошпарено кипятком.

— Трос! — закричал и остервенело затопал обледелыми валенками Васенин.

Бредихин и Костюшка протянули Устину виток троса с небольшой петелькой на конце, Устин поймал эту стальную змею и, хватнув ртом воздуха, исчез в воде. Долго, более минуты, его не было видно, потом вынырнул и как-то страшно заулбыбался, победно закивал Васенину.

— Прицепил?.. Молодец! Вылазь скорей! — взмахивая рукой, закричал Васенин и бросился к краю проломины.

Устин мотнул головой и выставил из воды руку, растопырив два пальца.

— Второй трос просит, — объяснил Костюшка.

— Одного хватит! — крикнул Бредихин.

Но Устин резко, нетерпяще взмахнул рукой и опять показал два пальца.

— Бредихин, трос! Быстрей, говорун чёртов! Человек коченеет, а ты?

Васенин швырнул верёвку Костюшке и метнулся к Бредихину на помощь.

Трос подтащили к воде, его конец Бредихин пробовал дать Устину, но не дотянулся и, размахнувшись, бросил в воду. Железка перелетела через Устина. Ловя трос, Устин скрылся в воде, но тут же вынырнул с раскрытым ртом и закричал на Бредихина:

— Д-ду-б-бина! К-криво-рукий!..

Эти звуки вырвались из Устина, как сотрясающая всё тело дрожь, он выклацкал их зубами и снова пошёл ко дну, ногами натолкнулся на капот автомобиля и, открыв глаза, стал искать внизу, возле фар, второй буксирный клык.

— Ура! Дядя Устин заговорил! Ура-а! — вынырнув, услышал он возгласы ребятишек, которые доносились будто изда-лека.

Он плохо слышал и соображал, тело, прошитое тысячами ледяных гвоздей, уже не слушалось его, и весь он будто сжался до размера собственного сердца, которое только и ощущалось им, жило, колотилось, сдавливаемое тисками лютой стужи, из последних сил противясь смерти.

Коченеющего и вконец обессиленного, его вытащили из проруби, кинули на плечи фуфайку и повели к кабине полуторки.

— Кто ж так делает? Не могли тулуп и водочки припасти... на такой случай! — возмутился Бредихин, усаживая полуживого Устина рядом с собой.

— Вперёд! Что там возишься? Быстрей! — срывающимся от мороза и гнева голосом заорал на шофёра Васенин.

— Ура! Устин говорит! Ура-а! — кричали в толпе на берегу.

Дома Устина оттёрли снегом и водкой, укутали тулупом и уложили на горячую печь. Ожидали и боялись воспаления лёгких, но Устин даже не кашлянул. Однако к вечеру следующего дня он стал опухать. Ночью горел, метался в жару, его разнесло до неузнаваемости. Руки и ноги надулись, точно резиновые, лицо страшно отекло, вспухло, вместо глаз — лишь узкие щелки. Жена Фрося сбегала за старой фельдшерницей, эвакуированной откуда-то из-под Брянска. Та взглянула на Устина и даже не стала открывать свой истёртый кожаный чемоданчик, где хранились лекарства и инструменты.

— Почки, — тихо сказала она, пощупав пульс и потыкав пальцами отёкшие ноги Устина. Тело, будто рыхлое тесто, сохранило вмятины от пальцев фельдшерницы.

— Видите, — сказала она и, выйдя из горницы, добавила: — Тяжело ему, но... помочь не могу.

— А в район отвезти? — захопотал Кузьма Данилович.

— Нет. Теперь вся надежда на организм: сладит, значит, выживет, а нет, значит... Это ж почки! — шёпотом разьясняла фельдшерница. Открыла чемоданчик, нашла и вложила в ждущую ладонь старика пузырёк: — А пока вот капли, три раза в день. Поменьше ему питья и ничего солёного...

Час от часу Устину делалось хуже. Он полыхал жаром, всё чаще впадал в беспмятство, стонал и бредил. В минуты облегчения тихонько и виновато утешал близких, со слезами на глазах беспомощно сидевших возле него.

— Не мог побережься. Угораздило ж тебя, а! — с укором причитал и терзался Кузьма Данилович, оставшись с Устином наедине. — Оно, конечно, и я тут не без вины... Но вроде здраво рассудил: сподручнее до комиссии тебе помолчать. Думаю, два-три месячишка — время ли?.. Разве не так?.. Вот врачам бы и сказал про всё. До перекомиссии и закон за тебя был, документ о контузии имеешь. А ты загодя, до срока, затерзал, исказнил себя... Не крал, а уж вор, да?

— Закон — во мне, батя, с меня он н-начинается... Отшагнул вот от с-совести — тут и от закона от-тшагнул...

— Да, можа, и прав ты, сынок, да толку-то теперь.

— Всё хорошо, батя, — силится улыбнуться Устин. — И машину в-вытащили... И я хоть к-куда теперь г-готов: и петь и в-воевать...

— Ага. Теперь ты знаешь куда годный?.. — Кузьма Данилович смежил мокрые ресницы.

— Мне, батя, главное... что к людям примкнул. Да, да. Кому, можа, стерпелось, сошла бы такая жизнь... а меня хоть ты режь... Он... к-краденый-то поросёнок, в-вечно в ушах визжит. Да. От мира чего и утаишь, а от себя как?.. Каторга, п-погибель тебе от себя же... Ох, жарко-то!.. А ты не п-плачь. Хорошо мне, хоть и п-помру, а ничего... Т-только голова расколется, поди... Огонь везде. Дай воды!.. Потуши, батя. Вон, вижу, несут. Вот она... п-повесточка. Я же писал вам, товарищ майор, просил... Я здоров, товарищ военком... Вон они, сволочи... Слева, гляди, обходят слева... Мергалиев! Прицел двенадцать, броневой... Огонь! Скорее... Воды... огонь...

Устин всё дальше проваливался в бред, бессвязно шептал, поругивался, всхлипывал, потом пугающе затихал. Кузьма Данилович склонялся над его вздутым, без единой кровинки, рыхло-белым лицом, ловя притихшее дыхание.

— Что? — в горницу испуганно-вопросительно заглянула Фрося.

Кузьма Данилович отшагнул от кровати и, посмотрев в смятённое лицо снохи, сказал негромко:

— Как от печки пышет, а пота нет. Вот беда: весь жар в нём. Лютует неизбывно. Так и задушить могёт.

Фрося разлепила тонкие, скорбно сжатые губы, хотела сказать что-то свёкру, да лишь тяжко простионала и замерла в тупом отчаянии, вперив в Устину невидящий взгляд. Она совершенно изменилась в эти четыре дня болезни мужа — постарела и словно оглохла, с замедлением окликалась на зов, пугаясь всяких дальнейших перемен жизни. Перемены эти были так ошеломляюще резки, что вконец обескуражили её, подавили в ней дух: со слезами радости кинулась она к Устину, заслышав его голос, но уже через сутки ей пришлось вытирать слёзы горя. Устин будто для того лишь и заговорил, чтобы тут же смолкнуть, сгинуть навек. Не говорил, да был здоров. Теперь заговорил, да помирает...

— Ты п-прости, Фрося, на коленях перед тобой и людьми... расти детей, — шептал Устин в минуты ясной памяти, и Фрося бросалась к нему, ладонями обнимала его вспухшее горячее лицо, словно хотела навсегда удержать и это на миг воскресшее сознание, и родной голос.

Возле дома Дедушевых стали попридерживать шаг, останавливаясь, словно что-то вынюхивая, местные старухи. Во всём этом Кузьма Данилович уловил недобрый, зловещий знак.

— Ну, чего вскружились, как вороньё? Чего почуяли, старые сороки?! — с мрачной досадой вскинулся он на них, хоть и сознавал грубость и неправоту свою перед старухами, беспомощность и обречённость перед бедой, которая неотвратимо ломилась в дом.

— Не орал бы, Данилыч. Мы к тебе с сочувствием.

— Плох твой Устин-то... Даже фельдшерица, слышь, оказалась... Ну, чего ж теперь. Кому как бог даст. От смерти не посторонишься.

— Не её бойся, человек, бойся грехов. Смерть по грехам страшна. И покада Устин жив...

— Да, пока жив, не опоздай, Данилыч, Овсянику позвать. Хоть она не поп, а отчитает... И, можа, Устин хочет слово последнее сказать, покаяться. Даст господь умереть, даст и покаяться. Не зря ж речь и слух ему возвернул...

А вскоре наведалась бабка Овсяниха. В тёмном одеянии, в чёрном, клином торчащем над жёлтым лбом платке она была похожа на старого тощего грача. Со страхом и неприязнью Кузьма Данилович и Фрося посмотрели на неё, однако не заступили ей дорогу в дом, молча сопроводили в горницу и оставили наедине с Устином.

Чуть погодя заявили Васенин и кузнец Панкрат. Они знали, что Устин занемог, но не ведали, что он так плох. Будто не веря слёзному рассказу Фроси, решительно прошли в горницу, и остановились, наткнувшись на жуткое бормотанье Овсянихи:

— ...что им творится над нами — всё по грехам нашим. О, смерть, отраден твой приговор для человека, нуждающегося в тебе и изнемогающего в силах своих...

— Он сам учинил себе приговор не мягче божьего, — всхлипывая красным носом, сказал, будто робко поправил Овсянику, вошедший с мужиками Кузьма Данилович.

Васенин и Панкрат переглянулись, словно спрашивали друг у друга совета.

— Устин! — вдруг громко позвал Васенин и шагнул к кровати. — Ты слышишь меня?

Ответил Устин лишь частым горячим дыханием, тяжёлое затёкшее его лицо чуть передёрнулось, будто в улыбке.

— Вот и хорошо. Коль дышишь, значит, живёшь, — одобрительно заговорил Васенин, оттеснил плечом Овсянику и занял у кровати главное место. — Ты рановато, бабка, затеяла ему проводы на тот свет. Погоди-ка маленько.

— Такая же шутка с моей Дусей в молодости приключилась, — ошупывая ноги Устина, сказал Панкрат. — На третий день после родов пошла к речке бельишко постирать, да с жары и сама искупалась. Её и разнесло, вот так же бревном лежала... Думал, всё, конец Евдокии — так плохо, что промеж жизни и смерти блошка проскочит. Тут дед один и подсажи мне... И знаете, как я спас Евдокию?.. — Панкрат прервал рассказ, позвал Фросю и спросил: — А ну, покажи-ка мне вашу баню.

Спустя несколько минут Панкрат вернулся и сказал:

— Баня в порядке, дрова есть. Позволь, Данилыч, испробовать мне своё врачевание?

— Пробуй, до выбора ль теперь — как лучше, как хуже: старухи вон уж заупокойную над Устином читают. Помрёт сынок — и мне крышка.

Панкрат снял с плеч полушубок и тотчас взялся за дело. С помощью Фроси натаскал в баньку дров, воды, развёл огонь в очаге. Часа два подряд гудело под котлом пламя, изредка потрескивали над топкой голыши, вбирая, копя сухой жар. Чтобы не угореть, Панкрат с красным потным лицом и слезящимися от дыма глазами выходил из бани во двор, колол дрова и готовил веники.

— Ты не топтался бы на ветру, Семёныч. Засквозит, — беспокоилась о старике Фрося.

— Всё готово, давайте Устина сюда, — приказал Панкрат. — Втроём донесём его, пожалуй.

Устина завернули в тёплое одеяло, притащили в предбанник и, распеленав, взгромоздили в парильне на дощатый пол.

— Ну и пар, глаза трескаются! — попятился в предбанник Кузьма Данилович.

— Это парок, а пар будет погода, — сказал Панкрат и стал снимать рубаху, штаны.

Фрося отвернулась, вышла из бани.

— Жарища, как в духовке! Он же задохнётся там! — переживал за сына Кузьма Данилович.

Худой, бледнотелый, старчески сутуловатый, Панкрат показался ему хлипким, слабым для той работы, что ждала его в парильне, в пышущем огненным зноем пекле.

Панкрат надел шапку и рукавицы, взял веник, шагнул в парильню и притворил за собой дверь. Кузьма Данилович слышал, как он поддал парку, плеснув водой на раскалённые голыши, а чуть погода послышались частые удары веника, оханье, стоны, побряхтыванье, словно за дверью началась потасовка. Минут через пять Панкрат вышел в пред-

---

банник, ополоснул голову в бочке с холодной водой и плюхнулся на скамейку.

— Ну? — напряжённо спросил Кузьма Данилович, когда старик малость отдышался.

Панкрат немо развёл руками, взял новый веник и ушёл в парильню. Устин лежал недвижно, ни горячий сухой пар, ни злые обжигающие шлепки веника, казалось, не ощущались, не воспринимались им. Его тело было глухо ко всем стараниям Панкрата.

Утром следующего дня Панкрат заново истопил баню. Устина в одеяле опять принесли в парильню, и опять, раздевшись донага, не жалея себя, своё подорванное многими хворями старое сердце, Панкрат иступлённо хлестал, жёстко нежил берёзовым веником его тело, мял, тискал. Поглаживал все его члены. Он уверовал в то, что, пока тело Устина будет таким розовым и горячим, из него не сможет уйти жизнь, оно не охладает, не умрёт. И он работал, старался с запредельным напряжением нервов и немногих своих сил, едва не задыхаясь от адской жары и одышки.

После первой пропарки отёкшее, надутое, как бы резиновое тело Устина словно всюду прокололи тысячами иголок, и из него хлынул пот. Устин стонал, тихонько вскрикивал и после второй пропарки открыл глаза.

— Ну, каково, браток? — обрадованно заглянул ему в лицо Панкрат.

— Жарко... а тело мало чувствует. Как по д-деревяшке хлещешь, — заливаясь потом, выдохнул Устин.

— Нагрев хорош. У меня аж зубы ломит, дышать нечем. Вон с тебя как потекло, это к добру, Устин. А ну-ка, на спину давай поверну тебя, вот так, так...

Метались от ударов веника тугие волны зноя, хватали ртами, обжигаясь, раскалённый воздух Панкрат и Устин, всхлипывали, охали, кричали, стонали, будто нещадно дрались друг с другом.

— Мурашки по спине... п-покалывание этакое, вроде бы щекотки, — забормотал Устин.

— Во! Вот что и надобно! Это чутьё к тебе ворачивается! — обрадованно вскрикивал Панкрат.

На третий день он ещё раз натопил баню и, выкладывая последние силы, трижды пропарил Устина. И тут произошло удивительное: всё тело Устина покрылось густой красноватой сыпью, точно просом оклеилось.

— То и надобно, — словно подытоживая свою ударную работу в бане, облегчённо и устало повторил Панкрат. — Те-

---

перь наверняка оживеешь. Вон и отёки наполовину спали. Поправишься...

После третьей бани Устин вышел из парильни на своих ногах.

Зато слёг и больше не встал Панкрат. Люди думали, что это хвори, долго осаждавшие старика, наконец одолели его. Лишь Устин знал, что так резко укоротило жизнь Панкрата, которому он так и не решился доверить свою измученную душу. Да вот уж и поздно.

В кузницу Устин вернулся недели три спустя после происшествия на льду запруды. Слабыми и до неузнаваемой белизны отмытыми руками взял молот и долго столбом стоял возле наковальни, вспоминая... Он так глубоко и казняще скорбел о старом кузнеце, словно собственноручно толкнул его в могилу.

Кручинился и Кузьма Данилович, виновато поглядывал на сына, избегая разговора с ним. Но когда, выздоровев, Устин собрался в кузню, он робко посоветовал ему:

— А ты погоди, окрепни малость. Ветром шатает... Теперь шибко-то не живи, не рвись в работе за троих. Слаб, хвор ты ещё, сынок, хоть и выказался, заговорил. Да в этой ледяной прорве сам чёрт закричал бы.

— Что — прорубь? Я ещё до того... раньше в район н-написал о себе. И хватит меня ж-жалеть, батя! Нажалел досыта! — с нарастающей жестокостью в голосе сказал Устин, и на его сумрачно-бледном лице вдруг резко обнажились, вспыхнули синими искорками будто кипящие изнутри глаза.

— Как, чего ты написал-то? — отводя взгляд от лица сына, нетвёрдо спросил Кузьма Данилович.

Устин шагнул в угол, где над полатами висела гармонь, выдернул из-под её ремня жёлтые листки, сунул отцу:

— Вот... бумажки остались, ч-черновик...

Кузьма Данилович кинул на нос очки и уткнулся в тот листок, на котором было меньше помарок. Он читал, всё более сутулясь, затем опустил на стул и растерянно взглянул на сына.

— Я... в кузню... — сказал Устин и нетерпеливо шагнул к порогу.

Когда хлопнула дверь, Кузьма Данилович ощутил слабое головокружение и гулкие удары сердца в опустошённой груди. Он опёрся рукой о край стола и, сам того не желая, опять потянулся к бумаге, вдумчиво и не спеша разглядывая острые и прямые, как ножи к косилке, строки короткого письма:

«Товарищу райвоенкому.

Я, Дедушев Устин Кузьмич, командир орудия третьей ис-

требительно-противотанковой артиллерийской бригады, в бою возле села Ольховатка, что под Курском, 10 июля 1943 года был ранен в голову и крепко контужен, отчего целиком оглох и онемел. Лечили меня в госпиталях, но без толку. Недавно контузия отошла сама. Теперь я здоров и снова могу быть на фронте. О чём и докладываю вам. Врачебная комиссия у меня в феврале. Но, по-моему, теперь это не имеет никакого значения...»

С полатай слез, босоногий и бесштаный, в короткой рубашонке, Василёк и, зябко ёжась от холодка утренней, ещё не топленной избы, молча юркнул к деду на колени. Кузьма Данилович подхватил полусонного внука и, сняв очки, стал ласково и рассеянно приглаживать его встрёпанный русый чубчик, утешаясь нежным теплом близости родного человека.

— Ничего, Василёк... Оно коли так, то и ладно... Хоть и обидно отцу: сын переволит! А разберись — это ж в нём моё... ну, в общем, наше, дедушевское, одолело всё, переупрямило, верх взяло, а?! — с горькой гордостью вслух размышлял Кузьма Данилович и, крепче прижимая к груди внука, дрожащим кулаком осушал свои мокрые и оттого незрячие глаза.

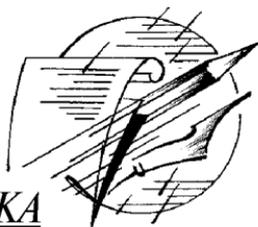
Лев КРИШТАПОВИЧ,
доктор философских наук,
профессор Белорусского государственного университета

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В СУДЬБЕ НАШИХ НАРОДОВ

Имитация научности

Противников единения белорусского и русского народов условно можно разделить на две группы. Первая представляет собой публику, находящуюся на содержании у своих западных хозяев. Эти политические лакеи разъезжают по заграницам и претендуют, ни больше ни меньше, на представительство от имени «европейской демократии». Будучи людьми невежественными, они не в состоянии говорить о реальных проблемах союзного строительства, а поэтому занимаются лишь критикой Союзного государства. Поскольку решение возникающих проблем на пути союзного строительства достаточно скучное занятие, а критика занимательна, постольку политические камердинеры, чтобы не быть скучными, вынуждены всячески злословить о белорусско-русской интеграции. Так как люди судят о чужих мнениях лишь по аналогии с их собственными, то политическими лакеями можно убедить лишь лакейскими доводами.

Другую группу противников белорусско-русского единства составляет

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

определенная часть нашей гуманитарной интеллигенции, которая в мгновение ока совершила умственное сальто-мор-тале. Свою «переоценку ценностей» эти деятели обычно объясняют невозможностью говорить правду в эпоху «тоталитаризма» и ссылками на некие новые исторические факты, которые, дескать, скрывали от общественности.

В действительности же проблема подобной интеллектуальной метаморфозы лежит в совершенно иной плоскости. Дело в том, что в эпоху массового «производства» интеллигенции, в том числе и ученых (такое явление характерно сегодня для всех развитых стран), подавляющая ее часть никакого отношения к науке не имеет, хотя и называется научной. Причина тому — подмена научного исследования резонерством. Как отмечал великий мыслитель, в наше резонирующее время совсем не трудно научиться подыскивать доводы «за» или «против» одного и того же содержания, и надо быть очень уж недалеким человеком, не умеющим подобным образом «аргументировать».

Отсюда и кажущийся парадокс, когда одни и те же ученые в советское время «аргументировали» за союз с Россией, а в нынешнее — против союза с Россией. Это и есть ученые-резонеры. Вся их наука — уметь подыскивать аргументы в зависимости от обстоятельств и политической конъюнктуры. Отличие ученого-резонера от подлинного ученого состоит в том, что первый ищет доводы, за которые в данное время хорошо платят, а второй — истину. Поэтому для ученых-резонеров не существует проблемы научной добросовестности, честного сопоставления того, что они писали раньше, с тем, что утверждают сегодня. Они обыкновенные производители и потребители лжи. Они забили свою голову ложью до такой степени, что уже утратили способность реагировать на нее. Они утратили способность воспринимать истину. Точнее, они истину воспринимают как ложь.

Поэтому их аргументация против Союзного государства Белоруссии и России — это лишь имитация научности. Она бесплодна во всех отношениях. Она есть фальсификация истории наших народов.

О фальсификации белорусской истории

Формирование национальной культуры и национального самосознания немыслимо вне исторических традиций. Но, говоря об исторических традициях, надо иметь в виду именно исторические традиции белорусского народа. Почему это важно? Потому что зачастую под видом национальных цен-

---

ностей белорусам стремятся навязать ценности какой угодно истории, но только не своей, белорусской. Характерный пример — историко-культурная передача на белорусском столичном телевидении (СТВ) «Приключения дилетанта». Во всех этих передачах идет безудержное восхваление польского панства под видом якобы столпов выдающихся белорусских родов. Расписывается, какие они были патриоты своего отечества, как они любили свою землю, какие они строили дворцы, как они заботились о культуре — ну просто плакать хочется, слушая телевизионные рассказы об этих «подвижниках» белорусскости. Польские паны для автора передачи — это «наши паны». Так, сын канцлера Великого Княжества Литовского (ВКЛ) Льва Сапеги Казимир Сапега в фальсифицированной голове автора передачи выставляется в качестве «шчырага беларуса». А католический орден картезианцев, поддержавший польское восстание Костюшки в 1794 году, оказывается, «защищал нашу батьковщину».

Или вот трогательный рассказ о Станиславе Радзивилле. Он и патриот, и активный участник польской народной консервативной партии, и адъютант Юзефа Пилсудского, и герой, погибший на Волыни в 1920 году. Правда, при этом возникает вопрос: при чем здесь белорусскость? Ну был польский шляхтич, который маялся дурыю о великой Речи Посполитой от моря до моря, участвовал в интервенции Пилсудского против Белоруссии и Украины в 1919—1920 годах, и сложил свою голову на волынской земле. Выставлять польских панов белорусскими патриотами (а именно такая идея пропагандируется во всех передачах) — значит становиться на позиции польских оккупантов, быть фальсификатором белорусской истории.

Или взять изображение других «патриотов» нашего отечества. В передаче повествуется о том, что они служили в наполеоновской армии, что 25 тысяч добровольцев из Белоруссии воевали против русских войск, что Наполеон обещал восстановить ВКЛ. Так пишется, т.е. фальсифицируется белорусская история. Что собой в действительности представляло это ВКЛ? Марионеточную структуру, в которую Наполеон включил Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую губернии и Белостокскую область. В Витебской и Могилевской губерниях действовало особое «польское правление». В состав этих «правительств» входили польские помещики и ксендзы, которые помогали наполеоновским захватчикам грабить Белоруссию. А так называемые добровольцы из Белоруссии, которые воевали против русских войск, — это были польские шляхтичи, входившие в польский корпус

Юзефа Понятовского, польскую дивизию Яна Домбровского, польский уланский полк Доминика Радзивилла и другие польские марионеточные формирования, которые активно участвовали в наполеоновском нашествии на Россию. Разумеется, это было нашествие и на Белоруссию. Напомним: ведь белорусы совсем недавно, только в конце XVIII века, освободились от польского национального и религиозного гнета. И наполеоновское нашествие воспринималось нашим народом как попытка шаромыжников (агрессоров) восстановить противоестественную польскую власть на белорусских землях.

Представлять дело, будто бы это только для России была Отечественная война, а для Белоруссии просто русско-французская война, — значит, мягко говоря, игнорировать цивилизационное единство белорусов и русских, общность их исторических судеб. Это значит признать, что польский магнат, который был не только социальным, но и национально-религиозным, духовным угнетателем белорусского народа, является его лучшим защитником. Большого глумления над белорусской историей представить себе нельзя. Это сродни той же клевете так называемых «национально-озабоченных» культурологов, которые пытались доказать, что во время фашистской оккупации Белоруссии в 1941—1944 годах не было никакой Великой Отечественной войны, а была гражданская война в белорусском обществе между сторонниками независимого отечества и большевизмом.

Вообще автор передачи выдает такие перлы, что диву даешься. Послушайте, как он говорит о польском восстании 1830—1831 годов. «Вольны беларускі народ паўстаў супраць акупантаў». То есть против России. Выходит, наш народ восстал, чтобы побыстрее оказаться в польской неволе. Чего больше в этой авторской бессмыслице: дурости или цинизма — трудно сказать. Очевидно одно: подобная бессмыслица, косящая под белорусскость, ничего общего не имеет с действительной белорусскостью. Приведем интересные факты. После первого раздела Речи Посполитой в 1772 году та часть нашего народа, которая осталась во власти польского правительства, в своем прошении на имя Екатерины II высказывала следующую сакраментальную мысль: «Когда же и для нас взойдет солнце, когда и мы будем присоединены к единой России, избавимся от ига польского!» Ни в одной из стран Европы, в том числе и в России, закон не разрешал наказывать своего крестьянина смертью. И только в Речи Посполитой постановлением сейма 1573 года разрешалось польским феодалам «подлуг поразумения своего скарать»,

---

то есть лишать белорусских крестьян жизни. Это шляхетское право было юридически закреплено и в Третьем Статуте Великого Княжества Литовского 1588 года. Польский гуманист XVI века Анджей Моджевский с горечью писал: «Ни один тиран не имеет большей силы над жизнью и смертью простых людей, чем та сила, какую дают шляхтичам законы». Известно, что в имениях магнатов Речи Посполитой находились тюрьмы и стояли даже виселицы для устрашения и наказания белорусских крестьян. Столкнувшись с таким зверством, князь Г.А. Потёмкин после воссоединения в 1772 году восточной Белоруссии с Россией 28 января 1787 года дал управляющему своих имений на Могилевщине Брожзовскому следующее распоряжение: «Все находящиеся в купленном мною у князя Любомирского польском имении виселицы предписываю тотчас же сломать, не оставляя и знаку оных; жителям же объявить, чтобы они исполняли приказания господские из должного повиновения, а не из страха казни». Даже польский этнограф Вандалин Шукевич отмечал, что когда Белоруссия находилась в составе Польского государства, то белорусский народ находился на положении невольников. А польская помещица начала XIX века Е. Еленская признавала, что белорусские крестьяне смотрят на польского пана, как на непотребное на свете племя. При этом они сравнивают пана с пустым колосом, который не приносит никакой пользы человеку. Как это похоже на авторскую глупость о «вольном белорусском народе» при Речи Посполитой и «наших панах».

Так называемые «шляхетские» культурологи, историки, политологи, писатели чем-то напоминают собой бурбонов. Они ничего не забыли и ничему не научились за постсоветское время. И подтверждение этому — передача на белорусском телевидении «Приключения дилетанта». Так в передаче говорится об обществах филаретов и филوماتов, которые, дескать, занимались распространением культуры на территории Белоруссии. Но какую культуру распространяли эти любители добродетели и науки, об этом в передаче не раскрывается?

Дело в том, что тайные общества филаретов и филوماتов были созданы в 1821 году в Виленском университете и ставили своей целью развивать в студентах и образованной среде того времени любовь к «польской литературе» и «преданность польской национальности». Во главе филаретов и филوماتов стояли известные польские писатели, историки, поэты, в частности: Адам Мицкевич, Ян Чечот, Франц Малевский, Томаш Зан, Антоний Одынец. Кстати, в Виленском универ-

---

ситете преподавание, кроме медицины и римского права, которое осуществлялось на латинском языке, велось только на польском языке. Это был один из идеологических центров русофобии и польского шовинизма. Никакого отношения к просвещению и образованию белорусского народа филареты и филوماتы не имели, хотя некоторые из них и прикрывали свою антирусскость мнимой заботой о культурном развитии коренного населения. О том, что такова была политика польских панов и шляхты в отношении белорусов, свидетельствуют установки польских этнографов и публицистов в начале XX века. Польские этнографы и публицисты (Стефан Гурский, Ян Булгак, Юзеф Жискар и другие) стремились оторвать белорусский народ от русского, выдавали себя за настоящих защитников белорусов. Они заявляли, что стремятся сохранить народную самобытность белорусов в полноте исторических традиций, а поэтому советовали ввести для белорусов польский алфавит.

Не случайно, что современные филوماتы работают точно так же, как и их идеологические предшественники. На словах они ратуют о белорусской независимости, о белорусском языке, о нашем отечестве, а на деле реанимируют идеологию польских шовинистов, для которых Белоруссия — это польские «восточные кресы». Очевидно, что подобная антинациональная, антибелорусская программа провоцирует межнациональную напряженность в белорусском обществе и фальсифицирует подлинную историю и культуру белорусского народа.

Еще один важный момент. В этих передачах культивируется негативное отношение к советскому времени и белорусским партизанам. То партизаны, видите ли, во время Великой Отечественной войны прекрасный панский дворец сожгли, то своими действиями против оккупантов расстраивали мирную и спокойную жизнь наших сельчан. Исподволь телезрителям внушается идея: вот если бы не было партизан в годы войны, то в Белоруссии была бы тишь, гладь да божья благодать. А в парках бы прогуливались паны и паненки и разводили амурсы. Жаль только, что не говорится ни слова о действительном положении белорусов при господстве этих амурных панов и паненок. Видимо, это не вписывается в сценарий данной передачи.

Дифирамбы же автора передачи по адресу Ларисы Гениуш — это уже настоящий апофеоз антисоветизма и коллаборационизма. Оказывается, мы, простаки, и не догадывались, что Лариса Гениуш «вялікі змагар за свой родны край» и что ее творчество пронизано глубокими национально-пат-

---

риотическими мотивами. Правда, при этом возникает одна маленькая неувязочка. Скромное умолчание о том, что Лариса Гениуш — это обыкновенный коллаборационист, идеологический прислужник фашистских оккупантов. Она активно поддерживала гитлеровцев в войне против СССР. Если следовать авторской версии, то логично заключить, что если она «вялікі змагар за свой родны край», то фашисты еще большие борцы за наше отечество. И если ей, как призывает автор, надо поставить памятник в Белоруссии, то тогда давайте поставим памятник, например, в Минске и Гитлеру. Ведь для фашистских коллаборационистов Гитлер был освободителем Белоруссии от большевизма. А о том, что фашисты хотели освободить Белоруссию от белорусов и заселить ее немцами, не будем поднимать шума, а будем соблюдать европейскую политкорректность. Мы же все-таки европейцы, а не какие-то там азиаты. Вот объективно к чему сводится мудрость современных глашатаев «белорусскости», когда они говорят о европейской демократии и европейской ценности.

Или взять трогательное повествование телевизионного дилетанта о таком деятеле белорусской культуры, как Вацлав Ивановский. Ну просто слеза прошибает. Правда, при этом возникает какая-то неясность с кончиной этого деятеля. Автор передачи скромно сообщает, что Вацлав Ивановский умер в Минске в 1943 году и похоронен на Кальварийском кладбище. И ни слова при этом, чем занимался Вацлав Ивановский в оккупированном фашистами Минске, и почему он умер в 1943 году. Такое молчание весьма показательное. Сказать правду о Вацлаве Ивановском автору не хочется по той простой причине, что это будет апологией фашистского прислужника. Ведь Вацлав Ивановский был одним из наиболее активных коллаборационистов в годы Великой Отечественной войны. Он был назначен фашистами бургомистром оккупированного Минска и рьяно выполнял все приказы немецких оккупантов. Этот фашистский пособник не просто умер, а был убит, как и другие коллаборационисты, партизанами за прислужничество злейшему врагу белорусского народа. И выдавать его за светоча белорусской культуры — это не только свидетельство фальсификации нашей истории, но и предел нравственного падения современных «белорусизаторов».

Вместе с русским народом

История белорусской государственности неразрывно связана с историей развития белорусского национального ха-

---

рактера. Историческим этапом, зафиксировавшим основные принципы белорусского национального характера, является рубеж XVI—XVII веков, когда белорусам была насильственно навязана церковная уния. Именно от этого времени история Белоруссии получает «по преимуществу народное направление». Почему народное направление? Потому что защита своего образа жизни, своей веры и культуры, своего языка исходила именно из среды самого народа, т.е. крестьянства, мещанства, казачества. Дело в том, что к этому времени западнорусская (белорусская) шляхта уже ополячилась и окатоличилась. Именно в этот период и выкристаллизовались те социально-философские принципы нашего народа, которые сегодня лежат в фундаменте белорусской государственности. Какие это принципы? Это принципы народности, трудового образа жизни, социальной справедливости, братскости, союза с русским народом, миролюбия, отсутствия гонора. И это понятно, так как только такие принципы отвечали сущности такого общества, которое состояло из трудовых элементов — крестьянства и мещанства и в котором уже не было своего национального высшего сословия. Такое общество по своему определению уже было обществом трудовым, народным и миролюбивым. Поэтому вполне закономерно, что история Белоруссии с этого времени приобретает характер народного направления как в своем содержании, так и в дальнейшем развитии.

Воссоединение белорусов с русским народом, родственным по языку, конфессиональному признаку, образу жизни, в рамках Российской империи позволило нашему народу избежать грозящей денационализации и сохранило предпосылки для последующего национального возрождения и государственного строительства.

«Включение восточнославянских земель в состав Российской империи имело для белорусского этноса тогда спасительный характер. Прогрессивное значение заключалось в том, что была ликвидирована шляхетская империя, кровные разборки между шляхтой, от которых страдал в первую очередь простой народ.

Вхождение белорусских земель в состав России способствовало развитию зарождающейся промышленности, втягиванию во всероссийский рынок, что содействовало хозяйственной специализации Беларуси, подъему сельского хозяйства и промышленности».

Важно осознать, что государственность вовсе не является сугубо абстрактной категорией, лишенной каких бы то ни было национальных характеристик. Государственность есть

в определенном смысле воплощение национального характера и национальных традиций. Так, например, сложно представить себе в Белоруссии ту или иную модификацию западной культуры, ибо она не соответствует представлениям белоруса, не вписывается в парадигму национальной ментальности. Западный человек, обустроивший свое благополучие за счет эксплуатации колониальных народов, объективно рассматривал незападного человека как материал для удовлетворения своих жизненных потребностей. Отсюда и западная ментальность с ее принципами индивидуализма и расового превосходства над другими народами. Для белоруса такие представления абсолютно невозможны в силу принципиально другого образа жизни. Мир в представлении белоруса был его реальный «мир» (община), где все должны трудиться и жить по совести, справедливости. Такой мир априорно не знает и не принимает разделения людей на высших и низших, ибо все люди Божьи создания. Подобного рода представления и были закреплены на ментальном уровне нашего народа.

Не вызывает сомнений тот факт, что национальная ментальность определяет и генезис государственности. То есть данный феномен присутствует на всех этапах нашей истории, на каждом из них существенно влияя на формы и характер белорусской государственности. Нетрудно заметить, что эволюция государственных форм на территории Белоруссии шла от общерусской государственности через инонациональные государственные образования в виде Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой к реальной союзной государственности в XX веке (СССР) и на современном этапе.

Представляется необходимым адекватно оценить роль религиозного фактора как в процессе формирования национальной ментальности белорусов, так и в ходе государственного строительства. Данный тезис может быть сформулирован следующим образом: выбор православия был предопределен, среди прочих факторов, ментальностью народа, однако, в свою очередь, православие закрепило и сохранило тот исторический тип ментальности белорусов, который сегодня можно охарактеризовать как современный. Без всякой мистики и предопределенности: православие пришло именно на ту землю, где существовали ментальные предпосылки его сохранения. И именно оно, православие, скрепило и сцементировало догматически существующее положение вещей.

Рассматривая данный вопрос, нельзя не коснуться и униатства, которое некоторые белорусские писатели, культууро-

---

логи и философы по недоразумению зачисляют в разряд национальной религии белорусов. Здесь важно отметить, что в то время, когда на территории современной Белоруссии вводилось униатство (XVI—XVII века), меняли вероисповедание не простые верующие (крестьяне), а их патроны (паны, шляхта, церковные иерархи). В тот период считалось: чья власть, того и вера. Поскольку привилегированное сословие (шляхта) окатоличилось или приняло униатство, то оно заставляло и своих подданных (крестьян) принимать их веру, насильственно переводило православные приходы в приходы униатские путем навязывания православным униатских священнослужителей. Когда говорят, что в XVIII веке 80% белорусов были униатами, то это относится не столько к белорусским крестьянам, сколько к формальному количеству униатских приходов в Белоруссии. Крестьяне, как и раньше, так и в XVIII веке, оставались верными вере своих предков, то есть православию. Не случайно переход из унии в православие для белорусов был осуществлен без больших затруднений, поскольку все дело свелось к формальному переводу священников из унии в православие. И об унии в народном самосознании не осталось никакого воспоминания.

Необходимо подчеркнуть, что ментальность не означает буквального совпадения с исторической хронологией. В ментальности история закрепляется не просто в исторических событиях, а в смысле истории. А смысл истории данного народа вполне может быть противоположен определенным историческим явлениям, свидетелем которых он являлся. Дело в том, что определенные исторические события могут быть временны и преходящи, а смысл истории данного народа непреходящ до тех пор, пока живет этот народ. Вот почему все историко-культурологические усилия некоторых историков, направленные на то, чтобы из аббревиатуры ВКЛ вывести некую белорусскую идентичность, носят сугубо софистический характер. Отсюда должно быть понятно, что подобные попытки никакого отношения к действительной белорусской государственной традиции не имеют. В данном контексте важно обратить внимание на следующее соображение. Ментальность, если можно так выразиться, «мудра» и «избирательна». Она сохраняет лишь то, что позволяет нации сохранить себя в истории. Если агрессивные, кровопролитные периоды истории на территории Белоруссии не закрепились на ментальном уровне как белорусские события, то это означает, что это не была белорусская история и культура, что эти исторические события не были связаны с процессом самосохранения и развития белорусской культуры. Отсюда ос-

---

новной вывод: не надо реанимировать то, что не закреплено в национальной памяти. Такого рода «традиции» — блеф. Вот почему полнейшей софистикой являются попытки определенных деятелей от белорусской культуры зачислить в ряд белорусских князей Миндовга и Витовта, тащить в современную белорусскую культуру Радзивиллов, Сапег, Огинских как видных представителей белорусских знатных фамилий. Доходит до смешного. Так, в 2015 году планировалось даже отпраздновать в Беларуси 250-летие со дня рождения Михаила Клеофаса Огинского как великого белорусского предка. Это не только выглядит глупо по отношению к действительной культуре Белоруссии, но и является прямым оскорблением национальных чувств нашего народа, потратившего немало сил и времени, чтобы освободиться от социального, национального и религиозного угнетения подобных «благодетелей» белорусов.

Фактически польская шляхта создала на территории Белоруссии систему кастового строя, где белорусские крестьяне занимали положение, аналогичное индийским шудрам. Уже само расселение шляхты выстраивало непроницаемую стену между польским обществом и белорусскими крестьянами. Не случайно околицей или застенком называли поселение шляхты, чтобы отличить его от белорусских деревень, где жили крестьяне. Взять, к примеру, известного польского магната XVIII века Карла Радзивилла, которого определенная часть культурологов выставляет в качестве примера истинного белоруса, независимого и свободолюбивого, веселого и доброго, творческого и поэтического. Кроме, как глупостью, подобные оценки назвать нельзя.

Ибо Карл Радзивилл (Пане Коханку), известный как один из самых сумасбродных магнатов Речи Посполитой, не только не имел никакого отношения к белорусской ментальности и белорусской культуре, но был самым настоящим душителем всего белорусского. Всё великолепие и богатство его Несвижского замка было основано на многовековом национальном и духовном порабощении белорусского народа. Вот как описывают очевидцы реальную ситуацию в Беларуси во время господства польской шляхты. «Проезжая Беларусь, надрывается сердце от боли и жалости. Богатая земля населена людьми, которые изнемогают от работы, а дурные паны управляют с безудержной властью крестьянами, доведенными до окончательной нищеты. Грабёж всюду бессовестный и бесстрашный». Грабеж всюду был бессовестный и бесстрашный — вот что такое Радзивиллы для белорусского народа.

Или взять польских магнатов Огинских, которых недалекие культурологи причисляют к белорусским знатым родам. Вот что писал об этом «белорусе» Г.Р. Державин, который по поручению императора Павла I инспектировал белорусские земли в голодном 1798 году. «Проезжая деревни г. Огинского, под Витебском находящиеся, зашел в избы крестьянские, и увидев, что они едят пареную траву и так тощи и бледны, как мертвые, призвал приказчика и спросил, для чего крестьяне доведены до такого жалостного состояния, что им не ссужают хлеба. Он, вместо ответа, показал мне повеление господина (Огинского. — Л.К.), в котором повелевалось непременно с них собрать, вместо подвод в Ригу, всякий год посылаемых, по два рубля серебром». Таков был бесчеловечный принцип польской шляхты: «Умри белорус, но деньги на мотовство польской шляхты вноси без промедления». Пришлось великороссу Державину спасать белорусских крестьян. Как он пишет, «приказал сию деревню графа Огинского взять в опеку по силе данного ему именного повеления».

Для сравнения. При всем социокультурном расколе между «верхами» и «низами» такой кастовости, которая существовала между польской шляхтой и белорусскими крестьянами, в России все-таки не было. Разве не показательно, что великий А.С. Пушкин был духовно вскормлен простой русской крестьянкой — Ариной Родионовной. Или, например, шедевр сказочного искусства, как в художественном, так и в гуманистическом плане, русского писателя С.Т. Аксакова «Аленький цветочек» был вложен в его душу обыкновенной ключницей Пелагеей? И разве не удивительно, что выдающийся государственный деятель и поэт Г.Р. Державин в своём новгородском имении учил грамоте и молитвам крестьянских ребятишек? Или, скажем, дочь крепостного крестьянина, получившего вольную от графа Шереметева, Надежда Прокофьевна Сулова стала первой русской женщиной врачом, доктором медицины? Можно ли себе представить, чтобы Радзивиллы или Огинские воспитывали своих отпрысков у белорусских крестьянок, а сами они учили белорусских детей белорусскому языку и православной вере? Даже в самом фантастическом сне такое присниться не может.

Но есть традиции, которые закреплены в ментальности нашего народа. Это касается традиции общности исторических судеб белорусов и русских. Всякие попытки иронизировать над этой традицией как раз и свидетельствуют или о непонимании белорусской ментальности, или о желании смены нашей ментальности и привязке ее к чужой системе исторических представлений и взглядов. Да, белорусы и русские —

два народа. Но это народы-братья. Отличаясь эмоциональными оттенками, они тем не менее представляют собой единую этнокультурную и цивилизационную общность. Этого никогда не следует забывать. Об этом прекрасно сказал еще в середине XIX века белорусский этнограф Павел Шпилевский: «Есть на всей Руси большой край, который называется Белоруссией. Живут там люди белорусские, родные братья людей великорусских».

Обратите внимание: сложно вытравить из нашей памяти процессы, связанные с Великой Отечественной войной. Скажут: так ведь это именно потому, что она «последняя». Это ошибочный вывод. Ибо эта война закреплена и в виде памятников письменности, и в форме материальных свидетельств, и на генном уровне. Дело не только в *последней* войне. Дело в том, что в жизни каждого народа имеются смысловые пункты развития, своеобразные гены истории, в которых закреплены характер национального самосознания, историческая связь поколений, приоритеты общества и государства. Таким, безусловно, смысловым пунктом белорусской истории является Великая Отечественная война. В Великой Отечественной войне как своеобразном ядре исторического времени и пространства наиболее рельефно выступает неразрывность белорусского философско-исторического процесса, приверженность нашего народа своим алтарям и очагам, свободе и справедливости. Белорусская история объективно предполагает социальное и личностное постижение исторического смысла Дня Победы и включение его в духовно-нравственную сокровищницу белорусского народа.

Таким образом, исторический путь развития Белоруссии проходил в русле национального, культурного, цивилизационного единства с Россией. Для белорусского и русского народов характерны языковое родство, единство образа жизни и территории, одна и та же социальная система ценностей, одни и те же мировоззренческие и политические убеждения, общность исторической судьбы.

Объективно белорусская государственность сформировалась в условиях общерусского цивилизационного пространства, союза с русским народом. Такова специфика исторического формирования белорусской государственности.

Эта специфика образования белорусского государства рельефно проявляется на примере попытки создания Белорусской Народной Республики (БНР) во время немецкой оккупации Белоруссии в 1918 году. Историки, анализирующие процесс возникновения БНР, делают большой упор на различные частные моменты и сообразно казусной логике

исторического мышления подразделяются на две группы: одни считают, что БНР не была государством, а представляла собой только идею белорусской государственности, поскольку у нее не было реальной власти и реальных признаков государственности: армии, полиции, Конституции, судебных органов, финансовой системы и т.п. Другие же доказывают, что БНР все-таки была белорусским государством, поскольку имела флаг, герб, «государственную печать». Несмотря на свои расхождения, обе группы исследователей тем не менее считают, что БНР следует рассматривать как явление, которое все-таки способствовало формированию национального самосознания белорусского народа, развитию его языка и культуры, осуществлению государственной самостоятельности и независимости.

Некорректность такого вывода заключается в том, что он основывается на хронологических и формально-юридических признаках. Для постижения феномена БНР важна не формально-юридическая, а философско-историческая точка зрения. А философско-историческую подкладку БНР как раз и составлял комплекс антирусских, антисоюзных идей, которые шли вразрез с белорусской ментальностью и белорусской культурой.

Один из важнейших деятелей БНР Вацлав Ластовский в своих работах доказывал, что «белорусы и русские две разные расы, а белорусское движение по существу является не просто сепаратным от России, а движением национально-расовым». Вернувшись из эмиграции в Минск в 1927 году и став руководителем исторической и этнографической науки в Советской Белоруссии, он продолжал проповедовать теорию волото-кривского происхождения белорусов, согласно которой белорусы имеют расово-антропологическое превосходство над русскими. Им была создана так называемая концепция о «Кривии» — огромном белорусском государстве в прошлом, где доказывалось, что белорусский народ должен называться «кривичским», так как он принципиально отличается от русских, а название Белоруссия должно быть заменено Кривией.

Другой деятель БНР Аркадий Смолич в учебнике для средних школ БССР «Кароткі курс геаграфіі Беларусі» пытался всячески обосновать антропологическое (физическое) отличие белоруса от русского. А Язэп Лесик — третий деятель БНР — принимал все меры к тому, чтобы противопоставить белорусский язык русскому, выступал в печати против употребления белорусскими писателями и учеными любого, даже извечно белорусского слова, если оно хотя бы по внешней

форме совпадало с русским словом. Такая «белорусизация» не помогала, а мешала белорусскому народу получить образование на родном языке.

Идеологи БНР всячески стремились противопоставить белорусов и русских, развести Белоруссию и Россию по разные стороны исторического и цивилизационного развития. И такая идеология была не только антироссийской, но и антибелорусской, поскольку она была чужда белорусскому национальному характеру, в ложном свете рисовала взаимоотношения между белорусами и русскими, а поэтому абсолютно не воспринималась нашим народом. Совсем не случайно, что БНР была провозглашена в период немецкой оккупации Беларуси в 1918 г., так как она не имела поддержки среди белорусского народа, а лишь рассчитывала на «хаўрус с Германскай імперыяй», т.е. с оккупантами. Вот почему БНР никакого отношения к белорусскому национальному самосознанию и к белорусской государственности не имеет.

Историческое значение образования БССР заключается в том, что оно явилось закономерным итогом исторического развития белорусского народа, когда он, наконец-то, поднялся на уровень государственного мышления и государственного строительства. БССР нельзя ограничивать лишь советской государственностью и рассматривать ее в качестве преходящего этапа в истории белорусской государственности. Советскость белорусской государственности — это лишь форма, сущность же БССР заключается в союзности. Форма — преходяща, сущность — постоянна. БССР лежит в основании дальнейшего развития белорусского государства именно как Союзного государства.

Не Уния, а Союз

Белорусская государственность сформировалась в условиях восточнославянского цивилизационного времени и пространства, союза с русским народом, совместного строительства Союзного государства, т.е. союзной, национальной модели развития в противоположность модели унионистской, антинациональной. Терминологически понятия «союз» и «уния» тождественны, но за этим формальным тождеством скрывается принципиально разное философско-историческое содержание. Уния Белоруссии с Польшей всегда была реакционна, антинациональна, поскольку ставила своей целью денационализацию белорусского народа. Союз Белоруссии и России всегда был прогрессивен, национален, поскольку способствовал сохранению ментальных характери-

---

стик белорусского народа, сохранял условия для национального возрождения и государственного строительства. Вот почему всякие концепции «вхождения Белоруссии в Европу», «Европейскую унию» будут вести к утрате государственной независимости Республики Беларусь, к денационализации белорусского народа, т.е. к его исчезновению.

В геополитическом контексте противоположность между союзной парадигмой и унионистской моделью развития Белоруссии выступает как противоположность между интеграцией и глобализацией. Формально интеграция и глобализация рассматриваются как тождественные процессы. Но фактически они означают принципиально противоположные варианты мирового развития. Глобализация является антиинтеграционной парадигмой, сущность которой сводится к бесплатному присвоению природных, трудовых, интеллектуальных ресурсов человечества в интересах западных корпораций и потребителей. В известной степени это признает лауреат Нобелевской премии по экономике за 2002 год Джозеф Стиглиц, который отмечает, что «существует большой массив фактических данных и аналитических построений, подтверждающих, что глобализация усиливает экономическую нестабильность, а экономическая нестабильность способствует ослаблению чувства защищенности и увеличению масштабов нищеты».

Объединение в рамках Европейской унии идет в русле глобализации, которая так или иначе ориентирована на закрепление привилегированного положения западных стран в системе международных отношений и создание однополюсного мира.

Строительство же Союзного государства Белоруссии и России основывается не на стратегии однополюсного глобализма, а на стратегии многополюсной интеграции, сущность которой заключается в установлении справедливых взаимоотношений между всеми государствами мирового сообщества. Интеграционная парадигма Союзного государства основывается на справедливом доступе к экономическим и финансовым возможностям для всех стран, на их взаимном интересе, радикальной демократизации международных институтов на основе общепризнанного международного принципа «одна страна — один голос».

В этнокультурной сфере противоположность между союзным и унионистским принципами общественного и государственного развития Белоруссии выступает как противоположность между национальной культурой и так называемой западной «цивилизovanностью». Еще Л.Н. Толстой метко

отмечал различие между подлинной культурностью и мнимой цивилизованностью. «Все то благоденствие народов, которое представляется нам в управляемых насилиям, так называемых благоустроенных государствах, ведь есть только видимость — фикция. Все, что может нарушить внешнее благообразие, — все голодные, больные, безобразно развращенные, все попрытаны по таким местам, где их нельзя видеть. Но то, что их не видно, не показывает того, что их нет. Напротив, их тем больше, чем больше они скрыты, и тем жесточе к ним те, которые их производят».

Подлинная культура базируется не на заимствованных принципах и институтах, а на национальной системе ценностей. Необходимо уважать национальные ценности и формировать чувство самоуважения. Навязывание чуждых ценностей подрывает уверенность человека в своих силах. Союзный вектор развития Белоруссии и России как раз и акцентирует в себе национальную систему ценностей наших народов, их высокую духовность, культуру и человечность.

В сфере политики противоположность между Союзом и Унией проявляется как противоположность между народным пониманием демократии и западной трактовкой демократии, как противоположность между народовластием и олигархической формой правления.

Дело в том, что в конституционном праве США под демократией понимается «охрана прав меньшинства». В американских политических трактатах утверждается, что если «большинство будет объединено общим интересом, права меньшинства окажутся под угрозой». Очевидно, что такое понимание демократии никак нельзя назвать демократическим, поскольку изначально устанавливается, что интересы большинства должны законодательно подчиняться интересам меньшинства, т.е. большинство граждан должно руководствоваться не своим общим интересом, а частным интересом, интересам меньшинства. Но ведь такое государство будет уже являться государством меньшинства, а не большинства, т.е. государством не демократическим, а олигархическим. При такой трактовке демократии повисает в воздухе сама идея правового государства, ибо такое государство не включает в свою обязанность охранять права большинства, защищать не только частные, но и общие интересы.

Западная политическая система по своей природе является не демократической, а олигархической. Таким образом, унионистский сценарий политического развития постсоветского пространства объективно ведет к установлению не демократии, а режима олигархии в постсоветских республиках.

Союзная модель развития, основывающаяся на исторических традициях наших братских народов, как раз и представляет собой демократическую модель обустройства постсоветского пространства.

Сегодня ведется много разговоров о модернизации сознания белорусов и русских. Считается, что наши народы должны осуществить модернизацию сознания, чтобы приблизиться к европейским ценностям. Аргументируют так: дескать, наши народы не инициативны, не предприимчивы, привержены патерналистской психологии, а поэтому, чтобы выйти на дорогу демократии и прогресса, надо сменить ментальные характеристики населения, сделать его по-настоящему европейским. И мы вроде бы соглашаемся с такой аргументацией. Но в том-то вся и проблема, что это абсолютно ложный подход. Ибо в основе прогресса и расширения возможностей человека, в том числе и его инициативы, предприимчивости, должно лежать чувство собственного достоинства. Человек, которому постоянно внушают, что он ленился, что у него психология иждивенца, что ему надо поменять свою ментальность, будет всегда чувствовать свою социальную и нравственную ущербность, пониженность. Думать, что такой человек будет способен к некоему инновационному, европейскому мышлению, — глубочайшее заблуждение. Поклоняться чужим пенатам — это верх пресмыкательства. В то же время сознавать долг и не исполнять его — это трусость. Отказываться от своей ментальности — значит отказываться от самого себя, от своей идентичности.

Могут возразить: а как же быть с западными технологиями, которые мы хотим приобретать, чтобы модернизировать экономику? Здесь важно понимать, что западные технологии — это результат научно-технического развития всей современной цивилизации, а не только западного сообщества. Например, знаменитая Силиконовая долина в США. Ведь это скорее не Запад, а Восток, поскольку без индийских специалистов не было бы никакой Силиконовой долины. Аналогично обстоит дело и с другими наукоемкими технологиями. И самое главное. Как раз эти технологии Запад и не хочет предоставлять незападным странам, выдвигая на пути трансферта этих технологий всевозможные ограничения и преграды. А вот свой политический мусор (фарисейская демократия, олигархическое гражданское общество, однополые браки, гей-парады) западные правительства всеми способами, даже военной силой, стремятся навязать другим странам и народам. Очевидно, что подобные идеи и технологии

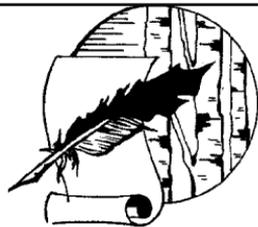
ничего общего не имеют с социально-политическим прогрессом современного мира.

Необходимо понять, что только уважение к своим национальным ценностям и традициям, только чувство своего национального достоинства являются основой процветания страны. И работать на это процветание надо у себя дома, а не заглядываясь на витрины супермаркетов в западных странах. И тогда сами собой отпадут фальшивые рассуждения о смене модернизации сознания, о «европеизации» наших народов как якобы необходимом условии прогресса наших стран.

Важно понимать, что проблему модернизации экономики нельзя экстраполировать на сферу нравственности. Можно говорить о модернизации экономики, но нельзя вести речь о модернизации нравственности. Почему? Потому что у нравственности нет прогресса. Нравственные ценности абсолютны. Нравственность имеет дело не с сиюминутным, а с вечным. Пытаясь сменить ментальность, то есть, модернизировать систему ценностей белорусов и русских, мы тем самым лишаем их устойчивости, смысла жизни, превращаем их деятельность в дурную бесконечность, никогда не достигающую своей человечности, смысловой определенности.

Необходимо понять, что Союзное государство это и есть наша национальная идея, которую мы пытаемся искать где-то в чужих краях, а не у себя дома. Это и есть наш национальный путь развития, отвечающий интересам наших братских народов.

Союзное государство — это не альтернатива независимости Белоруссии и России, не ущемление их суверенитета, а наоборот, такое политическое образование, благодаря которому укрепляется независимость обоих государств, осуществляется реализация совместных национальных интересов в современном мире.

Юрий ДЕНИСОВ

(1936—2003)

Юрий Васильевич Денисов родился в г. Камышлове Челябинской области в семье военнослужащего. Детство прошло у родственников на Украине. Срочную службу проходил в Запоярье. Двадцать лет работал плотником на стройках Москвы. Закончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. Горького.

Первая отдельная поэтическая книга «Этажи», за которую он получил премию ЦК ВЛКСМ, вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1971 году. Перевёл многих поэтов с языков народов СССР. Руководил семинаром переводчиков в Литературном институте и литературным объединением «Искра». Похоронен в Москве на Митинском кладбище рядом с могилой матери.

РАДУНИЦА

* * *

Звонит звонок! Всех, кто учиться рад,
Он созывает в школу, где ни крыши,
Ни окон — выбил окна артснаряд,
Где на уроках выбегают мыши,
Смеша своею наглостью ребят.
Смолкают голоса — всё тише, тише.
Лишь слышно — окна ладят и стеклят
Над нашим классом, этажом повыше.
...Я лишь одни пятёрки приносил
По русской и по украинской мовам.
От деда бабушка по мере сил
Их сохранить пыталась, только зря:
Пропали все мои пятёрки, словом...
Дед искурил, от бабки втихаря.

---

* * *

Мы с матерью жили в бараке,
В его керогазном чаду,
Где частые пьянки и драки
Случались у всех на виду.
Возврат этих лет невозможен,
Но всё ж да и вспомнится вдруг
Конурка, в которой мне ложем
Служил допотопный сундук.
В нём петли гнусавили ржаво,
И, помнится, где-то на дне
Тетрадь со стихами лежала,
Что были так памятны мне.
Корявые первые строки,
Терзанья и муки мои
О горестно-сладкой мороке
Той первой нескладной любви.
Я помню, как в будни и в праздник
Мы, в шалостях злая шпана,
В парадных и тёмных, и грязных,
Простаивали дотемна.
Мы лузгали семечки бойко,
Плевали на пол, матерясь.
Отсюда ушёл я на стройку,
От грязи житейской да в грязь
Дорог разбуксованных, в белый
От снега летящего свет.
Сквозь сердце с тех пор пролетело
Немало безжалостных лет.
Былое — уже небылица,
Развеяно временем в прах.
А он мне всё снится и снится —
Тот старый и грязный барак.

* * *

Так вот. Пока на огневой рубеж
Тебя не вызовет сержант угрюмый,
Лежи на ягеле, морошку ешь,
О чём-нибудь своём, заветном думай.
Из хвороста сваргань себе костёр,
И пусть к нему сползается пехота.
Кури табак, словечко в разговор
Вверни, чтоб смехом поперхнулся кто-то.
И смейся сам, коль рассказы смешны,

До колик в животе, но краем уха
Следи за алфавитом старшины.
Тебя зовут. Ну, ни пера ни пуха.
Стряхни росу и, лёжа у бугра,
Взбей вещмешок с соломой, как подушку:
На нём ты будешь целиться. Пора
Мишень, как говорится, брать на мушку.
Когда последний выстрел прозвучит,
Беги к мишени, дав поблажку нервам,
Считай пробоины, что испещрили щит,
Вернее, контур на щите фанерном.
Отметь все попадания и впритык
К своей мишени подойди при этом,
И тень твоя сольётся в этот миг
С простреленным тобою силуэтом...

ЛУГ В ЦВЕТУ

Диво-то какое! Луг в цвету!
Манит вдаль извилистая тропка.
Создают всю эту красоту
Горечавка, мятлик, кровохлёбка...
Дух такой — кружится голова,
Шаг ступил и замер неподвижно:
Кланяются в ноги сон-трава,
Медуница, конюшина, пижма...
Переходишь луг, как речку вброд.
А вокруг — в медовом травостое —
Всё жужжит, колышется, поёт,
Близкое, знакомое, родное.
Слышится журчание реки.
Конский топот по настилу моста.
Прислонись к берёзке — у щеки
Шелушинкой шебуршит берёста.
Верю, вечна эта красота,
Вечны на лугах бескрайних наших
Солнце, сенокосов маета,
Девушки с венками из ромашек...

ПОДСОЛНУХ

До боли глаз улыбчивым и рыжим
Вдали от жадных поцелуев пчёл,
Среди домов, асфальта и булыжин
Подсолнушек — хороший мой! — расцвёл.

Предвидя то, что я его привечу,
Вихры поглажу, зла не причина,
Он каждый день выходит мне навстречу
И смотрит, как мальчишка, на меня.

Предчувствуя во мне большого друга,
И то, что я без слов его пойму,
Букашкой, в горсти зажатой туго,
Не терпится похвастаться ему.

Вокруг оглядываясь воровато,
Чтоб скрыть от всех привязанность свою,
В сообществе зелёного собрата
С душою просветлённую стою.

Пора идти, и вот я понарошку,
Таясь, как будто он и впрямь дитя,
Его листа шершавую ладошку
Небольшо пожимаю, уходя.

* * *

Из нетронутой рощи, где в травах
Заблудился дымок от костра,
К дому, скрытому в липах кудрявых,
Мне уже возвращаться пора.

У запруды, и тёплой и синей,
Ты меня поджидаешь давно.
— Ну конечно, — ты скажешь, — в корзине,
Как обычно, поганок полно.

На воспетой дубами полянке,
Где кукушкины слёзы растут,
Все мои мухоморы-поганки
Побросаешь насмешливо в пруд.

И затеешь купанье, и в заводь
Осторожно войдёшь, и вразброс
Будешь резво и розово плавать
Меж кувшинок и листьев берёз.

Залюбуюсь твоим загорелым —
Не без горького чувства вины! —
Матереющим девичьим телом,
Голубым от сиянья луны.

Под берёзою мраморнокорой
Выжмешь волосы, выйдешь на свет
И мне скажешь о сыне, который
В этот раз не родится на свет.

Потемнеет в глазах от печали!
Ты и страшен, и сложен, и прост,
Этот мир, перевитый ночами
Голубой повиликою звёзд.

...Я иду по дороге разбитой,
От раздумья утратив покой.
Это ты меня ждёшь под ракушкой
И мне издали машешь рукой.

ВЕЧЕРНЕЕ МОЛЧАНИЕ

С нетёсаным перильцем за плечами
И со сверчком, поющим без конца,
Одни на всё вечернее молчанье
Сидим на шаткой лесенке крыльца.

Такой тебя люблю: простой, неброской,
В моём — внакидку — модном пиджаке,
С короткой, как субботний день, причёской.
С черёмуховой веточкой в руке.

Чуть опьянён черёмуховым чадом,
Своих признаний я не утаю:
Сочту за счастье быть с тобою рядом.
Быть благодарным за любовь твою.

В моей руке всего одно запястье
Твоей руки, но ты — моя сполна.
Отважному весь этот мир подвластен,
А мне, несмелому, лишь ты одна.

ОТЕЦ

Стою, как будто в землю врос,
К твоей, отец, склоняюсь могиле,
С тобой всю жизнь мы жили врозь,
Всю жизнь мы врозь с тобою жили.

И вот сейчас стою, скорбя
Вблизи твоей простой оградки.
Так редко видел я тебя,
Так наши встречи были кратки.

...Есть фото у меня твоё:
На нём — твоя рука упруго,
Весь день сжимавшая цевьё,
Навек легла на плечи друга.

Ещё ты молод, но война
Не за горами. На примете
Ты у неё уже: она
Уменьшит жизнь твою на свете.

Ещё смешлив ты, ладен весь,
Ещё ты счастлив на пределе,
А значит, я уж где-то есть:
Смеюсь и плачу в колыбели.

...Отец, как жаль, что не пришлось
Избыть разлуку нам, но если
С тобой всю жизнь мы жили врозь,
Зато всю вечность будем вместе.

РАДУНИЦА

Ливню, радуге радуются —
Корни злаков усохших...
А сегодня ведь Радуница —
День поминок усопших.

Сколько горести в шествии
Столько бед переживших
Старичков, старушенций,
Сыновей переживших!

Мало мы понимаем их,
Старичков понимающих!
Сколько их, поминаемых!
Сколько их, поминающих!

Старушенции в вышивках,
Нафталином пропахших,

Поминают невыживших
И без вести пропавших.

Сердце колко колотится.
Стал я словно потерянный.
Подобрав у колодца
Лист бумаги потерянной

И прочёл не без боли я,
Сквозь туман, словно сослепа:
«Помянуть Анатолия,
Власа, Дороша, Осипа,

Ярослава, Арсения,
Савву, Власия, Конона...»
Вот он, видимый всеми
Среди птичьего гомона

Скромной крашенный краскою
Серебристого колера,
Над могилою братскою —
Монумент, близ которого

Ливню, радуге радуются
Корни злаков усохших...
Люди, ныне ведь — Радуница.
Помяните усопших!

ЧЕЛОВЕК С ГОРЫ

ПОВЕСТЬ

Жизнь старика Сухотина казалась людям таинственной и непонятной.

В сельце Новопащенко колокольчиком отзвенело его коротенькое детство, мутными половодьями отбурлила молодость, иногда выбрасывая его то на перепутья войны, то на стройки Сибири. Уставший и выхуданный, возвращался он в родимые, тихие свои края.

С начала девяностых, года три или четыре, Иван Степанович, однако, живёт не в самом Новопащенко, а в сторонке, на лишившейся леса сопке-отшельнике. Поблизости тоже сопки, но они красивые, дородные, с лесом и кустарниками, а эта и на самом деле какая-то одиночка, уродец в таёжном семействе. Её супесное, не схваченное корнями деревьев подножие истачивала серебряными струями Шаманка, несущая свои переливчатые, стремучие воды с далёких Саянских гор.

Избёнка Сухотина — «халупёшка», как он сам называл её, — не защищённая ничем ни с одной из сторон света, стояла на сурово отутюженной непогодами и временем ма-

ПРОЗА

ковке. Хотя и взобралась она высоко, но не видна была селу: горбатенько, кособоко притаилась, словно бы стыдясь своего убожества, за всхолмием да к тому же в рытвине; а оттого ни люди не видели старика подолгу, ни он людей. Сполна и каждый день лицезрели его халупёшку только лишь птицы; пристально, цепко разглядывали её с высоты залётные коршуны и орлы.

Из дверей неспешно, ссутуленно выходил старый, уже дряхлый человек, и грозные птицы разочарованно уносились восвояси.

Если день клонился к вечеру, то вышедший, мало-мало хлопотав во дворе, в своём немудрящем хозяйстве, смотрел на закат и говорил псу:

— Ну, вот, и нам, людям и зверям, пора на покой. Ступай, Полкан Полканыч, в свои хоромы, а я в свои поковыляю.

Полкан понимающе вилял облезлым, как старая метла, хвостом и с угодливой пригибкой крался за хозяином, но тот захлопывал перед его носом дверь:

— Всякой живности своё место, голубчик. Не обессудь уж! — напоследок, как бы извиняясь, присказывал старик.

И пёс, не обессуживая старика, плёлся в свою будку, заваливался на солому, позёвывал, но дремал бдительно, готовый в любую минуту ночи-полночи постоять за хозяина и его имущество.

Зачастую до зоревых просветов в жилище старика тлился огонёк в керосиновой лампе. Хозяин, не разоблачившись, лежал с закрытыми глазами на комковатом, никогда не знавшем постели топчане или же в угрюмой задумчивости прохаживался по единственной комнатушке, вздыхал, бормоча, а то и произнося целые речи, и при свете лампы, похоже, ему нечего и некого было разглядывать. Но, может быть, душа его просила света?

Так тянулись дни и ночи человека с горы, как его величали в округе.

Одним ноябрьским утром Иван Степанович, по привычке присгорбливаясь и натужно, будто перед кем-то хмурясь, выбрел из своей халупёшки во двор — и сердце его охнулось, а сам он зажмурился: неприглядной, серой, сморщенной обрелась всю нынешнюю промозглую осень новопашенская земля, а сейчас, после обвального жданно-нежданного ночного снегопада, — какая она, какая! Ясно-светлая, помолодевшая, торжественная, будто подготовилась за ночь к какой-то другой, умиротворённой, более радостной жизни. «Нарядилась, чисто невестушка!» — прицокивал старик. Каза-

---

лось, что и кочки, и деревья, и поленница, и будка, и сопки — всё источается и лучится синеньким светом веселья, привета, ласки. В долине из печных труб дружно и густо валил дым утренних забот, разгорланились петухи, — не иначе как возвещали о приходе снежного гостя.

Иван Степанович, невольно выпрямляясь, да и лицом свежая, бодровато, даже с приплясом протоптал стёжку до ворот. Рядом с ним подпрыгивал и повизгивал Полкан, на радостях норовя клацающими зубами выхватить хозяйскую рукавицу.

— Вот и славненько: снег снегович пожаловал в наши взгрустнувшие закраины, — разговаривал Иван Степанович с собакой. — Приспешил по сравнению с прошлогодним ноябрём. А мягкий-то! Можно подумать, несчётно лебедей проплыло ночью над нами, и обронили они пух свой. И на наш с Ольгой дом, супружницы моей, слышь, Полкан, легли ворохи пуха, — теплей ей будет. А тишина-то воцарилась! Бо-о-о-жеская! Вон там, Полкан, далече, ворона, поди, с ветви на ветку перепрыгнула, ударила по воздуху крыльями. Вчерась я не расслышал бы, а нынче звук прямо-таки ядрёный, хлопнуло, почудилось, под самым моим ухом.

Полкан участливо слушал речь хозяина, не прыгал, не шалил. Старик всмотрелся в кипенное, как снег, солнце. Оно, вообразилось ему, вот-вот покатится, такое полное, сыровато-тяжёлое, с небосвода и остановится на земле туловищем снеговика; выбегут на улицу ребятишки — «На тебе, снеговик, голову с дырявым ведром, нос-морковку!..» Старик улыбнулся. Но улыбка — через силу, с мелкой судорожкой на губах: он грустно примечал за собой, что отвыкали его губы улыбаться, а душа — радоваться.

— Вот как же, Полканушко, мудро устроена жизнь: прыснуло хоть малость какую на человека отрадой и благодатью и-и-и — заиграла да закудрявилось в душе. Аж, знаешь, в пляс охота! Тосковал я долгонько, разная напасть втемяшивалась в башку, а смотри-кась: припожаловал снегопад снегопадович — и мою душу точно бы побелило. Да, иной раз столь мало надобно человеку, такусенькую всего-то кроху!.. Ну, чего уши развесил? Будто понимаешь! — потрепал Иван Степанович завилявшего, ошастливленного хозяйским участием пса.

Прометя во дворе тропки, протопив печь, старик стал собираться в дорогу: надо спуститься в Новопашенный. С полмесяца или даже больше там не был. Нужно подкупить продуктов, к тому же сегодня суббота — банный день, пора хорошенько помыться, попарить старые свои косточки.

Однако не спешил старик спускаться со своей отшельничей горы, бормотал, побряхтывая, поёживаясь:

— У-у, не хочу в Новопащенный! Не склонно моё сердце к землякам, противны они мне, супостаты...

Но, стискивая пальцы как в узле, подытожил:

— Эх, видать, никуда не денешься: придётся топтать вниз!

Когда вышел под уже высоко горевшее солнце, улыбка снова зашекетала блёклые старческие губы:

— Свету, мать моя, свету сколько для нас! Живи — не хочу, радуйся, живое живому, человек человеку.

И в груди старика чуть отлегло, прояснело.

Спуск по косогору был пылающе белым, необычайно мягким, и старик, усмехнувшись, подумал: «Угораздило же меня ещё при жизни на облако попасть». И хотя непроторенной и скользковатой была стародавняя дорожка, но всё же хорошо, легко шло вниз. Ноги просто помолодели. Поясницу вдруг отпустило, в груди распрямилось и раздалось, а глаза не могли насмотреться на чудесно преображённую первоснегом новопащенскую долину, на украшенное родное село.

Старик спускался вниз со своей отшельнической горы, а вспоминалось ему то, что находилось когда-то словно бы вверху, в каком-то другом, высшего порядка мире, — в мире его молодых лет, нередко горячих и безудержных. И воспоминания эти, подобно солнцу, обласкали и согрели уже увядающую стариковскую душу.

Припомнился Ивану Степановичу паренёк Вася Хвостов, дружок его закадычный. Васю тоже когда-то сподобило забраться на эту гору, но единственно для того, чтобы совершить своё последнее в этой жизни деяние. И — такое, какого и вовек не забудешь! Старик любит вспоминать о друге, мысленно беседуя с ним, порой даже советуясь.

Хотя и чудаковатым был Вася, однако, как говорили односельчане, с царём в голове.

Как-то раз смастерил Вася механические крылья и заявил:

— Верьте, ребята, не верьте, а я полечу. Увидите: птицей пронесусь над Новопащенным!

Но отец его прищекнул:

— Я тебе, антихрист, полечу!.. — И — ногами, ногами в сапогах с подковками, по хрупеньким крыльям.

Вася поплакал, погоревал, однако не смирился: ночью утёк из дома, прихватив обломки крыльев. Через неделю, через другую ли слышали новопащенцы с этой и тогда уже плешивой, уродцеватой горы:

— Люди, смотрите: ле-чу-у-у!

— Батюшки, свят, свят! — крестился перепуганный люд.

И вправду: Вася летел под большими крыльями — под крыльями своей прекрасной неодолимой мечты.

Но вдруг — крылья схлопнулись, как ставенки на часах с кукушкой, закрыв на веки вечные от всего света его безумную юную жизнь.

Долго Ивану Сухотину хотелось так же, как Васе, подняться в небо и победно крикнуть новопашенцам: «Лечу-у-у, братцы!» И даже тишком починил крылья, однако не смог поднять своего духа для совершения полёта. Только лишь в мечтах летал.

— Э-эх, кто знает, ребята, может, ещё полечу. У-ух, всполыхнётся Новопашенный! — беззубо усмехнулся старик своей ребячьей, шальной мысли.

Приостановился, любуясь заснеженным бором, который большим облаком кучился у реки, точно бы ночью небо прислонилось к земле — и вот одно облако започивало на новопашенской притаёжной равнине. И снова вспомнулось старику давнопрошедшее, незапамятное, то, с чем хотелось жить дальше, теща и лелея свою душу.

Вспомнилось, как — ещё до войны — чуть было не погиб он за этот лес. Однажды узнал Новопашенный, что в начальственных верхах постановлено соорудить в сосняке военные склады. Отбыли новопашенские ходоки в район, просили за свой бор. Успокоили их: «Не волнуйтесь, товарищи, в другом месте соорудим склады. Сибирь большая!»

Однако через месяц с воинского эшелона была сгружена автотехника, и её двинули армадой к Новопашенному, на бор — валить, выкорчёвывать деревья, утюжить землю. Красой своей строгой и величавой исстари радовал бор село, новопашенцы любили свой лесок, всячески оберегали его, срубить дерево в нём — ни-ни, однако валом нахлынуть в защиту не смогли.

Но, когда гусеничная техника уже гремела через Новопашенный, неожиданно от притихшей, молчаливой толпы отделился молодой мужичок, — это был Иван Сухотин. Он вымахнул наперёд скрежещущей, ревущей моторами колонны и поднял руки:

— Стоп!

Трактор с грохотом и рыком застопорился перед его грудью; встала и вся колонна. Подбежал запылённый, взмокший офицер:

— Парень, ты что, пьяный? Ну, чего выпучился? Нажрался, скотина!

— Не пушу. Наш бор.

— Что, что? — не смоглось уразуметь взмыленному офицеру.

— Не пушу, говорю. Не дам валить деревья. Наш бор.

— Да ты что, гад?! Пшёл про-о-о-чь! — И саданул бунтарю по носу промасленным чёрным кулаком.

Иван упал; очувствовался не сразу. Односельчане подхватили его за подмышки и волоком утянули от трактора подалее.

Был он парнем сухощавым, но не слабаком, от жил происходила его сила — жильной её называют, а людей с такой силушкой нередко величают семижильными. Он, поматываясь, поднялся, растолкал толпу и снова заскочил наперёд трактора. Натужно-тихо проговорил, вперясь в ошалелые, искрасные, как раздуваемые угли, глаза офицера:

— Не пушу, сказано. Наш бор.

— Дави его! — рывкнул офицер трактористу-солдату.

Однако солдат, побелев, корпусом отстранился от рычагов, казалось, боясь, что рука сама собой метнётся на ход. Офицер выругался, вырвал из кобуры пистолет:

— Уйдёшь с дороги или нет, враг народа?

Иван поворочал разбитой, окровавленной головой:

— Нет.

— Ну, так получай, гад!

Прогремел выстрел. Завопили люди, пригибаясь и разбегаясь.

Но не убил отчаянный офицер Ивана, лишь клок мяса отхватила пуля от предплечья. Офицера арестовали и судили. И прекрасный сосновый бор, на диво и отраду, не пострадал: оказалось, что второе решение о сооружении складов в другом месте пришло в строительную воинскую часть с большим запозданием и, соответственно, автотехнику сгрузили и направили на Новопашенный ошибочно, по причине чрезмерного усердия какого-то начальника, которому, видимо, хотелось скорейшего продвижения по службе.

Иван Степанович сторожко спустился к Шаманке, цепляясь за кустарники на прибрежном укосе. В предгорьях Саян тонкие цевки ручьёв пробегают по каменистым, порожистым распадкам, срываются в пропасти, а потом сплетаются в сильную, напористую Шаманку. Напряжённой, взбитой и бурливой она вырывается из вечно тёмного Семирядного ущелья на раздольную новопашенскую равнину и радуется новопашенцев своей зеленцевато-серебряной водицей, певучим шелестом мелководий, приветным взблёскивающим перемигиванием струй на стремнинах.

— Здравствуй, болюшка наша, — обратился старик к реке, принаклонившись.

Болюшкой он назвал её потому, что лет сорок назад леспромхозы стали по ней сплавлять с неисчислимых лесоповалов кругляк, экономя на прокладке дорог и горючке для лесовозов, и теперь в реке почти напрочь вывелась рыба, кроме каких-то безродных пескаришек и гальянов, задавленная корой и топляками. По её берегам щетиной то тут, то там торчат навалы брёвен и коряг. Она здесь, в новопашенских пониловьях, можно сказать, мертва для жизни, для расплода рыбьей живности, изуродована, покалечена по берегам.

— Так и жизнь свою задавливаем и изводим мы всякой дрянью, — насупился старик, снова темнея и ожесточаясь сердцем.

Взмок, протапывая в сугробах новый, никем не хоженный путь. Выбрался на гравийный, высоко лежащий большак. Передыхая и отирая с лица пот, шурился на синевато курящиеся поля, которые лежали широко, как небо над ними.

— Здравствуйте, родимые, — обратился Иван Степанович и к полям. — Нароботались за лето, умаялись, заснули, кормильцы наши. Ну, спите, спите, отдыхайте.

И только-только в сердце струнулось ласковой зыбью, и только-только вновь захотелось улыбки, да заметил безобразно торчавшие в чистом поле брошенные ржаветь и разрушаться сенокосилки, бороны, тракторную телегу без колёс, к тому же наполненную овощами, уже, несомненно, подмороженными, и снова разгорячился старик, и снова натверделось в его груди.

— У-у, гадьё! — сплюнул он под ноги и чрезмерно машистой, но твёрдой поступью пошагал. — Ни об чём не думают, бестолочи, головотяпы, живут одним днём...

Свернул с большака на тропу, еле различимую под снегом, и, скорачивая путь к своему дому, пошёл, ершисто нахолившись, через двор фермы, жутко захламлённый, с непролазными навалами навоза, с рассыпанным фуражом и соломой, с какими-то расшвырянными досками, с металлоломом. У коровьего тепляка увидел валявшегося в сточной канаве вечно пьяного, диковато обросшего, в клочкасто изорванной стежонке скотника по прозвищу Стограмм. Кого бы из мужиков этот скотник ни встретил, неизменно предлагал, заискивающе заглядывая в глаза: «Ну, что, братан, по сто грамм?»

Он приподнял голову, видимо, заслышав шаги, и поприветствовал Сухотина мычанием, но выговорить о ста грамах уже, похоже, не смог.

Сухотин приостановился, угрюмо глянул на него сверху:

— Эх, Гришка, поросёнок ты, истинный поросёнок. А парнем-то, после армии, помню, каким ты был! Этаким аккумулятивным, приветливым, стройнушим и непьющим. Одно слово — чудесным ты человеком был. А сейчас — тьфу! Сморщенный рожей, точно бы высушенный гриб, а ведь совсем ещё молодой ты. Эх, жизнь наша паскудная!..

Старик пошёл было, но снова приостановился: кто знает, сколько времени скотник проваляется в снегу, на мёрзлой земле, — иззябнет, бедолага, простынет, а потом, глядишь, и помрёт до времени. Осмотрелся старик — поблизости никого. Потянул придремнувшего скотника за шиворот стезонки — очень, очень тяжёл, не осилить дряхлым рукам. Пошлёпал его по щёкам, подёргал за нос, — тот очнулся, выругался матерно и ногой в кирзовом сапоге саданул старика.

— Э-э, брат, да ты притворщик, видать. Силищи в тебе ещё как в быке-третьяке, а на что ты её гробишь? Жить бы тебе в красоте да разуме, семьёй, детишками обзавестись, домок поставить, а ты — опустил, раскис подчистую, с матери-старухи последние копейки да гробовые её тянешь на своё чёртовое зелье... Эх!..

Махнул старик рукой, слов более не находит. Да и Стограмм уже не слушает его — опять уснул, даже захрапел. Какой-никакой, а человек, живая душа, нельзя бросить, — понимает старик, и не уходит. Но что же делать, как помочь?

Чу! Что там такое? В коровнике заголосили песню хмельные бабьи голоса. И старик в поисках подмоги заглянул вовнутрь.

— Батюшки мои! — сморщился он, как бывает от кислого или горького.

В стойлах и загонах мирно жевали коровы и влажными глазами смотрели на доярок, а те вразнойой, всяк сам по себе распевали, потягивали из стаканов водку, разделявали на досках тушу годовалой телушки, варили мясо на «буржуйке». В одну из кормушек мешком завалился электрик Иван Пелифанов; на него строго взирала корова, не имея возможности воспользоваться сеном. Отошала, согнутая старуха Фёкла Стрижкова, сражённая непосильным для неё хмелем, дремала, сидя за столом, и её поматывало, как ветром стебель. «Скукоживается моя деревенька, — подумал старик, зачем-то прикрывая веки. — Маётся народ без стоящей работы, последнее общественное добро разворовывает. Нет путей-дорожек у Новопашенного, эх, нет как нет! Только, поди, и остаётся ему, как Гришке Стограмму, завалиться в канаву и бездумно поджидать своей смертыньки. Вся жизнь

— прахом! И я, старый и немощный, уже ничем не пособлю людям. Даже Стограмм не смог вытянуть!»

Старик глубоко вздохнул, выдохнул, зачем-то даже раздвинул плечи и вошёл в коровник.

— Бог в помощь, бабоньки, — поклонился он. — Стограмм в канаве замерзает — давайте затащим в тепло.

— У-ухма! Пляньте-кась, бабы — главный сельский прокурор пожаловал! — привскочила мужиковато широкоплечая бригадир доярок Галина Селиванова и несколько раз махнула лезвием обогрётного ножа по тряпке, словно бы приготавливаясь напасть на вошедшего.

Женщины, оборвав песню, недобро посмотрели на Сухотина. Никто с ним не поздоровался, — и горько сделалось старику.

Вздохнул он тихонько, для одного себя, и вымолвил, едва удерживая в голосе привычную для себя в общении с односельчанами строгость:

— Тёлочку, уважаемые бабоньки, жалко: надо было бы ей подрасти. Могла ведь молоко давать. Или — не своё добро, так и чёрт с ним?..

Но Галина Селиванова пресекла старика:

— Ишь, бабы, разжалобился жалобенький наш! — Она тучей надвинулась на Сухотина и установила свои сильные, натруженные руки в бока. — А мужа моего, жалобенький ты человек, жалел тогда, — помнишь, небось? Чего поблёт, будто испужался, а-а? Никак передо мной, бабой, струхнул? Ну, герой ты наш, ну-у, казак лихой!..

Помнил, помнил Иван Степанович, как однажды лет двадцать назад за полночь ненароком повстречал Семёна Селиванова у колхозных складов возле дыры в заборе. Опасливо озираясь и пыхтя, волок на себе этот домовитый, припасливый мужик мешок с комбикормом. Увидел Сухотина, — вроде как оторопел, однако быстро почувствовался, даже по приветствовал его, досадливо, впрочем, перекашиваясь лицом, и унырнул во тьму.

Через несколько дней Семёна изловили сторожа с очередным мешком и сдали начальству. К следствию и суду дело не повели, жалея оступившегося человека, однако все многочисленные недоимки были записаны только на Селивановых: не пойман, известная мудрость, — не вор, если же поймали — три шкуры сдерём. Разорились они тогда дочиста, обеднели страшно. А по Новопашенному побрёл гаденький слушок: Сухотин-де стуканул, потому столь ловко и укараулили.

Семёна по-настоящему никто не осуждал, потому что народец новопашенский жил в скудности, и если выпадало

украсть из общественных закромов — крали. Чтоб выдать друг друга — такого не водилось, и помыслить не могли. Но впервые село поверило — односельчанин выдал односельчанина: на Сухотина подумали и не захотели разуверяться. И в глаза, и за глаза осуждали его, усугубились в своей вере до того, что кто-то ночью набросал в сухотинский огород битого стекла, да такого мелкого и настолько много, что пришлось срезать и вывозить плодородный слой и завозить новую землю.

Грехи у старика были, кто не без греха, однако своего односельчанина он не выдавал. И не опустил он сейчас глаза перед грозной женщиной, и оправдываться не стал: пусть говорят и думают, чего заблагорассудится им. Коли вся жизнь кругом и всюду очумелая стала, так чего уж обижаться на всякие там разные слова!

Старушка Фёкла очнулась, увидела Сухотина и, не раздумывая, поковыляла на него с трясущимися кулачками:

— А-а, сполз с горы, леший? Тьфу на тебя, пакостник, тьфу на тебя, на ирода окаянного!..

Плюнуть плюнула старушка, но, чахлая, немощная да перебравшая хмельного, не удержалась на своих тоненьких ножках, завалилась на пол.

А обижена была старушка, если по-здравому рассудить, понапрасну: не пил Иван Степанович, а муж Фёклы пил и от водки сгорел; не любила она Ивана Степановича ещё и потому, что не обижал он своей жены, ласков был с ней, а Фёклу не раз поколачивал муж.

И Фёкле, убогой умом и телом, ничего не сказал старик. Пытливо и строго посмотрел на женщин: кто ещё на него пойдёт, кто ещё что скажет, выплеснув, как помои, свои обиды и огорчения?

Молчат они, но напряжены, угрюмы.

Ладно, пора уходить. Никого тут ничему уже не научишь, никого не вразумишь. Но напоследок всё же надо бы кое-что ещё сказать им.

И он — сказал:

— Мясо-то, бабы, по домам растащите... украдёте то есть. Эх, вы!..

И женщины, точно бы от спички солома, вспыхнули, взнялись огненными столбами уязвлённого самолюбия и обиды — раскричались, завопили, размахивая руками, меча взорами, а то и набегая на опешившего старика:

— Не твоё собачье дело!.. Ишь праведник выискался!.. Шуруй отседова, старый хрыч!.. Мы всю жизнь гнули хребет на колхоз — и ты нас коришь?.. Что, украли своё?! Ну и дурачина же ты!.. Ахционерши мы, а потому имеем право!..

Крепился старик, слушая брань, крепился, но снова не выдержал — выругался, отмахнув кулаком и даже притопнул:

— Эх, вы, курицы безмозглые, а не акционерши!..

Ещё что-то хотел сказать, но не дали договорить.

Кому-нибудь другому женщины, может быть, и простили бы, простили бы и такие, и покрепче выражения, но Сухотину — нет. Нет, никак нельзя простить ему, гордецу! Какая-то слепящая, затемняющая разум и душу сила подтолкнула женщин к старику, — и стали они выпихивать его в двери, ругаясь несусветно, норовя то щёлкнуть, то ткнуть его.

Пятясь, запнулся старик о порог, повалился на колени. Стал подниматься и поднялся бы, но кто-то пхнул его коленом в спину, в самую её болючесть — в поясницу, в истязательницу его. А кто-то изловчился и плюнул в лицо. А кто-то, уже насадая на плечи, сбил с него шапку и подёргал за волосы. Ох, разошлись хмельные женщины, не унять, не уговорить!

Старик не кричал, не молил о пощаде, но и сил вырваться не хватало, только закрывал голову руками, оберегая глаза.

Потрясённый, обессиленный, встрёпанный, в располосованной рубаше, наконец, упал навзничь, а женщины, улюлюкая, чертыхаясь и надсмехаясь, уже, похоже, и сами не зная, всерьёз или в шутку поступают, подняли его за руки за ноги и, раскачав, швырнули в сточную канаву к спящему Стограмму.

Головой хлёстнулся старик о мёрзлую, комкастую землю — замутилось перед глазами, потемнело, в пояснице стрельнуло и сколело и что-то внутри как будто оборвалось. Не смог ни пошевельнуться, ни тем более встать. Сознание провалилось и уползло в какую-то болотную тёпленькую муть.

Не слышал и не видел старик, как подкатил на сверкающем полировкой джипе председатель акционерного общества, бывшего колхоза, Коростылин.

Он этакий весь сановитый медведь — широкий, малоповоротливый, с густыми, торчащими бровями, под которыми таятся маленькие осторожные глазки. По виду — хозяин, барин.

Женщины выбежали встречать его. Галине Селивановой он велел:

— Выбери-ка, бригадир, для меня килограммчиков пять филейных кусков. — И прибавил, загадочно усмехнувшись: — На акционерные нуждишки. — И ещё присловил, с важностью помолчав: — Остальное можете себе взять.

— Спасибочки тебе, Алексей Фёдорович, — принаклонилась бригадир.

— Спасибочки тебе, наш благодетель, Алексей Фёдорович, — раскланивались и другие женщины. — Продуктов дома — картошка да капуста, а денег уже года три не выдали... Ты нас, Алексей Фёдорович, выручаешь крепко, спасаешь, можно сказать... А этот индюк припёрся и давай нас утюжить, воровками обругал...

— Какой такой индюк? — сразу не заметил неизменно высоко держащий голову Алексей Фёдорович валявшегося в канаве Сухотина. — О-го-го, вон оно чего тут у вас! Самый праведный и правильный в мире человек нахлокался со Стограммом и, свинья свиньёй, теперь валяется в навозе! Супер, супер!

— Совесть у него окосела, — пробурчала Галина Селиванова, — а сам-то он, Алексей Фёдорович, трезвый.

Но душу Алексея Фёдоровича подхватило и вознесло такое чувство восторга, чувство победителя и судьи, что он уже не способен был услышать — да и не слушал — и понять Селиванову.

— Гляньте, гляньте на него! — азартно просил председатель акционерного общества, указывая своим толстым пальцем на Сухотина. — И этот поросёнок всю жизнь учил меня — меня! — как мне жить? Величал меня злыднем и варнаком? Сколько он попортил мне крови, сколько накатал на меня бумаг в район, в прокуратуру, чёрт знает куда ещё! По всему начальству, подлая он душонка, шлындал с жалобами. Сколько раз обливал грязью меня и всех вас на собраниях: тунейдцы, мол, мы, пьяницы, разоряем хозяйство, разворываем общественное имущество! Не давал, поганец, нам житья! И вот — гляньте на него, бабоньки, гляньте!.. — радовался, точно ребёнок, своему неожиданному открытию Алексей Фёдорович.

И если кто-нибудь из женщин сказал бы ему, почему Сухотин валяется в канаве, он, несомненно, не поверил бы.

Доярки благоразумно помалкивали и украдкой посмеивались.

— Всегда Сухотин был гордецом, — сверкал Алексей Фёдорович. — А сейчас и подавно — взбрался на свою плешивую бородавку и возомнил себя небожителем. — Помолчал, стискивая зубы. — А я так скажу вам, уважаемые женщины: мелкота он, ничтожество, червяк, путаник, идеалист! Да попросту — бестолочь!

Алексей Фёдорович, закончив речь, важно поворотился от Сухотина, небрежно забросил пакеты с мясом в багажник и,

---

с сановитой неторопливостью усевшись в богато отделанный салон автомобиля, вдруг газанул так, что из-под колёс со свистом вымахнул вихрь снега и навоза.

Женщины сумрачно смотрели вслед роскошно, томно-бордово сияющему под солнцем автомобилю.

— Бабы, не очокурился бы наш старик, — сказала Галина Селиванова, и сказалось почему-то помягчевшим голосом, и старика почему-то назвала нашим. — Да и Стограмм, скот безрогий, чего доброго, сдохнет.

Женщины ожили, подхватили за руки за ноги старика и скотника и с весёлым галдежом уволокли их в коровник. Забросив на сено, потрепали за носы, пошлёпали по щёкам.

— Мычат, — хмуро, но удовлетворённо отметила бригадир, — значит, живы. А старика, бабы, мы ведь могли и порешить по нечаянности. Спьяну-то, батюшки мои, чего не натворишь! — Помолчав, сказала с тяжеловесной усмешкой, будто скулу свело: — Допьёмся, бабоньки, до того, что, глядишь, и Алексея Фёдоровича при случае сбросим в какую-нибудь канаву: и он дуролом ещё тот!..

— Ворюга он — вот кто он...

— Выражайся, лапотница, культурно: не ворюга, а новый русский!..

— Эй, будя попусту спорить! Чего там у нас ещё имеется выпить? Наливайте! Один разок живём!.. Гуляем, бабы!..

И они уселись за стол, на котором в мисках дымилась варёная свежанина, разлили по стаканам водки. И выпили хорошо, и закусили хорошо. А потом снова запели, заплясали, позабыв и про старика, и про Алексея Фёдоровича, и про свою неласковую судьбину.

Если слышал бы Иван Степанович, что его с Коростылиным равно причли к «дуроломам», то, наверное, не обиделся бы, а, напротив, порадовался бы: вот, мол, наконец-то, люди начинают понимать, что Коростылин — «злыдень и варнак». Сам же старик в открытую упрекал председателя, что плохо живёт колхоз, «загибается». Тащили нищавшие новопашенцы с ферм, с полей и пасек, если где случался слабый догляд, а настоящего догляда, кажется, нигде уже и не было; по осени пшеницы и овощей гектарами хоронило под снегом; механизаторы беспробудно пьянствовали; изработавшая все мыслимые и немыслимые ресурсы техника разваливалась на ходу, а чинить её было нечем, — неисчислимыми были повсюду бедствия и злоупотребления.

— Не хозяин ты общественному добру и делу, Алексей Фёдорович, не хозяин, обижайся, не обижайся, — на собраниях

при народе выговаривал старик Коростылину. — Единственно о своём личном подворье радеешь: волочишь и волочишь в него возами, а нас всех, глядишь, вскорости своими крепостными заделаешь. Злыдень и варнак ты для нашей деревни, а никакой не хозяин, даже самый завалиющий!..

Коростылин отмалчивался, стискивая зубы, багровея, но и посмеиваясь.

Сухотин в письмах жаловался районному начальству: спашите, гибнут люди, мучается скот, оскудевают поля — беда беду подгоняет в Новопащенко. Из района на каждую его жалобу приезжал проверяющий и дня два-три гулял в доме Коростылина, охотился и рыбачил с ним. Составлялась справка, и зачастую из неё выходило — оговаривает старик председателя и односельчан.

Но упрям был старик и однажды сказал новопащенцам:

— Будя, ребята! Вы передохнете, спившись, но после нас детям и внукам нашим жить. Ради них остановлю вас или — погублю. В область я поехал: доберусь до самых верхов. Бывайте!

Всеми правдами и неправдами попал он к большому начальнику, поведал ему о новопащенских напастях и печалях, попросил:

— Помогай, уважаемый. Прекрати своей державной рукой разор и развор.

— Прекратим, старина, прекратим, — ответил ему начальник и на прощание крепко пожал своей мягкой и гладкой, но сильной рукой смуглую, маленькую, но твёрдую, как кость, руку Сухотина.

Вернулся он в Новопащенко воспрявшим, его душа сияла надеждой и верой — придёт разумное и доброе в новопащенскую долину, заживут люди здравым умом и добрым сердцем.

— Только крепенько встряхнули бы! — приговаривал он, в который раз рассказывая жене о поездке.

Большой областной начальник, как было принято, отписал сухотинское заявление в район, требуя разобраться и наказать виновных. Из района вновь прибыли проверяющие. Алексей Фёдорович привычно натопил для них баню, сорганизовал обильный стол, потом — рыбалка, охота. Вскоре в районной газете появилась статья, которая язвительно повествовала, что в Новопащенко «засел и окопался» кляузник по фамилии Сухотин и терзает людей: они трудятся в поте лица, а он, скучающий, полоумный пенсионер-домосед, строит во все инстанции жалобы, измышляет, клеветает. Коростылин самолично завёз Ивану Степановичу газету домой, дождался, пока тот дочитает, а потом мирно и даже дружелюбно справился:

— Ну, теперь, Степаныч, понял ли, что людям виднее, как жить? Ты пойми, бедовая голова: страна разваливается, жизнь кругом кувырком пошла, а ты — хм! — хочешь, чтобы наш колхоз процветал. Не блажи, старина! Радуйся тому, что есть. Теперь — каждый за себя: капитализм подкрадывается и уже просачивается во все щели. Новую Россию начинаем строить на обломках старой. Что получится — бес её знает! Может, и впрямь суждено стать мне помещиком, а может, — срок отмотаю или пулю в спину получу от компаньона. Не будем загадывать. Ну, всего тебе доброго... Только знай: меня ты не утопишь!

Ушёл Алексей Фёдорович, а старик крепко-накрепко зажмурился, будто света белого не хотел видеть, медленно по стене осел на корточки. Утром шёл по Новопашенному, а люди указывали на него пальцами, с улыбочками отвечали на его приветствия.

Дома сказал жене:

— Вот что, Ольга, собирай-ка, родная, вещички — пойдём искать угол милее. Свет велик. Не смогу я жить в Новопашенном: не люб я людям и мне они постылы. Собирайся!

— Ой, Ваня! — повалилась на стул Ольга Фёдоровна. — Как же так? Куда же?

— А куда глаза глядят!

— Хозяйство как же? Куры? Свинья? Коза? Да и дом не бросишь. Зачем ехать сломя голову? Вросли мы сердцем в Новопашенный, здесь наши родители схоронены. От тоски засохнем! Нет, Ваня, надобно перетерпеть людскую злобу.

— Нет! — зыкнул старик. — Не могу я с ними рядом жить. Не могу и не хочу! Они — стадо, а вожак у них — злыдень. Прости, Олюшка, пошёл я.

— Куда?! Потёмки уже, глянь!

— Не держи — ухожу!

И — ушёл.

Ольга Фёдоровна понадеялась: помыкается в ночи, помесит осеннюю слякоть, замёрзнет, вымотается и — вернётся, сумасшедший, в тепло и уют дома. Но не по её замыслу вышло — крепок задумкой оказался Иван Степанович. Ушёл в зимовьё, день пути от Новопашенного. Однако, пожив там месяц-другой, перебрался под бок родной земли: не справился с удушьем тоски, далеко от жены и односельчан не смог уйти. Обосновался в пастушьей избушке, давным-давно брошенной; переложил печку, перестелил полы, бродячую собаку Полкана приютил, — потихоньку обжился.

Большой областной начальник узнал о злоключениях Сухотина, лично приезжал в район, разбирался, — сняли Коро-

---

стылина с председателями тогда ещё колхоза. Однако едва начались в стране либеральные реформы разудалых девяностых годов, он был восстановлен в должности, а точнее — избран председателем акционерного общества.

Старик очнулся, приподнялся на локте — распухшая, через край налитая болью голова сама собой, будто на верёвочке была, запрокинулась назад; досадливо отпал на сено. Успел разглядеть двух-трёх доярок, которые заплетающимися ногами направлялись к выходу с поклажами в руках. За оконцами уже мутно, потёмочно. Шаги угадали, и старик понял, что народ разошёлся по домам. Коровы дремали, с закоптелого низкого потолка серо тёк электрический свет двух засиженных мухами лампочек. Рядом с собой Иван Степанович обнаружил посвистывающего простуженным носом Стограмма.

Ещё раз приподнялся — удачнее, не бросило, но в затылке саднило жутко. Посидел, не шевелясь. В коровнике парно и влажно, густо пахнет скотом, молоком и сеном. Старик любил эти запахи естества, трудовой жизни крестьянина и на горе, бывало, скучал по ним. Он просто сидел, дышал и думал: «Ан всыпали мне бабы по первое число. Так мне, старому дуралею, и надо. Ишь оно чего: учить вознамерился, — пробовал думать с улыбкой, посмеиваясь, однако мысли его, как живые и сильные существа, настойчиво склонялись в другую сторону: — Глупые бабы, страшно глупые! Живут, ровно скоты. Не видят ни красоты жизни, ни правды её. Слепые! Позволили им тёлку забить и мясо разворовать — ух, сколько счастья! Ахционерши, видите ли, они... тьфу, остолопки! Ферму не сегодня-завтра закроют: нету скота, посевные поля урезали. Того нету, другого нету, ничегошеньки нету уже, чтоб жить по-людски... а председатель тем часом машинищу себе иноземную отхватил, беспрестанно гоняет на ней в город: говорят, *дело* у него там. Хм, а здесь, получается, у него делов нету? Эх! Себя губим — Новопашенный гибнет, страна разваливается. Не народился, видать, истый хозяин для нашей земли».

— Пропашие мы люди, пропашие навеки вечные! — по привычке долгой одинокой жизни произнёс он вслух; и в порыве горестных, но гневливых чувств машисто, словно бы хотел кого боднуть, качнул головой. Вздрогнула боль — застонал, снова повалился на сено.

Прислушивался к запахам, выискивал в них дух парного молока, луговых цветов, чуял сердцем, как вживе пахнут ромашки, лютики, сок скошенных трав.

Вспомянулось старику лето — солнце и накатившая на него туча. Послышалась ему весёлая бегучая капель робко-го, тоненького дождика. Громыкнуло в небе — и дождь припустил, и, точно подросток, будто развеселился, расшалился. Прошли минуты — и молодой дождик превратился в дюжий, крепкий ливень; он треплет и низко пригибает травы и ветви, вспенивает землю, гремит по крышам. Однако недолго и такой дождь: из-под туч вырвались, как его соперники, солнечные, лучистые ливни, и вскоре над землёй беспомощно зависли, неумолимо растворяясь, навечно пропадая в далях, разноцветные водяные ниточки. Дождь словно бы умер, и умер красиво, радостно, вот этими нежными, кроткими, сверкающими струйками.

Любил Сухотин, когда дождь пронёсся, за краткий полчаса отхлестал, отсверкал, родился и — умер. Не нравились ему затяжные дожди, всякие нудные непогодицы, когда подолгу слякотно, сыро, серо. «Почему человек не может так же красиво прожить и умереть? — подумалось ему в светлой печали сердца. — Почему мы отравляем свою жизнь, коверкаем её, чураемся красоты?»

Снова не сдержался:

— Да угомонись ты, старый! Зачем пустое перемалывать?

— Кто там шумит, а драки нету? — хрипуче прогудел Пелифанов. — Ты, что ли, дед, опять развоевался?

Старик сполз с сена и присел на корточках рядышком с электриком. Тот уже выбрался из кормушки и подбрасывал в «буржуйку» поленья, шурудил в ней клюкой, поднимая из-под золы тлеющие рдяные угли. В лицо старика пахло смоляю и жаром. «Живё-о-м», — подумал он, немножко ослабляясь сердцем, радуясь огню и человеку.

— Печурку, дед Иван, растормошим, чайку заварим, — очу-у-ухаемся, не загно-о-омся, — похрипывал Пелифанов, уже мало-мало протрезвевший, но трясущийся, серый, перекошенный. — Эхма, стопарик бы на опохмелку! Потом — хоть в пляс. А, дед? Есть у тебя сто грамм? Откуда у тебя, трезвенника! Ты почему хмурый? А-а, краем глаза узрел — бабы тебе подвалили. Кровь у тебя на затылке запеклась, как корка хлеба. Что, болит? Вот-вот, и недавно надо остограммиться... Там кто сопит? Э-эй, ты, что ли, Гришка? Вставай, сто грамм ищи! Ты в этом деле на всю нашу дерёвню мастак ещё тот! Чего урчишь? Шевелись, шевелись, а то головёшку за шиворот запихаю!..

Стограмм, скрюченный, опухший, съёженным мешком повалился со стога и плюхнулся о деревянный настил. Но

вскочил довольно бодро. Постоял, покачиваясь, потирая ушибленный бок; вроде как задумался. Неожиданно, хлопнув себя по голове, вскрикнул:

— У-у, мать вашу, вспомнил: имеется заначка, мужики! Днём я стибрил бутылку у доярок. Хотел тайком один накапать, да бабы привязались: отдай, гад! Я им — дулю. Они обозлились, поколотили меня и в канаву, стервы, загнали. А бутылочка-то цела-а-а!

Пелифанов в предвкушении запотирал ладони, ощерился улыбкой:

— Живей, живей, Григорий батькович, неси её сюды, падлюку!

Стограмм руками откопал в навозе бутылку, чмокнул её, зубами отхватил пробку, втянул от горлышка всей грудью водочный дух и весело-властно рывкнул:

— Давай стакань! Чего мешкаешь? Силов нету терпеть!

Стакан отыскался один. Первым выпил Пелифанов, и хватил так, что в горле его хрустнула косточка; занюхал рукавом своего промасленного, клочковатого ватника, хотя на столе лежали куски хлеба.

Стограмм, уже дрожащий в великом нетерпении, выдернул из рук электрика стакан, опрокинул в него бутылку, и старику показалось, что скотник сердился на бутылку, что она медленно пропускала через горлышко светлую желанную струю. Выпил не выпил, но, будто воздух, вдохнул в себя, призакрыл глаза и с минуты сидел, не шевелясь.

Пелифанов набулькал старику, но тот отвёл его руку со стаканом.

— Знаем, знаем, дед Иван, что не пьёшь, — вкось усмехнулся электрик. — Думал, может, с горя примешь. А ты, кажись, по-прежнему такой же: и в радостях, и в передрягах чужой нам. — Помолчав, прибавил ёмко и важно: — Чужак, вот кто ты!

Ещё выпили. Молча посидели, отдышались, пожевали хлеба. Преобразились оба разительно: в глазах залоснилось, плечи вздёрнулись.

Налили ещё, но уже спокойно, без порывов жажды, и выпили не спеша, даже, кажется, смакуя.

Старик с вязким, тягучим «о-хо-хо» вздохнул, поматывая потупленной головой. Пелифанов заметил:

— Почему, дедушка Иван, вздыхаешь? С осуждением, что ли?

— А чего мне, сынок, вас осуждать? — не сразу отозвался Иван Степанович. Значительно, но тихо примолвил: — Вы сами себя присудили.

— Не понял, дед! То есть как же так — при-су-ди-ли?

Иван Степанович не торопился с ответом, разворошил в топке яростно-жаркие головни, полюбовался на причудливо танцующий огонь, с неохотой перевёл взгляд на запьяневшего, принявшегося икать Пелифанова:

— Совсем не догадываешься? А ежели покумекать?

— Гришка, может, ты догадался?

Пелифанов плечом толкнул задремавшего скотника. Тот повалился с лавки и в первое мгновение, возможно, подумал, что посягнули на бутылку, — схватил и сжал её в клешнятой, заскорузлой руке. Но, поняв, в чём дело, кивнул на стакан:

— Бухнём?

Но Пелифанов досадливо отставил стакан подальше:

— Ну тебя! Дай с дедом поумничать! — беспричинно загоготал он, однако тут же оборвал смех и прищурился на старика: — Ты, дед Иван, голову не морочь мне своими завычками: как я себя самого мог присудить? Отвечай!

— Хм, молодой ещё, а сообразилочка уже не фурычит. Пьёшь — вот и присудил себя, чего тут непонятного? Зверь не пьёт, дерево не пьёт — чисто и ясно живут. Вон, глянь-кась на коров: ежели пили бы горькую, какое молоко ты брал бы от них, милок? Не молоко — гадость! А ежели яблонька пила бы, какое яблочко ты срывал бы? Поганое! Так-то! По естественному закону живут корова и яблоня, а потому и радуемся мы их молоку и плодам. А что без просыпу пьяный человек? Какой плод от него? Вот и выходит: присудил ты себя к мерзкому в жизнёшке своей плоду. И тебе от него худо, и людям, что вместе с тобой живут-могут, нерадостно.

— Н-да, старина, рассудил ты: слушаешь тебя — умно сказано, гладко, а как копнёшь твои мыслишки — да, да, мыслишки, поганые мыслишки! — глупость видишь гольную и несуразицу. Что же ты, трухлявый пенёк, сравнил человека с коровой и деревом? Нехорошо-о-о! Обидно, знаешь ли! Со скотом нас рядом поставил... Григорий батькович, а тебе не обидно?

Стограмм хотел было что-то ответить, но рыгнул и, похоже, не очень-то разумея разговора, вперился уже стекленеющими глазами в стакан.

Пелифанов махнул рукой на Стограмма и обратился к Сухотину:

— Что же, дед, выходит: по-твоему, мы, люди, не выше коровы и дерева?

— Кто выше, а кто, милок, и ниже.

— Ну ты гнуты! Я, к примеру, как: выше или ниже?

— Дай корове водки — вот тебе и ответ будет... Да и гляньте вы оба на себя в зеркало: запились, опустились, — уже и на человека-то мало похожи. Оглянитесь: коровы чище и краше любого из вас!

— Глупый ты, старик, как твои разлюбезные коровы! — закипел, размахивая руками, электрик. — Человека сравниваешь с коровой, со скотом! Неспроста, поди, ты не люб нам: не уважаешь че-ло-ве-ка!

— Врёшь! — разгорячился старик. — Уважаю, но не того, паря, которого и с коровой жалко сравнить.

— Битый ты, дед Иван, и если я тебе сейчас вдарю — вовсе загноёшься... Ладно уж: живи! Но не мешай нам жить. Усёк?

— Усёк, усёк.

— Ты, дед, как-то хитро сказал: будто другое чего усёк.

— И то усёк, и другое, мил человек, усёк.

— Гх, чего другое? Давай-ка досказывай!

— А то, сынок, что с коровами мне, поди, лучше будет, чем с тобой. Пойду к ним спать. Бывайте... человеки!

— Ишь ты! Не, точно, Гришка, я сказал, что не зазря деда Ивана всю жизнь колошматили: было и есть за что. Вредный он, спесивый, про таких говорят: дурило-мученик!.. Наливай, Гришка ты мой стограммович! Вмажем, да — на боковую.

Так и сделали: допили бутылку, рядышком растянулись на сене и захрапели с дружным присвистом.

Старик приткнулся подальше от них, поближе к коровам. Надо бы уснуть, набраться сил, унять хворь, чтобы «утречком в мало-мальски человеческом облике предстать перед супружницей, не напугать её и сына с внуком», однако сон не шёл: и в затылке саднило, и в поясице не утихало, и мысли напирали.

Коровы в стойлах и загонах, пожёвывая сено, сопели, переминались, косили глаза на незнакомого человека, а тот шептал им:

— Что, коровушки, и вам, вижу, не спится. И вас, поди, всякие думушки беспокоят. А у меня, родимые, даже поскрёбывает на сердце! Как так вышло, что люди люто невзлюбили меня? Знаю, знаю — упрямый я, неуступчивый! «Жил бы себе как все», — поди, сказали бы вы, ежели говорить умели бы. Но вот ведь какая штука: не могу жить как все. Что там: не могу, не хочу и не буду, как не приневоливали бы меня! Не смирюсь перед ними! Хотя... знаете, коровушки: к людям-то я тянусь, шибко тянусь. Вот сейчас вместе сидели мы возле печурки, плечом к плечу, у огня, — сла-а-а-вно было, на минутку-другую, кажись, съединились мы душами... Жалко, жалко: старый я, немощный. Что я могу сделать для них?

Ничегошеньки!.. Эх, забраться бы сейчас на мою горку, запереться бы в халупёшке!.. «Чёрт тебя, старый хрыч, поймёт, — сказали бы вы мне, коровушки, — то к людям тебя тянет, то удрать от них хочешь на свою дурацкую горку». Тяжко мне, милые, тя-а-ажко. Перепутывается у меня в голове и в сердце, вроде бы узлы вяжутся сами собой... Да-а, старый, старый я!..

Коровы, очевидно слушая, прекратили жевать сено, поматывали своими большими коровьими головами, сочувственно-влажно заглядывали в глаза старика, — казалось, понимали его, по-бабьи соболезнавали ему.

Поговорил он с коровами — отхлынула от сердца горечь, в душе вновь, как недавно днём, когда пошёл в Новопашенный, забрезжило светом, словно бы посреди ночи стало всходить для него солнце.

Сморился, придремнул.

Но ненадолго — очнулся от истошного крика: Екатерина Пелифанова, наконец, к утру отыскала своего пропавшего благоверного.

— Ах, ты, чертополох! Чтоб ты лопнул от водки, ирод! Дрыхнешь? Нажрался? И в ус не дуешь? Я, как дура набитая, убиваюсь, по всему Новопащенному разыскиваю, а он дрыхнет. Думала, не замёрз ли где в снегу, а он, кровопивец, последние копейки пропивает! Семья живёт впроголодь, погибается, чуть не христарадничает, а он... а он!.. у-у-у, гадёныш, кровосос!.. — нещадно тыкала она граблями в бока и живот неохотно сползавшего с нагретого сена мужа.

Пелифанов кулаками продрал глаза, нарочито перекиривляя рот. Широко зевнул, вырвал у жены грабли и зашвырнул их далеко в стойло:

— Цыц, баба! Пил и буду пить, ты мне не указ!

— А детей, изверг, кто будет поднимать? Я, что ли, баба, одна? При живом-то мужике!..

С перебранкой, которой не виделось конца во всей их горемычной жизни, муж и жена вышли на улицу, и покатались их голоса по беспредельным снегам новопащенной долины, обессиливали и застывали звуки где-то там, в сумрачных буераках и рвах.

Не смог заснуть Сухотин — душу трясло; выбрался из коровника. Светало; дали раскрывались, подголубляясь с востока. Старик полно вдохнул блистающего изморозной пылью густого воздуха, посмотрел на кипенно блистающую в распадке луну, послушал азартный собачий лай и залихватое кукареканье петухов, топнул-притопнул по молоденькому хрусткому снегу, как бы будя его, вызывая на разговор,

---

подумал: «Эх, красота и лад, куда ни помотришь!.. А человек, человек что?.. Тьфу! Скудный сердцем, глупый разумом, а потому пакостно живёт, ни красоты ему не надо, ни лада. Собака брешет для дела, а человек зачем же на человека лает? А ведь жизнь-то для нас сотворена, для человеков. Живёшь ли тут, в Новопашенном, живёшь ли в каких-нибудь заморских далях, да хоть у чёрта на куличках, всё для нас, для людей: и земля, и небо, и петухи, и собаки, и луна с солнцем и небесами — всё-всё для нас! Живи — блаженствуй!»

— Эй, вы, понятно вам?! — неожиданно выкрикнул он в сторону деревни и даже, в порыве чувств и переживаний, отмахнул, как саблей, рукой, — боль, точно бы подстораживала, камнями вздрогнула в затылке, шильями прострочила поясницу.

Сжав губы, нахлобучив шапку на глаза и уперев взгляд под ноги, старик пошёл к своему дому, к жене.

Издали приметил электрический огонёк в стайке: Ольга Фёдоровна догадался, кормила поросёнка. Ворота оказались на засове, стучать — конечно, не дело, можно в этакую рань, всполошив собак, разбудить всех домашних и соседей. Пропихнулся через застрёху в заборе, огородом пробрался к своему двору; тихонько постучался в стайку:

— Кто там? — тревожно спросила Ольга Фёдоровна и высунула из-за двери своё маленькое, морщинистое, но такое родное и дорогое Ивану Степановичу лицо. — Ой, ты, что ли, Иван?

— Ага, — буркнул старик, протискиваясь в стайку.

— Батюшки мои, отошальной-то какой! Думки думаешь, поди, день и ночь напролёт, а мысль, Ваня, что пивяка: сосёт кровушку из сердца. Кто не думает — толстый, что боров, вон, как наш Васька! — с задорной насмешливостью махнула она головой на поросёнка, дородного, мордастого, увлечённо поедавшего только что поданное ему тёплое, душистое картофельное варево.

— Душу, Ольга, мысля не съест, — отозвался старик в том же ворчливом духе, однако украдкой любовался женой: старая она, выхуданная в вековых трудах и недугах, а по-прежнему любима им, желанна, и затешилось в его сердце, наскучавшемся по родной душе. — Тело наше, кости да мякоть, — дряхлые, чего уж жалеть их: помрём, Олюшка, — сгниёт быстренько. А душа, кто знает, может, и улетит куда, поживёт ещё где.

— Вот-вот, от людей ты уже улетел на свою гору, теперь и душой норовишь от нас сигануть, — посвёркивала лукавин-

---

ка в глазах Ольги Фёдоровны, довольной, что, наконец-то, видит своего отбившегося от дома мужа.

— От людей никуда не улизнёшь, как ни исхитряйся. Толку-то, что ушёл я жить на гору? Один чёрт, надо спускаться вниз, к людям, хотя бы за водой или провиантами.

— Вот и ладненько, — поглаживала руку старика Ольга Фёдоровна, — и спускайся, Ваня, навсегда спускайся в Новопашенный: зачем шалоболиться тебе, изводиться телом и душой? Сам знаешь: все пути ведут к людям. Не артачься — спускайся, спускайся.

— Нет, Олюшка, — плотно и твёрдо накрыл Иван Степанович своей ладонью руку жены, — не хочу к людям: плохо мне рядом с ними. Издали, понимаешь ли, спокойней, — спокойней и мне, и всем им.

Промолчала, тихонечко вздохнув, жена на решительные слова мужа, знала: если что сказал — так тому и бывать.

Вспомнилось Ольге Фёдоровне, как навсегда уходил он из дома на гору. До чего же люди бывают несправедливы и жестоки друг к другу! Скверно когда-то обошлись с её мужем односельчане, «этот злыдень» Коростылин. А что он хотел? — чтобы в радость всем жилось в Новопашенном. Пошёл к людям с правдой, а они с ним разочлись чёрным лихом.

Иван Степанович похлопал по спине борова, который уже схлебал варево и теперь прилёг в опилки и похрюкивал:

— Вот так и они живут: накормили их подачкой и они, сытые, с набитыми брюхами, блаженствуют. А не накормят — чего-нибудь где-нибудь наскребут себе, чтобы с голоду не подохнуть, благо, что не заперты, как поросята или коровы, в стайках и стойлах. Тем и отличаются от свиней и коров.

— Ну, чего ты, Ваня: людей со свиньями и коровами сравни! Побойся бога.

Старик схмурился, наёжился, засопел, однако тут же — присдавленно, рывками — засмеялся:

— Сто годов тебе, Васька, с этаким аппетитом жить бы... ан нет: человек не даст!

— Зачем ты пугаешь поросёнка? Что с тобой сегодня, Ваня? Будто с цепи сорвался... Васёк, чего наострил уши? Неладное в наших словах почуял? Не бойся, не бойся, родненький, лежи, отдыхай... Пойдём в избу, Ваня, и тебя буду потчевать: поди, голодный... а потому и лютуешь.

— Да-а, мать, и злой я на весь белый свет, и по-собачьи оголодал, — вздохнул старик, отчего-то не взглядывая в глаза жены. — Сейчас так же буду улетать, как боров. Только подноси!..

В комнате встретили старика родные запахи — так любимых им сухариков, млевших на тёплой печи, простокваши, всегда стоявшей на подоконнике и раньше выпиваемой им по утрам торопо, с усладой, выстиранных вечером и теперь висевших на верёвке под потолком стареньких, знакомых до самого последнего цветочка и узорчика полотенец. И ещё чем-то неуловимым, но знакомым дохнуло. Уютно было в кухне — может, уютом и пахло?

Старик присел на свою старую самодельную табуретку с промятым и протёртым войлочным сиденьем и окинул взором кухню. «Всё на месте, всё так же!» — подумал он. И от пришедшего в его сердце покоя его веки сами собой на секунду-другую смежились. «Дома, дома...» — запело где-то глубоко.

На стене тикали часы; старик прислушался к их неизменно мерному, как и сорок лет назад, ходу. Шепнул старухе, когда она склонилась к нему со стаканом чая и пирогом, бессмысленное, возможно, ненужное, но прозвучавшее с глухим отзвуком нежности, отдалённой десятилетиями жизни и судьбы:

— Ишь, Олюшка, часы-то ходят. Вот ведь молодцы.

Ольга Фёдоровна присела на табуретку рядом со своим стариком, увидела его заблестевшие глаза и сказала тоже, в сущности, ничего не значащее и тоже прозвучавшее с той же отдалённой, подзабытой ими обоими ласковостью:

— А что часам, Ваня, может быть? Ходят да ходят себе.

И, возможно, оба подумали, что часы так же ходили в их доме и сорок лет назад, когда они, старик и старуха, были молоды и частенько говорили друг другу нежные слова. Если же совсем не изменились часы, так же мерен их ход, то, может быть, и они не изменились, а только во сне сейчас себя видят другими — стариком и старухой?

Глаза старика влажно засветились:

— А скажи, Ольга, плохо мы жизнь прожили вместе... или как?

— «Или как!» Эх, ты!.. — легонько оттолкнула старуха старика, но оставила на его плече ладонь; стала поглаживать его. — Трех детей, слава богу, подняли на ноги, все выбились в люди, внуки растут... а ты — «или как!»

И они оба, будто сговорились, заплакали, заплакали. А о чём плакали — хорошенько не знали. Может быть, о своей ушедшей в небытие молодости, когда просто и ясно чувствовалась жизнь, когда мощными рывками загребал из неё то, что было любо и желанно, когда рвался своим здоровым молодым телом, своей необузданной душой к тому, чего страст-

---

но хотелось, когда жаждал радостей жизни, как путник жаждал воды, и, достигая желаемого, сладостно утолялся, когда не болел или болел мало, пустячно, что порой радовался болезни — можно отдохнуть, подольше поспать, не жась на перине. Отчего ещё могли заплакать старики? Может быть, ещё оттого, что разлученные в последние годы их души, когда душа старухи жила здесь, внизу, в Новопашенном, а душа старика там, наверху, на горе, застыли в одиночестве, сжались в комочки, а сейчас в этой тёплой комнатке возле натопленной печи согрелись, оттаяли, распрямились и нечаянно ударились друг о друга, — и стало больно старикам.

— Ты, Ваня, уже не уходил бы из дома, а?

Но молчал старик, утирая своим шершавым пальцем слёзы старухи, расплзавшиеся по морщинкам её усохшего маленького личика.

— Чего молчишь, ровно безъязыкий? — утирала и старуха слёзы старика.

И, как обиженный ребёнок, пожаловался размякший сердцем и разумом старик старухе: мол, люди побили его и побили-то, считай, ни за что ни про что.

Вскинулась со стула Ольга Фёдоровна, руки — в боки:

— Я этой малохольной Селиванихе кудлы-то повыдержваю: ишь, коготки распустила! А Фёкла — дура старая, туда же!.. Доберусь я до них до всех!..

Иван Степанович за рукав утянул жену на стул:

— Угомонись, Ольга! Горбатых, известно, могила исправляет. Пусть живут, как знают, ну их!..

Он кулаком протёр слёзы со своих глаз, бодро встал с табуретки, забывая о мучительнице-пояснице, зачем-то распрямился, вытянулся весь и даже разгладил усы; сказал строго, чужеющим голосом:

— Показывай, мать, пока я тут, чего по хозяйству спроворить, чего починить. Дров наколоть? Наколю!

«Нет, не спустится вниз, — поняла старуха, поникая плечами. — Так, поди, и будем оба мыкаться, покудова не сойдёмся в сырой земле!»

Позавтракав наспех и угрюмо, старик направился в сарай: надо перво-наперво наколоть дров, чтобы не подрыгать старухе кого-нибудь за деньги. Есть ещё кое-что для мелких работ — починить дужку у ведра, в стайке у поросёнка убрать, во дворе промести. Так, засучиваем рукава! По ходу надо истопить баньку, чтобы попарить свои и старухины старые косточки, а вечером, подкупив продуктов и прихватив кое-чего из скарба, — на гору, конечно же, снова на гору, в

свою халупёшку, подальше от людей. Верно, верно оно: пусть живут, как знают!

Вышел на крыльцо — мягко, приветно посмотрело в его глаза солнце. Как над парным молоком, вилась по-над молодыми новопашенскими снегами дымка дневной оттепели.

— Благодати-то опять ско-о-о-лько, мать моя! — заподрагивала в усах старика улыбка. — Живи — не хочу, а то — захохочу!

Но опустил он взгляд ниже — увидел покосившиеся, вычерненные непогодами и временем заборы Новопашенного.

— Маленькую, опрятную огорожу сработали бы — и хва, — привычно принялся ворчать старик. — Так нет же — из горбыля метра в полтора-два наворотим дурищу! Почернел забор — страхота страхотой, и выглядывает из-за этого острожного частокола или подсматривает в щёлку опасливый хозяин, а возле его ног гавкает на прохожего псина, с цепи рвётся... Тьфу! Дурная всюду жизнь, некрасивая, безобразная! Эх, чего уж теперь!..

Конечно, старик понимал, что от чужого скота и собак раздражает человек свои огороды и дворы и цепных псов держит не от хорошей жизни: известно, не коммунизм на дворе, без надёжного охранника не обойтись. Понимать понимал старик, однако уже не мог по-другому думать о земляках, кроме как — супостаты-де они, бестолочи, никчемные люди, и сколько ещё за долгую и привередливую свою жизнь он нашёл и придумал о них хлёстких, обидных слов!

С такими чувствами и мыслями, может быть, рано или поздно и закончилось бы житьё-бытьё старика там, на его горбатенькой горе, в немилом одиночестве, в неспокое души его горячей, да невероятные обстоятельства внезапно и беспощадно и жизнь его перевернули, и душу потряхнули.

Только Иван Степанович взялся за топор, чтобы наколоть дров, как слышит:

— Пожа-ар!..

Скоренько на улицу. Плянул туда, сюда, однако не приметил ни огня, ни дыма. Мальчик с радостными, высокими подпрыжками — «точно бы крылышки у него сзади, как у ангела», отчего-то подумалось старику, — мчался и ликующе надрылся:

— Пожа-ар!..

Иван Степанович прищыкнул:

— Ты зачем, оглашенный, трезвонишь: какой такой пожар? Где твои ошалелые гляделки узрели огонь?

— Да во-он же, дедушка! — весело махнул мальчуган головой ввысь, в сторону стариковой горы, и заподпрыгивал дальше, видимо, довольный и гордый, что первым сообщает односельчанам такую важную новость.

Вмиг помертвело в груди Ивана Степановича. И не может он поднять головы, чтобы взглянуть на свою гору: страх, казалось, парализовал его тело и волю.

Наконец — поднял, увидел, осознал. Чад вздувался над его халупёшкой, пламя прошибалось к небу.

— Батюшки! — покачнулся старик.

Сорвался с места, но подсекло в коленях, повалился на бок. Хрипел «гады, гады!..», подымаясь.

Бежал, бежал, а точнее, только что и мог, — трусил, задыхаясь, припадая на обе ноги, схватываясь то за поясницу, то за сердце.

Ещё беда: поскользнулся на тропе и покатился в овраг. Вертело и хлобыстало его тщедушное тело по крутому каменистому склону. Полежал, очухиваясь, подкапливая сил. Пошевелил руками-ногами, — не сломал ли, не вывихнул ли? Нет, цел на диво!

— И люди побили меня, а сейчас и Бог не помиловал: забросил, как кутёнка, в овражину. Ан жив-живёхонек я! — И, вглядываясь в небо, старик зачем-то усмехнулся.

Он, конечно же, поднимется, выберется. А когда поднимется, выберется и снова ринется к горе — возможно ли будет спасти халупёшку? Да и надо ли спешить, надрываясь, ссаживая и без того источенное недугом, хрупкое своё сердце? Но ни таких, ни подобных вопросов старик не мог и не хотел задавать себе, потому что жизнь приучила его к борьбе. И он умел бороться и бывал азартен и запальчив — а то и по-юношески безрассуден — в борьбе. Быть может, борьба стала его сутью, его духовным инстинктом. Однако сколько капель силы оставалось в его тщедушном, надорванном этим отчаянным броском к горе теле, чтобы противоборствовать и судьбе своей немилостивой, и внезапным страшным обстоятельствам, которым, похоже, тоже суждено стать его судьбой? Одна, две капли? Ни одной?

— Не-ет, братцы! — хрипел старик, выползая, выкарабкиваясь из оврага, обжигая губы своим горячим дыханием. — Ещё могу-у-у, ещ-щё держат и несут меня ноги!

Выбрался, приподнялся, разогнулся, увидел — дым стал гуще, огонь — веселее.

— Господи, и Ты против меня?!

Оттого был этот горестный, скорбный вскрик, что ум и сердце старика пронзило — погибает, сгорая, не просто строение, обветшалое до крайности, брошенное людьми, ему и

так давным-давно пора было развалиться, а погибает, сгорая с халупёшкой, и надежда старика, лелеемая им надежда на то, что он где-то может укрыться от тех людей, которые не понимают его, не принимают его таким, каким он сотворён и во что вызрел во всю свою жизнь, что в халупёшке он может укрыться от всего того мира, который он не мог, даже здесь в маленьком, немногочисленном Новопащенном, хотя бы чуточку поправить, склонить к чему-то лучшему. Что же, что же теперь будет? Как жить? Возвращаться навсегда в Новопащенный? Нет, никогда, ни за что! — клокотали чувства старика, сбивая рассудок.

— Господи... Господи... — Но не идут другие слова, не знает, что просить у Господа.

Уже не может ни бежать, ни труситься, — качает его, подламывает, гнёт к земле. Поковылял по вязкому, повлажневшему под жарким солнцем снегу. Сугробы тяжелили шаг, влекли пониже, к земле.

Взбираясь в гору, старик скользил, падал. Иссёк колени и пальцы о камни и ветки. И молодыми ногами не взбежать на эту крутенькую гору, а старику остаётся, видимо, ползти. Но не полз он! Упирался вовсю, взбираясь наверх, уже весь скрюченный, перегнутый, и похож он был на разорванное колесо.

Какая-то неведомая сила выкатила-таки это колесо на макушку!

Выпрямился, приподнял голову перед своей халупёшкой, — увидел рухнувшую крышу, чёрные, оббитые полымем стены. Понял до крайней степени очевидности — бой проигран, борьба закончена. Нет укрытия, нет приюта, хоть прокляни весь свет, хоть встань перед ним на колени!

Вдруг — дыхание перехватило, боль вгрызлась в грудь. Охнул, покачнулся. И уже никто не ударил его и не толкнул, — а упал. Понял ли, что сердце не выдержало, не могло выдержать?

Кто-то жарко и влажно дохнул в лицо. Не сразу догадался — Полкан; видимо, смог сорваться с цепи, — молодец, Полкан Полканыч! Пёс прыгал, повизгивал, лизал лицо и руки хозяина. А тому хотелось своему верному помощнику и собеседнику ласковое слово сказать, погладить его, — не мог, ничего уже не мог. Лишь мог смотреть в небо и мало-мало удерживать при себе расползающееся сознание.

«Умираю?.. Уже?..»

«Война не убила меня, лютость людская не сломала... а гора, кажись, одолела...»

Увидел Полкан бегущих людей — зарычал, ощерил чёрную пасть, на загривке шерсть встряхнулась иглами:

Скотник Стограмм подбежал первым, корягой саданул пса. Полкан клацнул зубами и, жалобно скуля, прилёг возле старика: понял, видимо, что против человека не пойдёшь, будь что будет, но оскаливался, оберегая хозяина. Стограмм подхватил собаку за задние лапы, раскрутился:

— Разбегайся, честной народ!

Далеко отлетел Полкан; покорливо притих в сугробе, поскуливал и, похоже, выскивал глазами среди людей любезного своего хозяина.

А они, тяжело дыша, запыхавшиеся, взмокшие, тесной кучкой склонились над ним, однако хорошенько не знали, что делать, как помочь. Стограмм дрожками пальцами принялся расстёгивать на старике рубашку, но у него не получалось. Пелифанов оттолкнул скотника:

— Разрывай, дурило: задыхается дед Иван! А ну, уйди... алкаш трясорукий! — И располосовал на груди старика рубашку. — Качай, кто умеет, грудь — помирает мужик! Спасайте! Чего замерли? Эх, вы, недотёпы деревенские, неумехи криворукие! Сам-то я если нажму на грудь старика, так, чего доброго, поломаю его старенькие косточки... Ну, чего остолбенели? Спасаем, спасаем!.. Помрёт ведь!..

Грозная бригадир Селиванова отпихнула Пелифанова:

— Чего, идол, орёшь? Сам-то что, трезвенник, у самого-то какие руки? Пьянчуга ты забубенный, и не руки у тебя — грабли. Лампочку толком не умеешь вкрутить, а ещё электриком называешься! Катись отсюда!.. Люди, — обратилась она ко всем, — нести на руках надо нашего дедка вниз. Пока за фельдшером сгоняем — истинно: помрёт... Нельзя, чтоб он помер, никак нельзя... Берём да — полегоньку потопали. Тяжко будет, да выбора нету. Ну, взяли!

Только зашевелили старика, пытаясь поднять на множество протянутых к нему рук, — очнулся он, застонал. Приоткрыл отяжелённые, вычерненные смертью веки:

— А-а, тут вы. Думал, не поспособите, а — вон оно чего... Спасибо, спасибо... Халупёшка догорела? Дайте гляну разочек: верно, не свидеться мне боле с этим благодатным местечком.

Расступились новопашенцы, Селиванова бережно приподняла голову старика. Глянул он и крепко — на сколько мог — зажмурился. Халупёшки его уже не было совсем, а дыбились на чёрной земле чёрные останки, как кости. Ещё дымили и тлели обугленные доски и брёвна, торчала стволем дерева без кроны печная труба и, будто ёрничая над стариком, поддымливала в небеса.

— Кто из вас подпалил? Скажите честно — всё пойму.

— Не мы, дед Иван, — склонился над стариком Стограмм. — А вон тот охламон, Витька... Эй, сопляк, подь сюда! — велел он подростку, скулившему за спинами взрослых.

Мальчишка с покорно склонённой головой подбрёл и завыл жалостливо, громко.

Стограмм прикрикнул:

— Не нюнь, будь мужиком! Смотри нам в глаза и говори: ты подпалил? Ну!

Но мальчишка заголосил, завопил, ожесточённо натирая глаза кулаками.

— У-у, на жалость давишь, притворщик, помалкиваешь, пакостник! — замахнулся на Витьку скотник, но не ударил, лишь по затылку скользнул ладонью и скинул на снег шапку. — Коли молчишь, так я расскажу.. Увидел я, дед Иван, пожар на горе и — скачками сюда. А на меня с крутизны, вон с той, что за березняком, этот обормот катится. Схватил я его за шиворот.. Я хотя и пьяница горький, а голова у меня варит! — подмигнул он собравшимся. — Мне следователем работать бы, а не скотником... ну да ладно!

— Ты, Григорий, башковитый мужик, я знаю, — тщился улыбнуться ему старик, но губы уже затвердели. — Ты ещё сможешь зажечь по-человечьи — какие твои годы.

— Да, дед Иван, надо пожить, всю водку как ни пей — не перепьёшь... Так вот: сцапал я этого сорванца за воротник и напрямки спросил, видит Бог, что наугад: «Ты поджёг? Говори, а то отколошмачу!» Ну и подивился же я, когда он занюнил: «Я, дядя Гриша, поджёг». Что да как, спрашиваю. А вон оно как вышло: шарамыжничал он возле Новопашенного да набрёл на избушку. Стук в оконце — молчок. Только пёс брешет. Подождал, осмотрелся — ни души. Выдавил стекло да нырнул внутрь. То да сё, а потом ухватился за керосиновую лампу: клёвая игрушка! Нечаянно опрокинул, керосин разлился по столу и полу, а в руках — зажжённая спичка. Ка-ак полыхнуло! Руки опалил, но выпрыгнул в окно. С испугу не туда рванул, поблудил по лесу. Потом выбрался на откос и — хоп в мои руки.

Старик попросил, чтобы к нему подвели мальчишку. Нашарил в кармане карамельку в потёртом фантике, протянул её Витьке:

— На, малец. Прости, другого гостинца нету. Возьми... не бойся... А халупёшку спалил — спасибо, родимый: давно было пора. Понять я не мог своими засохшими мозгами — помеха она мне. От людей, как заяц, бежал, а Бог, видишь ли, по-своему постановил: с людьми мыкался всю жизнь, с людьми рядышком и помирай. И нечего чудить... правильно,

---

земляки? Вот до чего сейчас додумался. Э-э, чего уж там, честно скажу, люди добрые: крепко хотел я к вам, поближе, да сердце супротивничало. А вот глядите — судьба подмогла, съединила нас. Да, да, сам Бог привёл на мою гору этого мальчонку. Спасибо, родненький... не плачь... Всем вам, земляки, поклон низкий... Ольгу бы напоследок увидеть... настрада-лась она по моей милости... Вы ей при случае по хозяйству пособи-те...

Старик сказал много, очень много — устал, обессилел, стал задыхаться. Отвёл глаза от земляков, посмотрел в ясное небо и почудилось ему — поднимается он. Возносит его выше и выше какая-то неведомая, но заботливая сила, синевой небесной пеленает его, будто младенца. И уже настолько высоко старик, и настолько плотно окутан он, что не слышит и не видит людей.

— Помираю, люди, поди, — то ли сказал, то ли подумал он и вдруг, то ли в яви, то ли во сне, увидел Васю Хвостова; тот выгнул из-за облака и поманил старика к себе.

А что же люди? Они бережно несли старика на руках. Кто-то говорил: дышит ещё, кто-то шептал соседу по плечу: представился, что ли? И — если умер или не сегодня—завтра умрёт — не могли они не почувствовать, не могли они не осознать: как же им дальше без него жить? Кто теперь плесканёт по запьяневшей совести холодными, но страстными словами правды? Не всякий мог, а Степаныч мог! Кто теперь, если что, первым выйдет на дорогу, не шадя своей жизни, чтобы остановить супостата, едущего убивать всеми любимым сосновый бор или с каким-нибудь другим сумасбродным намерением? Кто теперь не испугается силача и богатея председателя акционерного общества и скажет ему: прочь, злы-день?! Неужели некому? Неужели гнить Новопашенному в своих извечных пороках, а лекарь умер или вот-вот умрёт и — не бывать другому?

Чистые и порочные, хмельные и трезвые, старые и молодые шли рядом с умершим или умирающим стариком, но все они были новопашенцами, в которых затеплились осколки души старика, разбившейся о них, людскую скалу.

Молча, скорбно брели они по вязкому, препятствовавшему продвигаться снегу. Им очень тяжело, им очень неудобно спускать старика с горы, но они, несомненно, понимали: ничего лучшего уже не могут для него сделать, кроме как вернуть его в родное село, занести в родное жилище к жене. Лишь только каким-то чудом взобравшаяся на гору сгорбленная, иссохшая Фёкла услужливо поддерживала руку старика, которая сваливалась к снегу.

А что же в поднебесье тем временем?

— Здорово, Василёк, — поприветствовал старик закадычного дружка своей молодости. — Как живёшь-можешь?

— Я и тут, Ваня, летаю. Хочешь спробовать? — откликнулся Вася, всё такой же молодой, как и много лет назад, всё такой же кучерявенький, словно барашек, всё с такой же умилявшей односельчан мечтательной задумчивостью в глазах.

— Хочу! — взыграло в груди старика давнишнее, тайно жившее в нём детское желание полёта. — Неси крылья!

— А не забоишься? — мягко посмеивался Вася.

— Ты трусил, когда сиганул с горы?

— Я чуял, что могу разбиться, да не мог удержаться — полете-е-ел!

— Погоди, погоди, как же так: чуял, что расшибёшься, но полетел? Чудно. Какая же лихоманка понесла тебя с горы?

— Душа осилила голову. А по-другому говоря, глупый был, безрассудничал по младости ума. — И лоб Васи рассекла хмурая морщина мудреца.

— Ну-у, брат ты мой!.. — сморщенно, словно было больно, усмеялся старик. — А я, Вася, всю жизнь мечтал: вот, думаю, как взмахну над Новопащенным, над всеми его грехами и гадостями... я на гору. С людьми мыкался всю жизнь, с людьми рядышком и помирай.

— Молодец, что успел сказать. Нашим землякам нужны такие слова: им жить-бедовать дальше... Э-э, глянь-ка, глянь-ка, Ваня, вниз! Над твоими мощами самый твой первый враг, Алексей Фёдорович Коростылин, склонился и, кажись, плачет.

— Вот так-так! И кто, Вася, мог бы подумать!..

И старику страстно захотелось примириться со всеми людьми, поговорить с ними, однако — уже поздно: высоко душа, далеко от неё тело.

И заплакала растроганная душа от великой любви ко всем, кого она покинула там, на грешной, но прекрасной земле. За друзей и недругов своих плакала, за жену и троих детей своих, за внуков своих и за чужого, шкодливого пацана Витьку, Бог весь как встрявшего в судьбу старика. За всех, за всех плакала душа.

Но не дал Вася доплакать:

— Будя, Ваня! Шагать пора. *Туда* мне велели тебя, как земляка, привести. *Там* не любят задержек, — значительно молвил Вася и потянул душу выше, выше...

В ТЕНИ КРЫЛА ЧЁРНОГО АНГЕЛА

Как танк ногтями открывать

Теперь видно, сколько сил было запущено, чтобы этого не допустить, и знаем, как сложно выстроить самостояние государства. Русский мир должен явить готовность себя отстаивать — а это не все признают даже в русскоязычной части окраины, поскольку оказалось связанным с огромными лишениями и кровью....

Что Русский мир существует в неакцентированной форме, нет никаких сомнений. Прежде всего — как сообщество людей, считающих себя русскими. Кто любит Россию. Кто исповедует Православие. И — не только они, пусть это не покажется кому-нибудь невозможным. Русские — это множество людей и народностей, которые считают Россию, Большую страну, своей Родиной, что бы ни исповедовали. И готовы голову за неё сложить.

Но вот что пишут на окраинских форумах: «Вы, москвиты, нам не отцы-матери исторически — всё ровно наоборот... Не забыли, что вашу Москву на чудских болотах киевский князь Юрий Долгорукий строил? А теперь вы нам даже и не братья — вы

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

нам **кровные враги**. Прощайте, москвиты! Нам в разные стороны!» — и пишет это некая Н. из Московского государственного университета.

Да как набежало выриси, да как загорелись они пламенем мест. И вот какой-нибудь же костик гришин становится «народным мстителем» Сэмэном Сэмэнченко. Одноклассник, живущий ныне в Киеве, стал вырусью. И родная моя сестра опрометчиво поспешила...

А вот что пишет моему товарищу российская землячка, его давняя знакомая, переехавшая на окраину (сохраняю особенности лексики): «Мне стыдно не потому, что я русская — в этом нет моей вины. Стыдно, что когда-то я верила, что Россия — великая страна с наукой и культурой. Сейчас я вижу зловонного агрессора, который вероломно напал на мою страну. Не надо мне доказывать, что черное — это белое. Вы как носитель идеологии врага мне не интересны. Раб, расхваливающий свою тюрьму — позорный раб. У меня прекрасная жизнь — я готовлю выставку, помогаю армии, с радостью участвую в нашей освободительной войне. Мы непременно победим, потому, что свет всегда преодолевает тьму, а Правда побеждает ложь. Не трудитесь мне писать. Повторяю — вы мне не интересны».

Эта репликация внутреннего оскорбления продиктована сокрушением веры. Бессмысленно звать к способности рассуждения, к анализу — всё будет казаться ложью, если оскорблена вера. Это означает, что вся проблема окраинства лежит в области трансцендентного, в далёком от рассудочности краю метафизики. Добираться до рассудка таких людей, до их логики — всё равно что танк ногтями открывать.

Откольниковская ветвь Русского мира в последнюю сотню лет оформилась на отрицании истока. На неприятии русского — от глухого до яростного. Они среди нас, украинцы, а значит — они какая-то ещё неопределённая и неопределимая наша часть, заболевшая редкостной болезнью вроде проказы. Человек ею болеет, но врачи не могут определить характер болезни, поскольку утрачен диагноз.

Украинство является изводом русской духовной, политической и культурной жизни. Извод основан не на преобразении в новую форму бытия хотя бы части народа, а потом и *переосмыслении* этой части в новый народ, а на мутации — молекулярном искажении и затем перерождении подлинной сути народного духа.

В основе — предательство главного народа, измена его владычному духу и языку. Своё отщепенство этот откольниковский извод, *вырусь*, основывает на вымышленной истории,

---

воображаемых обидах и поражениях. По-иному, опираясь на победы и ликования духовного превосходства, он поступать не может, поскольку не было никакого духовного превосходства, не было и побед... Политическое окраинство обосновали и развили русские (в имперский период истории, особенно в советское время, да и теперь властью поддерживается) — и это одно из объяснений феномена, пример которого приведён в начале главы и который расцвёл ядовитым цветом на окраине. Идеология украинского нацизма: «Украина превыше всего», «Один народ — одна территория».

Не происходит возгорания конфликтности, когда русский, считая себя малороссом, настаивает на какой-то особенке. Внутреннее напряжение, сопутствованное ощущением стилистической неловкости, возникает, когда малоросс называется украинцем и считает себя чем-то отдельным от русского. Здесь и начало украинства. Ложная мысль нуждается в ложном обосновании. Предательство нуждается в собственном законе. Гражданский украинец — не политический. В гражданстве может состоять как малоросс, армянин, еврей, так и русский. Но политический украинец исключителен. Он говорит: «Мой дед Берлин брал, а я бандеровец — и горжусь этим», выказывая пример мучительной шизофрении, сжившейся с образом вырussi.

Нужно уточнить, что под термином «вырусь» имеется в виду именно нацистский извод Русского мира, воплотившийся в политическое украинство. Его ошибочно называют фашистским, но с ним вырусь имеет мало общего. Собственно фашизм с русской окраской возник в тридцатых годах на Дальнем Востоке среди остатков интернированной в Китай Белой армии и не имел развития. Молодёжные радикальные фашистские группировки в постперестроечное время были задавлены и не оказали влияния на политическую жизнь. Иное дело нацизм... Наши русские нацисты на просторах многонациональной империи были загнаны в удушливые углы и по большому счёту нейтрализованы. Уверен — это было сделано правильно. Но украинство и есть нацизм, вырвавшийся на простор.

Германские нацисты недолюбливали трусоватых итальянских фашиков, считая их временными союзниками. Итальянский фашизм зародился на сплотке нации на базе национальной исключительности и был одно время популярен в Европе. Фашисты отметились в Греции и Португалии, фашистские партии недолго существовали и в других странах. Европа же была беременна именно нацизмом — и до сегодняшнего дня продолжает его воспроизводить. Нацизм — уче-

---

ние о превосходстве одной нации над другими и практика осуществления этого учения. Утверждают, что зародился он на Британских островах и что Киплинг со своей поэтической мыслью о бремени белого человека лишь один из тех, кто художественно, идейно породил яркие образы нацизма. Гитлер оказался их восторженным поклонником и механически, организационно воплотил их в европейском масштабе. Можно сказать, даже борьба против нацизма в Великой Отечественной войне каким-то образом поменяла правильную трактовку цели на ложную, и до сего времени у нас используется риторика войны именно с фашизмом, в котором олицетворено всё самое худшее. Что не добавляет понимания того процесса, который ныне происходит уже на окраине.

Внешне торжество вирусы выглядит как площадной нацизм, выродившийся из грубого деревенского снобизма, без культурной «подкладки», как было с нацизмом германским, возросшем на чувстве оскорбления нации по итогам Первой мировой войны («мы обижены, мы страдаем, поэтому все виноваты и все нам должны»), но и на вывихе неистребимого германского романтизма, приправленного диковинной травкой арийского оккультизма, окуклился на глазах и теперь в полной мере являет свою сущность. Общее у украинского нацизма с нацизмом германским — ощущение превосходства над незадачливыми, полудикими племенами-соседями. Из него исходят политическое и этническое самоопределение, проект окраинизировать сплошь тех, кто этого не хочет, — пассионарная страсть подчинить злыдней и поставить их на подобающее им место. Это очевидно даже в бытовой сфере, на уровне соседского общения. Не согласятся подчиниться — истребить.

Самое страшное — украинский нацизм стал обыкновенным, *привычным*. Как свойства личности, как признаки человеческой внешности, будь то цвет глаз или волос, или форма подбородка. Человек живёт, чистит по утрам зубы, ходит на работу, моется в бане или выпивает по субботам — и не замечает, что вчера стал нацистом. «Тихий» рак уже переродил клетки организма, изменил самосознание вирусы; она считает себя здоровой, а всех соседей — больными, себя считает лучшей, а других — так себе человечешками. Никогда не признает виноватым в собственных же бедах себя, а будет искать причину в других. То есть, страдает отсутствием осознания собственных ошибок. Важный признак, указывающий на смертный грех, — гордыня, которая чаще зарождается от обид и смутного ощущения собственной ущербности.

Мы думали — для обезвреживания нацизма вирусы, который зачинался в головах тех, кто причислил себя к окраин-

---

цам, довольно было снисходительной улыбки. В крайнем случае — флакона дихлофоса. Теперь, когда Новороссия залита кровью, видно, насколько все заблуждались.

Ещё одно... Вооружённый переворот на майдане был поддержан киевскими интеллигентами с пеленою на глазах — они ничего, оказывается, не видят! «Победил Бандера? Где, когда?» И посмеиваются: «На улицах Киева фашисты? Они вас хотели расстрелять?» И живут, и ходят по улицам, сидят в кафе, разговаривают на высокие темы. И не знают — и не желают знать — о разорванных снарядами детях в Донецке, что люди месяцами сидят в подвалах, спасаясь от обстрелов, что окраинцы валят мемориалы погибшим в Великой Отечественной войне. Такое неведение *равно согласию* с тем, что происходит. А значит, они, обитатели Козьих болот, и есть украинский нацизм, его лицо и его выражение.

Вот туда, в эту область безнаказанных чувствований и представлений, и схлынула вирус. Здесь нашла угол и область своего обиженного существования.

У нас говорят — на обиженных воду возят, но если обиженные сбиваются в целое государство, добром это не кончается.

И если досказывать самое непопулярное: окраинство как явление гниения русского духа, как линия вырождения ложных направлений Русского мира имеет естественной целью самоуничтожение вируси. Вирус — тупик Русского мира, а переход в окраинство — способ самоуничтожения, способ сойти в небытие с грохотом, а по возможности утащить с собой на волнах террора как можно больше населения.

Почему же идеология нацизма с тризубым клеймом сатаны оказалась столь соблазнительной для вируси, этих мутантов Русского мира? Нужно вернуться на некоторое время назад.

Железно-коричневая пята и бандеровский реванш

Украина за последние годы выродила два явления. Период вынашивания был отчасти скрыт, а начавшиеся на майдане кривые роды не все рассмотрели.

По итогам передела советского наследства на окраине образовалась каста скоробогатых людей, владеющих промышленными и финансовыми ресурсами, а также недвижимостью украинского осколка советской империи настолько большой, что землю в Крыму эти люди загоняли для китайских нужд тысячами гектар. Власть этих людей называлась демократией, а по сути опосредованно являлась правлением олигархии. Точность определения состоит в том, что микрорайон Демос в древних Афинах был заселён как раз гречес-

---

ким олигархатом. И везде во всех странах за рекламными щитами демократии он и хороводит. Власть олигархии неявна, но перераспределение общественного богатства везде происходит именно в её пользу.

Послемайдаанный период украинской истории характерен тем, что от опосредованного обладания украинскими ресурсами олигархи перешли к прямому их распоряжению. Они вступили в административное управление промышленными вотчинами, создали управленческий аппарат и обзавелись собственными вооружёнными силами — и наступил расцвет демократии в её исконном значении.

В период увлечения социалистическими идеями американский писатель Джек Лондон изобразил тотально-разрушительную власть олигархата в фантастическом романе «Железная пята». Жажда власти олигархата безгранична, его жестокость к людям не имеет пределов. Жажда власти основана на алчности, чувстве иррациональном, не подчиняющемся рассудку. И особые свойства еврейской алчности позволили именно евреям захватить большую часть украинской собственности, а «жидобандеровцу», как он сам себя называет, Коломойскому, стать не только губернатором вотчины с собственной наёмной армией, но и оппонентом украинскому президенту. Коломойский олицетворяет на окраине возможности, которые готов оказать любым силам, способным умножить его финансовую мощь. И это не должно никого удивлять: еврейский капитал стоял и в начале становления нацизма в Германии. На окраине олигархат не отдаст ни угла, ни уголка. Единство окраины («унитаризм» на тамошний салтык) временно обеспечивает защиту концентрированных на окраине остатков олигархических ресурсов. Выгодна будет дефрагментация государства — они и в неё включатся.

И второе — нацизм. Являет собой самостоятельную величину, а, сопрягаясь с интересами промышленно-олигархических группировок, запитал их разрушительной энергией и в конечном итоге послужил внешней причиной событий на окраине.

Украинский нацизм возник не на голом месте. Ужасает незаметность его взлелеивания. Сперва было сказано о малороссах: братский народ. Потом — у него есть собственные интересы и своя культура. Кельтско-галичанское сектантское духовное увечье передалось воздушно-капельным путём через прессу, телевидение, культуру. Говорят, в пассионарной атаке с бандеровского запада на восток сыграли роль два фактора: послевоенная эпидемия сифилиса, сказавшаяся отрицательной селекцией (в смысле качества человеческого

материала) на втором-третьем поколении, и дефицит йода в питании. Но есть, правда, в этом сомнения.

Дети и внуки бандеровцев, уцелевших после разгрома на западной окраине, и криптобандеровцы, самозавербованные из выриси, рассредотачивались в управленческих и партийных структурах, чертили границы. Огрызок косы Тузлы, оставшийся судоходный фарватер по Керченскому проливу вопреки простой географической логике на окраинской стороне, послужил и причиной первого пограничного конфликта с Россией. По рекам Деркул, Северский Донец и Ворскле граница странном образом пролегла не по стремнине русла, как часто происходит, а по российскому берегу, почти везде оставляя реки на окраинской стороне. И даже пруд на ручье Кундюча там застрял! При том, что по жлобству своему не удосужились это зафиксировать в процессе делимитации, т.е. официального оформления границ после развала СССР. Офицерские училища расквартировывались в западных краях, а на донецкие земли, к границе России с отстроенными военными заводами стягивались тяжёлые вооружения и склады боеприпасов. Окраина, член ООН, используя произвол тогдашнего генсека, недорезанного троцкиста и криптобандеровца Хрущёва, незаконно аннексировала в 1954 году Крым.

И вот уже за «кричалки» «Москаляку на ножи!», «Слава нации! Смерть врагам!» никого не судят. И накачивалась окраина ненавистью к России, а вырись и «бессознательные прихвостни», как сказал бы дедушка Ленин, из малороссов, вербовались в будущие штурмовые отряды войны против русских. Германия при Гитлере сошла с ума за десять лет, а здесь все двадцать — пропитанная презрением пропаганда против Русского мира. «Бандера придет, порядок наведет» — последние Бандеры его именем и наводят теперь «порядок» на окраине.

Как бы ни было, Панас-то готовился...

А Ванька чесал затылок и посмеивался: эк тебя корчит...

Прогадили всё

Интересно рассмотреть истоки окраинства, куда так охотно перебегают вырись. Во-первых, там на почётном месте образ земного рая, такого, каким он видится внутреннему взору сектанта. В секты ведь попадают люди определённого склада ума и психологического типа. Рай в форумном представлении окраинца имеет пейзажный колорит: это цветущая деревня, прообраз библейского Эдема, в котором бродил Адам до грехопадения, даже не подозревая, откуда что взялось: «В

Україні м'який спокійний і поміркований клімат, тьохкають солов'ї. Лелеки в Московію не хочуть летіти. Червона калина, біг Черемоша. Всюди буйно квітне черемшина. Хрущі над вишнями гудуть. Сім'я, вечере біля хати. Дівчата співають... із вечора до рання... серденько моє. Коханья. Дніпро ревуций. Квітучий Крим. Тихо по морю чове пливе. Цериця-Мати Україна. Столиця Київ. Якого раю вам ще треба».

Горе тем, хто подвергнет сомнению бесценность этой мечты. Изъять из неё Крым — даже не преступление, а кощунство. В этом просто оборудованном мире не ждут трагедий, в нём не зарождается мессианизм, не нарабатывается, как тонкий слой соли на стенках сосуда, аристократия, не сложилась мифология, там нет преданий и не проблеснут дерзания, а опозорить односельчанина можно прилюдно раздев и вывернув на публику его трусы, или прокатить в мусорном ящике. Модернизировать такой рай, настроить в нём заводов и шахт, авиапредприятий и пароходств — значит обрушить картину селуковского мира. Повреждённый в раю человек пошёл путём сложности, а не простоты, стезёй цивилизации, а не упадка, вырождения и медленного умирания.

Чтобы почувствовать глубину его внутренней катастрофы, вспомним фильм «Мимино». Грузинский парень из горной деревушки приобщается авиации, его обучают летать на сверхзвуковом лайнере, он посещает другие страны и становится сообщником всего мира. Случается сюжетная драма, Мимино вынужден возвратиться на родину, в патриархальный быт с отношениями деревенской взаимовыручки — и с кровной мстостью. На крохотном камовском вертолётке, доставшемся аулу от всех достижений цивилизации, перевозит коров через ущелье. Смысл фильма — выбор между цивилизацией в образе большой авиации и традиционным общением с деревенской шавкой, привязанной цепью к шасси вертолёта, и кровной мстостью; между обычной, начальной культурой и культурой высокой. Высокая культура требует Усилия. До Усилия не каждый созрел.

Украинец согласен ещё и на то, чтобы проведать по шенгенской визе другую сторону рая — Европу. Но не согласится обменять садок вишнёвый коло хаты на аэродром или университет. Почему в Европе украинец увидел избавление? Ах, эта известная славянская мечтательность о Царствии Божием на земле — воплощалось ли оно в коммуитарной идее с призраком всеобщего счастья, куда нужно всех непонимающих загнать железным кнутом, в образе ли утонувшего Китеж-града, Шамбалы, сказочного ли Беловодья, пропитанного европейскими духовными ценностями: кружевные тру-

---

сики, сыр пармезан, таинственный хамон... Образ Европы в широко раскрытых голубых очах киевского хуторянина светится небывалым светом, как счастливая финальная стадия земных забот, как феерический приют всех сирых, после беспросветных веков монголокацапского ига.

Есть тип обидчивых людей — с отсутствием самоконтроля, неумением или нежеланием анализировать свои ощущения и мотивы своего поведения. Обидчивость, в сущности, черта неокрепшего детского характера, причиняющая много страданий в жизни взрослой. Страдания проистекают из того незыблемого ощущения, что если *я обижен*, то все передо мной виноваты и все мне должны — и с этим ничего нельзя поделать. А другие почему-то виноватыми себя перед тобой не чувствуют.

Многие, по-видимому, обратили внимание на то, что на окраине много — чрезвычайно много — таких обиженных. И какая же радость, когда находится верный и безотказный предмет для концентрации на нём обиженного чувства! Вот он: москаль, ватник, русский. Перебегая в окраинство, такой тип людей становится вырусью, ненавистником всего русского. Он, впрочем, мог и не перебегать, а продолжать жить рядом в России, жить и ненавидеть. Но перебегает, потому что страшится империи, того, что она вдруг затеет какой-нибудь очередной проект переустройства неба и земли, и тебе — хочешь, не хочешь — придётся в этом участвовать. И ненавидит Русский мир, как необъяснимую, тревожащую, фантомную боль, возобновляющуюся время от времени в согласии с непостижимыми циклами русской истории. И он выбирает садок вишнёвый, а не комариную глушь непредсказуемой империи, не духовную голодовку русского человека. И нехотя ввязывается в партикулярную брань против Ваньки, постепенно зверея от запаха крови.

Уже было дотошно расследовано, что нынешняя окраина складывалась как мозаичное образование с различными укладами и внутренними ценностями и идеями. Но в России — так же. И всегда находился принцип, по которому это многообразие держалось, как одно, — согласие. Кто-то уступает в малом, чтобы сохранить большое, не теряя при этом двух признаков, пока ещё склеивающих государство в монолит, — общность Закона и единого государственного русского языка.

Окраина же зародилась как государство-мрия, как мираж, а не как ещё одно русское государство, пускай даже озабоченное особой идеей возобновления «чистоты» изначального киевского русского типа человека. Единства, как планировалось, должно было достичь не на основе единого

русского языка, на котором на окраине почти все говорят и все его понимают, а малоходового сельского диалекта, что сразу поставило под вопрос будущее украинской мечты, поскольку это переводило отношения русских и вырussi в этническую, крайне взрывную область, исключаящую любое согласие. Можно сказать, братство Каина и Авеля здесь было поставлено на острую грань, за которой, вследствие невыносимости выставленных условий, должно было последовать убийство.

Оно и последовало отчасти по отысканной на интернет-форумах «формуле» нынешней партикулярной брани: «Вырussi — это те русские, которые убивают других русских, чтобы доказать всему миру, что они не русские и считая себя при этом более русскими, чем те русские, которых они убивают». Так вырussi ещё раз показала свою иудину изнанку, двойственность облика и образа мыслей.

В обвинение вырussi следовало бы выдвинуть несколько тезисов: святыни киевские поруганы; Киев из источника русскости превратился в оплот Иуды; государство, имевшее все надежды превратиться в ресурс Русского мира, стало его отрицанием.

Сведущие люди говорят, что на месте, где раньше стояло отхожее место, нельзя копать колодец лет двести — настолько прогажена почва. Окраина за двадцать лет прогадила почву с родными для русских источниками, и теперь предстоит эпоха очищения — деукраинизации и денацификации.

Окраина дважды вычленялась из состава империй после их очередного крушения — из Российской и Советской. В 1918 году постановлением безликого либерального Временного правительства из южных губерний России была образована особая область, и в 1991 году после страшного для советской империи августовского переворота окраина вышла из состава СССР, снабжённая большевиками в развитие меньшевистского постановления новыми краями и полуостровом Крым. Насильственная окраинизация малороссов при большевиках — наподобие той, что производили австрийцы над русинами в Галиции. И уходила окраина на периферию Русского мира, как бы давая понять, что не имеет с ним ничего общего. Этим движением она исключала себя из имперского проекта, и в этом, пожалуй, был видимый результат ее ухода — капитуляции или предательства общей истории.

Сам «проект» окраины есть отрицание русской империи, Русского мира, не зависящее по большому счёту от произволения властей, международных интриг и козней. Какой-то паразитный нарост на коре пятисотлетнего дуба.

Кому-то покажется, что вырвись пылает ненавистью к России и русским и жаждет их уничтожения. Нет, это она самоуничтожается. Русских же невозможно уничтожить. Они слишком вплетены в существо страны, внедрены в её плоть и кровь и составляют её тело и дух. Их присутствие в мире явственно и несомненно. Они оказывали на мир влияние и не единожды вершили его судьбы. Они сообразовали присутствие в мире со своими интересами и интуитивно нашли своим интересам и их воплощению в мире название Русского мира. Их государство несколько раз рушилось, но восставало под другими именами и с другими знамёнами. Но подлинный, неявный их идеал — Святая Русь как живой образ гармонии земного бытия с небесной волей.

История же окраины пропитана запахом мертвечины. Он отравляет всё живое и превращает в мертвечину настоящее.

Но третьего-то раза не будет...

Грёзы о новой окраине

«Это тебе дорого обойдётся!» — говорили Ваньке про Крым. Ванька предчувствует, что когда заговорили о дороговизне — значит, скоро придут грабить. Почешет он затылок и даже попереживает о том, что кого-то ненароком ущемил своим существованием. Это ощущение вины, воплощённое в образ мыслей и манеру поведения, разваливает хитроумные планы по нанесению нашей стране максимально неприемлемого ущерба. А Ванька в конце концов сядет и всё посчитает. Счёту-то и грамоте обучен.

И выяснится, что это не он всем должен, а ему должны. Будь сосед добрый в должниках или там дальний родственник покаялся и запросил отсрочки — Ванька показал бы кулак из-под полы, да и простил. Однако если грозят карами и страшат напраслиной, он начинает черстветь. И как приметил глазастый немецкий Бисмарк — Ванька всегда придёт за своим. Имеются в виду не только деньги. А когда Ванька пойдёт, наступит для них нечто страшное. Потому что никто не готов платить.

Не готовы платить те русские, кто переметнулся к галициям и повторяют, как попки, бандеровскую кричалку «Слава окраине!». Кто посчитал славное имя русского предосудительным и записался в тупиковое русское ответвление окраинства, предавая тем самым и судьбу и историю. Окраинская интеллигентская ботва, поддержавшая переворот на майдане, — это не народ, а толпа. Толпа руководствуется инстинктом стаи.

«У нас всегда народ был сильнее власти», — сказано было в Киеве с нескрываемой гордостью. Что подтверждает и мысль о том, что у малоросса нет государственного инстинкта, и он вместо страны будет стремиться устроить курень с чадающим майданом. Насилие толпы страшнее насилия власти тем, что не имеет высшей санкции и перерождается в произвол. И чем тут гордиться?

Зато презрение к власти, к любой социальной системности, упорядоченной законами, почему-то уживается с преклонением перед комбатами, ватаманами, батьками — перед гуляй-ветром. Логика как раз воровская, стадная. Потом доходит: да им государство и не нужно. Собственно, окраина как упорядоченное образование до последнего времени существовало усилиями тех русских на окраине, кто продолжал считать себя защищённым именно системами строгого административного управления, а не анархистской вольницей.

...Полыхают споры о том, какой должна стать новая окраина. О старой, прежней, не спорят. Старой — с Крымом и Донбассом — уже никогда не будет. Однако образы новой зудят, требуют внимания. И странным образом в этих образах опять проступают прежние очертания.

Что, дескать, украинцы — отдельный народ, обладающий собственной, отличной от русской, культурой. И что они не готовы растворяться в Русском мире. А, следовательно, новая окраина должна собираться на принципах автономии от России. Мол: мы по-прежнему братья, но так далеко разошедшиеся в истории и пространстве, что вспоминать об этом приходится всё реже. Дескать, один раз не удалось такой народ создать — давайте ещё раз «попробуем». Значит, опять будет «братский народ», потом «окраина — не Россия», затем «москаляку на гияляку» и — по старому кругу.

И приходит на ум в этой связи мина на растяжке. Тоненький проводок, едва видимый в траве, означает границу: чтобы пройти дальше, нужно обезвредить мину, или подорвать её с безопасного расстояния. Либо осторожно перешагнуть проводок. Но тогда мина остаётся за спиной.

Это значит, что при видимой склонности к отказу от кельто-галичанского помрачения, у украинца остаётся в душе тот же хутор. И до тех пор, пока украинец будет настаивать на своей величине в сравнении с русским и на своей независимости — остаётся и возможность нацистского рецидива, перетекающего в затяжную квазигосударственную форму. Окраинство отныне уже не под подозрением, а под печатью.

Гудошники окраинства и светоносные лыцари незалежности уже проиграли. С того самого момента, когда решили

ликвидировать русский язык и насадить мову. Язык — это народ. Русский язык объединяет всех, им владеющих, называют ли они себя татарами или тунгусами. Мова же не язык, а южнорусский деревенский диалект языка, и те, кто величают мову языком, подсознательно ощущают себя частью большего целого.

Хуторяне и есть хуторяне, что в Курской области, что в Полтавской. И там и там пытаются закрепить свои деревенские наречия. Говорят, в Банищанском околотке Львовского уезда Курской губернии возникла народная секта саянов — со своими узорами на вышиванках и особым говорком. С двадцати километров их почти не понимали. А дать им волю и присвоить говорку статус государственно-международного языка — кого-нибудь да насмешили б... Но на окраине это и произошло.

Мова явилась на окраине как инструмент раздора, а не собирания. Сельский диалект, нагруженный «статусом» государственного языка, не справляется и не может справиться с необходимой ролью — описанием *полноты* мира, даже если проводить на мове поэтические фестивали и посвящать ей лингвистические конференции. Её приходится «пересочинять» и уродовать, посредством чего она превращается в неудобоваримый сленг, мало понятный самим селякам. Словакам, перешедшим на латиницу, потребовалась сотня лет, чтобы пересочинить язык, отличный от чешского диалекта, а потом созреть для предложения чехам разъединиться политически.

Политическая нация на основе окраинского сельского диалекта без потери высокой культуры сложиться не может. Она и не сложилась. Но не это навязывание заведомо проигрышной позиции обукраинивания — лишить русских их языка и культуры — было целью нацистов. Лучше всего это объяснил в давнем интервью сын гауптмана Шухевича, ныне почётный депутат украинской Рады, Юрий Шухевич. На вопрос журналиста: зачем-де замещать русский язык мовой, когда на нём говорит подавляющее большинство граждан окраины, Шухевич ответил ему, как глухому: «А чтоб русские знали своё место!»

Вот реплики с тягнибовковских форумов. Собираются на форумах всякие, но центральная жила постепенно проступает в мутном потоке глаголений: «Москали оккупанты, русский язык — оккупантский. Русская речь должна исчезнуть из окраины, уйти в небытие. В окраине автохтоны только украинцы. Украинцы должны вернуться к украинскому языку и украинизировать неукраинцев. «Україна — по-над усе!» (калька с лозунга нацистской Германии: «Германия превы-

---

ше всего!»), «Слава Украине! Хероям слава!» В этой логике становится понятно, что на окраине все, кто сопротивляется выриси и бандеровской идеологии, — русские. Они испокон веков оккупировали украинские земли, вторгаются с территории сопредельного врага и воюют на Донбассе целыми батальонами и армиями. Что ещё раз подтверждает и диагноз мучительной украинской шизофрении.

В такой войне победить невозможно, но капитулировать нельзя. Нацизм неспособен к диалогу — это монологичная доктрина, и добровольно он не капитулирует. Нацист говорит «ватнику»: либо будет по-моему, либо ты умрёшь; не хотите обокраиниться — уничтожим. А «по-моему» значит: я господин, а ты «ватник», ты раб, ты недочеловек. *«Так, как ночь восстает против дня, как свет и тьма находятся в вечной вражде — так и недочеловек является величайшим врагом человека, господствующего в мире. Недочеловек — это биологическое существо, созданное природой, имеющее руки, ноги, подобие мозга, с глазами и ртом. Тем не менее, это ужасное существо является человеком лишь частично. Оно носит черты лица подобные человеческим — однако духовно и психологически недочеловек стоит ниже, чем любое животное. Внутри этого существа — хаос диких, необузданных страстей: безымянная потребность разрушать, самые примитивные желания и неприкрытая подлость. Недочеловек — и ничего более!»* Это слова Генриха Гимmlера, рейхсфюрера СС, произнесённые им в 1935 г. Но Тягнибок и Ярош под ними подпишутся. И добавят вдогонку: поклонитесь нашему хуторянскому наречию, нашим бандеровским идолам, нашей правде и забудьте свой язык, свою правду, своих героев и предков, их борьбу и идеалы.

Не случайно до сих пор на украинских сайтах сетования, что не успели-де окраинизировать русских в Крыму и на Юго-Востоке. Если бы это произошло, возможно, русские не замутили бы воду на окраине и не вздумали бы *возвращаться*, обретая себя в состоянии более сложном — русском, а не в депрессивно-украинском.

И в этом их правда. Окраинизировали бы, опустили высокую культуру до уровня своей, окраинной, обратили бы полуспящих городских русских в невнятных хуторян, обкатали бы их, как хлебные мякиши, — никто б и не трепыхнулся. Тем более, что согласных к упрощению на окраине избыток — вся вырись.

А русские почему-то проснулись и стали задумываться. И не согласились массово мутировать, менять высокое на низкое.

И здесь проступил абрис эпической трагедии. Почему-то в полный голос у нас не говорят о подлинной угрозе, вставшей со стороны окраины перед Русским миром. Угрозе *ментцида* — духовного убийства. Она и есть главная, настоящая причина партикулярной брани. Даже не католичество, извод христианства от отцов и учителей Церкви, исповедано на окраине, а ложное христианство, на которое не было и не будет соборного согласия. Разделение хуже ереси. А ещё — буйно расцветшее сектантство, шабаши колдунов, откол обокраиненных православных...

«Нужно разработать закон про первооснову люстрации. Написано, что сначала душа, а потом тело... Так вот, сегодня мы приняли закон про тело. Но душа — идеология московского патриархата — ещё остается!» — заявил глава униатской церкви окраины на слушаньях по закону о люстрации в Раде.

Они подбирались к самой нашей душе...

И вот кровь зашипела на полу, возмутилось русское сердце и началась война.

Вся галицийско-бандеровская пассионарность оказалась горелым порохом. Галицай-бандеровец не воин — он каратель. Так сложилось. И воевать против Русского мира в открытом бою не будет. Сбежит на заработки в Румынию или Польшу (или в ту же Россию), а вместо себя поставит под ружьё вирус.

Вот и военнообязанный Тарас Шевченко зачислен в каратели и воюет рядом с портретом Бандеры. Из шевченковского литературного наследства, как из творчества любого поэта, были извлечены ноты ненависти и теперь используются, как патриотические «кричалки». Остаётся гадать, добровольно ли пошёл Тарас на войну, или его накрыли в мобилизационной облаве. Неизвестно, подносила ли снаряды карателям Леся Окраинка, а то, может, служила санитаркой в лазарете. Да и другие особы украинской культуры попали под подозрение.

Ещё сто лет назад князь Н.С. Трубецкой заметил одну особенность политического окраинства в его культурной «проекции»: «Они постараются запретить окраинцам знание русского литературного языка, чтение русских книг, знакомство с русской культурой. Но и этого окажется недостаточно: придётся ещё внушить всему населению окраины острую и пламенную ненависть ко всему русскому и постоянно поддерживать эту ненависть всеми средствами школы, печати, литературы, искусства, хотя бы ценой лжи, клеветы, отказа от собственного исторического прошлого и поправления собственных нацио-

---

нальных святынь. Ибо, если украинцы не будут ненавидеть всё русское, то всегда останется возможность оптирования в пользу русской культуры. Однако нетрудно понять, что украинская культура, создаваемая в только что описанной обстановке, будет из рук вон плоха. Она окажется не самоцелью, а лишь орудием политики, и притом плохой, злобно-шовинистической и задорно-крикливой политики. И главными двигателями этой культуры будут не настоящие творцы культурных ценностей, а маниакальные фанатики, политиканы, загипнотизированные навязчивыми идеями. Поэтому в этой культуре всё — наука, литература, искусство, философия — не будет самоцелью, а будет тенденциозно».

Таким образом, денацификация окраины равна деокраинизации *впавшего в тенденциозность* малоросса. Об этом нужно говорить прямо, не скрывая боли за погубленный ненавистью «проект» особого нерусского народа, «проект», стоивший таких лишений и жертв.

Партикулярная брань на окраине Русского мира **была неизбежна**. По причине того, что большинство русских не согласилось бы на мутацию через предательство. Рано или поздно возник бы очаг сопротивления нацистскому памороку на окраине, а потом откристаллизовался бы фронт. Не обязательно очаг сперва возник бы в Славянске, и не обязательно сопротивление возглавил бы Стрелков. Но что это случилось бы — теперь нет сомнений.

Партикулярная брань на окраине была неизбежна вследствие *доктринальной неподвижности* нацизма. Весь советский период истории, а потом и «независимой» окраины, она исподволь шла к нынешнему её состоянию олигархической красно-коричневой демократии. Бандеровская «прививка» тенденциозным малороссам оказалась живучей и принесла плоды. Украинские главари неспособны измениться и отказаться от идей и представлений, которые вызвали к жизни собственно явление украинского нацизма и, по их суждениям, они должны победить несогласных только через насилие, а не через диалог с ними.

Украинский нацизм в партикулярной брани **победить не может**. Украинское языковое иго, как пример мучительной шизофрении, когда все говорят по-русски и все понимают русский язык, но изуверски внедряют украинское наречие в качестве международно-государственного языка, отрицает всякое воображение. Изобрести внешнего врага и отвести в его сторону разрушительные энергии уже не удалось. А Русский мир опознал в последних событиях внутреннюю беду, которую должен побороть собственными силами. И время работает на него.

На окраине **самоуничтожается** и наше внутреннее зло «всеотзывчивости» по-Достоевски, безоглядно добродушного интернационализма по-советски; зло, имеющее теперь ясно осознаваемую обратную сторону — **равнодушие** в косной форме европейской толерантности. Интернациональный Советский Союз и его «многонациональный народ» — проект вавилонского царства — окончательно оформил такое явление, как окраинство. Подкормил его, нарастил ему мускулы своей политикой — газовыми дотациями и торговыми преференциями, поддержкой любого, враждебного Русскому миру направления в общественной ли, национальной жизни под видом «развития самобытности». Важный урок, который не все мы осознаём в полной мере. Пора трезвиться.

Многое стало ясно, но многое ещё видится гадательно, как сквозь закопчённое стёклышко. Истина всегда в поругании, но православный Киев спасётся. Ещё не пал чёрный ангел на Крещатике, не провалилось в результате обрушения киевское метро на площади Незалежности, как предсказывали старцы, а на её месте не возникли опять озёра и козьи болота, однако скрытая духовная суть видимых событий начинает проступать явственней.

Все ли украинцы бандеровцы? Отнюдь. Но малороссы, как южная ветвь русского племени, принявшие на себя ложное звание украинцев, рано или поздно станут бандеровцами. Это — вырвань, Каиново племя, тупиковое ответвление Русского мира, явление русской духовной скорби. А значит, чтобы избежать в будущем новой партикулярной брани, окраинство должно быть переформатировано, как файловая система на жёстком компьютерном диске. Как это произойдёт на местах, сейчас неважно. Те на окраине, кто сохранил в душе стойкую русскость, найдут нужный способ.

Мову никто не будет запрещать. Украинское наречие вернётся, откуда и повелось, — на сельские территории, а в городах опять возродится в своём праве владычный русский язык. И это будет только началом пересборки, *перебирания* ложного человека, вируси.

Но третьего раза быть не должно...

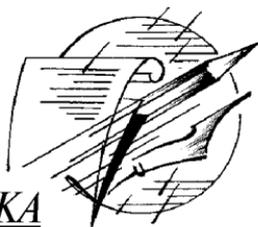
Одесситы знали прозорливого старца, отца Иону. Перед смертью, в 2012 году, он сказал: «...Как я умру, будет Пасха Кровавая, потом Голодная, потом Новороссийская, потом Царская». Гадали: что за Новороссийская? Теперь — что за Царская?..

ОНИ СТРОЯТ ЭЛЕКТРОННЫЙ МИР

Западные элиты строят электронный мир, в котором нет места государству, национальному суверенитету и свободе личности. Цель — достижение абсолютной власти для избранных.

С 11 по 14 июня сего года в Австрийских Альпах в местечке Тельфс в отеле InterAlpen прошло 63-е ежегодное заседание Бильдербергского клуба. Особенностью этого заседания было то, что оно состоялось сразу после встречи лидеров «семёрки» (9—10 июня) и V съезда лидеров мировых и традиционных религий в Астане (7—8 июня). На разных уровнях представительства и под разными углами зрения рассматривалась одна и та же ключевая проблема — разработка механизмов глобального управления. Реальные же механизмы контроля обсуждались за закрытыми дверями — в Тельфсе.

В этом году Бильдербергский клуб принял особо жёсткие меры во избежание какой-либо утечки информации, перекрыв дороги, ведущие к отелю InterAlpen, военными контрольно-пропускными пунктами и установив вокруг места встречи новейшую

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

аппаратуру для блокирования мобильной связи, хотя в странах ЕС в соответствии с директивой Еврокомиссии от 1999 года использование такой техники является незаконным. Полиция заявила, что каждый, кто будет схвачен в периметре безопасности, должен будет заплатить штраф в 500 евро либо провести до двух недель в тюрьме.

В итоге никакой информации о Бильдербергской встрече, кроме списка участников и обсуждаемых тем, не поступило, но этот список мало что даёт, поскольку вопросы, которые действительно рассматриваются на таких встречах, никогда не становятся достоянием гласности.

И всё же, несмотря на закрытость Бильдербергского клуба, список присутствующих и обозначенные темы дают возможность определить главную тенденцию состоявшихся дискуссий. Среди 15 пунктов «официальной программы» были указаны: европейская стратегия, глобализация, Греция, Иран, Ближний Восток, НАТО, Россия, терроризм, Великобритания, США, выборы в США, угрозы применения химического оружия. Однако, судя по составу участников, главное внимание было уделено темам: «искусственный интеллект», «кибернетическая безопасность» и «текущие экономические проблемы».

Как всегда, во встрече участвовали и Генри Киссинджер, и генеральный секретарь НАТО, и главы ведущих банков и компаний. При этом обращает на себя внимание то, что только одна компания, а именно Google, была представлена тремя участниками: это президент Эрик Шмидт, вице-президент компании Демис Хассабис и член руководства Реджина Дуган.

Путь последней очень показателен, поскольку лишний раз даёт понять, насколько тесно компания Google связана с военно-промышленным комплексом США. С середины 2009-го по март 2012 г. Дуган возглавляла DARPA — Агентство передовых оборонных исследовательских проектов Пентагона, отвечающее за разработку и поддержку новейших технологий для использования в американских вооружённых силах. Теперь она возглавляет «специальные проекты» в принадлежащей Google компании Motorola Mobility.

Реджина Дуган известна как последовательный сторонник создания системы тотальной слежки. Среди наиболее активно продвигаемых ею проектов — электронное татуирование в виде пластыря, представляющего собой напечатанную электрическую схему с антенной и парой сенсоров, которая может выступать как часть механизма биометрической идентификации. Такую татуировку Дуган носит на сво-

---

ей руке, а разработана она была компанией MC10, являющейся партнёром Motorola Mobility.

Другой разработанный под началом Дуган метод биометрической идентификации личности — микрочип, содержащийся в электронной «таблетке», которая, попадая в организм, начинает транслировать 18-битный радиосигнал, похожий на электроэнцефалограмму. Она срабатывает как ключ при прикосновении к телефону или компьютеру.

Эти «таблетки» уже сертифицированы американским Управлением по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (FDA) и производятся калифорнийской компанией Proteus. Разработчики утверждают, что человек может безболезненно принимать до 30 таких таблеток в день до конца своей жизни.

Подобные разработки — одно из основных направлений работы DARPA, которое занимается не только микросистемными и стратегическими технологиями (системы связи, средства защиты информационных сетей, радиоэлектронной борьбы, устойчивость систем к кибератакам), но и биологическими: исследования в области инженерной биологии, включая генную инженерию и прикладные аспекты нейронаук.

Агентство, в свою очередь, работает в тесной связи с компанией Google, которая наряду с NASA продвигает в жизнь трансгуманистические форсайт-проекты, разрабатываемые в Университете Сингулярности, расположенном в Кремниевой долине в Исследовательском центре NASA.

Эти исследования направлены в первую очередь на создание технологий управления человеческим разумом и создание искусственного интеллекта.

Напомним, что глава Google Эрик Шмидт никогда не скрывал своего стремления к тотальному электронному контролю, заявляя, что частная жизнь является реликтом прошлого и что он планирует превратить Google в настоящего «Большого Брата».

Так что присутствие представительной делегации этой компании в Тельфсе и обсуждение темы «искусственного интеллекта», а также «кибернетической безопасности» свидетельствует и о значительном продвижении в области создания «электронного правительства», и о том, что глобальная элита всерьёз принимает программу тотальной перестройки общества и человека на основе идеологии трансгуманизма, предполагая сделать это в достаточно короткие сроки, с резким ограничением, а в последующем и ликвидацией права на частную жизнь.

При этом Бильдербержцы перетолковывают само понятие частной жизни. Так, Мартин Вольф, когда ему указали на тайный характер их встреч, заявил, что это проявление «частной жизни», и считать, что «подобные встречи не могут проходить частным образом, означает «фундаментальным образом тоталитарную идею».

Уже Бильдербергская встреча позапрошлого 2013 года показала, что «клуб» вступил в период серьёзных трансформаций. Заключив фактически унию с компанией Google, Бильдерберг незаметно трансформировался в Гуглберг, переместив центр своего внимания в сферу ментальных войн и контроля за личностью.

Google является первопроходцем не только в сфере проникновения в глубины человеческого разума, компания уже планирует создание своих частных городов.

Об этом открыто заявил другой её руководитель Ларри Пейдж, собирающийся основать автономные от национальных правительств зоны, которые смогут экспериментировать с правилами социального общежития. Эти проекты обещают превратиться в новый инструмент изменения мира — корпоративное администрирование-управление, обеспечивающее тоталитарный порядок и тотальную слежку.

Речь идёт, в первую очередь, о развивающихся странах, в которых, как указывает руководство Google, у власти стоят «хищные» правительства, не позволяющие своим гражданам делать бизнес и обрекающие их на бедность. Google же обещает обеспечить бедным народам и право собственности, и верховенство закона, но для этого правительства должны добровольно отказаться от своей власти. Так, в Гондурасе уже принят закон, разрешающий создание автономных зон, которые могут отказаться от централизованного гражданского и коммерческого права и импортировать себе правовую систему по своему выбору. Такие же зоны собираются создать - Сальвадор и Коста-Рика.

Однако главный инструмент тотального электронного контроля — это электронные деньги.

На протяжении последнего года в банковских кругах уже открыто обсуждают идею резкого ограничения и даже полной отмены наличных денег. В 2014 г. Кеннет Рогофф из Гарвардского университета призвал к отмене физической валюты, чтобы остановить «уклонение от уплаты налогов и незаконную деятельность», а также помешать людям снимать свои деньги и закрывать счета в банках, когда процентные ставки близки к нулю. Как говорит бывший эко-

---

номист Банка Англии Джим Ливс, безналичное общество может быть достигнуто только путём «принуждения всех использовать исключительно электронные средства, которые размещены на зарегистрированных в государственном банке счетах, отслеживаемых и даже напрямую контролируемых государством». А совсем недавно главный экономист Виллем Буйтер высказался за полную отмену наличных денег в целях «решения проблемы мировых центральных банков, связанной с отрицательными процентными ставками».

Как отмечают эксперты, учитывая состав участников и то, что одной из тем состоявшейся Бильдербергской встречи были «текущие экономические проблемы», вероятно, в центре внимания стоял именно вопрос о наличных деньгах. Естественно, никто не напишет о том, какие решения здесь были приняты. Насколько конфиденциально обсуждаются такие вопросы, показал экономист Мартин Армстронг, ставший единственным, кто написал о секретном совещании представителей ЕЦБ, ФРС, центральных банков Швейцарии и Дании, состоявшемся в конце мая сего года в Лондоне. Он смог установить, что те же Кеннет Рогофф и Виллем Буйтер готовятся выступить перед центральными банками в защиту идеи ликвидации всех наличных денег, «чтобы не было возможности покупать или продавать что-либо без разрешения правительства».

Пока находящиеся на содержании у глобальной элиты боевики и политики ввергают в хаос гражданской войны не просто отдельные страны, а целые регионы, пока человечество мобилизует на борьбу против вирусов и эпидемий, изобретенных службой той же элиты, шаг за шагом выстраивается единая система «электронных правительств», основанная на общей электронной базе данных о гражданах всего мира.

Каждому гражданину должен быть присвоен единый несменяемый идентификатор личности — личный номер единого международного стандарта.

Введение единого уникального идентификатора личности позволяет создать единую распределительную базу данных, где в режиме реального времени будет собираться, храниться и автоматически анализироваться информация о различных сферах жизни человека, включая самые конфиденциальные. Жизнь человека должна стать абсолютно прозрачной для управляющих структур.

Личный номер должен быть включён в универсальную электронную карту, которая будет содержать всю информа-

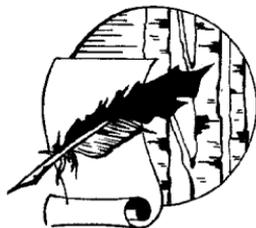

цию о человеке в электронном виде и выполнять функции мультидокумента: паспорта, водительских прав, пенсионного, страхового, медицинского полисов, платёжного средства, проездного документа и пр.

Электронная карта станет ключом ко всем данным, а с внедрением в человека микрочипов он будет уже под непосредственным контролем глобальных управляющих.

Так что банки, спецслужбы, Пентагон, Google работают в тесной связке. Они строят электронный ГУЛАГ, в котором нет места ни государству, ни национальному суверенитету, ни свободе личности.

Всё, с чем они имеют дело, является для них лишь средством достижения главной цели — абсолютной власти.

Алла ЛИНЁВА

ПО НЕБЕСНЫМ ПРОТОКАМ

***

Дождь стучит монотонно и глухо
По тугим виноградным листьям.
Я проснулась от этого звука
И тихонько спросила: Кто там?..
Я заснула вчера ещё с вечера,
Утомившись до пасмурной тьмы,
Снились мне долгожданные встречи
С дорогими родными людьми.
Все весёлыми были, как дети мы.
Без забот, без хлопот, без беды...
Я спросила: Кто там? Мне ответили
Шумом ветра и всплеском воды...

БАБУШКЕ ПЕЛАГЕЕ

Урюмые тучи баюкают солнце,
И в комнате нашей играют лучи...
А бабушка Поля не смотрит в оконце,
А бабушка Поля о чём-то молчит.
И люлька моя, как бесстрашная лодка,
Качается плавно в воздушных волнах,
По мягким, небесным, лазурным протокам
Несёт меня бабушка в ласковых снах.
И скрипнет ли досочка под половицей,
И шумно ль вздохнёт сонный ветер в трубе...
Всё кажется мне, словно райские птицы,
И ангелы пели в той старой избе.

---

* * *

Как долго здесь я не бродила,
По этим тропкам золотым...
Здесь веет осени кадило
На тонколистые шатры,
И золотые сыплет листья,
И устилает ими всё:
Обиды, горести и лица
Тех, кто ушёл из этих сёл.
Тех, кто уже не возвратится,
Кто отшумел, отцвёл, утих...
И тех, кто может мне явиться
Лишь в поминаниях моих...
Как долго здесь я не бродила,
А где была — там не найти...
Лишь ветер, радостный задира,
Один встречает на пути...

* * *

О чём ты воешь, ветер ночной?..

Ф.И. Тютчев

О чём ты плачешь, дождь ночной?
О чём теперь твои тревоги?..
С тобой во тьме лишь ветер волглый,
Да я гадаю за стеной:
О чём шумишь, о чём рыдаешь,
И чем могу тебе помочь?..
Деревьям косы заплетаешь
И расплетаешь их всю ночь...
Они, смиренные, не ропщут
И терпеливо сносят гнев,
Но вся берёзовая роща,
Как в лихорадочном огне...

РОДИНЕ

Я очарована тобой,
Твоими далями родными,
Здесь плещет ветер голубой
И утопает в сизом дыме.
Здесь убегают в высь поля
И дремлют древние равнины.

Необозрима здесь земля,
И небеса необозримы...
Я очарована в пути,
И сердце вырваться готово...
И с неба просится сойти
На землю радостное слово!

ОСЕНЬ

В багрянец время выкрасило лес.
Стоит наряден, как на именинах.
С весёлым кузовком наперевес
Шагает осень, отдохнув в долинах.
Косынка растрепалась на ветру,
Коричневые косы распушились.
Глядишь, ещё поспеет поутру
С подарками — встречай же, лес, гостинец!
Берёзе — золотистый гребенёк,
Рябине — бусы, тополю — монетки! —
Звени, звени с задором, паренёк,
Пока тепло и цепки твои ветки...

* * *

Ещё туман дремал в ложбине,
Стелился в доле голубом,
И ночь бродила в сизом дыме:
Из дома ль шла, искала ль дом?..
Не позовёшь и не окликнешь.
Не повернёт и головы...
Как оглушительно затишье
Опавших листьев, птиц, травы!..

* * *

Сгущается сумрак в осеннем лесу.
Тяжёлую ношу я в сердце несу.
Луна из-за тучи тревожно глядит,
И листик кленовый в ладони летит.
И дом мой ещё далеко-далеко.
И страшно идти, и не встретит никто.
Ты только, пожалуйста, сердце, крепись,
Ведь ноша твоя называется — жизнь.

---

* * *

Холодная ясная осень.
Прозрачные светлые дни.
Рябины тяжёлые гроздья
На ветках остались одни.
Ещё и мороза не знают,
И серых дождей ещё нет...
Сияют, сияют, сияют
Весёлому путнику вслед.

* * *

Уже недолго до зимы,
Уже пылают листья клёна...
Зачем же повстречались мы —
Любовь ли это, иль влюблённость?..
И я спрошу тебя: «Ответь!»
И ты ответишь без запинки...
Горит рябиновая ветвь
И доцветают сентябринки...

* * *

Дожди и грозы, грозы и дожди.
И молнии, летящие, как стрелы.
И знаю я: путь в жизни лишь один,
И не одна душа на нём сгорела.
Но выйдет срок бессилью и дождю,
Воспрянет дух, угомонятся грозы,
И встану я, и, выпрямясь, пойду
Туда, где вновь цветут жасмин и розы.

* * *

Последние яркие дни,
Вечернего неба забвение...
Берёз золотые огни
На тоненьких ветках осенних.
Души и раздолье, и боль,
И радость за всё, что случилось,
За Богом дарённую милость
И этот нежданный покой.
За всё, что осталось в тени
Весёлого звонкого лета...

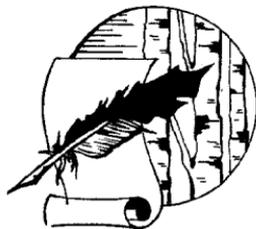
Последние яркие дни,
Грядущих морозов приметы.

* * *

Упрямый разум сердцу говорит:
Былого нет, к былому нет возврата...
О, Господи, но как оно горит,
Немеркнувшее золото заката!
Небесных красок сочен колорит,
И сизый дым сгущается, недвижим,
И сердце тихо разуму твердит:
Былое есть, оно всё ближе, ближе...

* * *

Не надо слёз: всё выплакать и жить.
Дышать и пить настойку из полыни...
Уйти в поля, где васильки во ржи,
Когда тоска по прошлому нахлынет.
У ручейка игривого присесть
И наблюдать природы скоротечность,
И слушать сердца радостную весть,
Что в нём одном мгновение и вечность...

Николай КОНОВСКОЙ

ПОД ПЕРЕКРЁСТНЫМ ОГНЁМ

В НОЧИ

Отраднo в дремлющей глуши
Взирать на звёздный блеск нетленный...
Хоть нет с тобою ни души,
Но есть — величие Вселенной.

Гляди: рождённый в высоте,
Проникший из-за тёмной тучи,
Свет горний — в медленной воде
Переливается певуче.

Вверх, вниз — куда ни кинешь взгляд —
Таинственны и невесомы,
Во Славу вышнюю горят
Светил бесчисленные сонмы...

О, кронами шумящий бор!
Дух звёздной вечности мгновенной,
Излившейся на мой затвор,
Затерянный в ночной Вселенной!

ДОНБАСС

Свинцом крещённый и огнём,
Смирен пред ликом Спаса,
Взрыхлён и вздыблен чернозём
Российского Донбасса.

Чернеют зимние снега,
И по снегам — нечисты
Следы бежавшего врага,
Насильника-фашиста.

И долго ли полкам стоять
В надежде наступленья,
Там, где земли любая пядь
Взывает об отмщенье?

Где тысячи померкших глаз
Глядят из тьмы бездонной
И требуют: отдай приказ,
Медлительный Верховный!

В объятьях огненной пурги,
Не дрогнувши ни разу, —
Стоят суровые полки
И тщетно ждут приказа.

ИЗ ОКРУЖЕНИЯ!

В шаге от поражения,
Даже оставшись вдвоём,
Вырвемся из окруженья
Под перекрёстным огнём...

Небо предстанет пред взором,
Солнце бессмертное, — и
Русским промозглым простором
Раны залижем свои.

ВИНА

Грозой потянуло по листьям, земле.
Всхлип слабый, почти бестелесный.
Предчувствие, — будто в сгустившейся мгле
Столкнулись незримые бездны.
Взирающий, вечность вбирающий ток —
Крушение иль дуновенье?..
Близ смертного края, за всё и ничто
У мира прошу я прощенья.

НАДПИСИ

Как будто предосенним светом
Пронзён, — сижусь смирен и тих.
О, книги умерших поэтов,
С простыми надписями их.

Над пожелтевшими листьями
Склоняюсь, чувствуя вину.
Забывших временем — достану,
Вновь бережно их разогну.

И вот из царства-государства,
Живым где лишь себе кажусь,
Вне времени и вне пространства
Безжалостного — окажусь.

Витаю или обретаю
Мысль, неподвластную уму?..
К стопам бесплотным припадаю,
Невидимую руку жму...

КРУГ

...Лето, казалось, — а вот уже осень грядёт,
Холод бы вроде, — а это дыханье сирени.
Странствуем в вечности, втянуты в водоворот
Непостижимых земному уму превращений.

Долго ли, коротко — станем, как тающий прах
Воспоминания, — так это было издревле;
Светом рассеемся, но на могильных холмах
Вымахнут в небо, из нас прорастая, деревья.

...Скажешь, прислушавшись: вещая птица поёт
В кронах раскидистых, в шума и света сплетенье.
Пеньё — подумаешь, брат мой, — а это моё
Дню проходящему вечное благословенье.

* * *

На склоне августовских дней,
Прикосновений неуместных —
Сверкнуло в памяти моей:
«Не надо вглядываться в бездну...»
Идётся, таинственно лучась,
Возникшая из ниоткуда.
«...Ибо она в тебя тотчас
Ответно вглядываться будет».
О женщина, подобье сот,
Столь чувственных и бестелесных,
Провалы огненных высот,
Высоты ледящей бездны!

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

МЕЧТА

Юра влюбился заочно. Влюбился в голос. Кто-то привез из города кассету, Юра послушал, и сердце его сладко заныло. Чистый высокий девичий голос пел песенки на незнакомом языке и Юре представлялись нездешние, обязательно южные, обязательно солнечные и морские края.

Юра носил кассетник с собой повсюду. Пойдет на двор поросят кормить, кассетник на плечо и неведомая девушка превращает свиношек в каких-нибудь капибар; идет за дровами для печки, а вместо петуха попугай кричит с поленицы; печку растапливает, а в треске поленьев голоса южных цикад...

Юра очень хорошо представлял себе неведомую певицу: худенькая, с копной смоляных волос, тонкие руки и ноги, улыбка белозубая на загорелом лице. Маленькая, но голосистая!

Витя мечтал накопить денег и съездить за границу. У них в Березовке еще никто не был. Ну, из оставшихся; из тех-то, что уехали, и только навещают иногда своих стариков, уже многие ездили. Рассказа

ПРОЗА

зывают — заслушаешься. Теперь, говорят, за границу просто, не как при советской власти, были бы деньги. Если бы Юра уехал в свое время в город, может и он давно бы уж съездил куда-нибудь в Грецию или в Турцию... Да не случилось уехать-то, школу не закончил, вот и приходится теперь скотником в соседнем селе. Там хоть телевизоры работают, а тут в Березовке ни одна антенна не ловит...

Да ничего, Юра еще молодой, всего-то двадцать пять, может, еще и школу закончить удастся, в райцентре раньше вечерняя школа была, может, работает еще... Но сначала денег накопить и за границу съездить. Втайне Юра вдруг поверил, что может там встретить эту худенькую девушку с чистым высоким голосом. А там, вдруг.. Юра даже мотал головой и кричал на грязного хряка:

— Чо вылупился, я те поподслушиваю! Ишь, какой...

Конечно вряд ли, да и кто он такой... А все ж таки, отчего бы и не погрезить...

Но закончилось всё страшным разочарованием. Юра даже расхотел ехать за границу и поступать в вечернюю школу. Зачем?! Если всё так...

В общем, приехал погостить одноклассник, привез, как положено, бутылочку, да не одну. Юра на стол сальца метнул, картошечки, грибков собственноручно собранных и засоленных. Пили, вспоминали школьные проказы. Когда похорошело, Юра затянул:

— Джама-а-айка, Джамайка...

Приятель засмеялся:

— Надо же чего вспомнил, ностальжи...

Юра не понял, но спросил:

— Как ты думаешь, сколько ей лет?

— Кому ей?

— Ну, ей, которая Джамайку поёт?

— Да эту песню пацан пел когда-то, мальчик — Робертино Лоретти.

— Да нет, погоди! — Юра вскочил, снял с полки кассетник, включил, — вот, послушай!

— Ну да, — засмеялся одноклассник, — это мальчишка. То есть это он тогда, лет тридцать назад мальчишкой был, а сейчас уж мужик — старый и толстый, ресторан у него в Италии... А ты думал, баба поёт?

И тут Юра вдруг понял: голос действительно мальчишеский. Невыносимая печаль снизошла на его душу, и он налил себе полный стакан. И выпил. И еще налил...

А утром, когда проснулся с гудящей головой и тоской в душе, вытащил из магнитофона кассету, вышел на крыльцо,

---

размахнулся, зашвырнул кассету в бурьян за забором и пошел кормить свиней...

ПРЫЖОК

Витя Груздев был в душе авантюристом и романтиком. Он мечтал прыгнуть с парашютом и чтоб парашют не раскрылся, и он тогда дернет кольцо запасного, но запасной запутается в основном, но в последние секунды Витя мужественно пережмет стропорезом нужные стропы и парашют раскроется. И ужаснувшиеся чуть не случившейся трагедии зрители на аэродромном поле вздохнут с облегчением и встретят Витю, как героя. Особенно она...

Она с такой иронией поглядывала на него, на его мешковатую фигуру, очки с толстыми линзами, на неуклюжие движения, что он даже не решался заговорить о любви, не то чтобы предложить выйти за него замуж. А ведь в душе он был, он был... Эх, да что там...

Серым осенним днем Витя приехал с группой перворазников на аэродром, на него натянули рюкзак с упакованным парашютом, впереди прицепили на карабинах запасной; в который раз напомнили, за что нужно обязательно дернуть, а за что дергать ни при каких обстоятельствах нельзя. Старый кукурузник кряхтя разбежался по взлетной полосе, подпрыгнул и, одышливо гудя мотором, набрал высоту. В открытую дверь Витя увидел, как домики аэродрома превратились в спичечные коробки, дорога в ниточку, а широкая река в поблескивающую среди голых осенних квадратиков полей ленточку.

Это было волнующе-красиво, но когда загорелся красный фонарь и заверещал зуммер, Витя вздрогнул, а когда инструктор кивнул ему в направлении двери, под сердцем похолодело. Стоя на краю пропасти, Витя еще успел заполошно подумать «Господи, что же я делаю!», и осознал себя уже болтающимся под белым куполом, довольно быстро несущимся к земле.

Приземляясь, Витя сломал обе ноги. Одну в лодыжке, другую в голени. Помогая грузить его в «Скорую», инструктор причитал:

— Не могу понять! На ровном месте, буквально на ровном месте! Не могу понять...

Она пришла к нему в палату в тот же день. Принесла апельсины, бананы и сок. Сказала:

— А я и не знала, что ты парашютист.

Витя не стал говорить, что это был его первый прыжок. А через несколько дней как-то так получилось, что он сделал-таки ей предложение. Она минуту подумала и сказала:

— Только при условии, что бросишь парашютный спорт! Витя согласился. С радостью...

РАЗГОВОР

— Да как же, батюшка! Кругом одни сволочи, бандиты, новые русские — нахапали и жируют, где ж справедливость? Ведь невозможно же терпеть...

— Ты, сын мой, видно, из бывших коммунистов...

— Ну и что, батюшка, я этого не стыжусь, я искренне верил. В идеалы... В светлое будущее... Это ж нас партноменклатура продала, и Бога, конечно, запрещать не следовало... Но ведь сейчас еще хуже — беспросвет какой-то, зла не хватает!

— Вот в этом вся и беда — зла-то как раз хватает. Не хватает добра. Злым стал народ, а злиться — грех.

— Да как же не злиться-то...

— Никак не злиться! Не злиться и всё! Зло ведь не от несправедливости, а от гордыни. Божий мир нужно принимать таким, каким нам его подарил Создатель... Зло, сын мой, оно ведь не вовне, не снаружи, оно внутри человека гнездится и наружу просачивается.

— Но как же справедливость? Вот у меня последние пятьсот рублей и я их на храм отдаю, не жалея, правду говорю батюшка, не жалея! А вон тот, из «Мерседеса» полчаса стоял перед ларцом, пока свои сто долларов заставил себя отдать, а ведь у него этих зеленых — куры не клюют! Неужто мы перед Богом равны?!

— Перед Богом все равны. А ты просто суть христианскую еще не понял, сердцем не прочувствовал. Вот кто из вас действительно ближе к Богу? Ты думаешь, ты, оттого, что с легкостью последнее отдаешь?

— А как же?

— Да не так! Ты отдаешь без труда, без душевных волнений, не задумываясь... А тот, из «Мерседеса», он ведь боролся, он мучился. Ему бес стяжательства на ухо: «Не давай, не давай, не давай!» Да ему и жалко — сил нет, а он беса в своей душе победил — и дал!

— Да вы смеетесь, что ли, надо мной, батюшка?!

— А ты меня не слышишь, сын мой. Не желаешь понять. Он сейчас душу свою чуть-чуть к свету повернул, а для Бога

это огромная победа. Шажок вроде маленький, а там, глядишь, еще, да еще...

— Да он же эти сто долларов своровал, нас вами ограбил, а вы его хвалите! Да его расстрелять надо!

— И что, он от этого лучше станет? Нет, радость моя, не в справедливости дело, а в ненужной злобе, зло человека съедает...

— Да ведь, батюшка, и зла не будет, если справедливость...

— Ох, ладно, ладно, сын мой, иди пока, иди да подумай хорошенько, да не злись, не злись...

МАЛЬЧИК

Что это? Нужно проснуться, просто нужно проснуться. Какая невыносимая темнота. И тишина. Словно тебя закопали глубоко в землю. Как давит... Что это? Просто нужно проснуться и всё кончится...

...Они встретились на обычном месте. Со скамейки возле полуразрушенного дома и поваленного забора хорошо просматривались и глухой проулок, и редкие в последних осенних листьях заброшенные сады, и сквозь них — дальние улицы.

Бородатый был спокоен, но всё же время от времени вытягивал шею и, как гриф, которого мальчик видел по телевизору, быстро осматривался.

Короче, смотри, говорил он, приоткрыв довольно поношенную спортивную сумку, тут немного по-другому, чем в прошлые разы. Запоминай, вот провода. Вот это — клеммы. Короче, перед тем, как идти, вот этот провод с узелком присоединяешь к вот этой клемме, а вот этот, без узелка, вот к этой. Запомни. Запомнил?

Запомнил.

Теперь смотри. Бородатый вынул из-за пазухи карту, развернул, показал, — короче, вот этот перекресток узнаешь? Знаешь?

Знаю.

Тут у самой дороги, прямо на тротуаре упавшая опора бетонная. Ты приходишь рано утром. Вот тут за зданием, там люк приоткрытый, прячешь сумку, сам сидишь вот тут на втором этаже. Понял?

Понял-понял...

Короче, проходит инженерка, ты спускаешься, берёшь сумку, идёшь к опоре и сидишь. Сумку поставишь перед опо-

---

рой. Перед, понял? Не за. Короче, увидишь колонну, открываешь сумку, и вот этот верньер, вот эту ручку, видишь? Поворачиваешь на четыре щелчка по часовой стрелке. На четыре. По часовой. Запомнил?

На четыре, по часовой.

Так. И уходишь. Короче, вот за прошлый раз. Бородатый вытащил из-за пазухи завёрнутую в пластик пачку. Застегнул сумку, поднялся. Посиди минут пять и уходи. Сумку дома не держи.

Знаю.

Солнце силилось выбраться из руин, но пока лишь сумело подкрасить розовым восточный край Грозного. Мальчик вышел из дома и, слегка скособочившись под тяжестью сумки на остром плече, побрёл к знакомому перекрёстку. Ничего сложного в этом не было. Сумка, конечно, была тяжеловата, но и нести было недалеко.

Всё было как всегда. Бородатый всё понятно описал: вот перекрёсток, вот дом, вот люк приоткрытый. Мальчик просунул под крышку сумку и по засыпанной штукатуркой и осколками кирпича лестнице вбежал на второй этаж. В одной из комнат нашёл шаткую табуретку и сел у окна. Сначала услышал гул БМП, потом увидел, как машина медленно выползла из-за угла. Перед ней и за ней по обеим сторонам улицы шли сапёры. Один с собакой на длинном поводке. Собака суетливо рыскала по сторонам, иногда нетерпеливо дёргая поводок, подбегала к скамейкам, перевёрнутым урнам, брошенным автопокрышкам. Задержалась у остова сгоревшей легковушки и вдруг подняла морду на окна дома. Мальчик испуганно отпрянул, сердце его сильно забилось. Однако когда через минуту он осторожно выглянул наружу, инженерка уже миновала его дом, БМП чадя солярным дымом удалялась, а собака всё так же шныряла в развалинах. Мальчик глубоко вздохнул.

Когда гула и лязга гусениц БМП стало не слышно, мальчик спустился вниз. Теперь всё самое простое. Он выволок сумку из-под крышки люка, донёс её до поваленной опоры, сел на прохладный ещё бетон поставил сумку меж колен и чуть расстегнул молнию.

Солнце приподнялось над корявыми остовами многоэтажек, и из центра Грозного стали доноситься неясные звуки городской жизни. Мальчик задумался, потом начал задрёмывать и едва не прозевал появление колонны. Быстро распахнув сумку, он проверил, надёжно ли подсоединены про-

---

вода, двумя пальцами крепко взялся за верньер... И вдруг замер: по часовой это как? Вправо или влево? Он тут только сообразил, что у него никогда не было часов со стрелкой. Были дешёвые электронные, а потом и вообще не было, зачем, если есть мобильный? Он попробовал вспомнить настенные, которые висели у них дома до войны, но он был тогда маленьким, и вспоминался не циферблат со стрелками, а большой блестящий маятник, на который он мог замороженно смотреть часами.

Колонна приближалась. Вправо или влево? Он посмотрел на небо за развалинами — солнце всходило слева и, поднимаясь, уходило направо. Вправо. Сердце больно стукнуло, мальчик повернул ручку на четыре щелчка.

Что это? подумал мальчик. Темнота была такой плотной, а тишина такой громкой, что давило на глазные яблоки и барабанные перепонки. Что это? Мальчик ничего не мог понять. Он дома? Проспал?! Почему так темно? Так темно не бывает даже в самой тёмной комнате, так тихо не бывает даже в самую тихую ночь. Что это?

Нужно проснуться, подумал мальчик, нужно обязательно проснуться. Такие сны уже снились ему. Нужно оставить фугас и быстро уходить, а он не может, ноги не слушаются, секунды тают, приближается колонна, он уже различает лица солдат, один из них смотрит прямо на него и недобро усмехается. Нужно бежать! Но ноги налились свинцом и словно приковали его к горячей земле... Он просыпался в холодном поту. Сейчас нужно снова проснуться, нужно проснуться. Но темнота и тишина наваливались бесформенной массой и душили, и сознание таяло, таяло...

Что это? мальчик попробовал пошевелиться. Темнота была всё такой же непробиваемой. Но тишины не было. В ушах стоял гул, и сквозь этот гул он различал голоса, дребезжанье стекла, шаги. И ещё появился запах. Незнакомый... Что это?

Смотри-ка, кажется, очнулся. Мальчик насторожился. Кто это, хотел спросить, но не смог. Как думаешь, может ещё... Не надо, видишь, боли он пока не чувствует. Начнёт стонать — уколём. Да, блин, не повезло парнишке. Зато нашим повезло. Да, нашим повезло. И куда он теперь, без рук, без ног. Слепой. Знаешь, а мне плевать, куда он теперь без рук, без ног. Так-то оно так, а всё же... Сколько ему, лет двенадцать-тринадцать? А мне плевать, сколько ему. Сколько бы ни было. Так-то оно так, а всё же...

В голове мальчика стало чисто и ясно, исчез гул, он почувствовал своё тело. Он попробовал пошевелить руками и но-

---

гами, но не смог. Попробовал подать голос, но не смог. Ему показалось, что он заперт в собственном теле, как в глухой темнице, в мешке, в тесной пустоте. Он всё понял. Он хотел забиться, закричать, зарыдать во весь голос. Но не смог...

ВАСЁК

Васёк очень не любил пустыню. А за что её любить? Летом в Каракумах от жары звенит в ушах, мелкий противный песок лезет во все щели и скрипит на зубах, а от солнца в глазах разноцветные круги, не помогают даже солнечные очки. Но в Каракумах хорошо платили; за сезон можно было накалывать столько, сколько в родном поселке не заработаешь и за три года. Поэтому время от времени Васёк срывался из своих Вятских краев и вербовался в Ашхабаде в автоколонну. Гонять «КамАЗы» по транскаракумской трассе было тяжело, зато в родной городок Васёк возвращался королем, пахнущим дальними странами и большими деньгами...

Еще больше пустыни Васёк ненавидел её обитателей. Когда в самой первой командировке ему посоветовали утром, прежде чем одеться, вытряхивать одежду и обувь, он решил, что над ним смеются, как над любым салагой-новичком смеются везде, хоть в Чите, хоть в Астрахани, хоть в армии, хоть на лесозаготовках. Однако, увидев, как старые водилы, поднявшись с постели в дырявом сарае, называемом «Домом колхозника», встряхивают шмотки, неуверенно потряс штаны и сам. И из штанов выпала какая-то дрянь — паук не паук, скорпион не скорпион. Сколопендра, сказал почти безразлично напарник, а попервоначалу и добровольный наставник дядя Ваня, и, тряхнув собственные сапоги, вытряхнул на пол скорпиона...

Всех этих многоногих, иногда мохнатых, иногда хрустко жестких тварей Васёк боялся и ненавидел, давил при первой возможности и неодобрительно удивлялся, когда дядя Ваня говорил:

— Всякая тварь для чего-то Богом создана, к чему-то приспособлена. Вот змея. Не трогай её, и она тебя не тронет, а ейным ядом страшные болезни лечатся. Вот человеку и польза...

Насчет Бога Васёк с дядей Ваней не спорил — бесполезно; у него у самого матушка такая, всё, мол, сотворил Боженька, значит, всё для хорошего. А если кажется, что для плохого, то этого человеку не понять — скрытый промысел... Васёк же со школы помнил, что всё сотворил Дарвин, что животные де-

---

лятся на домашних и диких. Домашних надо употреблять в пользу, а диких по возможности истреблять. Тем более таких, как всяческие каракурты, скорпионы и гюрзы.

— Убить Божью тварь недолго, — говорил, бывало, за вечерним зеленым чаем, который Васёк приучился пить только здесь, дядя Ваня, — но зачем? Тебе от этого лучше станет?

— Станет, — упрямылся Васёк. — Одной гадиной меньше будет.

— Это зло, — убедительным голосом говорил старый напарник. — А зло всегда отдается злом...

В тот день они выехали из Куны-Ургенча ранним утром. Дядя Ваня дремал, а Васёк крутил баранку. Пустыня быстро наливалась жарой, и чтобы отвлечься, Васёк стал думать о своих родных холодных краях, где самая опасная гадина — безобидная гадюка. Он вспомнил, как в детстве с приятелями наткнулся на одну у лесной речки, и как они засекали ее ивовыми прутьями, а потом героями принесли домой. Девчонки во дворе визжали, мальчишки завидовали храбрости, а мать сильно отругала...

На обед они съели дыню и напились горячего чая из большого термоса. Пески вокруг пошли барханами, кое-где корявился саксаульник, солнце зависло в самом зените и над асфальтом плавало водяное марево.

И тут Васёк увидел гюрзу. Она, быстро извиваясь, скользила вдоль дороги, видимо, собираясь переползти через трассу, но всё никак не решалась коснуться раскаленного липкого асфальта.

— Ах, ты, гадина! — пробормотал Васёк и крутанул руль вбок. «КамАЗ» качнулся так, что дремавший дядя Ваня встрепенулся: что?!

Васёк остановил машину и открыл дверцу:

— Гюрзу задавил, пойду, посмотрю...

— Да куда ты, не ходи! — забеспокоился напарник.

Колесо переехало змею ровно посередине. Она извивалась и пыталась ползти, но, конечно, никуда уже уползти не могла. Васёк подошел к ней, и злорадная злость к змее вскипела в нём.

— Получила, сука, — Васёк пнул ее пыльным сапогом.

И тут гюрза извернулась и мгновенно клюнула Васёка в сапог. Сначала Васёк даже не понял, что зубы прошили грубый брезент и вонзились в лодыжку. А когда понял, в слепой ярости принялся топтать змею каблуками, при этом гюрза успела еще раз клюнуть его в сапог... Наконец, вся разбитая и разможенная, она вывернулась на спину, широко открыла пасть и застыла, слепыми глазами глядя куда-то в пустыню.

Васёк умер минут через двадцать в кабине бешено мчащегося «КамАЗа». О чём он думал в последнюю минуту своей жизни — неизвестно, поэтому я не буду врать, что якобы в предсмертном бреду ему привиделась та забытая ивовыми прутьями гадука из детства. Хотя в принципе этого исключить нельзя...

КУБА

Жарко. Очень жарко. Нет и семи утра, а уже нечем дышать! И чего его понесло на эту Кубу. Ну, пальмы, ну океан, ну Гавана... Сидел бы сейчас в тенёчке на бережку родного Черного моря, потягивал бы красное вино из холодильника... Василий Иванович шёл по песку, даже сквозь подошвы сандалий ощущая, как тот наливается жаром. Нет, потом, дома в компании за пивком забавно будет похвалиться, что вот, мол... Можно даже приврать, что самого Фиделя видел... Но эта жара! Василий Иванович оплывал потом и чувствовал себя скользким обмылком в горячей сауне.

На окраине посёлка было посвежее, с океана дул бриз и жара была не так тягостна. Ветерок трепал лохматые головы пальм, шелестели невысокие апельсиновые деревья, несильный прибой лизал длинный белый пляж. Позади остались и белые бунгало турцентра, и обшарпанные домишки обслуги; на самом краю посёлка, совсем недалеко от берега шелестела сухим пальмовым листом на пологой крыше старая деревянная хижина.

Увидев удобно гнутый океанскими ветрами ствол неведомого дерева, Василий Иванович присел на него передохнуть и невольно залюбовался. Океан блестел из края в край, над горизонтом стояли огромные башни облаков, далеко за хижинкой тянулась тёмно-зеленая гряда вычурных, словно слепленных по эскизам Сальвадора Дали, холмов Пинар-дель-Рио, да и сама хижина была тут так к месту, так хорошо вписывалась в пейзаж, что Василий Иванович забыл про жару, и всё смотрел, смотрел, не мог насмотреться. «Понимаю Хемингуэя», — пробормотал он про себя и устыдился, такой надуманной и ненужной показалась ему собственная мысль.

Неожиданно дверь домишки отворилась и на широкий, выбеленный солнцем и морским ветром порог вышли двое. Молодой темнокожий парень и темнокожая, но ближе к цвету кофе с молоком девушка. Хижина была такая дряхлая, что трудно было предположить, что она жилая, скорее уж для антуража, для туристов сохраненная тут, на берегу. Но двое,

---

похоже, здесь жили. Василия Ивановича они не видели, он же их видел очень ясно. Пара была хороша! Стройные, высокие, гибкие... Василий Иванович хотел встать и потихоньку уйти — и не смог. Прикипел взглядом. Парень в шортах и драной майке сел, улыбаясь, на крыльцо, опершись мускулистым плечом о столбик, поддерживающий навес, а девушка в просторном цветастом балахоне, смеясь, что-то говорила ему и ерошила кудрявую голову. Вдруг девушка скрылась в тёмном дверном проёме, потом появилась вновь и, протянув парню вынесенный флакон, сбросила балахон. У Василия Ивановича остановилось дыхание. Чёрт, как хороша! — стиснул он зубы. А парень, плеснув из флакона в ладони, принялся натирать девушке ноги, отчего те заблестели и залоснились. Он натирал молодое упругое тело, болтал что-то, блестя белыми зубами, а девушка весело смеялась, закидывая пышно-кудрявую голову.

Василий Иванович весь как-то отсырел изнутри, сердце сладко заныло, невыразимая грусть вперемежку с чем-то томительно-тянущим стала заполнять его большое грузное тело. Отчего-то вспомнилась жена, но не такой, которую он оставил час назад в бунгало спящей и во сне похрапывающей с открытым ртом, а молодой студенткой, смеющейся вот так же беспечно и легко с запрокидыванием головы.

Парень, в конце концов, шлёпнул девушку ниже спины, поднялся и, подобрав цветастый балахон, скрылся в темноте хижины. Девушка потянулась, крикнула ему что-то в дверной проем и, всё еще посмеиваясь, ушла за ним.

Василий Иванович медленно поднялся со ствола и побрёл к турцентру. Весь день он был так тих и задумчив, что жена забеспокоилась — не заболел ли? Но рассказать он ей ничего не мог. Разве такое расскажешь?

г. Саров Нижегородской обл.

Сергей ПОПОВ,
государственный советник РФ 2-го класса

РУССКИХ — В ПРАВОВОЕ ПОЛЕ РОССИИ!

Создание Федерального агентства по делам национальностей является подтверждением того, что национальный вопрос в России является серьезным фактором угроз стабильности государства и его целостности. Самая большая проблема — отсутствие правового статуса русского народа. Как следствие, российское казачество также оказывается вне правового поля Закона о репрессированных народах, принятого в 1992 году.

Более двадцати лет правящая и научная элиты находятся в поиске решения национального вопроса в России, отказывая в правовом статусе самому многочисленному русскому народу, несмотря на то, что он составляет 80% населения страны. Определение понятий «русский народ», «русские» в правовом или этническом аспектах является предметом острых дебатов не только в научном дискурсе, но и между различными течениями русских патриотических общественных движений и организаций.

Несмотря на концептуальное мировоззренческое расхождение научной и политических платформ евразийцев с либеральными апологетами формирования т.н. российской

РУССКИЙ ВОПРОС

идентичности (россиян), они смыкаются в отрицании наделения русского народа как отдельной этнической категории конституционным статусом. По этому признаку т.н. правильные котлы народов и этносов по американскому типу или современная трактовка формирования «имперского народа» России отличаются только по названию котлов и фамилиям «костровых».

Либеральный идеолог «российской идентичности», директор института этнологии и антропологии РАН академик В. Тишков в 2000 году писал: «...дебаты о «русскости» (вымирание, уникальность, величие) способствуют эмоциональной и политической солидарности некоторой части населения, которое считает себя русскими, но радикально раскалывает страну по основному этнокультурному разделу». Российскому академику не пристало 80% населения страны называть «некоторой частью». Полное отсутствие не только конституционного, но и любого правового статуса русского народа в России и, как следствие, любых федеральных государственных программ по его поддержке, позволяет закладывать неутешительные для русских прогнозы в государственных документах.

«Стратегия социально-экономического развития Северного Кавказа до 2025 года», инициатором которой стал эксполпред президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе А. Хлопонин содержит следующий пассаж: «...при всем разнообразии возможных сценариев развития этнодемографической и миграционной ситуации русские останутся в Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской республиках, а также в республике Северная Осетия-Алания весомой этнокультурной компонентой вплоть до 2025—2030 годов...»

То есть речь о русских как о реальном модернизационном и управленческом ресурсе в национальных республиках уже не идет. Также кавказская «Стратегия...» России фактически не предполагает в перспективе наличия русского населения на территориях Ингушской и Чеченской республик, а также в Республике Дагестан даже в качестве «этнокультурной компоненты». Государственные мужи не ведают, что творят.

В последние годы численность русского населения сократилась в Чеченской республике на 230 тыс. чел., а его доля в общей численности населения республики с 23 до 1,5%, в республике Ингушетия до 1%, в республике Дагестан на 45 тыс. чел. (с 9 до 4,7%), в Карачаево-Черкесской республике на 22 тыс. чел. (с 58 до 44%), в республике Северная Осетия-Алания на 24 тыс. чел. (с 29 до 23%), в Кабардино-Балкарской республике на 14 тыс. чел. (с 32 до 23%), в республике Адыгея на 4,4 тысячи (с 68 до 64%).

Процесс дерусификации других республик региона (Адыгея, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия-Алания) происходит с разной интенсивностью, но обусловлен рядом общих факторов, таких, как:

— формирование этнократических режимов, при которых этническая принадлежность к титульной национальности становится важнейшим условием карьерного роста;

— этноклановые преференции при назначении на руководящие посты;

— скрытый национализм элит, поддерживающих научные направления, формирующие исторический образ русского человека как «колонизатора»;

— карьерная бесперспективность русского населения в связи с исчезновением основной сферы приложения его труда — высокотехнологического производства;

— сокращение профессиональных ниш предпринимательской активности для русского населения в связи с активной этноклановой конкуренцией;

— кризисные явления в экономике и увеличение количества безработного населения с низкими доходами на фоне усиливающейся тенденции к росту неформального сектора, в котором нет места русскому населению;

— отсутствие этноклановой защиты при криминальных проявлениях по отношению к русским;

— интенсивное переселение титульного населения и изменение демографического и этнического состава населения в традиционных «русских районах» республик;

— этнизация образования и, как следствие, сокращение занятости русских в сфере образования;

— недоступность для русской молодежи качественного высшего и профессионального образования, соответствующего ее карьерным устремлениям;

— постепенное расширение ареала нестабильности в регионе, вовлечение в него территорий, ранее считавшихся стабильными в этнополитическом отношении (Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская республики, Ставропольский край);

— депрессивное социальное самочувствие и фрустрация русских, при которой сокращение численности русских в республиках происходит не только за счет миграции, но и из-за высокой естественной убыли русских, которая превышает миграционный отток, а также в связи с сильно деформированной половозрастной структурой русского населения. Приведенный перечень факторов может быть экстраполирован и на другие национально-территориальные республики Российской Федерации.

Окончательный уход русских из республик Северного Кавказа разведет в отдельные национально-территориальные анклавы кабардинцев и балкарцев, черкесов и карачаевцев, кумыков и аварцев при активном участии сторонников этнократических режимов. И этот процесс не будет мирным. Основанием для подобного утверждения служит следующий факт. В декабре 1994 года исполнилось двадцать лет с начала первой «чеченской кампании». Политическим итогом двух ожесточенных «чеченских войн» с многочисленными жертвами, в конце концов, стало фактическое образование этнического вайнахского анклава свыше 1 млн. 500 тыс., объединяющего Ингушскую и Чеченскую республики. Любая серьезная дестабилизация обстановки в таком анклаве грозит серьезными последствиями для целостности России. Не говоря уже о том, что сотни тысяч русских, русских казаков оказались беженцами в собственной стране, так и не получив компенсации за утраченное жилье и имущество аналогично с пострадавшими чеченцами.

Летом 2011 года главный кремлевский идеолог В. Сурков заявил, что теория мультикультурализма, лежащая в основе т.н. общероссийской идентичности, потерпела в России крах, так же как в Германии и других европейских странах. Символично, что заявление было сделано на встрече с чеченской молодежью в уже моноэтнической республике. Там же Сурков назвал Чечню «краеугольным камнем российской государственности». То есть надо понимать, что полная дерусификация субъекта РФ является «укреплением российской государственности». Заявление Суркова означало, что за 25 лет формирования отечественная национальная политика по западным лекалам потерпела фиаско.

7 октября 2012 г. Совет по межнациональным отношениям при президенте России представил проект «Стратегии национальной политики России до 2025 года». Над проектом работали четыре экс-министра по делам национальностей, отвечавшие за национальную политику в 1990—2000-е гг.: В. Тишков, В. Михайлов, В. Зорин и Р. Абдулатипов, а также представители администрации президента и правительства. В ходе обсуждения «Стратегии...», организованного президиумом Всемирного Русского Народного Собора в Даниловом монастыре г. Москвы, автор данной статьи подверг критике термин «системообразующий русский народ», используемый в документе. Получается, что русский народ сам создает «систему» самоликвидации, при которой он вымирает, открывает дорогу неконтролируемой миграции и теряет десятками тысяч русские деревни и казачьи станицы. Я, как и

другие русские государственники, настаивал на термине «государствообразующий русский народ», а предложенную «Стратегию...» назвал «стратегией замещающей миграции», неприемлемой в таком виде для российской государственности.

Никаких идей поддержки русского населения русские эксперты в «Стратегии...» не обнаружили. Но обратили внимание, что конституционная формулировка «многонациональный» народ и неконституционная — «полиэтническая нация» используются как синонимы. Вплоть до 2000 года трактовка этих терминов являлась предметом напряженной полемики между Р.Абдулатиповым и В.Тишковым. Но угроза роста русского самосознания помирила оппонентов. Использование в новой «Стратегии...» термина «национальный» как «государственный» и одновременно как «этнический» превратило государственный документ в понятийную головоломку. Нельзя же трактовать понятие «межнациональные отношения» одновременно как отношения «межгосударственные».

Особо необходимо отметить, что упоминание о казаках, в отличие от Концепции 1996 года, вообще отсутствует. По предложению ученых и общественников юга России в Кремль с критикой проекта «Стратегии...» обратились лидеры общественных организаций, входящие в постоянно действующее совещание национально-патриотических сил России (ПДС НПСР) под руководством известного русского общественно-го деятеля Л. Ивашова. Но, несмотря на все усилия, 19 декабря 2012 года «Стратегия...» была утверждена Указом президента РФ под символическим номером 1666, и начавшаяся разработка альтернативного документа была свернута.

Русская общественность на протяжении всего постсоветского периода существования российской государственности неоднократно предпринимала попытки добиться получения правового статуса для русского народа.

25 мая 2001 года на парламентских слушаниях Государственной Думы РФ был рассмотрен проект Федерального закона «О русском народе», состоящий из преамбулы и десяти статей. Но он так и не был принят. Не увенчались успехом и другие подобные попытки. Откровенное противодействие усилиям русской общественности по наделению русских правовым статусом привело к радикализации отдельных русских организаций и их лидеров, против которых заработала пресловутая статья 282 УК, названная «русской».

События 11 декабря 2010 года на Манежной площади стали индикатором того, что латентные формы конфликта, связанные с отсутствием внятной политики по отношению к русскому населению страны, способны перейти в массовую форму молодежного протеста.

---

19 мая 2011 года президент Д. Медведев на встрече с правозащитниками страны порекомендовал им заняться правами русского населения в северокавказских республиках, но правозащитное сообщество страны Медведева не услышало. Оно по сегодняшний день продолжает защищать права боевиков, осужденных за нападение на Нальчик в 2005 году, но никто из правозащитников не заинтересовался фактом ритуального убийства кабардинскими исламскими радикалами шестерых русских жителей приграничных к Кабардино-Балкарии районов Ставрополя в рождественскую ночь 8 января 2014 года. 18 октября 2011 года в Общественной палате Российской Федерации прошли слушания «Русские на Северном Кавказе: мифы и реальность». Организатор мероприятия, известный телеведущий М. Шевченко (сейчас руководит сайтом Кавказская политика), а также сидящий в президиуме В. Тишков даже не удосужились выслушать приехавших лидеров русских организаций Северного Кавказа, покинув заседание сразу после дежурных выступлений представителей национальных республик.

Украинские события наглядно показали последствия антирусской национальной идеологии в самой России. Эйфория по поводу бескровного присоединения Крыма быстро сменилась тревогой об исторической судьбе Новороссии. Иерархи Русской Православной Церкви историческим чутьем уловили суть происходящих процессов в силу того, что ситуация на Украине поставили РПЦ в двусмысленное положение. Ведь православная паства и с той, и с другой линии противостояния — одна.

11 ноября 2014 года в московском Храме Христа Спасителя прошел XVIII Всемирный Русский Народный Собор. В его итоговом документе были отражены основные положения из Соборной речи Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, которые прорвали плотную официальную завесу дискриминации русского народа в России. Патриарх выразил чаяния последних двадцати лет русских патриотов-государственников: «...Мы полагаем, что вопросы национального самочувствия русского народа имеют фундаментальное значение не только для исторически государствообразующего народа, но и для всех братских народов нашей многонациональной страны. Считаю полезным нормативное закрепление статуса русского народа как государствообразующего, памятуя, что вокруг него сформировалась вся семья народов России...»

За настойчивое (через манифестации) предложение провести «...нормативное закрепление статуса русского народа как государствообразующего...» еще три-четыре года назад

можно было получить знаменитую «русскую 282-ю статью». А теперь словосочетание «государствообразующий русский народ» звучит в речи Патриарха Московского и всея Руси в присутствии высших государственных чинов России. Это одновременно и духовное и очень значимое политическое событие для русского народа.

Прежде всего психологически перестроиться необходимо чиновникам, правоохранительным органам и... отечественной интеллигенции. От активной позиции русской интеллигенции зависит очень много. Призыв Патриарха, даже столь значимый, не может реализоваться через институты православной церкви. Ей сразу укажут, что по Основному закону страны церковь отделена от государства и не может заниматься политической деятельностью.

Реализовать политическую программу наделения русского народа правосубъектностью смогут только консолидированные действия широкого спектра русских патриотических организаций России на предстоящих в 2016 году выборах в Государственную думу Российской Федерации.

Прежде всего усилия патриотов должны быть направлены на инициацию принятия новой редакции Основного закона Российской Федерации, в которой должен быть прописан статус русского народа. Всему патриотическому сообществу России необходимо донести до высшего руководства страны мысль о необходимости создания в новом Федеральном агентстве по делам национальностей мощного подразделения, осуществляющего разработки концепций и программ по поддержке русского населения, особенно в национальных республиках.

Алексей АНПИЛОГОВ

СОМОСА ПРИДЁТ, ПОРЯДОК НАВЕДЁТ

Украинская извечная мечта о «садке вишнёвом возле хаты», которая была увековечена Тарасом Шевченко в провозгласившем и далёком от солнечной Украины Санкт-Петербурге весной 1847 года, как ничто иное отражает постоянное

стремление, извечно присутствующее в украинском менталитете: удивительную близорукость и наивность в государственном и политическом плане, сочетающуюся с чётким пониманием целей и задач, стоящих внутри «охранного периметра» своего личного деревенского плетёного забора, именуемого на Украине «тыном».

Историческая судьба Украины и сложившиеся условия хозяйствования, существовавшие на её территории вплоть до начала XX века, и создали такую гремучую смесь «бульдога, носорога и бабочки-однодневки», которую мы и знаем по известным штампам «свидомости», «хатоскрайничества», «кумовства» и «хуторянства».

Носитель этой идеологии, совершенно крестьянской и архаичной, живёт в мире собственного плетёного забора, внутри которого проходит 99% его жизни, а оставшийся 1% он если и видит, то лишь через прорехи в том самом тыне, окружающем его личный участок возле свежепобеленной хаты.

Отсюда, в общем-то, и происходит масса тех сюжетов, которые мы наблюдаем на Украине. Украинская армия не хочет воевать на Донбассе и, тем более, в Крыму — но при этом попытки наступления ополчения куда-либо за пределы анклава донбасских республик упираются в глухое «не пустим». Украинец готов выйти на майдан и мёрзнуть там, изображая триумф низовой демократии — но все политические партии, союзы, как и вся сложная структура современного государственного управления, вызывает у него непреходящую скуку и апатию. Житель Киева готов, как дитя, радоваться новой голливудской форме «наших полицейских», но потом тут же с удивлением видит, что оформлять пустяшное ДТП приезжает всё тот же «совковый» экипаж ГАИ. Потому что новые кадры полиции даже не знают, что такое административный протокол.

Отсюда и вера в мифического Абромавиучуса или Ебаноидзе, которые должны появиться на просторах степей Украины из прекрасного далёка и совместно с духом сына сельского священника Степана Бандеры навести порядок в украинском государстве. Все фамилии былинных героев, как вы можете легко проверить, невыдуманные.

То, чем Россия за свою историю болела лишь время от времени, приглашая «варягов» и «немцев», но при этом — чётко ставя им управленческие задачи по строительству страны и осуществлению масштабных, проектных задач, для Украины оказывается просто-таки постоянным сюжетом её существования.

Вера во внешнюю рамку порядка, которая облачается то в русскую правду, то в немецкий *ordnung*, а теперь и в американский *new order* — является незыблемым, краеугольным камнем украинского мировоззрения. Поскольку и политика, и большая часть общественной жизни, и само государство Украина оказываются как раз в том самом 1% за пределами тына, которые не волнуют украинца вплоть до дождичка в четверг, свиста рака на горе или же шестой волны мобилизации, которая-таки воплощается в повестку в военкомат для любимого сына.

И, как следствие, текущее убогое и печальное состояние Украины — не более чем закономерный итог такого подхода. Украинский сепаратизм — это образование Украины на обломках СССР в 1991 году, а «сепаратизм по-украински» — это треснувшая на части страна, когда внезапно оказалось, что Крым — отдельно, Украина — отдельно, и даже ЛНР и ДНР — тоже отдельно друг от друга, потому что «садок вишнёвый» возле луганской хаты уже совсем не то, что такой же садок, но возле хаты донецкой. И, тем более, возле харьковской, запорожской или одесской.

В такой ситуации разобщённости и раздробленности, по сути, немаленького украинского населения роль в дальнейших процессах политики и государственного строительства ожидаемо начали играть внешние центры силы, которые и стали решать свои собственные вопросы уже за счёт Украины и во многом руками самих украинцев.

Для России, после катастрофы 1991 года, когда во главу угла было поставлено скорее собственное выживание, а потом, стараниями олигархической верхушки, — обогащение немногих и делёж остатков пирога на остальных, судьба Украины сводилась к двум вопросам: обеспечение безопасности и осуществление транзита энергоносителей (в первую очередь — газа) и товаров из России в Европу и обратно. В отличие от вопроса Прибалтики, который художественно, но получилось решить постройкой портов в Ленинградской области и прокладкой «Северного потока», вопрос Украины не имел такого простого решения — порты российского побережья Чёрного моря неудобны, Азовское море мелкое, а прокладка «Южного потока» выводила газопровод на беспокойные Балканы, а не в стабильные Австрию, Чехию или Италию. Кроме того, понятное дело, всё время под дамокловым мечом украинских решений находилась и военно-морская база в Севастополе, которую, опять-таки, невозможно было полностью вывести в Новороссийск.

Отсюда воспоследовала и реальная политика России на данном ей в ощущениях «украинском субстрате». Поскольку полное «переваривание» Украины неизбежно происходило бы с массовым завозом «новых варягов» и «новых немцев» из континентальной России, — данный сценарий был признан нынешним руководством России и в целом её действующей элитой малоосуществимым и нереальным. Да и что греха таить, качество нынешних варягов и немцев российского разлива оставляет желать лучшего — даже на административно-государственные функции «крымской волости» пришлось собирать управленческие кадры со всей России. Политиков, в общем-то, как-то нашли и в самом Крыму (хотя это и аукнется в ближайшем будущем), а вот всё остальное пришлось массово «импортировать» с материка. И нельзя сказать, что получилось во всех случаях 100% удачно.

Ещё хуже сложилась ситуация для России в ЛНР и ДНР. Тут российские специалисты, в отличие от Крыма, действовали лишь в роли советников и добровольцев-«отпускников», в силу чего их успехи в политическом и государственном строительстве оказались ещё скромнее. Результатом их пребывания на Донбассе стала ухудшенная копия Абхазии и Южной Осетии. В утешение от сложившейся ситуации можно лишь сказать, что «лучше, чем Чечня в 1995-м». Да, пока лучше. Но ситуация далека от оптимизма.

А что же происходило на другой части Украины? Там, куда Россия в силу объективных и субъективных обстоятельств просто не дотянулась?

События 2014—2015 годов уже показали — Россия критически слаба не только на «бандеровской» Западной Украине, но и в, казалось бы, пророссийских регионах Востока и Юга страны. Упустив ещё в феврале 2014 года рычаги воздействия на условно-пророссийскую часть украинской элиты, к началу 2015 года Россия потеряла её вовсе. Тот хаос, который возник из «хатаскрайничества» и «хуторянства» майдана-2014, был достаточно эффективно взят под контроль со стороны США. Причём, что интересно, на территории Украины внезапно сработали привычные для США методы создания латиноамериканских «банановых» республик.

Банановые республики Южной и Центральной Америки — порождение североамериканской «Юнайтед Фрут Компани». Для них характерна политическая нестабильность совместно с зависимостью от ограниченного производства в двух-трёх отраслях. Кроме того, это сопровождается значительным неравенством в распределении национального продукта, отсталой инфраструктурой, коллапсом образования и

экономики, сильной зависимостью от иностранного капитала и политическими репрессиями против оппозиции.

Чем отличается ситуация на Украине? Известных писателей убивают в центре Киева, а найденные убийцы гуляют на свободе. Американские сенаторы дают указания премьер-министру Украины, а министр финансов Украины имеет американское гражданство и послужной список в Госдепе США. Украина критически зависит от экспорта зерна и металла, а неравенство в распределении доходов зашкаливает за все разумные отметки.

Да, бананы пока на Украине не растут. Но тем хуже для Украины, а не для бананов. Если латиноамериканские диктатуры могли в своём тёплом климате прожить и полстолетия, то у Украины такого срока нет.

И Сомоса, тот самый «наш сукин сын» Госдепа и США, на просторы Украины никак не попадёт. Попадут лишь Абро-мачусы и Ебаноидзе, Яценюки и Ярьсько, да и вообще весь тот хлам, что сможет собрать США для украинского проекта

ПРОЕКТ ПРОТИВ РОССИИ

«Правда никогда не бывает сладкой», — заметила Ирина Фарион, презентуя на Первом канале Национального радио Украины свою очередную книжку об украинском языке. И в чём-чём, а в этом с широко известной ныне депутатшей Верховной Рады трудно не согласиться. Правда для украинских «национально сознательных» деятелей всегда будет горькой. Уж слишком они с ней расходятся. Тем не менее знать правду необходимо. В том числе — правду об украинском языке. Для Галиции это особенно важно. Ведь это еще Михаил Сергеевич Грушевский признавал. «Работа над языком, как вообще работа над культурным развитием украинства, велась преимущественно на почве галицкой», — написал он.

Вот на этой работе, начатой еще во второй половине XIX столетия, стоит остановиться подробнее. Галиция входила тогда в состав Австрийской империи. Соответственно, Россия для галичан являлась заграницей. Но, несмотря на это обстоятельство, русский литературный язык в крае не считался чужим. Галицкие русины

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

воспринимали его как общерусский, общий культурный язык для всех частей исторической Руси, а значит — и для Руси Галицкой.

Когда на съезде галицко-русских ученых, состоявшемся в 1848 году во Львове, было принято решение о необходимости очищения народной речи от полонизмов, то рассматривалось это как постепенное приближение галицких говоров к нормам русского литературного языка. «Пускай россияне начали от головы, а мы начнем от ног, то мы раньше или позже встретим друг друга и сойдемся в сердце», — говорил на съезде видный галицкий историк Антоний Петрушевич. На русском литературном языке творили в Галиции ученые и писатели, выходили газеты и журналы, издавались книги.

Все это очень не нравилось австрийским властям. Не без основания опасались они, что культурное сближение с соседним государством повлечет за собой сближение политическое и, в конце концов, русские провинции империи (Галиция, Буковина, Закарпатье) открыто заявят о желании воссоединиться с Россией.

Из Вены всячески препятствовали галицко-российским культурным связям. На галичан пытались воздействовать уговорами, угрозами, подкупом. Когда не подействовало, перешли к более энергичным мерам. «Рутены (так официальные власти в Австрии называли галицких русинов. — А.К.) не сделали, к сожалению, ничего, чтобы надлежащим образом обособить свой язык от великорусского, так что приходится правительству взять на себя инициативу в этом отношении», — заявил наместник Франца-Иосифа в Галиции Агенор Голуховский.

Поначалу власти просто хотели запретить использование в крае кириллицы и ввести в галицко-русскую письменность латинский алфавит. Но возмущение русинов таким намерением оказалось столь велико, что правительство пошло на попятную.

Борьбу с русским языком повели более изощренно. Вена озаботилась созданием движения «молодых рутенов». Молодыми их называли не из-за возраста, а по причине отказа от «старых» взглядов. Если «старые» русины (рутены) считали великорусов и малорусов единой нацией, то «молодые» настаивали на существовании самостоятельной нации рутенской (или малорусской, термин «украинская» был пущен в ход позднее). Ну а самостоятельная нация должна, конечно, и литературный язык иметь самостоятельный. Задача сочинить такой язык была поставлена перед «молодыми рутенами».

Получалось у них, правда, с трудом. Хотя власти оказывали движению всяческую поддержку, влияния в народе оно не имело. На «молодых рутенов» смотрели как на предателей, беспринципных прислужников правительства. К тому же состояло это движение из людей, как правило, ничтожных в интеллектуальном отношении. О том, что такие деятели сумеют создать и распространить в обществе новый литературный язык, не могло быть и речи.

На помощь пришли поляки, чье влияние в Галиции было в то время доминирующим. Будучи ярыми русофобами, представители польского движения видели прямую выгоду для себя в расколе русской нации. А потому приняли деятельное участие в «языковых» потугах «молодых рутенов». «Все польские чиновники, профессора, учителя, даже ксендзы стали заниматься по преимуществу филологией, не мазурской или польской, нет, но исключительно нашей, русской, чтобы при содействии русских изменников создать новый русско-польский язык», — вспоминал крупный общественный деятель Галиции и Закарпатья Адольф Добрянский.

Благодаря полякам дело пошло быстрее. Кириллический алфавит сохранили, но «реформировали», чтобы сделать его непохожим на принятый в русском языке. За основу взяли так называемую «кулишивку», придуманную когда-то российским украинофилом Пантелеймоном Кулишем все с той же целью — отмежевать малорусов от великорусов. Из алфавита изъяли буквы «ы», «э», «ь», зато включили отсутствующие в русской грамматике «є» и «ї».

Чтобы русинское население приняло перемены, «реформированный» алфавит в приказном порядке ввели в школы. Мотивировалась необходимость нововведения тем, что подданным австрийского императора «и лучше, и безопаснее не пользоваться тем самым правописанием, какое принято в России».

Интересно, что против подобных новшеств выступил сам изобретатель «кулишивки», отошедший к тому времени от украинофильского движения. «Клянусь, — писал он «младому рутену» Омеляну Партицкому, — что если ляхи будут печатать моим правописанием в ознаменование нашего раздора с Великой Русью, если наше фонетическое правописание будет выставляться не как подмога народу к просвещению, а как знамя нашей русской розни, то я, писавши по-своему, по-украински, буду печатать этимологической старорусетской орфографией. То есть — мы себе дома живем, разговариваем и песни поем не одинаково, а если до чего дойдет, то разделять себя никому не позволим. Разделяла нас лихая

судьба долго, и продвигались мы к единству русскому кровавой дорогой, и уж теперь бесполезны лядские попытки нас разлучить».

Но мнение Кулиша поляки позволили себе игнорировать. Им-то как раз и нужен был русский раздор. Вслед за правописанием настал черед лексики. Из литературы и словарей старались изгнать как можно больше слов, используемых в русском литературном языке. Образовавшиеся пустоты заполнялись заимствованиями из польского, немецкого, других языков или просто выдуманными словами.

«Большая часть слов, оборотов и форм из прежнего австро-рутенского периода оказалась «московскою» и должна была уступить место словам новым, будто бы менее вредным, — рассказывал о языковой «реформе» один из «преобразователей», позднее раскаявшийся. — «Направление» — слово московское, не может дальше употребляться, — говорили «молодым», и те сейчас ставят слово «напрям». «Современный» — также слово московское и уступает место слову «сучасний», «исключительно» заменяется словом «виключно», «просветительный» — словом «просвітний», «общество» — словом «товариство» или «суспільство»...»

Усердие, с каким «реформировали» русинскую речь, вызывало удивление ученых-филологов. Причем не только местных. «Галицкие украинцы не хотят принять в соображение, что никто из малороссов не имеет права древнее словесное достояние, на которое в одинаковой мере Киев и Москва имеют притязание, легкомысленно оставлять и заменять полонизмами или просто вымышленными словами, — писал профессор славистики Берлинского университета Александр Брикнер (поляк по национальности). — Я не могу понять, для чего в Галичине несколько лет назад анафемизировано слово «господин» и вместо него употребляется слово «добродій». «Добродій» — остаток патриархально-рабских отношений, и мы его не выносим даже в польщизне».

Однако причины «новаторства» нужно было, конечно, искать не в филологии, а в политике. «По-новому» стали переписывать школьные учебники. Напрасно конференции народных учителей, состоявшиеся в августе и сентябре 1896 года в Перемышлянах и Глинянах, отмечали, что теперь учебные пособия стали непонятны. И непонятны не только для учащихся, но и для учащихся. Напрасно сетовали педагоги, что при сложившихся условиях «необходимо издание для учителей объяснительного словаря».

Власть оставалась непреклонной. Недовольных учителей увольняли из школ. Чиновников-русинов, указывавших на абсурдность перемен, смещали с должностей. Писателей и

журналистов, упорно придерживающихся «дореформенного» правописания и лексики, объявляли «москалями» и подвергали травле. «Наш язык идет на польское решето, — замечал выдающийся галицкий писатель и общественный деятель священник Иоанн Наумович. — Здоровое зерно отделяется как московщина, а высевки остаются нам по милости».

В этом отношении любопытно сопоставить различные издания сочинений Ивана Франко. Многие слова из произведений писателя, изданных в 1870—1880 годах, например, — «взгляд», «воздух», «войско», «вчера» и другие при позднейших переизданиях заменялись на «погляд», «повітря», «військо», «вчора» и т.д. Изменения вносились как самим Франко, примкнувшим к украинскому движению, так и его «помощниками» из числа «национально сознательных» редакторов.

Всего в 43 произведениях, вышедших при жизни автора двумя и более изданиями, специалисты насчитали более 10 тысяч (!) изменений. Причем после смерти писателя «правки» текстов продолжались. Так же, впрочем, как и «исправления» текстов произведений других авторов. Так создавалась самостоятельная литература на самостоятельном языке, названном потом украинским.

Вот только язык этот не принимался народом. Изданные по-украински произведения испытывали острый недостаток в читателях. «Десять-пятнадцать лет проходит, пока книга Франко, Коцюбинского, Кобылянской разоидется в тысяче-полторы тысячи экземпляров», — жаловался в 1911 году живший тогда в Галиции Михаил Грушевский. Тем временем книги русских писателей (особенно гоголевский «Тарас Бульба») быстро расходились по галицким селам огромными для той эпохи тиражами.

И еще один замечательный момент. Когда вспыхнула Первая мировая война, австрийское военное издательство выпустило в Вене специальный разговорник. Предназначен он был для солдат, мобилизованных в армию из различных частей Австро-Венгрии, чтобы военнослужащие разных национальностей могли общаться между собой. Разговорник составили на шести языках: немецком, венгерском, чешском, польском, хорватском и русском. «Украинский язык пропустили. Неправильно это», — сокрушалась по сему поводу «национально сознательная» газета «Діло». Между тем, все было логично. Австрийские власти прекрасно знали, что украинский язык создан искусственно и в народе не распространен.

Насадить сей язык на территории Западной Украины удалось (да и то не сразу) лишь после массовой резни коренного населения, учиненной в Галиции, Буковине и Закарпатье

австро-венграми в 1914—1917 годах. Та резня многое изменила в регионе. В Центральной и Восточной Украине украинский язык распространился еще позднее, но уже в другой период истории...

В 1848 году по территории Австрии начал блуждать еще один призрак — призрак Антироссии. Чешский политический и общественный деятель Франтишек Палацкий в 1848 году написал знаменитое письмо, в котором утверждал, что Дунайская империя (Австрия) является единственно возможным бастионом против России, «государства, которое уже сегодня, достигнув огромных размеров, увеличивает свою силу сверх возможностей любой западной страны... Российская всемирная монархия была бы невероятно огромной угрозой, неизмеримой и беспредельной катастрофой».

Со временем и сам монарх писал в письме к матери, объясняя, почему он отказался предоставить помощь России в крымской кампании: «Наше будущее — на Востоке, и мы загоним могущество и влияние России в те рамки, за которые она вышла только по причине слабости и дезорганизации в нашем лагере. Постепенно, желательно незаметно для царя Николая, но уверенно мы приведем российскую политику к упадку. Разумеется, некрасиво выступать против старых друзей, но в политике нельзя иначе, а наш естественный враг на Востоке — Россия».

Именно во времена Франца-Иосифа поняли, что самой естественной защитой от российской экспансии может быть Украина. Но Украина без Галиции и Буковины, входивших в состав Дунайской монархии, — так называемая «российская Украина». Галичане должны были стать инкубатором идей для Приднепровья... Потому и неудивительно, что самым национально сознательным регионом Украины стала Галиция. Трудно не согласиться, вклад Франца-Иосифа в создание Украины и особенно «украинства» трудно переоценить! Как известно, восемнадцатилетний эрцгерцог стал императором на волне революционных событий, заставивших отречься от престола его дядю и отца. В борьбе против венгерских повстанцев приняли активное участие и русины — сказались и традиционная вражда между народами-соседями, а также неразумная политика венгерских революционных властей по отношению к другим народам. Император за верную службу пожаловал галицкой дивизии сине-желтый флаг, который в 1918 г. стал национальным символом независимой Украины.

По просьбе цесаря Франца-Иосифа для подавления венгерского восстания на помощь Австрии в 1848 г. пришла сто-

---

тысячная русская армия под командованием фельдмаршала Ивана Паскевича. Появление в Галиции и Закарпатье русской армии, говорившей на совершенно понятном почти местном языке, было с восторгом воспринято галицкими и закарпатскими русинами и стало толчком для начала возрождения русской культуры. Кроме того, русины увидели в русской армии своих освободителей от мадьярского гнета. А это инициировало и стремление к политическому сближению с Россией, что становилось опасным для единства Австро-Венгрии.

Масла в огонь подлил и русский император, предложивший обменять русские Галицию и Буковину на равную по площади часть польской территории. На волне революционных реформ русины также требовали для себя больших прав и получили четкий ответ от графа Франца Стадиона, австрийского губернатора Галиции: «Вы можете рассчитывать на поддержку правительства только в том случае, если захотите быть самостоятельным народом и откажетесь от национального единства с народом вне государства, именно в России, то есть если захотите быть рутенами, не русскими. Вам не повредит, если примете новое название для того, чтобы отличаться от русских, живущих за пределами Австрии».

Как видим, термина «украинцы» еще никто не знал, и становиться ими галицийским русинам (они же — русские) никто не предлагал. До его появления должно было пройти сорок с лишним лет упорной работы австрийских властей, пришедших как раз на годы правления Франца-Иосифа.

В 1859-м в Вене на немецком языке появилась брошюра чешского филолога Йозефа Иречека *Über den Vorschlag das Rutenische mit lateinischen Schriftzeichen zu schreiben* («О предложении русинам писать латинскими буквами»), отпечатанная в правительственной типографии. На титульной странице красовались слова: «По поручению императорско-королевского министерства культов и просвещения».

Иречек предельно ясно изложил цель реформы правописания: «Пока русины пишут и печатают кириллицей, у них будет проявляться склонность к церковнославянщине и тем самым к российской. Церковнославянское и русское влияние настолько велики, что грозят совсем вытеснить местный язык и местную литературу».

Но размах народных выступлений против реформы несказанно поразил власти. События 1859 г. вошли в историю Галиции как «азбучная война». Население Галиции протестует против нового названия жителей и нового правописания: собираются стихийные собрания, появляются статьи в печати, сочиняются петиции и отправляются депутации. Про-

---

тест принял совершенно неожиданную форму: началось массовое увлечение русской культурой и языком. Во Львове возникло литературное общество имени Пушкина. По всей Галичине проводились Дни русской культуры. Интеллигенция зачитывалась Пушкиным, сельские громады ставили Александру Сергеевичу памятники.

Культурное движение быстро переросло в политическое. В сейме и рейхсрате появились «объединители» — так называли сторонников объединения Галицкой Руси с Россией.

Испуганная австрийская власть отступает — слишком свежи еще воспоминания о венгерском восстании. Однако от затеи с выращиванием «украинской нации» не отказывается.

Столкнувшись с непризнанием латинского алфавита, австрийские власти и их пособники обратили внимание на наличие еще одной украинской грамматики. В 1860 г. писатель и деятель просвещения российской Малороссии Пантелеймон Кулиш придумал упрощенный алфавит, дабы облегчить ликвидацию неграмотности в Украине. Именно «кулишовку» и превратили в Галиции в украинскую письменность, которую мы знаем и сегодня. Сам П. А. Кулиш, узнав об этом, с гневом писал в Галицию: «Вам известно, что правописание, прозванное у вас в Галиции «кулишивкой», было изобретено мною в то время, когда все в России были заняты распространением грамотности в простом народе. С целью облегчить науку грамоты для людей, которым некогда долго учиться, я придумал упрощенное правописание. Но теперь из него делают политическое знамя... Видя это знамя в неприятельских руках, я первым по нему ударю и отрекусь от своего правописания во имя русского единства». Однако на протест Кулиша внимания не обратили.

Дабы еще больше «кулишивка» отличалась от русской письменности, в 1892 г. в Галиции было введено фонетическое написание слов вместо этимологического. Напомним, что фонетическое написание означает, что буквы пишутся так, как слышатся. Если фонетику ввести в русский язык, то «окающие» и «акающие» говоры превратятся в отдельные системы письменности. Нечто подобное и внедрили австрийские власти Галиции. Началось изобретение новых слов, создаваемых по одному критерию — лишь бы звучало не так, как по-русски. Но ведь австрийскую власть интересовало не удобство и целесообразность фонетического правописания, а именно разрушение языковой связи с Россией. Фонетическая реформа украинского правописания преследовала исключительно политические цели. В 1893 г. австрийский парламент официально утвердил фонетическое письмо для «украинского языка».

Именно с этого момента термин «украинцы» официально вводится в оборот. Естественно, посильную помощь австрийским властям оказывает и неизбежная в таких случаях «пятая колонна». Интересно, что в 1890 г. с трибуны Львовского областного сейма депутат молодорусской партии Юлиан Романчук объявил о наступлении «новой эры»: «Галицко-русский народ, — заявил он «от его имени», — считает себя обособленным от русского державного народа». То есть о том, что он украинец, пан Романчук еще просто не знал! К слову, все эти годы, пока не ввели в обиход термин «украинцы», шла яростная борьба вокруг того, сколько букв «с» писать в слове «русский».

Далее методика была проста: при помощи полицейских мер во всех учебных заведениях стали насаждать «кулишивку», отбирать книжки, написанные на литературном русском языке, закрывать литературные общества и увольнять всех несогласных с этим нововведением преподавателей. «Фонетика» используется для официального делопроизводства, выпуска периодических изданий, печатания книг. По более позднему признанию министра просвещения и вероисповеданий петлюровской Директории митрополита Иллариона (он же Иван Огиенко), успех введения «фонетики» был обусловлен только тем, что «цей правопис здобув собі урядове затвердження».

Для украинизации применяются и экономические методы: власть щедро ссужает деньгами крестьянские кооперативы «украинцев», которые дают по деревням займы только своим приверженцам. Крестьяне, не желающие назвать себя украинцами, займов не получают.

А в Буковине, где начали возводить сегодня первый памятник Францу-Иосифу, ввели правило требовать от выпускников семинарий письменного обязательства: «Заявляю, что отрекаюсь от русской народности, что отныне не буду называть себя русским; лишь украинцем и только украинцем». Священникам, не подписавшим такого документа, не давали прихода.

Новому народу нужна своя история. Для ее создания на вновь созданную кафедру украинской истории во Львовском университете приглашают никому не известного выпускника Киевского университета Михаила Грушевского. Ему на щедрых хлебах умирающей империи Франца-Иосифа и суждено было стать «отцом украинской истории». Михаилом Грушевским была предложена следующая схема украинской истории: 1) украинцы как отдельный народ существуют еще со времен раннесредневекового (антского) периода; 2) в Киевской Руси украинцы представляли ядро госу-

---

дарства, отдельную от северо-восточной (в будущем — русской) народности; 3) наследником государственности Киевской Руси выступило сначала Галицко-Волынское княжество, а позже — частично Великое княжество Литовское.

Заказчик рассчитался щедро — университетский профессор стал крупным владельцем недвижимости и в Галиции, и в Киеве. Все киевляне знали роскошный доходный «дом Грушевского» возле вокзала.

Однако украинизация Галиции, Буковины и Закарпатской Руси продвигалась медленно. Поэтому с началом Первой мировой войны, австрийские власти прибегли к более действенным методам. «Задолго до мировой войны австрийская жандармерия вела подробные списки «неблагонадежных в политическом отношении». Делалось это в стиле того неподражаемого бюрократического идиотизма, который блестяще описан в «Бравом солдате Швейке». В специальные таблицы наряду с именами подозреваемых, их семейным положением и родом занятий в графу 8 заносились «более подробные сведения о неблагонадежности или подозрительности». Такими «преступлениями» были: «ездит в Россию», «агитатор кандидатуры Маркова (лидера москвофильской партии) в парламент» или просто «русофил».

В следующей графе рекомендовалось, как поступить с данным лицом, если Австрия начнет даже не войну, а просто мобилизацию. Например: «Пристально следить, в случае чего — арестовать». Или: «Выслать в глубь страны». Легко заметить, что карать намеревались даже не за поступки, а за взгляды и симпатии — вещи, трудно поддающиеся однозначному толкованию.

Арест считался самым надежным средством. Стоило 1 августа 1914 г. разразиться Мировой войне, как в одном Львове сразу было заключено под стражу около 2000 украинцев-москвофилов. Арестантов оказалось так много, что ими битком набили сразу три тюрьмы!.. Озабоченный «перенаселением» тюрем, президиум императорско-королевской дирекции полиции во Львове даже ходатайствовал перед наместником Галиции поскорее вывезти «опасный элемент» внутрь страны «ввиду недостатка места» и «возмущения тех заключенных, которые уже теперь высказывают громкие угрозы, что они, мол, посчитаются»

Согласно переписи 1900 года, во Львове жило только 36 тыс. украинцев. Впрочем, место «внутри страны» скоро нашлось: первые в Европе концентрационные лагеря Терезин и Талергоф были созданы в последние годы правления Франца-Иосифа для украинцев, не считающих себя украинцами

или только подозреваемых в этом «преступлении». В самом страшном из них, Талергофе, около г. Грац, не было даже баряков, зато весь он был истыкан столбами для «анбинден» — из всех пыток австрийцы предпочитали подвешивание жертвы за ногу.

Но и в первые «лагеря смерти» попали не все. Священник Иосиф Яворский свидетельствовал после войны: *«Армия получила инструкции и карты с подчеркнутыми красным карандашом селами, которые отдали свои голоса русским кандидатам в австрийский парламент. И красная черточка на карте оставила кровавые жертвы в этих селлах.»*

Против священника Петра Сандовича нашлась вещественная улика: собственноручное письмо, где «русская паства» написано с двумя «с». Приговор: «Государственную измену считать доказанной, виновных о. Петра Сандовича и его сына расстрелять.»

Далее перед трибуналом предстали о. Владимир Мохнацкий с сыном Родионом, гимназистом, о. Феофил Качмарчик с сыном Владимиром, юристом, о. Василий Курилло с двумя сыновьями... Вину сыновей даже не надо доказывать — на них вина отцов. Православных священников стреляли как заведомо «русских». А триста униатских священников были убиты лишь по подозрению, что они тайно питали симпатии к православию и России.»

Как видим, нынешней «украинской» «элите», так вольготно живущей в «самостийной» стране, есть за что благодарить покойного австрийского монарха. Исключительно проводимой в годы его правления политике Украина обязана флагом, языком, письменностью и историей! А «жесткие методы» которыми пришлось украинизировать галичан, слухат лишь примером для подражания — так же, как и «методы» уже «канонизированной» ОУН-УПА и ее гауптштурм-фюрера, которому уже поставили памятник.

Кстати, к 1914 году в недрах австрийского царствующего дома подготовили и кандидата на будущий украинский престол — внучатого племянника Франца-Иосифа принца Вильгельма Габсбурга, известного как Василь Вышиванный.

Вся официальная история «національно-визвольних змагань» сводится к попыткам отдельных лиц стать приказчиками при хорошем (для них) хозяине с Запада! Наиболее четко высказал эту идею — применительно к сегодняшним дням — небезызвестный Владимир Яворивский: «Мы 350 лет были подстилкой России, и ни одного дня — Америки, а стоило бы попробовать».

Пробовали уже 23 года и опять в подстилки наряжаются.

ТЕРРОРИЗМ КАК ОТНОШЕНИЕ ЗАПАДА К РОССИИ

Отношение нашей страны к Западу напоминает череду приливов и отливов. То она вдруг распаивает перед ним свои объятия в надежде, что нас примут в «семью цивилизованных государств», то вспоминает, что мы Русь, неповторимая, самобытная, у которой свой путь, судьба и история. Спор славянофилов и западников давно перешел границы философской полемики и стал спором политическим, влияющим самым непосредственным образом на нашу общественную и частную жизнь, экономику, отношения с внешним миром. А нам в этом споре куда податься — в какую партию?..

Прежде чем определиться, зададим себе вопрос: а может ли Россия вообще доверять Западу? Нетрудно представить, как возмутятся либералы самой постановке этого простого вопроса. Тех, кто его задает, обвинят в ксенофобии, стремлении опустить новый железный занавес, отказаться от культурных, хозяйственный и прочих достижений, которыми изобилует романо-германский и англосаксонский мир. Но в том-то и дело, что наши собственные культурные, научные и экономические достижения были бы

ДОСЬЕ "МГ"

неизмеримо более высокими, не мешай нам Запад. А он мешает, причем самым грубым, насильственным образом. Примеров тому, увы, великое множество.

Европа издавна следила за видными личностями в России — за теми, кто мешал ей или способствовал укреплению нашей страны, в которой Европа всегда видела своего геополитического соперника. Запад стремился убрать их, не брезгуя никакими средствами. Стал Павел I проводить антианглийскую политику — тут же был убит сторонниками английской партии при императорском дворе. Английские же дипломаты Уиллок и Манкиль организовали кровавую провокацию в Тегеране, в результате которой жертвой разъярённой толпы фанатиков пал великий Грибоедов. А Пушкин? Разве мог Запад допустить, чтобы колоссальная фигура Пушкина, ставшего к этому времени лидером русского направления, усиливала своё общественное влияние? Салон графа Нессельроде, министра иностранных дел и австрийского шпиона, явился главным штабом заговора против Пушкина (графиня Нессельроде была ближайшей приятельницей голландского дипломата Луи Геккерна). Появился гениальный Лермонтов, который стремительно становился лидером патриотически настроенной части русского общества, — провокаторы не дремали. Его дуэль с сыном французского посла Баранта (по инициативе молодого Баранта и по совершенно фальшивому поводу, причем француз промахнулся, а Лермонтов выстрелил в воздух) стала причиной кавказской ссылки великого поэта, ставшего для него роковой... Выдающегося русского военачальника, противника союза России с Германией генерала Скобелева отравила австриячка Шарлота Альтенроз. Этот список можно продолжать и продолжать. Но перейдем от давних лет к нашим дням. Мы убедимся, что кровавая работа западной агентуры против России приняла еще больший размах.

В 1984 году на сорок пятом году жизни в Германии скоропостижно скончался приехавший туда на несколько дней выдающийся критик Юрий Селезнев, один из лидеров русского национального возрождения 80-х годов. «Где правда об этом трагическом уходе того, кто был полон сил и более всего нужен нам сейчас в эти годы великого противостояния бесправия и всевластному разрушению?» — горестно спрашивал писатель Сергей Лыкошин. Скрывается в Израиле Валерий Шляфман, застреливший кумира русской молодежи, рок-музыканта, патриота Игоря Талькова. Неизвестны имена мерзавцев, убивших талантливого православного певца, композитора и поэта Максима Трошина. Юноша, которого

называли ангельским голосом России, не дожил до семнадцати лет.

Но убивали не только талантливых деятелей культуры, которые своим творчеством в 90-е годы спасали народ, прежде всего молодежь, от моральной деградации. Убивали и по сей день убивают учёных, чья работа способна возродить промышленную и, прежде всего, военную мощь нашего государства.

За последние 14 лет при загадочных обстоятельствах погибли больше семидесяти крупных научных работников. Раскрыто только три убийства. Остальные, скорее всего, навсегда останутся тайной. Некоторые падкие на сенсации журналисты обвинили в смерти учёных даже пришельцев из космоса. Но очевидно, что для поиска преступников надо смотреть не в космические дали, а за Атлантический океан.

В начале 2012 года на промежуточных выборах в республиканской партии сразу несколько кандидатов в президенты Соединённых Штатов открыто выступали за физическую ликвидацию российских учёных, владеющих секретами разработки и создания ядерного оружия. Они-де представляют угрозу безопасности США. В «цитадели борцов за права человека и демократию» раздались призывы, которые нельзя интерпретировать иначе, как откровенно террористические. Цитирую одного из них — Рика Сантрума: «Мы тут говорили о тайных операциях. Уже находили трупы учёных ядерщиков из России и Ирана. Я надеюсь, что США были вовлечены в это. Надеюсь, в ходе тайных операций мы предпринимаем все необходимые шаги». Солидная публика, слушавшая республиканца, известного своими крайне консервативными взглядами, поднялась с мест и стала бурно аплодировать. Другой кандидат в президенты, бывший спикер палаты представителей Милл Гиндридж предложил, чтобы Америка проводила эти операции по всему миру — и снова раздались бурные аплодисменты.

В 2006 г. ведущий американский вирусолог Эрик Пьянка, выступая на торжественном заседании в Техасском университете, заявил, что с помощью нового штамма лихорадки Эбола (по его словам, «обладающего фантастической летальностью») можно «на благо планеты» сократить человечество на 90%. Присутствовавшие в зале американские вирусологи в единодушном порыве встали и устроили ему овацию... И что интересно: на борту «Боинга МН17», сбитого в небе над Донбассом, летел представитель Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Гленн Томас, ведущий консультант по инфекционным болезням, СПИДу и вирусу Эбола. Он

участвовал в расследованиях, связанных с экспериментами над африканцами в финансируемой Джоржем Соросом лаборатории биологического оружия, расположенной в больнице Кенеме (Сьерра-Леоне): здоровых людей заражали вирусом смертельно опасной лихорадки для разработки вакцины.

По странному стечению обстоятельств, в том же «Боинге» находились летевшие на конференцию в Мельбурн вирусологи, в их числе Дж. Ланге, профессор Амстердамского университета, самый выдающийся специалист по СПИДу, болезни, которая, вырвавшись из американских лабораторий, впервые была обнаружена весной 1981 года в Калифорнии и не имела никакого отношения к Африке и «маленьким зеленым обезьянкам», как бы Штаты ни пытались убедить мир в обратном. Не исключено, что он и его коллеги везли с собой результаты многолетней работы, может быть, даже долгожданное лекарство от этой чудовищной болезни — ведь незадолго до конференции сотрудники профессора Ланге говорили, что его выступление должно произвести сенсацию в научном мире.

Каждая масштабная провокация решает не одну, а целый комплекс задач. Украинский истребитель, сбивший малазийский «Боинг», оказал массу услуг Америке: помог объединить «негодующий Запад» против России, якобы повинной в катастрофе самолета, привёл к режиму санкций, а также убрал нежелательных свидетелей, осведомлённых о работе секретных лабораторий США, разрабатывающих биологическое и бактериологическое оружие. Кстати, смертность среди американских вирусологов и микробиологов, как подсчитали независимые эксперты в тех же Штатах, в десятки раз превышает среднестатистические показатели, а авиакатастрофы — один из испытанных способов устранения специалистов, работающих по контрактам ЦРУ и Пентагона. Так что погибают не только русские и иранские учёные. Но Рик Сантрум и другие кандидаты в президенты на праймериз республиканской партии и не заикались о фактах странных смертей своих научных светил. Зато сообщение о мёртвых русских сразу повысило его рейтинг на несколько процентов.

Первой жертвой среди наших физиков-ядерщиков был, очевидно, Рувим Нуреев, главный инспектор по ядерной и радиационной безопасности Минатома. Летом 1996 г. он находился в командировке в Новосибирске, выполняя задание государственной важности. 21 июня разрезанное тело главного инспектора нашли на железнодорожных путях. Смерть представили как самоубийство, но родственники Нуреева

отказались в это поверить: у инспектора не было причин, чтобы бросаться под поезд. Убийство не раскрыто.

В январе 2000 г. погиб первый заместитель министра по атомной энергии Александр Белосохов. Смерть якобы стала результатом несчастного случая: учёный катался на снегоходе. Уголовное дело по факту покушения на убийство, хотя первоначально такая версия присутствовала, возбуждать не стали. 13 мая 2001 года в автокатастрофе погиб вице-президент концерна «Росэнергоатом» Евгений Игнатенко. Он скончался от полученных травм по пути на Калининскую АЭС. Столкновение было лобовым. Машина, виновная в аварии, с места происшествия скрылась... В марте 2003 года скончался от черепно-мозговой травмы доктор технических наук, профессор Бугаенко, генеральный директор Международного центра по ядерной безопасности Минатома РФ. Его убийство произошло вскоре после визита в Москву заместителя госсекретаря США Джона Болтона, курировавшего вопросы контроля за режимом нераспространения ядерного оружия. В центре внимания на переговорах, которые Болтон вёл в Москве, была программа российско-иранского сотрудничества в ядерной области. Высокопоставленный американский дипломат прибыл в Москву вскоре после того, как США обнародовали спутниковые снимки секретных иранских ядерных объектов. Смерть профессора Бугаенко напрямую связывают с иранским ядерным досье.

Перечисление фактов, связанных с убийствами наших учёных-ядерщиков, можно продолжать очень долго. Скажем о самом, может быть, вопиющем. 20 июня 2011 года у деревушки Бесовец (Прионежский район, Карелия) произошло крушение самолета Ту-134. Здесь погибли сразу пять ведущих российских учёных — цвет российской атомной промышленности: генеральный конструктор опытно-конструкторского бюро «Гидропресс» Сергей Рыжов, его заместитель Геннадий Банюк, главный конструктор доктор технических наук Николай Трунов, начальник управления ОАО «Атомэнергомаш» Валерий Лялин и главный технолог ОКБ машиностроения им. И.И. Африкантова Андрей Трофимов. Андрей Трофимов работал на строительстве АЭС «Бушер» в Иране, а Рыжов был одним из ведущих специалистов строительства ядерного завода в Индии. Все атомщики летели в Петрозаводск на совещание, на котором планировалось обсудить вопросы, связанные с разработкой новых ядерных реакторов. Официально было сообщено, что причиной катастрофы стала ошибка экипажа. Возможно, возможно... Но странным образом авиакомпания, организовавшая роковой

рейс Москва—Петрозаводск, в последнюю минуту поменяла самолеты, не известив пассажиров, и тем самым допустила грубое нарушение процедуры. В результате вместо канадского Bombardier CRJ-200 в полёт отправился старый Ту-134. Выходящая в Иерусалиме газета Haaretz почти сразу же после катастрофы предложила принять к рассмотрению версию заговора. По мнению израильских журналистов, он был направлен против российских специалистов-ядерщиков, которые помогали Ирану развивать ядерную программу. Ведь в Иране тоже идёт планомерное уничтожение лучших учёных, занятых в оборонных отраслях. Там за последнее время был убит целый ряд физиков-ядерщиков. В ноябре того же 2011 года в результате взрыва погиб генерал Хасан Могаддам, руководитель ракетной программы Исламской Республики Иран.

Но погибают не только ядерщики. Гибнут доктора технических, математических, биологических, химических, медицинских наук — цвет учёных России. Среди них немало микробиологов, психологов, специалистов по нейролингвистическому программированию, конструкторов современного оружия. Эти люди занимались стратегическими разработками, создавали новые виды вооружения, работали над конструкцией нового космического двигателя, занимались новыми видами топлива, стояли на страже нашего здоровья... Многие открытия и изобретения остались жить после ухода их авторов. Но некоторые — так и остались на бумаге. Для того чтобы понять, чего лишается Россия, остановимся хотя бы на гибели известного профессора-микробиолога Коршунова.

Заведующий кафедрой микробиологии Российского государственного медицинского университета профессор Валерий Коршунов был забит насмерть битами в феврале 2002 года в Москве, в подъезде своего дома. Профессор Коршунов считался одним из ведущих российских микробиологов. Учёному принадлежит более 150 научных работ. Его разработки активно используются в ведущих лабораториях России, США и Канады. Коршунов создал несколько приоритетных направлений в области микробной экологии человека, таких, как инфекционные осложнения острой лучевой болезни. И предложил оригинальные методы их коррекции. Разработки применялись при лечении пациентов, получивших сильную дозу облучения, в том числе ликвидаторов аварии на Чернобыльской атомной станции. «В результате его гибели остановлена работа по важнейшему направлению науки. Сотни, если не тысячи людей в России из-за остано-

---

ки исследований остались обречёнными, — сказал, генеральный директор Государственного научного центра прикладной микробиологии профессор Николай Уранов. — Последовавшие одно за другим жестокие убийства ведущих российских учёных не могут быть просто случайностью! Я считаю, что зловещая череда убийств лучших умов России — это целевое изъятие, один из каналов диверсий».

Кто-то очень целенаправленно вырывает из жизни высший слой нашей научной элиты. 4 января 2002 г. в Санкт-Петербурге был убит член-корреспондент РАН, директор НИИ электромашиностроения Игорь Глебов. В конце января 2002 г. забит битами директор НИИ психологии РАН Андрей Брушлинский, руководитель исследований по борьбе с терроризмом пси-методами. В похищенном портфеле Брушлинского были труды по новейшим методам поиска террористов. За несколько месяцев до гибели Брушлинского был убит его заместитель — профессор Валерий Дружинин. Упомянувшийся выше Валерий Коршунов скончался буквально через несколько дней после похорон Брушлинского.

Проректор Всероссийской государственной налоговой академии Министерства по налогам и сборам, учёный-специалист в области пси-защиты Эльдар Мамедов тоже был убит бейсбольными битами. Однотипные орудия убийства — бейсбольные биты — явный намек на то, из какой страны поступил заказ на ликвидацию ученого. Это ещё и метод устрашения коллег покойного. Если угрозы не действуют, следует расправа.

Известный физик-ядерщик профессор Андрей Горобец, уехавший из России в конце 90-х, в 2009 году решил вернуться на родину и громко об этом заявил. С ним несколько раз встречались люди из ЦРУ. Но уговоры не подействовали, и он уже купил билет на самолет. Его застрелили среди белого дня в центре Нью-Йорка. Застрелили демонстративно, чтобы все учёные из России, которые задумают вырваться из самой свободной страны в мире, знали, какой конец их ждёт.

Конвейер убийств русских учёных работает, не зная сбоев. 23 ноября 2012 года в Туле в пятистах метрах от работы убит заместитель генерального конструктора ГУП «Конструкторское бюро приборостроения» Вячеслав Трухачёв. По всем признакам убит высокопрофессиональным киллером. Единственная пуля из пистолета Макарова выпущена так, что у жертвы не оставалось шансов на выживание. Конструктор погиб мгновенно, шансы на поиск его убийцы минимальны. Вячеслав Трухачев конструировал противопехотные и противотанковые гранатомёты, малокалиберные автоматические пушки для самолётов, зенитных комплексов сухопутно-

---

го и морского базирования, комплексы активной защиты бронетанковой техники, боеприпасы к стрелковому оружию и противопехотным гранатомётам. Как видим, речь идёт о том комплексе вооружений, без которого ни одна современная армия существовать не может и который всегда был сильной стороной нашего ОПК.

Убивают учёных, не только занимающихся разработками, связанными с ОПК. Такое впечатление, что их порой убивают просто для того, чтобы уменьшить число выдающихся умов в России. Иначе невозможно понять, зачем 19 августа 2006 года мотоциклист на пешеходной дорожке Ленинского проспекта насмерть сбил члена-корреспондента РАН Леонида Ивановича Корочкина. Убийцу, как водится, не нашли.

Корочкин занимался теоретическими работами в области фундаментальной генетики, выдвинул новую теорию пути дифференцировки клеток — «теорию качелей». Леонид Иванович утверждал, что клетка может выбрать программу развития в зависимости от действующих на нее факторов, утверждал возможность «передетерминации» клетки, иными словами смену её специализации при определенных условиях. То есть даже клетка не знает принципа предопределения, даже на этом уровне не работает принцип судьбы, даже малая клетка не лишена степеней свободы. Работы генетиков последних лет на практике подтвердили теорию Л.И. Корочкина, выдвинутую им в 2002 году. Помимо молекулярной генетики Леонид Иванович плодотворно работал в нейрогенетике, биологии развития, изучал клонирование и стволовые клетки.

Православный христианин Леонид Корочкин был философом от науки. В общении скромный, благожелательный человек, несколько застенчивый, в своих книгах и статьях он в годы государственного атеизма отчаянно боролся с дарвинизмом. Леонид Иванович смело анализировал проблемы философии биологии, истории русской философии, проводил сравнительный анализ различных философских систем, выдвинул принцип триединства религии, науки, искусства (кстати, Корочкин — автор весьма интересных живописных работ). Он высоко ставил развитие отечественной генетики, вовсе не считая, что она отстает от западной. «Мировая наука и культура понесли огромную потерю», — справедливо писал в некрологе, посвященном Л.И. Корочкину, его бывший коллега профессор В.Н. Сойфер, давно ставший гражданином США. А может, в этом и есть разгадка. Валерий Николаевич живет в Америке, является генеральным директором соросовской программы образования в области точ-

---

ных наук, отказываться от нового гражданства не собирается, и поэтому его жизнь волне благополучна...

Впрочем, чтобы полностью нейтрализовать ученого, его, как оказалось, обязательно убивать. Можно стереть его память так, чтобы он забыл собственное имя, совершенно не помнил, чем занимался раньше. Сразу после развала Союза люди со стертой памятью стали появляться в разных точках нашей страны. В Центре им. Сербского не так давно наблюдался интересный больной со стёртой памятью. По его словам, он приехал из Калуги. А еще через какое-то время «потеряшка» вдруг заговорил по-гречески. «Я жил в Греции. Я стою на палубе и вижу островную часть Греции, но себя там не вижу. Меня как будто стерли», — объяснял «грек» психиатрам. Он, оказывается, водил машину, умел стрелять и разбирался в военной технике.

Странный недуг в 99% случаев поражает мужчин от 18 до 45 лет. Он лишает памяти, но весьма избирательно: сохраняются все функциональные навыки и общие познания о мире. Люди со стертой памятью помнят, как водить автомобиль или играть в теннис. Как пользоваться душем и бритвой. Они понимают, что за помощью следует обращаться в милицию и «скорую помощь», но не помнят ничего, что касается лично их. Этих людей находили на обочинах дорог, на железнодорожных путях и в кюветах, но каждый раз — на расстоянии сотен километров от родного дома.

«За последние 20 лет в Центре социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского побывали более тридцати человек, которые будто с Луны свалились, — рассказывает психолог Ирина Грязнова. — Среди них немало учёных, работавших в различных НИИ. Они не могли назвать даже своего имени. Причём причина потери памяти крылась не в стрессе и не в наследственных заболеваниях. Во всех этих историях прослеживается закономерность. Эти люди непременно были в дороге: ехали на работу, в институт или следовали на дачу. Потом они пропадали. И оказывались в сотнях или даже тысячах километров от дома. К примеру, профессор М., живший в Казани, ехал на работу. Но в своей лаборатории так и не появился. Нашёлся профессор под Саратовом через полгода... Можно ли говорить о том, что кто-то вмешался в разум учёных? Сегодня существует несколько способов стирания памяти: медикаментозный — с применением наркотических препаратов, а также техногенный — с использованием генераторов. Но самый действенный — это их комбинация.

Структура человеческой памяти послыпна, — продолжает Ирина Грязнова. — И события жизни в нашей памяти записы-

---

ваются хронологически. Человек запоминает и себя, и окружающих. И вдруг целиком стирается весь автобиографический стержень. Получается, что мир есть, а человека в нём нет...»

В октябре 2003 года в Железногорске (бывший Красноярск-26) вдруг исчез физик-ядерщик Сергей Подойницын, Он занимался утилизацией облучённого ядерного топлива и еще открыл, как выращивать искусственные изумруды. Подойницына объявили в федеральный розыск. При этом было известно, что учёным весьма интересовались американцы — он поддерживал контакты с коллегами из США. 21 мая 2005 года Сергей Подойницын вдруг появился на пороге родного дома. Кто он и откуда, учёный не помнил. Как попал домой — тоже не помнил. Никаких документов при нем не было.

«Американские спецслужбы выполняют самые разнообразные операции по всему миру, — говорит генеральный директор Центра политической конъюнктуры Сергей Михеев. — Американцы занимаются всеми. Американцами не занимается никто».

Если это действительно так, то страшно. Но судя по тому, что в последнее время идет большой вброс информации в наши СМИ на тему убийств и пропаж наших учёных, ФСБ не намерено вести себя нейтрально, тем более учитывая войну на Донбассе: события в патрулируемой Соединенными Штатами Украине, где терроризм против русских стал политикой в масштабах целого государства, показали со всей очевидностью: Америкой нельзя не заниматься.

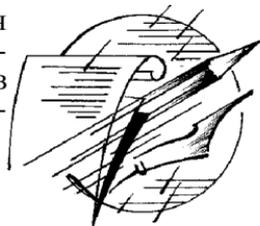
И последнее: научную элиту страны надо защищать. Наши профессора, живущие на скромные зарплаты, не могут, подобно богатыям, нанимать себе охранников. Значит, позаботиться об их защите надлежит государству. При Сталине проблема решалась просто: учёных сажали в «шарашки», где им обеспечивали сносные условия жизни и все возможности для работы. Их, конечно, лишали свободы, но зато ни один работник ЦРУ или агент МИ-6 не мог к ним проникнуть, чтобы выкрасть или убить. Мы, конечно, не призываем возрождать этот метод защиты верхнего интеллектуального слоя нации, но почему бы не создавать охраняемые дачи для учёных, не держать под постоянным контролем их передвижение на работу и с работы. Современные системы навигации такой контроль легко обеспечат, а это даст возможность силовым структурам в случае необходимости реагировать так, чтобы никто из покусившихся на жизнь и здоровье научного работника не ушёл от возмездия. Тогда, глядишь, и список пострадавших от террористов учёных не станет расти.

СЕЯТЕЛЬНИЦА РУСОФОБИИ

В самый канун 70-летия Победы в Великой Отечественной войне 8 мая в передаче «Право Голоса» ведущий Роман Бабаян подошёл к группе студентов: «Назовите трёх самых главных полководцев Победы». Первый студент начал уверенно: «Жуков». Потом замялся. Сосед подсказал: «Рокоссовский». Ведущий: «Подсказка. Не считается». Первый студент продолжил: «Чапаев». Ведущий: «Спасибо. А вы, девушка?». Студентка: «Ой, я пас». Вторая студентка, хихикнув, тоже отказалась отвечать.

В чём причина дремучего невежества студентов, интеллектуальный уровень которых предположительно должен быть выше среднего? В отсутствии достоверной информации или в переизбытке ложной? Или в равнодушии? В данном случае — это инфантилизм сознания как следствие воспитания несамостоятельности мышления, систематической и настойчивой промывки мозгов.

Начиная с фултонской речи Черчилля в марте 1946 года, послужившей сигналом для начала холодной войны, против России ведётся открытая информацион-

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

ная война. Самая острая фаза — последние два года, когда наблюдалась агрессивная кампания лжи и фальсификации истории, достигшая своего апогея в период подготовки празднования 70-летия Победы СССР в Отечественной войне над фашизмом, который объединял тогда почти всю Европу против нашей страны.

Символично начало войны и её окончание. Начало «на-родной священной войны» пришлось на воскресенье 22 июня 1941 года. Тогда отмечался один из наиболее чтимых Православной Церковью праздников — День Всех Святых, в земле Российской просиявших. Конец войны, 6 мая, тоже совпал с воскресеньем, Днём св. Георгия Победоносца, когда Церковь празднует его победу над дьяволом — самую главную победу христианства. В этот же день Церковь праздновала Пасху и начало Светлой Седмицы, победу Жизни над Смертью, Воскресение Христово. В тот светлый май 9-го числа 1945 года незнакомые люди целовались на улицах, поздравляя друг друга с Победой и, не таясь, восклицали: «Христос Воскресе!»

Парад Победы 2015 года, демонстрация возродившейся военной мощи и затем полумиллионная колонна, принявшая участие в акции «Бессмертный полк», — это дань памяти о нашем достоинстве, мужестве, способности восстать из пепла.

А вместо этого нам т.н. «либералы» предлагают праздновать день скорби и покаяния. И при этом уже начали воевать с нашей памятью, с тем, что нам свято, воевать методично и планомерно. Это духовная брань, война смыслов, важная составляющая войны нового типа — гибридной войны. И как всякая война эта гибридная война имеет конечной целью нанести народу и стране невосполнимый ущерб.

Отречение от Победы, оплаченной жизнью 27 миллионов жертв войны, попытка зачеркнуть общеисторическую память — признак нравственной и умственной деградации. У известной ведущей авторской передачи «Код доступа» на радиостанции «Эхо Москвы» Юлии Латыниной это обретает декларативный характер глумливой пляски на костях, втаптывания в грязь священного для каждого нормального человека значения Победы, а на метаисторическом уровне носит сатанинский характер.

Противоречивые мысли Юлии Латыниной — необузданно плодовитой и страстной пропагандистки русофобии — беспомощно мечутся, как «стрелка осциллографа». Когда-то этот, ставший уже классикой, популярный интернет-мем, был взят из её романа «Земля войны»: «*Она металась, как*

стрелка осциллографа, то вверх, то вниз» (имелась в виду горная дорога). Эта фраза требует критично отнестись к её образовательному и интеллектуальному уровню для объективной оценки её политической аргументации. Напомню, индикатор осциллографа стрелок не имеет. Некоторые помнят это ещё со школьной скамьи.

Просто оторопь берёт! До чего же вольно и безответственно обращается «фурия либеральной журналистики» с общеизвестными фактами. Вот цитата из передачи «Код доступа» от 2 мая этого года: *«Взрослые дяди в кожаных заклёпках, которых, оказывается, страшно обидели...»;* *«Ни одно вмняемое правительство на Западе никогда и ни при каких обстоятельствах не будет связываться с этими людьми* (которые собирались возложить цветы на могилы павших воинов. — И.Л.), *потому что для большинства общества они маргиналы. Люди, которые всерьёз не помнят, что ещё 15 лет назад никто не знал об оранжевой ленточке как символе Победы. Вот, вопрос, насколько это заразно? Это что, мы русские такие несчастные? Ну, вот, я должна вас успокоить, что, действительно, периодически такие эпидемии происходят...»;* *«Мне хочется напомнить этим славным людям, которые так много говорят о фальсификации истории, что никто ни во Второй мировой войне, ни в Великой Отечественной под черным с оранжевым знаменами не сражался. О черно-оранжевой ленте не знали ничего ни в 50-х, ни даже в 90-х годах. Черно-оранжевая лента появилась в России сразу после Майдана. И я считаю ее таким политтехнологическим ответом кремлевских политтехнологов Майдану, когда молодые нацисты принялись раздавать на улицах оранжевые ленточки, разбавленные черным. И для меня тогда эта раздача помимо того, что это был Антимайдан и это, в общем, был такой, неграмотный пиар...»;* *«И, соответственно, символом победы в какой войне является георгиевская лента? Единственная война, которую я знаю и которая велась под черно-оранжевым флагом (?), это вот была необъявленная война на Донбассе. Это была война, в ходе которой мы сбили «Боинг», мы наводнили Донбасс маргиналами, которые грабят мирное население с криком «Мы спасаем вас от украинских фашистов!»*

Один из комментаторов, которому Латынина «открыла» глаза, восторженно пишет: *«Блестяще! Это один из лучших кодов доступа Юлии. Трезвый и беспощадный. Как же хорошо, что есть еще в этой смурной жизни личность, от которой исходит свет и истина. Спасибо, Юлия, за смелость, честность и несомненный ум. Пока есть еще на земле такие человеки — еще не все потеряно. Еще есть на что надеяться».*

Я привёл эти цитаты не для того, чтобы у читателя *«его лоб собрался в печальную складку»*, как у героя из романа Латыниной *«Земля войны»*, а чтобы после ознакомления со стенограммой передачи *«Код доступа»* его брови не полезли на лоб или не случилось чего худшего, как у героини того же романа: *«Чёрные брови Антуанетты заломились выше её шапочки»*.

Следует напомнить генномодифицированному мыслителю, что **георгиевская ленточка, символ храбрости и воинской доблести, появилась в 1769 году**. В знаменитом кремлёвском Георгиевском зале выбиты имена всех Георгиевских кавалеров в память и назидание потомкам. Георгиевская ленточка является одним из символов победы в Великой Отечественной войне. Недаром лента этих цветов является для ордена Славы и для медали *«За победу над Германией»*, которой были награждены все участники войны. Сегодняшние моряки гвардейских кораблей и соединений и сейчас (!) носят на бескозырках не черную, а георгиевскую ленточку. Это не военная тайна. Но Латынина на всё это «глазами смотрит и не видит, ушами слушает и не слышит». Когда Господь хочет кого-то наказать, то лишает его разума, и тогда человек перестаёт различать правду и ложь. Горше наказания не придумаешь.

Чего здесь больше у популярной среди российской либеральной публики и зарубежных врагов Отечества «акулы пера» Латыниной: невежества, глупости или троллинга?

В её романах точно так же легко и непринуждённо гуляет чушь собачья, вызывающая изумление и поводы для насмешек у интернет-сообщества. Вот лишь некоторые образцы вербальной эквилибристики из романа *«Земля войны»*, номинированного в 2006 году на премию «Национальный бестселлер»: *«Ташов бросил балку на тапочек одному из людей в гостиной. В балке было двести килограмм(ов), но человек заорал так, будто в ней было все четыреста»*. Пусть попробует Латынина бросить себе на ногу двухпудовую гирию... И тогда посмотрим, **как** она закричит...

В такой же метафорической манере описывается лицо одного литературного персонажа: *«Лицо Булавди, гладкое выше темени (темя — верхняя часть черепа. — И.Л.) и обросшее волосами ниже губ, чуть напряглось»*.

Читаем далее: *«За мешками в багажнике лежал человек. Руки его были примотаны к позвоночнику скотчем»*; *«Они остановились у порога и стали смотреть на Кирилла, любопытно и зло, как хорьки, в норку которых заплыла камбала...»*; *«Казалось, этого человека должны были видеть караульные. Но от*

караульных осталось ведро ДНК («Нелюдь»). То есть ни косточки не осталось от бедных караульчиков, ни-че-гошеньки, не считая ДНК. Эти макромолекулы (!) как раз сохранились целёхонькими, несмотря ни на что. И без всякого микроскопа, на глазок, Латынина определила их суммарный объём — аккурат с ведро насобиралось у лауреата многочисленных литературных премий. Ну да премиями нас не удивишь. Особенно зарубежные — как легальная форма материального поощрения за труды на ниве русофобии.

Вот так, занимаясь написанием прозаических поделок, широко известная в узких либеральных кругах Юлия Латынина походя восполняет пробелы в школьном образовании подрастающего поколения. Не смущаясь и не краснея, рассуждает она о биологии и анатомии, в которой, как мы видели, она ровным счётом не смыслит ни бельмеса. Так формируется забвение стыда как нормы, а нормой становится *псакиизм* — новейшая технология манипулирования сознанием.

Знаменитый образ литературного халтурщика Ляпис-Трубецкого, созданного коллективными усилиями Ильфа и Петрова, обрел свое земное воплощение. Согласитесь, *«падение давления в электросети»* или сталинские *«заводы, которые выпускали электроэнергию»* у Латыниной ни в чём не уступают *«стремительному домкрату»* Ляписа-Трубецкого.!

Творчески развивая тезисы Резуна-Суворова о том, что Сталин «параноидально» с 1931 по 1941 год готовился завоевать Европу и весь мир, в эфире от **9 мая** Латынина вещала: *«Создавались либо заводы, которые делали танки, либо заводы, которые делали сталь для танков, либо заводы, наконец, которые выпускали электроэнергию, с помощью которой делалась сталь, из которой делали танки»*. Пока происходил этот замкнутый цикл, *«население СССР было расходным материалом для покорения всего мира»*.

«Ленинград не снабжался потому, что советская власть не считала нужным его снабжать. Потому что, видимо, Сталин в этот момент предполагал, что это гигантская ловушка, город всё равно падет — пусть гитлеровцы кормят его без грамма хлеба». Дескать, прижимист, кровожаден и недалёковиден был Верховный.

Латынина, приводя примеры *«бездарности Сталина и Жукова»*, бьёт не только по политическому и военному руководству времён войны, но и по СССР как субъекту истории с тем, чтобы опорочить и предать забвению Великую Победу над фашизмом. Если ход войны шёл столь бездарно, как внушает на интернет-форуме «Эха Москвы» Латынина, почему

же Германия, объединённая почти со всей Европой, подписала безоговорочную капитуляцию?

«Вам, милочка, необходимо в Академии генштаба преподавать! Каких гениальных полководцев вы обучите! Как точно вы указали на то, что Жуков, в отличие от Вас, в военной стратегии ни хрена не понимает!» — написал один из комментаторов.

А что стало бы с Европой, да и с Америкой, если бы СССР потерпел поражение? Но нам тут же скажут, что история не знает сослагательного наклонения. А какое наклонение вектора истории навязывает своим слушателям автор «Кода доступа» и с какой целью?

В эфире 9 мая Латынина просвещала своих слушателей: *«Мы празднуем Победу в Великой Отечественной войне, а весь мир празднует во Второй мировой. А это две разных войны. Потому что Вторая мировая началась 1 сентября 1939 года, через неделю после подписания пакта Молотова—Риббентропа, в котором Сталин и Гитлер заключили союз и разделили Европу»*.

Если «весь мир» 8 мая празднует Победу во Второй мировой войне, чем объяснит Юлия Леонидовна, что **США через три месяца** после этой всемирной Победы сбросили две атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки? Мировая война-то, по Латыниной, уже была закончена. И в честь какого события Путина пригласили на военный парад в Китай 2 сентября?

«...С сухим треском капсуля, бьющего по бойку...» — взрывают нетренированные мозги размышлизмы Латыниной. (В реальной жизни, а не в воспалённом воображении Латыниной, именно боёк бьёт по капсулю, а не какой-то неведомый капсуль по бойку).

«И я просто боюсь, что очень много людей не приехало на это празднование, потому что они считают, что под соусом победы над фашистской Германией они будут принимать участие в торжествах по случаю «сбития» малазийского Боинга», — сетует она.

На самом деле «сбитие» случилось в скорбной головешке боязливой Латыниной. На 70-летие Великой Победы не приехали представители тех стран, которые так или иначе сражались на стороне Гитлера, то есть проигравшие Вторую мировую войну. Их понять можно. Зачем огорчать граждан стран, которые ведать не ведают, что когда-то их страна проиграла сегодняшней стране-агрессору, противнику «общечеловеческих ценностей» и однополых браков? Между прочим, на Параде Победы в 1945 году зарубежных гостей вообще не было, но это не омрачило радость Победы советского народа.

Сталин и Гитлер «союз» не заключали, как кажется ведущей «Кода доступа». СССР и Германия не заключили ни пакта, ни тем более союза, а подписали **Договор о ненападении** и приняли на себя обязательства соблюдать нейтралитет, если одна из сторон станет объектом военного действия третьей стороны. К тому же СССР был **последней страной**, которая заключила договор с Германией о ненападении.

Вот кто и когда заключил соглашения и договоры с Гитлером:

1933. Великобритания, Франция, Италия и Германия — пакт четырёх.

1934. Польша: пакт Гитлера — Пилсудского. Договор о ненападении между Германией и Польшей.

1935. Великобритания: Морское соглашение. Результатом соглашения стала окончательная ликвидация всех ограничений Версальского договора.

1936. Япония: Антикоминтерновский пакт.

1938, сентябрь. Великобритания: Декларация о ненападении.

1938, декабрь. Франция: Декларация о ненападении.

1939, март. Румыния: Экономическое соглашение.

1939, март. Литва: Договор о ненападении.

1939, май. Италия: Пакт о союзе и дружбе.

1939, май. Дания: Договор о ненападении.

1939. Эстония: Договор о ненападении.

1939, июнь. Латвия: Договор о ненападении.

К августу 1939 года СССР остался один на один с Германией в полной международной изоляции. Сталин 23 августа 1939 года заключил с Гитлером договор о ненападении, отсрочив почти на два года неизбежную войну, а Гитлер вероломно нарушил договор с СССР, порвал его так же, как и с другими странами.

На приводимых Латыниной фактах, основанных на мешанине из книг предателя Суворова-Резуна и своих домыслах, она строит свои выводы, которые пользуются успехом у слушателей «Эха Москвы». *Псакизм* — явление не безобидное, это уже мировой тренд, к тому же заразный. Как бы самой Латыниной не попасть в расставляемые ею сети. Мы видим, как двадцатилетнее промывание мозгов молодого поколения на Украине даёт свои ядовитые всходы. Примерно по такой же пропагандистской технологии на Украине воспитывали поколение «Кто не скачет — тот москаль». К чему это привело, хорошо известно. Эти попрыгунчики, не задумываясь, свернут шею даже тем, кто их выпестовал.

Вот еще цитаты из эфира от 9 мая на «Эхе Москвы»: *«Сталин сжег Россию, чтобы завоевать мир. Мир не завоевал, а Россию спалил дотла»; «Сталин устроил геноцид российского народа, зато создал неконкурентоспособную промышленность и армию, в конечном итоге оказавшуюся некурентоспособной»; «Парадоксальным образом он (Сталин) проигнорировал все новейшие технические разработки — реактивные двигатели, ракеты, ядерное оружие».*

Нужно всё же напомнить Латыниной, которая знает практически все и про всех, легко разбирается в любых вопросах, и тем, кто восхищается её кругозором, *«честностью и несомненным умом»*, что в 1949 году СССР испытал атомную бомбу. В 1954 году (через 9 лет после окончания войны) в СССР была построена первая в мире атомная электростанция, в этом же году в СССР появился первый в Европе компьютер. В 1956 году (через 11 лет после войны) состоялся полёт первого в мире реактивного пассажирского самолета Ту-104. В 1957 году (через 12 лет после окончания войны) был запущен первый в мире спутник (видимо, без реактивных двигателей...). В 1961 году — первый в мире космонавт. И так далее. Это ей не стучать по клавишам и в студии «Эха Москвы» не строить заводы, *«выпускающие электроэнергию»*, в результате чего *«падает давление в электросети»*.

«Ни одна страна», — озвучивает своё «открытие» Латынина, — ни один народ не терпел такого поражения в войне, как Россия и русский народ. Ее попросту не стало. Страшно произносить, но страна-победительница исчезла, самоуничтожилась», — заламывает руки ведущая еженедельных программ на «Эхе», забыв, что родилась она в давно «исчезнувшей стране». Под картину мира, сложившуюся в её бедной головушке, подгоняется всё, что от неё требуют её кураторы, и отметается всё, что ее не устраивает или не укладывается в её толерантных мозгах.

На десерт — комментарий почитателя ведущей «Кода доступа», так сказать, продукт её пропаганды: *«Браво, Юлия! Сейчас мало кто осмеливается говорить правду и про христианство, уничтожившее языческую культуру славян, гораздо более интересную и развитую, и про георгиевскую ленту, никакого отношения не имеющую к ВОВ... и про полуголовных типов на мотоциклах, в кожаных куртках и заклёпках, имеющих вместо имён клички, которых почему-то все должны пропускать на границах только потому, что они за руку здороваются с нашим президентом, что совершенно его не красит и показывает, из какого общества он прямиком попал в президенты.*

Спасибо, что хоть кто-то в этой стране остался в здравом уме», — пишет комментатор, не смущаясь своей собственной клички.

В IV веке Афанасий Великий пророчествовал: «Настанет время, когда люди перестанут различать добро и зло. И вам будут говорить: вы безумствуете, потому что не хотите принимать участие в общем безумии, но мы заставим вас быть как все». Это про нас и наше время.

Добавлю еще немного рафинированной смердяковщины, ещё одного единомышленника Латыниной: *«Раша-генофонд давно уничтожен, остались одни зомбоиды. Москалоиды-монголоиды и мутанты... Раша-победы не просматриваются со времен 1812 г... Кроме деградации и вырождения вам ничего и не светит в исторической перспективе... Вы — гнойный аппендикс на теле Человечества... Чем бряцать оружием — обеспечьте лучше, чтобы 65% ваших сограждан имели и пользовались унитазом, а не наблюдали бы его только по телевизору... Вот тогда и получите моральное право говорить о великой победе...»*

И ободрённая Латынина, прислушившись к мнению единомышленников, продолжила вещать в привычной художественной форме: *«Танк Армата — это секс-символ путинской эпохи, танк с большой пушкой»*. Это сразу вызвало у комментаторов двусмысленную аллюзию со знаменитыми в интернет-сообществе навязчивыми Юлиными художественными грёзами-образами: *«В узком свете фонаря Арзо видел мокрые чёрные камни и похожие на пенисы сталактиты — полупрозрачные, красноватые, с какими-то вздыбившимися напыльям»*.

Поинтересуйтесь, г-жа Латынина, что такое сталактит. Представьте сосульку, доходящую порой до метра...

Я привёл эти цитаты не для того, чтобы посмеяться над свихнувшейся на русофобии «журналисткой №1», как охарактеризовал её Дмитрий Быков, который возомнил себя большим поэтом. Всё гораздо серьёзней. Латынина пытается оказать тлетворное влияние на мировоззрение и идеологию молодёжной и интеллигентской среды — главный двигатель всех смут и революций. Одновременно она является сотрудником «Новой газеты» (с 2001 г.), автором программы «Код доступа» на радиостанции «Эхо Москвы» (с 2003 г.) и на телеканале RTVi (с 2008 г.), колумнистом электронного издания «Ежедневный журнал» (с 2005 г.) и Газета.ру (с 2006 г.).

В 2004 году она стала одним из учредителей «Комитета 2008», наряду с Гарри Каспаровым, Михаилом Бергером,

---

Владимиром Буковским, Борисом Немцовым, Сереем Пархоменко, Александром Рыклиным, Виктором Шендеровичем и др. Нет, не случайно к нам приезжал вице-президент США Джозеф Байден накануне наших президентских выборов. Но... не тот оказался электорат...

Латынина выступила с докладом на конгрессе «Украина — Россия: диалог», прошедшем 24—25 апреля 2014 года в Киеве. В резолюции конгресса, наряду с прочим, говорилось: *«Мы против вмешательства во внутренние дела Украины, в частности, в вопросе государственного устройства, самоуправления и языковой политики. Мы озабочены тем, что Россия превращается в закрытую, агрессивную страну, политика которой нарушает нормы международного права. Мы поддерживаем территориальную целостность Украины в ее конституционных границах. И считаем европейский выбор единственно верным и для Украины, и для России»*.

При столь внушительном влиянии на политическую и идеологическую жизнь страны уровень некомпетентности и безответственности Юлии Латыниной за свои слова вызывает изумление. Читаем в ее романе «Стальной король»: *«Но это было на сто градусов больше температуры костра, на котором сожгли Коперника»* (величайший учёный Ренессанса скончался 24 мая 1543 года в возрасте 70 лет от инсульта).

«О да, это сейчас Рим извиняется за сожжение Коперника и признаёт свободу совести — когда церковь ослабела...» (НГ, 31.07.2012). *Нверное, где-то, когда-то она слышал про судьбу Джордано Бруно, да, видать, какой-нибудь «электромагнитный импульс» перевёл в её мозгах стрелку осциллографа на Николая Коперника.*

После такого вольного обхождения с общеизвестными фактами грош цена в базарный день аргументам пропагандистов с «Эха Москвы». Не пора ли ей вместе с её шефом Венедиктовым отправиться в отпуск куда подальше, да хотя бы в Трускавец, отдохнуть на водах. Там можно получить гидротерапию, жемчужные ванны с солью из Мёртвого моря, посмотреть вживую передачи украинского ТВ и успокоиться. И не морочить голову ни себе, ни людям.

Латынина — лауреат премии имени Голды Меир (1997) за работы в области экономической журналистики, лауреат премии имени Герда Буцериуса «Молодая пресса Восточной Европы» (2004).

В 1999 году «Русский биографический институт» удостоил Юлию Латынину звания «Человек года» «за успехи в экономической журналистике».

---

8 декабря 2008 года она была удостоена премии «Защитник свободы», учреждённой госдепартаментом США. Премию Латыниной вручала лично госсекретарь США. По словам Кондолизы Райс: *«Юлия разоблачала коррупцию и злоупотребления государственных чиновников, а также вопиющие нарушения прав человека, совершаемые как органами власти, так и частными лицами, особенно на Северном Кавказе. С большой смелостью она открыто выступала в защиту своих коллег-журналистов, заблокированных в условиях растущей самоцензуры или вынужденного молчания».*

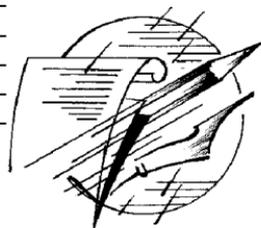
Характерно, что ни Сноуден за разоблачение злоупотреблений госчиновников или кто-либо иной за разоблачение вопиющих нарушений прав человека в США премий пока не получил.

МАНЬЯК ЛИБЕРАЛИЗМА

Восхождение к Пиночету

Альфред Рейнгольдович Кох презентует себя в качестве потомка немецких колонистов, бежавших из раздираемой войнами и болезнями, голодающей скученной Европы второй половины XVIII века осваивать нетронутые черноземы необъятной Новороссии по приглашению Екатерины Великой. Его отец, Рейнгольд Давыдович, с началом войны был переселен из Краснодарского края в Казахстан. О предках матери в биографиях не поминают: кому интересны эти русские?

Сам Альфред Кох родился в 1961 году. В 1969 году его семья переехала из Зыряновска Восточно-Казахстанской области в Тольятти на строительство ВАЗа. Отец продвинулся в заводское начальство, и Алик входил в «золотую молодежь» города, но, по воспоминаниям, «выбирал друзей попроще, чтобы доминировать над ними». Поступил в спасающий от армии Ленинградский финансово-экономический институт: не из лучших, но позволяющий войти в круг «хозяев жизни», да еще и по мод-

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

ной специальности «экономическая кибернетика» — не в первой столице, так во второй. Поступил легко: похоже, «запасные части (дефицит, которым заведовал на «ВАЗе» его отец. — М.Д.) сыграли не последнюю роль».

Кандидатская «Методы комплексной оценки территориальных условий размещения промышленных объектов», написанная на материалах «ВАЗа», понравилась Чубайсу, но его кружок уже сложился, и ключевые роли были разобраны. Однако уже тогда эрудиция Коха, как вспоминают, произвела на Чубайса оглушающее воздействие. Чубайс стал относиться к нему как к источнику новых, разнообразных, всегда интересных знаний. При столкновении мнений Кох обычно «передавливал» Чубайса.

В 1987 году, после защиты диссертации, Кох устроился младшим научным сотрудником в НИИ, разрабатывавший новые материалы для судостроения. Среди инженеров экономист не мог выстроить карьеры, и в 1988 году он перешел в политехнический институт ассистентом кафедры. Должность не соответствовала ученой степени кандидата наук, но не была связана с ответственностью и позволяла искать новые возможности.

Лишь в 1990 году, продемонстрировав красивую концепцию развития, что тогда было редкостью (по другой версии — по протекции Чубайса; возможно, верны обе), Кох стал председателем исполкома Сестрорецкого райсовета Санкт-Петербурга. Должность дала ресурс: Кох стал устраивать для реформаторов выездные семинары в домах отдыха под Сестрорецком и, став полезным, вошел в команду. Тогда же познакомился с Гайдаром.

Уже в апреле 1991 года, когда страна корчилась после павловского обмена денег (Кох гордился, что делал все для его срыва, подписывая разрешения на обмен любых сумм, — по его уверениям, бесплатно, из ненависти к государству, частью которого он был) в первом скачке розничных цен, Кох в группе из 12 либералов прослушал установочный курс в чилийском «Институте свободы и развития» Серхио Кастро — одного из «чикагских мальчиков», обслуживавших Пиночета. Но в Чили Кох как руководитель райцентра, не интересующийся макроэкономикой, был на вторых ролях, и на аудиенцию с Пиночетом его, несмотря на позитивное отношение к американскому палачу Чили, не взяли.

Зато дома его ждало повышение: в августе 1991 года Кох стал первым замдиректора фонда Ленинградского госимущества, а с 1992 года — зампредом комитета по управлению госимуществом Санкт-Петербурга.

На гребне волны: месть ненавистой стране?

С началом приватизации Кох был взят Чубайсом в Госкомимущество и в августе 1993 года стал заместителем «главного ваучера»: приватизировал реальный сектор. Похоже, американские «эксперты» нацеливали приватизацию на уничтожение ключевых отраслей — в первую очередь в сфере ОПК. Борьба с директорами предприятий, хотевших просто владеть ими, велась изошренно и была бескомпромиссным столкновением интеллектов и воли. На острие этой борьбы и находился «Алик» Кох. Другой его задачей, по видимому, была передача передовых оборонных технологий странам НАТО.

По свидетельству журналиста Олега Лурье, «закрытый» отчет Счетной палаты по 1992—1995 годам указывал на *«захват иностранными фирмами контрольных пакетов акций ведущих предприятий оборонного комплекса и... целых его отраслей. Американские и английские фирмы приобрели контрольные пакеты акций МАПО «МиГ», «ОКБ Сухой», «ОКБ им. Яковлева», «Авиакомплекс им. Ильюшина», «ОКБ им. Антонова»... «Сименс» приобрел более 20% Калужского турбинного завода, производящего уникальное оборудование для атомных подводных лодок. Россия не только утрачивает право собственности на оборонные предприятия, но и теряет право управления их деятельностью в интересах государства».*

Согласно совместному письму ФСБ и СВР, «приватизация предприятий ОПК привела к массовой утечке новейших технологий, уникальных научно-технических достижений, практически даром, на Запад. В целом Запад приобрел в России столь большой объем новых технологий, что НАТО учредило для их обработки специальную программу».

Со своими задачами Кох справлялся настолько успешно, что в марте 1995 года, накануне презентации Потаниным в правительстве идеи «залоговых аукционов», он стал первым зампредом Госкомимущества. «Залоговая приватизация» — раздача лучших предприятий России для создания олигархии как коллективного заложника Ельцина, вероятно, казалась слишком грязной даже титулованным реформаторам — для этого им понадобился Кох. Он руководил залоговыми аукционами как и. о. председателя Госкомимущества (Чубайс тогда избирался в Госдуму, куда и ушел, уступив пост А.И. Казакову, неформальному «кадровику» своей команды).

По данным Счетной палаты, Чубайс и Кох организовали получение приватизационными структурами западных

льготных кредитов более чем на 2 млрд. долл., следов которых найти не удалось ни палате, ни Минфину.

За проданные в 1993—1995 годах военные предприятия и технологии бюджет получил жалкие 450 млн. долл. К январю 1996 года распродажа страны была в целом закончена, и Чубайс покинул правительство, начав подготовку к переизбранию Ельцина при помощи консолидации созданной им олигархии.

По данным ФБР, на которые ссылается Лурье, Чубайс как раз тогда создал механизм вывода из страны приватизационных миллиардов и «отмывания» их части для финансирования спасения Ельцина. Для этого в январе 1996 года на Барбадос — тогда один из наиболее удобных офшоров — прибыли Кох и старый соратник Чубайса Кагаловский со своей женой Гурфинкель, затем «засветившиеся» в скандале с «отмыванием» российских денег через Bank of New York. В декабре 1998 года эта история аукнулась Коху: при прибытии в Нью-Йорк его виза была аннулирована, а сам он был выдворен из США в связи с запретом въезда в страну.

Но прежде, помнится, Кох заработал прозвище «недостреленного»: когда правительство обсуждало нехватку денег в бюджете, он встал в зале, громко прося слова, прошел к столу заседаний и торжественно поклялся получить недостающие средства форсированием приватизации. «Если не соберем этих денег, — расстреляйте меня!» — выпренне обратился Кох к растроганному Черномырдину.

Конечно, несмотря на форсирование приватизации, обещанных денег бюджет не получил, зато в сентябре 1996 года вовремя подсутившийся Кох возглавил Госкомимущество уже на постоянной основе — и его влияние при поддержке Чубайса стало расти.

В декабре 1996 года Кох стал членом совета директоров ОРТ, в январе 1997 года — зампредом комиссии правительства по обеспечению доходов бюджета за счет приватизации, в феврале — зампредом комиссии по управлению и приватизацией ОПК, в марте — вице-премьером (с сохранением руководства Госкомимуществом): уже не исполнителем, а полноправным членом «команды молодых реформаторов».

Крушение «крёстного отца» российской олигархии

Кох стал исполнителем скандальной сделки с блокирующим пакетом «Связьинвеста»: обещанный за бесценок Березовскому и Соросу, он был передан структурам Потанина, стратегического союзника Чубайса. С точки зрения борьбы

доминировавших тогда олигархических кланов, Березовского и Чубайса, это было разумно: усилить позиции основного конкурента не имело смысла.

Но по-чубайсовски откровенное и неотвратимое в своей логичности нарушение договоренностей вызвало ответный удар Березовского. Детская на фоне их остальных свершений, копеечная шалость: получение гонорара за ненаписанную книгу о приватизации (с претенциозным заголовком «Распродажа советской империи»), была предъявлена в качестве обвинения. Ничтожный на фоне активов, которыми распоряжались либералы, гонорар — по 90 тысяч долларов каждому из пяти «соавторов» — был головокружительным на фоне тогдашней крошечной нищеты (хорошая однокомнатная квартира в Москве стоила около 20 тысяч долл.) и, главное, понятным для людей.

В результате Чубайс осенью 1997 года попросился в отставку, а в марте следующего года, перед назначением «козлом отпущения» за последствия либерального беспредела никем не воспринимавшегося всерьез Кириенко, ушел с госслужбы.

Одной из первых жертв «дела писателей» стал Кох, также ушедший со всех постов в августе 1997 года. Накануне объявления об увольнении он бежал с семьей в США, — якобы «в отпуск». Винить его за это не стоит: через несколько дней был убит глава питерского Комитета по управлению госимуществом Маневич. Говорят, именно по этому поводу один высокопоставленный правоохранитель, перечитывая личное дело убитого, меланхолично обронил сакраментальное: «Некоторым можно спасти жизнь, лишь вовремя посадив их».

Побочным эффектом свары вокруг «Связьинвеста» стало отвлечение сил обоих олигархических кланов от «Газпрома», на который они нацелились летом 1997 года; в итоге он не достался ни Березовскому, ни Чубайсу и остался формально государственным.

Как вспоминают, уже 1 сентября 1997 года Чубайс устроил своего друга «Алика» главой Совета директоров американской управляющей компании «Montes Auri» («Златые горы»), где Чубайс держал свои деньги в качестве частного инвестора. В США Кох намеревался остаться всерьез и надолго, не собираясь возвращаться в Россию. Именно к этому периоду его биографии относится печально известное интервью русскоязычной американской радиостанции WMNB 23 октября 1998 года:

«WMNB. Высказывается мнение, что в России катастрофа, и её экономическое будущее прозрачно. Как вам кажется?»

Кох. Мне тоже так кажется.

WMNB. Не видите света в конце туннеля?

Кох. Нет.

WMNB. Как вы прогнозируете экономическое будущее России?

Кох. Сырьевой придаток. Безусловная эмиграция всех людей, которые могут думать, но не умеют работать (в смысле — копать), которые только изобретать умеют. Далее — развал, превращение в десяток маленьких государств.

WMNB. И как долго это будет длиться?

Кох. Я думаю, в течение 10—15 лет... Вы понимаете... В течение 70 лет, когда формировалось мировое хозяйство, Россия, вернее, Советский Союз находился как бы в стороне, развивался отдельно, по каким-то своим законам. И мировое хозяйство сформировалось без Советского Союза. И оно самодостаточно, там есть достаточные ресурсы, все есть. И сейчас Россия появилась, а она никому не нужна. (Смеется.) В мировом хозяйстве нет для нее места, не нужен ее алюминий, ее нефть. Россия только мешает, она цены обваливает со своим демпингом. Поэтому, я думаю, что участь России печальна, безусловно».

Кох радостно, по-детски счастливо смеялся над безрадостным положением России, её унижением и неизбежным, по его мнению, превращением в сырьевой придаток Запада. Сама мысль, что Россия не имеет никаких перспектив и никому не нужна, насколько можно судить, вводила недавнего вице-преьера «этой страны» в состояние безудержного, неконтролируемого восторга. Возможно, он просто считает трагедию России своим личным достижением.

11 сентября 1997 года генпрокурор Скуратов заявил о проверке сообщений, что Кох, возглавляя Госкомимущество, получил 100 тысяч долл. за другую ненаписанную книгу о приватизации. 1 октября прокуратура Москвы возбудила уголовное дело против Коха за злоупотребление служебным положением. А в ноябре были опубликованы подробные данные о «деле писателей» — и о том, что 60% гонорара были выплачены Чубайсу, Бойко, Мостовому, Коху и Казакову еще в июне. Чубайс заявил, что 95% сумм авторы планировали пожертвовать в организовавший их финансирование фонд, но это звучало так нелепо, что больше, похоже, не использовалось защитой. Вышло, что Чубайс солгал — и никто почему-то этому не удивился.

А Кох? Кох представил налоговикам копии документов по книге, чем подлил масла в огонь: посредником между ним и швейцарским издателем оказался зампред правления

ОНЭКСИМ-банка, а владельцем щедрого издателя — сотрудник швейцарской «дочки» ОНЭКСИМа.

В мае 1998 года прокуратура обвинила Коха в квартирных махинациях: в декабре 1993 он на деньги спецфонда Госкомимущества купил трехкомнатную квартиру тогдашней рыночной стоимостью более 100 тысяч долл. за... 2280 долл. (не за метр, а за всю квартиру!). Ему помогла фирма, в уставной фонд которой Госкомимущество внесло несколько зданий в Москве. Схожие обвинения были предъявлены многим чиновникам Госкомимущества, включая трех зампредов. Дело было закрыто по амнистии в декабре 1999 года, но все чиновники Госкомимущества, включая Коха, признали себя виновными.

В ноябре 1999 года прокуратура возбудила против Коха уголовное дело относительно залогового аукциона по «Норильскому никелю». Следствие пришло к очевидному выводу: Кох помог ОНЭКСИМ-банку получить акции «Норникеля» по заниженной цене. Но и это уголовное дело было закрыто по амнистии.

Позднее, в августе 2003 года, депутат Госдумы Мельников заявил о получении им копии внутренних документов ОНЭКСИМ-банка об открытии Коху 1 сентября 1997 года «разрешения на расходы» в 6,5 млн. долл. По мнению Мельникова, Кох умышленно нарушил методику определения стартовой цены акций «Норникеля» и занижил ее почти вдвое: с 310 до 170 млн. долл., после чего без оснований отстранил от участия в залоговом аукционе конкурента ОНЭКСИМ-банка — банк «Российский кредит».

Но государство осталось глухо к обвинениям: похоже, при проведении залоговых аукционов такие махинации были правилом, а не исключением.

Могильщик «свободы слова»

Приход В.В. Путина к власти на время вернул Коха «в обойму» сильных мира сего. Вероятно, главную роль в этом сыграли протекция Чубайса и нарастающий конфликт второго президента России с Борисом Березовским, несколько переоценившим свою роль в новой «вертикали власти».

В мае 2000 года Кох был введен в совет директоров ОАО «Усть-Луга», а уже 10 июня — в совет директоров ОАО «Газпром-медиа». Это было время разгрома медиа-империи Гусинского, пытавшегося под прикрытием «свободы слова» заняться привычным шантажом власти — в конечном счете — на её же деньги.

Такая наглость оправдывала себя в «лихие девяностые», но с новым «хозяином Кремля» она не прошла. Кох стал исполнителем разгрома «старого» НТВ и умирения его пытавшихся взбунтоваться журналистов, подтвердив, что в России нет носителей более тоталитарного сознания, чем либералы.

Он с явным упоением сводил старые счета: во времена «семибанкирщины» не допущенный к залоговым аукционам Гусинский использовал мощь своей пропаганды не только против Чубайса, но и против всей его команды, в которой «Алик» Кох играл одну из первых скрипок. «Как тонко он может обставить собственное банкротство как банкротство свободы слова в России», — сказал Кох в начале 2000-х о Гусинском.

В сентябре 2000 года «мастер на все руки» обосновал позицию власти в отношении медиаимперии Гусинского: «Поскольку «Газпром» является главным кредитором НТВ, оно должно достаться «Газпрому-медиа», но не для того, как утверждает... Гусинский, чтобы выполнять команды Кремля, а... потому, что мы хотим возврата своих инвестиций и не хотим убытков...» Он выразил готовность лично управлять телекомпанией, хотя и оговорился: «...хотелось бы привлечь профессиональных менеджеров».

Разумеется, в апреле 2001 года акционеры НТВ по инициативе «Газпром-медиа» избрали председателем совета директоров НТВ не кого-либо из «профессиональных менеджеров», а именно Коха. В открытом письме он немедленно обвинил лидера «гусинского» НТВ Евгения Киселева во лжи и в уклонении от встреч. В тексте, который может быть адресован любому либералу, в том числе и ему самому, Кох справедливо вопрошал: «Вы говорите, что служите свободе слова. Но разве ей можно служить ложью?.. Хотите, я скажу, чего вы боитесь? Вы боитесь правды».

«Правильная и справедливая борьба не может быть стилистически позорной. У вас пропал стиль. Это начало конца. Этот ложный пафос. Эта фальшивая пассионарность. Это фортиссимо. Надрыв. Это всё стилистически беспомощно. Флаг из туалета... Это просто плохо. Плохо по исполнению. Это бездарно. Бетховен, сыгранный на балалайке, — это не Бетховен. Какая гадость эта ваша заливная рыба. Киселев на операторской лестничке, произносящий гневную филиппику лоснящимися от фуа-гра губами. Визг. Как железом по стеклу. Пупырышки. Я это чувствую. А вы? Надо взростеть. Надо встать. Надо проветрить. Помыть полы. Отдохнуть. Своим враньем вы оскорбляете мой разум» (последняя фра-

---

за, похоже, так понравилась Коху, что он использовал ее и в дальнейших своих филиппиках).

В сентябре Кох пытался запустить на НТВ телешоу под характерным названием «Алчность», но после трех выпусков уступил его другому ведущему, сославшись на занятость, — и 12 октября ушел с должности гендиректора «Газпром-медиа», обвинив своих благодетелей из «Газпрома» в «подковёрных интригах».

Выпадение из контекста

Кох пытался остаться на плаву — и в конце февраля 2002 года заксобрание Ленинградской области избрало его членом Совета Федерации. Но фигура была слишком одиозна, избрание было оспорено в суде. Побарахтавшись, Кох сдался, отказавшись от вожделенной должности, но сослался не на процессуальные нарушения, которые ставились ему в вину, а на «слухи о якобы заплаченных парламентариям деньгах», то есть о взятке, что, учитывая его репутацию, правдоподобно.

Однако «Алик» рук не опустил — и в конце апреля 2003 года возглавил предвыборный штаб СПС, обещая «партии олигархов» третье место — не просто за проходное место в списке, но и зарплату полмиллиона долларов в год. Кох показал себя «многостаночником»: объявил, что возглавил штаб СПС и по Санкт-Петербургу, а также партийную газету (уволнив ее редактора), где печатал свою книжку «Ящик водки», выписывая себе гонорары.

Внутрипартийная комиссия СПС возложила личную ответственность за провал либералов (которые больше никогда не вернулись в Госдуму) на «эффективного менеджера» Коха наравне с политтехнологом Мариной Литвинович.

Эксперты меланхолично назвали причиной поражения кромешное воровство: по их оценкам, было украдено до двух третей предвыборного бюджета, то есть от 12 до 26 млн. долл. (функцией Коха была не только организация, но и управление финансами). Скандала это не вызвало: ведь что может быть естественней, чем реализация либералами собственных либеральных ценностей?

После краха СПС Кох издает глянцевого журнала «Медведь». Полагая себя писателем, пишет яркие заметки в фейсбуке, пропагандируя либерализм с изощренностью, которой позавидовал бы и Геббельс.

В апреле 2014 года он заявил, что не вернется в Россию из Германии из-за обвинения в контрабанде культурных ценно-

---

стей — картины, оцененной им в 18 тысяч руб. (возможно, так же, как был оценен «Норильский никель»). Либеральная тусовка, напрягая силы, не устает переживать эту невосполнимую утрату.

Сам же Кох живет в наиболее комфортных для себя условиях и с удовольствием отводит душу в адрес России, которую ему пока не удалось разрушить, но, похоже, он полон надежд.

Его жизнь удалась: сбылась мечта либерала.

Либеральный интеллект

Либерализм плохо совместим с разумом: понимая цели глобальных монополий, трудно быть исполнителем их планов. Это дело для маньяков — а их интеллект односторонен и ушиблен.

Понимая и чувствуя детали, Кох патологически не способен воспринимать происходящее в целом. Это сделало его незаменимым в ходе реформ, когда либералам надо было крушить целое, прикрываясь решением частных проблем. Интеллект, наблюдательность и чувство стиля расплющены у него поразительной морально-этической глухотой и откровенным самодостаточным эгоизмом. Это не столько ум, сколько хаотичная и запутавшаяся в себе эрудиция, которую Чубайс, гений железной поверхностности, путает с глубиной — абсолютно неизвестным ему явлением. Недаром и немолодой уже Кох зовет себя «Аликом» — инфантилизм никуда не делся.

После убийства Немцова Кох поучаствовал в либеральных «гонках на лафете», торжественно возгласив свое трепетное опасение стать следующей жертвой — вместе с Гудковым-младшим и Ксенией Собчак, которую он успел обозначить соучастницей убийства: мол, принцесса питерского клана, уличив Немцова в трусости, тончайшим психологическим расчетом выманила того из уютного безопасного Израиля в отвратительную Москву под пули киллеров... А заодно пообещал «очередную волну роста цен» и начало массовых политических репрессий уже в августе 2015 года, нефть по 20 долларов за баррель (разумеется, из-за политики Путина) и полный отказ Европы от российского газа уже через пять лет.

Похоже, ему и сейчас, как в приватизацию, действительно безразлично, какую ахинею нести: тогда нужно было «дербанить» страну и раздавать её куски в правильные руки, а сейчас — плевать в опасно для Запада задумавшуюся о своих правах и интересах Россию.

В полемике Кох с удовольствием использует и шокирующую оппонента грубость, и по-чубайсовски наглуую ложь (на чём его неоднократно ловил, например, Илларионов). При этом он патологически искренен: эдакий вечный младенец российского либерализма, устами которого глаголет истина, разоблачающая не только его, но и весь либеральный клан. Подобно немецким солдатам, без всякого стеснения раздевавшимся у деревенских колодцев догола, чтобы вымыться на июльской жаре 1941 года, Кох не сдерживает самопроизвольного потока своей искренности. Его хамство удивительно органично. Именно поэтому он войдет в историю.

В январе 2002 года, подтверждая сказанное в упомянутом выше интервью, Кох назвал русский народ «так называемым». Чубайс неслучайно назвал Коха «истинным патриотом России»: «Алик» действительно воплощает собой либеральное понимание патриотизма.

Комментируя теракт 11 сентября 2001 года, Кох отметил: когда перед тем в Москве взрывали дома, у него не было такого чувства сопричастности. И объяснил: просто в Нью-Йорке у него «все улочки родные». А в Москве — нет, и для либерала это нормально...

Глядя на либералов, даже удалившихся от дел, совсем не похожих на гитлеровских мясников, не стоит забывать, **что** эти люди сделали с нами, а также **что** они еще хотят сделать — и сделают, если их не остановить.

СЛУЖИЛ ГАВРИЛА ФИНАНСИСТОМ...

Графоманы и графоманство были всегда. А сейчас, когда литературный поток, никем не управляемый и ничем не ограниченный, течёт сам по себе, графоманство процветает, и, так сказать, «в особо крупных размерах». Графоманы плодятся, как тараканы, и обладают такой же выживаемостью и первозданным нахальством. Они активно пролезают в творческие союзы и союзики, занимают Интернет, концертные площадки, библиотечные залы и студенческие аудитории, больничные холлы и залы ожидания, семейные торжества и корпоративы, вагоны электричек и тамбуры поездов дальнего следования, словом, выступают со своими опусами везде, где только можно и где нельзя. Как правило, они издают свои сочинения на свои же средства, но есть и такие, которые, как Остап Бендер, знают «сто честных способов отъёма денег у граждан», т.е. находят спонсоров и среди частных лиц, и в различных организациях. Графоманы делятся на графоманов *поэтических* и графоманов *прозаических*. Понятно, что первые пишут стихи, вторые мучают нас прозой... (Согла-

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

ситесь, что первых много больше, чем вторых.) И даже издаются журналы! Мне несколько лет назад попался один такой в руки, под названием «Графо». Название, в котором редактор одного, может, и сам того не понимая, обозначил суть данного издания. По крайней мере, по прочтении журнальчика я решила, что в данном случае «Графо» — это сокращённый вариант от «Графоман».

Собственно, ничего уж такого страшного и ужасного в графоманстве нет, это болезнь, но болезнь не смертельно опасная, даже не заразная. Ну, кропает себе какой-нибудь Тюткин при свете луны стишата или тукает по клавиатуре романище в трёх томах, ну и пусть его, в конце концов, не убивает же он никого, не грабит, даже не хамит, сидит себе спокойно «при деле», никому не мешает. Ну, помучает своими опусами домашних или друзей, так на то и близкие, и друзья, чтобы терпеть и относиться к графоману с пониманием.

Часто графоманы веселят и смешат, т.е. создают хорошее настроение, и за это я всем им благодарна. Как благодарна редактору «Гула толпы» М.Шведу за его «Электрический трон», в котором он публикует подобные вирши. Недавно, читая книгу об истории Санкт-Петербурга, наткнулась на два совершенно прелестных отрывка из графоманских стишков и от души посмеялась. Речь шла, однако, о событии вовсе не смешном — о страшном наводнении в столице 1824 года. Вот что писал по этому поводу современник А.С. Пушкина, известный графоман граф Д.И. Хвостов (ох, и доставалось же ему в эпиграммах от нашего гения, а ведь человеком несчастный граф был очень симпатичным!):

*Там множество различных крав (т.е. коров. — Т.П.)
Лежало, кверху ноги вздрав!*

А вот на ту же тему словоизвержение уже поэта-рабочего (XX век), некоего Н.Семёнова:

*Не страшна мне Нева озверелая,
Убоится ли её страна моя краснотелая?*

Чудесно, замечательно! Сколько радостных улыбок вижу на лицах по прочтении этих двух отрывков. И тут приходит мысль: а может, при помощи графоманов можно лечить некоторые заболевания, например, депрессию или неврозы? А что, вообразите такую картинку: собираются в больничке на сеанс психотерапии больные, а вместо доктора к ним вы-

---

зывается графоман, читает свои стихи, и больные хохочут, и сам автор доволен — и слушателей нашёл, и доброе дело сделал!

Но возьмём другой пример, из совсем недавнего. Здесь наоборот, не других графоман лечит стихами, а себя! Лечит, подбадривает и тоже находит большое количество благодарных слушателей. Это я про известную блондинку, поэтессу, художницу и композиторшу в одном флаконе — про мадам Васильеву. Ее шлягер «Розовые тапочки» слышали? Можно отлично использовать при мытье посуды или уборке кошачьего туалета. Но есть у нее и стихи, так сказать, «на уровне»:

*Благодарю тебя за всё —
За интуицию, богатую сознанием,
За голубые янтари
На берегу моих мечтаний.*

Однако, если вам нужна срочная медицинская помощь по вышеозначенным болезням и нету сил ждать, обратитесь к «творчеству» самого высокопоставленного графомана — министра экономического развития А.В. Улюкаева. Он так и пишет: «Если игра эта стоит свеч, то только лишь геморройных». Вот так! Вперёд, болящие! Если вы хотите узнать об авторе побольше, обратитесь в Интернет. Вот некоторая информация оттуда. Родился поэт Улюкаев в г. Москве. Образование высшее. В 1988 г. был зав. отделом редакции журнала «Коммунист». В 1999 г. баллотировался в Госдуму как кандидат от Союза правых сил. В 1994 г. работал зам. директора Института экономических проблем переходного периода под руководством Е.Гайдара. С 2004 г. по 2013 г. — 1-й зам. председателя Центробанка, 1-й зам. министра финансов. И, наконец, в последней должности г-н министр находится с 24.06.2013 г. Кроме того, Алексей Валентинович — доктор экономических наук. То есть перед нами *интеллектуальная лирика*. Для лечения подойдёт. Послушаем:

*Нет еврея, и элина нет,
Яблоко насквозь червиво,
Но если червяк оставляет след,
Значит, мы ещё живы!*

Ничего не поняли? Я тоже. Хорошо, попробуем с другой стороны. Есть у высокопоставленного «поэта» и стихи философского, гражданского содержания, ведь в 2010 г. поэт-

---

министр был награждён орденом «За заслуги перед Отечеством». Это значимое событие повергло его на такие строки:

*Езжай, мой сын, езжай отсель,
На шарике найдёшь теперь
Немало мест, где шаг вперёд,
Необязательно пятьсот
Шагов назад, где, говорят,
Не всё всегда наоборот...
Где не всегда затычку в рот...*

И на такие (авторская пунктуация сохранена):

*Эх, dolce vita. Сладко, Витя? Что ж, Витёк
Смотри: родное пепелище,
Отсюда попросту убёг
Любой, кто не хотел быть нищим
Рванул отсюда со всех ног
А мы с тобой тут пепел ищем
Ну да, вот этот пепел нищих
Вот этот дедов магарыч
Припрятанный на случай «Ч»
Бежали побросав посуду
Брели через ветры и простуды
Брели в Москву в Москву в Москву
Как грится разгонять тоску
А разогнали жизнь впустую
Мою мелодию простую
Ты видно Витя не вполне
Ах, бес, мне скучно, скучно мне!..*

Да-а-а, «такая дурь мозги корёжит ночью»... Это из другого опуса Улюкаева.

Где же можно прочесть подобное? Не могу подобрать подходящего слова, чтобы не выражаться нецензурно... В журнале «Знамя» (гл. редактор С. Чупринин). Подозреваю, что в данном случае не редакция заплатила гонорар автору, а сам автор поддержал журнал материально! Что ж, как говорил один мой давний знакомый, правда, по другому поводу: «стыдно только в первый раз»... Теперь стало гораздо понятнее, почему у нас так неважно с экономическим развитием...

О РУССКОМ

Один человек, который в перестроечные годы купил японскую машину во Владивостоке и гнал её в Москву через всю Сибирь, вспоминал, что где-то в Читинской области его поразила картина. Он остановился отдохнуть за городом, поставил на таганок кастрюльку с супом. Откуда ни возьмись, появилась стайка мальчишек. Они не подходили к машине, а встали вдалеке и начали гонять ногами пустую банку из-под консервов. Но гоняли невесело, и вообще видно было, что не в банке дело. Не сразу его осенило, что мальчишки хотят у него попросить денег или еды, но стесняются. Он так и сказал: «Цыганские дети или кавказские мальчишки попросили бы, а русские мальчишки стесняются. Нет у них этого в крови». И я вспомнил, как соседский дедуня вспоминал голод 1946 года в Белгородской области: «Голод был большой, много людей умирало. А у нас дедушка водил пчёл, и мёд мы меняли то на мыло, то на хлеб, то на соль. Соседские мальчишки знали, что хлебушко у нас есть. А просить стеснялись. Придут, сядут на пороге, и молчат. Не

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

просят, не играют — сидят и молчат». Так я понял, что русский крик — немой. Он не настаивает на своём, а только напоминает о Боге и взывает к совести. Отвергнуть такой крик о помощи — большой грех.

* * *

Проредился и помельчал русский лес. Раньше из леса для рубки храма вывозили вековой лес: подходящими считались стволы от восьми до восемнадцати метров в длину, а в обхват — не менее полуметра. Тесаные бревна были крепости необыкновенной. Ведь старое дерево становится твердым, как железо. Долго стоял такой храм. А теперь такого леса уже нет: повырубили весь давно. Любой сельский плотник вам скажет, что чудят городские русские люди, строят свои так называемые «срубы» (дома и бани) из молодого (часто менее сорока—шестидесяти лет) леса. А ведь он мягкий, недолговечный, быстро гниет. И если есть в таком срубке бревёшки до тридцати сантиметров в диаметре, то это уже хорошо. А с лесом и мы — всё мельчаем и мельчаем, реедем и реедем...

* * *

Вся русская литература о «лишнем человеке» постоянно подчеркивала, что наш русский герой промотал свою жизнь, растратил силы. А вот философ Иван Ильин, сравнивая русский народ с народами Европы, наоборот, постоянно подчеркивает, что русский народ не растратил своих сил, сохранил свежесть и способность к историческому творчеству. После всего, что пережил русский народ в XX веке, кажется, и спорить не о чем. Какое уж тут историческое творчество: великие криминальные революции, гражданские и иные войны, репрессии, голодоморы, террор, одичание, алкоголизм, наркомания и т.д., и т.п. Все! Нет народа! Но, как ни парадоксально, скорее прав Ильин. Всё дело в том, что у европейских народов были свои, может быть, гораздо худшие испытания и искушения: сытость, колонизации чужих территорий, стремление к мировому господству, фашизм, наконец, безбожие, которое скоро доведет Европу до потери христианства и исламизации. Эти искушения оказались еще более сильными, чем страдания русского народа. Страшные испытания не оторвали русских от Бога, от Православия! А ведь виднейшие немецкие философы еще в начале XX века говорили о «свете с Востока». Не за горами время, когда Европа с неизбежностью обратит свое лицо к России — уже без ненависти, но с надеждой — как сестра-христианка.

---

* * *

Недавно по телевизору прошла информация: в каком-то московском театре ставят пьесу Тургенева «Нахлебники». И дали комментарий: аналога слову «нахлебники» нет ни в каком другом языке. Только в русском языке есть такое слово. Только русские, стало быть, знают, что такое «поесть на халяву». А ведь врут! Просто хотят привить нам комплекс неполноценности. Многие века «искатели счастья» из Европы тащутся в богатую Россию на заработки, а то и просто «на халяву». У нас долго ведь кормили за дворянскими столами только за то, что ты — иностранец. После войны 1812 года обосновался у нас целый полк французских учителей и гувернеров, которые у себя на родине сидели на козлах кучерами. А в сегодняшней Европе никого не удивит, если гости соберут в особый кулёчек положенные перед ними, но недооцененные продукты — и унесут домой. Когда европейцы продельваают это в России, — многих из наших людей это вводит в столбняк. Так что не надо врать! Лучше сказать правду о том, что только Россия осталась еще широкой хлебосольной страной, где находится место всякого рода нахлебникам.

* * *

Известный русский писатель Василий Розанов переживал за Россию. Он однажды сказал: «У нас нет совсем мечты своей родины. И на голом месте выросла космополитическая мечтательность. У греков есть она. Была у римлян. У евреев есть. У француза — «*chere France*», у англичан — «старая Англия». У немцев — «наш старый Фриц». Только у прошедшего русскую гимназию и университет — «проклятая Россия»....» Как он ошибался! Он совсем забыл про Святую Русь!

* * *

Кто-то упорно отучает наших детей от русского языка. Чтобы никому не повадно было даже подумать, что изучать родной язык легко, приятно и полезно, этот кто-то стал писать учебники по русскому языку языком совсем не русским. В особенности это относится к так называемым «коммуникативной грамматике» и «коммуникативному синтаксису». Нам-то, среднему поколению, повезло, и мы в свое время изучали просто грамматику и синтаксис. А теперь они стали зачем-то «коммуникативными», и одна студентка, делаясь своими первыми впечатлениями от нового предмета, сказала: «В общем-то можно приспособиться: та же грамматика,

---

только все время нужно учитывать, что все наоборот». Думаю, что «все наоборот» — это слишком просто и неверно, но как же нужно постараться, чтобы ввести неглупую и вполне здравомыслящую девушку в такой интеллектуальный ступор. А попробуйте разберитесь сами. Вот образчик «ученой речи»: «На наш взгляд, выделение субъектных сфер высказываний, выражающих смысл «предположения», представляется важным, так как это связано с проблемами авторизации и персуазивности. Модальность обуславливает присутствие в разной форме высказывания субъектной сферы говорящего, что влечет за собой экспликацию модусной рамки, в которой вербализуется способ соотношения высказывания с действительностью». Неужели это написано тем же языком, на котором говорил о русском языке Гончаров: «Ему учатся не по тетрадкам и книгам, в гостиной у папа и мама, а первый учитель — кормилица со своим агу, агу... и другими междометиями, потом нянька, с своими прибаутками и сказками... а затем уже обработанный, книжный, чистый или литературный язык — в образцовых писателях. Стало быть, язык, а с ним русскую жизнь, *всасывают с молоком матери* — учатся и играют в детстве по-русски, зреют, мужают и приносят пользу по-русски». А после «коммуникативного» насилия над психикой и здравым смыслом у любого ребенка опустятся руки и никогда не возникнет желание изучать язык Пушкина, Тургенева и Толстого. Просто — украли родную речь и приватизировали право ее изучать! А нам-то, грешным, куда податься? На одном научном симпозиуме по русской литературе, в котором мне пришлось участвовать, из рядов любителей запутать все простое и прекрасное псевдонаучной речью, прозвучало в накале дискуссии в сторону «простецов»: «Руки прочь от русской литературы!» Видно, настало время и для другого лозунга: «Руки прочь от русского языка!» Но ведь другого языка у нас нет...

* * *

В начале 1990-х Россия проходила искушение демократией. В Музее поэта Языкова в Симбирске мне пришлось участвовать в заседании, на котором присутствовал японский карамзинист Такаси. Один провинциальный демократ со всей прямотой обратился к японцу:

— Япония свободная страна?

Токаси долго выдерживал молчаливую паузу, потом бросил на «демократа» оценивающий взгляд и, наконец, улыбнулся:

— Свободная. Если вы богаты.

Был общий смех.

Умом Россию, точно, не понять. Писатель Борис Зайцев рассказывает, как один протестант задумал было перейти в Православие. Но так и не перешел. Россия помешала. Никак не мог он понять, почему же, если Православие — вера «правильная», Россия Православная так мучается и страдает. «Запад не менее грешен, но не рухнул... Россия сама виновата, что не справилась». Афонский отшельник ему отвечает: «Значит, так ей было положено». — «Как же положено, за что же Бог покарал ее сильнее, чем другие страны?» — «Потому что возлюбил больше. И больше послал несчастий. Чтобы дал поскорее опомниться. И покаяться. Кого возлюблю, с того и взыщу, и тому особенный дам путь, ни на чей не похожий... Россия много пережила, перестрадала, многое из земных богатств разорено, но в общем от всего этого она выигрывает». — «Как выигрывает?» — «Другого богатства много за это время дано». И вправду, лишь потом оценим, судьбами миллионов, вошедших в Царство Небесное не по заслугам, — что дано было нам в великие дни разорения и надругательства: наши мученики, страстотерпцы, наши праведники, наши исповедники-страдальцы, многотерпеливцы, наши юродивые во Христе. А какой нам самим дан великий от Бога дар — веровать, что так и будет!! Доктор-протестант ведь, бедный, ничего не понял — и ушел от великой трапезы к сухим коркам рационализма. Не вместил...

Сейчас много «православных по духу» учреждений, организаций. В каждом офисе икона. Слава Богу! Но вот недавно пришел в свое учреждение. Рядом с иконой св. Кирилла и Мефодия, на доске приказов — некролог. «Старейший работник», «скоропостижно», «церемония прощания там-то, тогда-то». Лицо на фотографии незнакомое, но хорошее. Душа потянулась хоть что-то узнать о человеке, который жил рядом, а теперь торжественно предстал на Суд Божий. Это будет с каждым из нас. Тут величаяя, торжественная тайна смерти. Но — увы! О человеке и душе его в «православном учреждении» — ни словечка! Ни даже даты рождения! Ни крестика на некрологе! Ни наших чувств к нему! Ровным счетом ничего! Жил человек, работал в «православном учреждении», делал большое по нашим временам, подвижническое дело на малой зарплате. Поклон бы ему низкий! Помяни его, Господи, во Царствии Твоем! А тут — одна голая суета дежурного объявления, наскоро повешенного среди других

приказов и распоряжений! Листочек в том же формате, что и приказы! А в «языческих» организациях, у атеистов, которых мы призваны просвещать и учить жить по-христиански, — по-своему, но помянут, преклоняются перед неосмысленной, но интуитивно страшной Тайной. И еще вспоминается эпизод из нашей истории. Святая царица-мученица Александра Феодоровна во время Первой мировой войны трудилась в госпиталях. Однажды она обратила внимание на то, что иногда на похоронах русских солдатиков, скончавшихся в госпитале, нет ни одного сопровождающего гроб. Государыня была возмущена: ведь это же человека хоронят! Она приказала, чтобы каждого солдатика хоронили с воинскими почестями. А кто же мы-то, братцы?

* * *

Для наших пращуров смерть не была самым сильным горем. Ибо это горе естественное — и, главное, спасению души не препятствует. Другое дело — отойти от православной веры или предать государя и отечество. Вот это горе. Когда у князя Одоевского умер первенец-сын, царь Алексей Михайлович его утешал: «Князь Никита Иванович! не оскорбляйся, а токмо уповай на Бога!» И совсем иначе утешал по своей доброте князя Ордина, у которого сын стал изменником родины: «Тебе... больше этой беды вперед уже не будет: больше этой беды на свете не бывает!»

* * *

Странное дело: все, кто пытался завоевать Россию, с каким-то маниакальным упорством посягали на Кремль. Наполеон хотел взорвать его в 1812 году, и лишь «случайность» не дала завершить злодейство. Еще в мае 1941 года, до начала войны с СССР, германская разведка сформировала группу, которая должна была взорвать Кремль. Откуда такое постоянство? Значит, хорошо понимают и чувствуют наши враги, что Кремль — духовное сердце России. Будут ли завоеватели Франции взрывать художественный «символ» Франции — Эйфелеву башню? Пусть себе стоит! А вот Кремль — не просто символ, а гораздо больше.

* * *

Обычно на исповеди не слышно, что говорят люди священнику. А был случай, когда я, да и все стоящие, услышали исповедь. Подошла к батюшке одна старушка. Сначала не слышно было, как она говорила с ним, но потом они оба за-

---

говорили в полный голос. Отец Сергей (так его назовем) заметно нервничал. Стали слышны его вопросы:

— Ну, может быть, вы пионеркой были или комсомолкой?

— Не была никогда.

— Мужа, может, ослушивались?

— Ну, что вы, я мужа всегда слушала.

— Может быть, с соседями ссорились?

— Зачем бы я с соседями ссорилась? Я со всеми всегда мирно живу.

— Людей обидели когда-нибудь?

— Никогда. Всю жизнь людям одно добро делала.

— Ну, может, в трамвае без билета проехали?

— Я всегда билеты беру.

— А в храм вы ходите?

— Хожу по воскресеньям и праздникам.

— Исповедуетесь, причащаетесь?

— Нет, сегодня первый раз пришла на исповедь.

— А для чего вы пришли на исповедь? В чём каетесь?

— Я причащаться хочу.

— Так вы и без причастия уже святая, вам не в чем каяться.

В ответ молчание, но с заметным достоинством. Батюшка продолжает:

— А тут все грешники собрались. У Бога помощи просят...

Сядьте на лавочку пока, подумайте.

— О чем думать?

— О том, что же вам теперь делать: с грехами в рай не берут, а без грехов тоже...

* * *

Я родился ещё при Сталине. Прожил при нём всего полгода. Моё первое и самое сильное впечатление о Сталине: владивостокские голуби на трамвайной остановке, которая называлась тогда «Гайдамак». Очевидно, в честь одного из первооткрывателей этих мест, потому что была ещё и бухта Гайдамак. Когда мне было уже лет десять, я стал захаживать подальше от дома и однажды забрёл на Гайдамак, где увидел необычайное зрелище: на крышах окружающих двух-трехэтажных деревянных домов сидело несметное количество голубей. Я не поверил своим глазам — их были тысячи. Я думал, что во всём городе нет столько голубей, а они собрались здесь в одном месте. Было часов двенадцать дня. Вдруг произошло какое-то движение — и все эти тучи голубей одновременно бросились с крыш домов — куда?

Только теперь я заметил, что среди трёхэтажек каким-то образом уцелел частный махонький домик, больше похожий

на большую будку. Именно в крохотный дворик этого домика стали разом планировать птицы. Они сразу заполнили собою весь двор, расселись на оголённых ветках деревьев, закрыли собою крышу, всю поверхность двора и все прилегающие территории. Ни пройти, ни подъехать в это время ко двору было бы невозможно. На земле шевелилась и сутилась, время от времени подлетая вверх и снова опускаясь, вся эта масса белых, сизых, чёрных и пёстрых голубей. Все они старались пробраться поближе к дворику. Время от времени движения массы как-то усиливались и возобновлялись. В воздухе стоял сплошной голубиный гомон.

Я подошёл поближе и увидел, что над голубиной массой во дворе возвышается какой-то дедок в валенках и зимней шапке, несмотря на летнее время. На его голове, на плечах, руках, на огромном алюминиевом тазу, который он держал в руках, расталкивая друг друга и постоянно меняясь, сидели голуби. Дедушка доставал из таза рукой размоченный хлеб и широко бросал вокруг себя. Новая волна движения. Я не мог оторвать глаз от непривычного зрелища. И сразу полюбил и голубей, и дедушку. Голубиная трапеза продолжалась не менее получаса. Время от времени дедушка заходил в свой домик и выносил снова полный таз размоченного хлеба.

Позже я узнал, что каждый день он ходит по окружающим точкам общепита и мешками уносит на плечах остатки хлеба, который ему отдавали работники столовых. Хлеб был тогда неправдоподобно дешёвый, и его было много. Отяжелевшие голуби потихоньку стали слетать со двора. Одни улетали куда-то, скрываясь из виду, другие снова усаживались на крыши окружающих домов, третьи оставались на ветках деревьев и начинали, нахохлившись, дремать. Наконец, все драки вокруг таза закончились, последние уже спокойно доклевывали крошки с земли. Тогда я решил подойти к дедуле. Глаза его излучали необычную доброту, а пахло от него каким-то кислым запахом: голубиным помётом и кислым хлебом. Он сам предложил мне взять голубей «на развод». Я не смел поверить своему счастью. «Выбирай», — сказал дедушка, показывая рукой на своё дремлющее стадо. Тех, которых я выбрал, он просто взял в руки — с веток, с земли: они его совершенно не боялись. Я засунул пару голубей за пазуху, под рубашку. Потом он сказал: «Я тебе ещё чисто беленьких дам, молоденьких, пошли со мной». И он повёл меня в свой пропахший голубями домишко.

Я никогда не встречал ничего подобного. Дом его был абсолютно пуст. На веранде до потолка стояли только клетки, в которых сидели голуби. Это, собственно, и были дедушкины

голуби: красивые, но не породистые. Клетки их были в основном открыты. В некоторых сидели на яйцах голуби, в других уже кормили под тонкий писк птенцов. Птицы время от времени вылетали во двор прямо в открытую дверь. Так же они расхаживали по всей веранде. Но сначала дедушка провёл меня в комнату. Она тоже была почти совершенно пуста. Единственное, что я заметил — не мог не заметить! — в маленькой комнатёнке от пола до потолка всю переднюю стенку занимал огромный портрет Сталина. Сталин был хрестоматийный: в военной шинели и фуражке. У него были густые усы, и он спокойно и зорко глядел куда-то вдаль, за пределы маленькой комнатки.

Этот портрет почему-то поразил меня ещё больше, чем голуби: я не мог и подумать, что огромные плакатные портреты, которые носят только на парадах 7 ноября и 1-го и 9-го мая перед городской трибуной, могут находиться дома, прямо у постели. С тех пор эти два поразившие меня впечатления: голуби и Сталин — всегда связаны для меня в одно целое.

Нина ЧЕРЕПЕННИКОВА,
кандидат философских наук

КНИГА НЕПРИДУМАННОЙ ЖИЗНИ

(О романе Владимира Пронского «Провинция слёз»)

В литературе перестроечного периода не так уж много повестей и романов, где главной героиней является женщина. Если она в каких-то произведениях и обнаруживается, то всё больше как отрицательный типаж (естественно, что с консервативных нравственных позиций, где понятию «консервативный» соответствует понятие «здоровый»). Это либо деловая, преуспевающая и одновременно распутная бизнесменша, либо «невинная», как «Манон Леско», содержанка нового русского, либо совершенно «отвязанная», суперлиберальная дама. Также в современных литературных опусах существует огромное количество «деловых» девушек, смекалистых в производственных делах и больших профессионалок в любовных. Одним словом: плюнуть некуда — везде они, а плеваться, читая про их происхождения, очень хочется. Вся эта ватага ведьм в юбках давно уже перекочевала в сериалы. Молодежь учится, глядя телевизор, и берёт на вооружение умение жить «продвинутых» женщин. Перечислять эти однообразно скучные «об-

КРУГ ЧТЕНИЯ

разы», провозглашающие нетленность общечеловеческих ценностей, нет желания.

Любители русской словесности, однако, ещё хранят в душах светлые облики простых, но удивительно ярких героинь романов В. Распутина — Марии и Настёны («Деньги для Марии», «Живи и помни»), несломленных и достойно заканчивающих свой век старух из повестей «Прощание с Матерой», «Последний срок». Увы, «живая литература», явившаяся нам в 60—70-е годы из русской провинции и Сибири, наречённая критиками «деревенской», взбудив наши души чистой горечью настоящих человеческих страданий, нынче стала архинеактуальной. А критику Г.Белой так уже в 70-е годы стало ясно, что «Прощание с Матерой» — это самая высокая точка в развитии «деревенской прозы» и что дальше пути нет». О ней, «деревенской прозе», всё реже и лишь иронически вспоминают либеральные критики. Её даже не пускают в школьный учебный курс отечественной литературы. «Не актуально, — говорят они, — потому что в современной действительности уже нет деревни». Получается, что прав оказался безвременно ушедший поэт Николай Мельников, написавший стихотворение «Поставьте памятник деревне на Красной площади Москвы»... Одним словом — русскую деревню списали в ушедший безвозвратно мир прошлого. Либеральные критики радуются: старые деревни вымерли и вместо них появились «деревни» новых русских.

А не поспешили ли с реквиемом по деревне ретивые мыслители? Думается, что поторопились и, как всегда, «побежали впереди паровоза». А русские писатели и не думали отречься от деревни. Вот и роман Владимира Пронского «Провинция слёз» тоже повествует о деревенской жизни, но в ней действие происходит не в далеких сибирских деревнях, как у Распутина, а в тех, до которых из Москвы рукой подать, — рязанских.

Да, быт наших русских деревень изменился круто. Можно даже сказать, поломался. Но, хотя верными и преданными деревне остаются пока пожилые люди, очень хочется верить, что молодое поколение, наконец, устанет от бешеной погони за вещами и деньгами и вернётся в родные деревни, где их корни, чтобы, трудясь в поте лица, очистить себя от городской скверны, разевшей души жителей больших городов.

Назвать героиню «Провинции слёз» современной женщиной будет неверно. Вся её жизнь протекала в прошлом веке. Много плохого видела Надёжка. На её долю выпало испытание голодом и войной... Одним словом, не обошли никакие

беды, что были уготованы судьбой русской женщине, живущей в деревне.

«Провинция слёз» начинается с предвоенного времени, когда Надёжка «заневестилась». Жених нашёлся быстро (девка не завалящая), и жизнь закрутилась: вот уже сыграна свадьба, вот муж отслужил в армии, вот один за другим пошли дети. Потянулась нелёгкая деревенская жизнь, когда молодая невестка в новой семье отвечает за всё: она и мать, и главная помощница мужикам в хозяйстве и, по существу, перекладывает на свои хрупкие женские плечи все бразды правления домом. И незаметно становится главной опорой домашнего очага, которым всегда был крепок русский дом.

Автору удалось увидеть и проследить все тонкости и нюансы на вид простой и незатейливой жизни деревенской женщины. Тонко подметить все препятствия, все тернии, кочки, видимые и невидимые окружающим, из-за которых пролито много горьких слёз молодой Надёжки. При этом автор густо ввёл в роман детали деревенского быта, который он хорошо знает. Создается впечатление, что между личностью писателя и его трилогией нет зазора. Автор как будто живёт в своих героях. Суровый быт русской деревни превращал слабых девушек в крепких замужних баб, которые в лихолетье заменяли семье кормильца-отца.

Много горестей выпало и на долю Надёжки... Потеряв мужа на войне, она безропотно перекладывает мужскую работу на свои плечи. Теперь всё на ней, включая и постаревших родителей мужа. Но так уж устроена русская женщина: трудности только формируют её характер и закаляют в тяжёлой жизненной борьбе. И всё-то у неё получается, ведь она из отчаянных: и «коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт...» Но какой великой ценой — знает только сама героиня. Да ещё автор...

И льются видимые и невидимые миру слёзы деревенских женщин.

Сюжет романа тяжёл, но он — напоминание о всех женщинах провинции, у которых на женских слабых плечах — вся Россия. Что интересно: роману не присуща публицистичность, к чему читатель уже начинает привыкать, ибо в наше время все мы очень политизированы. У героини Пронского нет времени задумываться и философствовать: её жизнь постоянно крутит и подгоняет, только успевай поворачиваться. Иначе и жить не стоит. На том стояла и, назло всем либеральным критикам, и будет стоять русская провинция.*

---

* Владимир Пронский. «Провинция слёз». Роман. «Молодая гвардия», 2015, №№ 4 — 9.

ДУША НЕИЗЪЯСНИМАЯ

(Читая роман В. Пронского «Провинция слёз»)

Господи, сколько писано-переписано об этом времени детского неприхотливого счастья, никаких полок не хватит, чтобы уставить книгами, и общими чертами так похожи воспоминания, будто списываны с одного черновика, с прежних времен утраченных исповедальных листов, но как бы явленных на небесах для зоркого взгляда и восторженной души, и каждый раз под писательской художной рукою вроде бы угасшие впечатления вдруг изливаются с какой-то новизной в подробностях, с иным чувствием в мелочах, с иным взором на мать-сыру землю, и от того картины детства, на первый взгляд как бы схожие, однако рознятся по духовной наполненности, интонации и музыке. В сущности, мы мало, худо развиваемся внутренне, какими-то скачками, когда припрет и уже невмочь дышать, и если и живет в нас что-то доброе и полезное, то оно оттуда, из детства, и почерпнуть в помощь душе мы можем лишь в той немелеющей кадце...

...Вот недавно читал роман-трилогию «Провинция слёз» Владимира Пронского о военном лихолетье. Русских вдовах-колотухах, их мужестве и самопожертвовании; Боже мой, как все сходится с моим детством, вроде бы канувшим в пучину лет впечатлениями, но волею писателя вдруг восставшими из небытия; я как бы вновь возвратился в ушедшие годы, вернее сказать, нагнал ушедший от меня поезд с нажи-

---

тым грузом, и в душе возникла печальная сумятица, постоянно позывающая к слезам; казалось бы, все другое на страницах книги — иной воздух, иная музыка грусти (простите за красоту), иные очертания природы, иной уклад, иные песни и побрехоньки, иные воздуха и дали, но в этих безыскусно вызванных из небытия образах, порою выписанных унывно и излишне подробно, я, как сквозь прозрачную воду, вижу на дне реки времени черты родного мне исконного русского насельщика, издревле обитавшего и в Сибири, и на Куршине, и в моем родном Помезенье... Сколько прекрасных черт, какое многообразие натур обнаружил Владимир Пронский в крестьянском половодье, где все вроде бы на одно каржавое лицо, изветренное лицо, сшиты на одну грубую колодку, обитают в угрюмом и затхлом военном мире, но как выпирает каждый селянин в своем горе и бедовании из серой массы своими углами, норовом, задатками, обличьем, судьбою. Вот этой пестроты русской деревни, стоящей в основе нации, которую отметил барин Тургенев, к сожалению, не смог в свое время разглядеть Бунин, охотно призатонувший в гибельной смуте либерального «ячества». Вот будто бы угодил человек ногою в развилку затонувшего в реке дерева, случайно загнал сапожок в склизлую рогатину, и порою рвется он наружу из последней силы — так хочется ему глотнуть свежего воздуха, хочется солнца, но, увы, водяной тянет обреченного назад, под глинистый крещ.

...Я помню, как народ после войны стремился сохранить в себе доброту, перемогая невольную жесточь, скупость и свару, теребящую сердце, и лишь в этой вседневной милости видел единственную возможность выжить, исполняя заповедь: «Кинь добро назад, оно очутится попереди». Окаянные пороки, что ныне немилосердно царюют в России, не извне к нам насланы вселенским колдуном, как думаем мы порою, но они из нашего нутра проскочили наружу, сорвались с цепи из темнички, где были придавлены стыдом и совестью, и сейчас выказали себя во всей дурной бесовской славе. Какая тьма разлилась тут, какая, вроде бы, непобедимая тьма вокруг! И Божье небо даже плохо видать из-за смрада... И слабые возроптали, осердясь на Бога, но не на себя: «За что нам такое наказание! Господи, за что?!» Но зато теперь мы знаем, сколько в нас беса, знаем его силу и страсть, знаем, с кем придется ратиться на будущих годах. И сейчас его нужно загнать обратно в неволю; но кто добровольно поспешит за решетку? Эта битва изнурительная меж Богом и дьяволом, и достанет в ней всем; чтобы совладать, нужен длинный кнут и железная решимость припереть беса к стене и загнать назад

в крепях, свое стойло, где ему и место... На самом-то деле ничего в человеке особенно не измельчилось, не изредилось, он остался в прежнем душевном составе, как и в древние времена, и святость та же; просто однажды возгоржались мы в своей силе, поуспокоились, наивные, не досмотрели за бесом, а вязки оказались слабы; и он, спесивый, поскочив из души, залучил обманом, воровски большую власть, стал выхаживаться и кочевряжиться, у него, анчутки, грудь колесом и, пригнетенная злодеем, совесть временно затаилась, потускнела, ушла в тень... Но не стоит, братцы, паниковать и падать со страхом на колени, безумно бия себя в лоб; ибо все повторяется, увы, ничего нового не приключается в истории человеческой; подобное уже бывало не раз даже на наших веках...

...Бог ты мой, как нынче снова несладко отечеству, ловко так подгадали бисовы дети, поймали на повороте русскую кибитку, да и снова в овраг ее. Пока барахтаемся, продирая от снега слепые очи, а уж анчутки-то в карете, попробуй, залучи их назад в крепях. И сколько снова потребуется мужества от народа, чтобы стряхнуть с горбины незваную досаду и выпрямить плечи; но откуда его взять, этого мужества, если сослепу пока не знает русское племя, куда и по какой нужде побрести надо...

Помню, в какой тягости жили после проклятой войны, изворачивались наши матери из кулька да в рогожу. Не нами сказано: «Нужда заставит и камень вместо хлеба ясти». Отцы погибли иль без вести пропали, хорошо если вернулся кто косорукий иль колченогий; казалось бы, все будущее рухнуло, не на кого опереться в туге и печали, ночами подушка ворочается, мокрая от слез, а утром спозаранку снова ухваты да корчаги, печь да стряпня, да скотина, да колхозная работа, бесконечная ломота... Откуда в душе песне взяться, откуда, в какой сердечной скрытне отыскать места для веселья и радости? А ведь плоть-то играет, дает и сердцу погудки и побудки, выговаривает вдовице, де погоди помирать преж времен, «на красную горку под грустную рябину всегда поспеешь». И ведь сыскались те усторонки, те заветные лавочки, те деревенские сходбища возле пожарного сарая иль древней ветлы, где пелось и плясалось, где горюшко великое как бы делилось на всех и теряло свою окаянную силу. Напляшешься-натопчешься до ломоты в ногах — и тоска-печаль мелет. И снова мужество заставляло жить дальше, пестовать детей. Казалось бы, своих сирот на конике возле обеденного стола как насыпано, не прокормить воронят. Но глаза ша-

---

лые отчего-то на сторону глядят, за каждую порточину невольно цепляются, шевелиться велят, и невольно грешная мыслишка скок в голову: «Бабы, не согресишь, не покаешься... Бог сам велит: «Плодитесь!» Где шестеро по лавкам, там и семь сыщет себе места. Господь всех прокормит!» И частушка с вывертом подвернется к месту или нет: «С печки дедушка упал прямо на бабуся, и бабуся родила Сашу и Марусю...» Или: «Дед бабу посадил в ладку, поливал ее водой, чтобы стала молодой». Эх, братцы... И вдруг, как ветром надуло, понесла баба под грудью, затяжелела, и никто не видал, от кого и когда. И в мыслях-то не было, чтобы скинуть, прикопать; но выносить надо и родить... Эх, Бог не выдаст, свинья не съест». «Узка дверца в рай, но каждое рожденное дитя и пальчиком поможет».

...Помню, в нашем околотке вдруг через дом, как по заказу, поскочили из пузыря «военные ребятишки», надутые ветром, «Божьи дети», и не вызывали они ни в ком ни раздражения, ни зла, никто вдовам и девкам ворота дегтем не мазал, сплетнями не пачкал; словно бы весь русский народ, затолкавший немецкого беса обратно в ступу, согласно решил исполнить Христов завет: «Плодитесь и размножайтесь!» Это был новый вызов русского мужества, который никто не смог бы остановить. Ибо бабья плоть и народная душа тогда сочтались в согласный союз.

«МЕЧ В ТЕРНОВОМ ВЕНЦЕ»

Нам хорошо известны имена и творчество поэтов Серебряного века. В литературоведении этот период русской поэзии исследован, казалось бы, более чем широко и глубоко. Однако в тот Серебряный век до недавнего времени по идеологическим и иным малопонятным причинам не включались поэты, связавшие свою судьбу с Белой гвардией.

Цель этой книги восполнить данный пробел в знании отечественной литературы и восстановить в сознании русских людей творчество прекрасных и незаслуженно забытых поэтов Белого стана. В книгу вошли пять лучших из них: Н. Тuroверов, А. Несмелов, С. Бехтеев, И. Савин и М. Колосова.

«Меч в терновом венце» — это особый Наградной знак, учрежденный в 1918 году в память легендарного 1-го Кубанского (Ледяного) похода и ставший символом всего Белого движения.

Издатель книги — Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова.

Составитель и автор вступительной статьи — Валерий Хатюшин.

Твёрдый переплёт, 464 с.

По поводу приобретения книги звонить в понедельник и четверг с 12.00 до 16.00 по тел.: 8 (495) 787-35-22.

Также книга распространяется через интернетмагазин «Политкнига». Тел.: 8 (495) 543-87-93.

Дорогие наши читатели!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на первую половину 2016 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге Роспечати подписной Индекс «МГ»: для индивидуальных подписчиков — 70544; для предприятий и организаций — 72474.